

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyta.
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiyta.mim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия
1907–1928. Максим Горький

О цинизме

..Темп жизни мира становится быстрее, ибо всё глубже в тайные недра её проникает могучая тревога весеннего пробуждения, всюду ясно чувствуется мятежный трепет – потенциальная энергия сознаёт свою творческую мощь и готовится к деянию.

Медленно, но неуклонно растёт в народе самосознание, загорается солнце социальной справедливости, и под дыханием грядущей весны заметно тает холодный и тяжкий покров лицемерия и предрассудков, бесстыдно обнажается уродливый остов современного общества – тюрьмы человеческого духа.

Миллионы глаз горят радостным огнём, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы – накануне праздника всемирного возрождения народных масс.

Придавленный к земле, окованный цепями рабьего труда, народ поднимает голову, уже видны черты его вечно юного лица.

Люди, которые знают, что народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить всё возможное – в необходимое, все мечты – в действительность, – эти люди счастливы! Ибо в них всегда было живо творческое чувство своей органической связи с народом, ныне это чувство должно вырасти, наполнив их души великой радостью и жаждой творчества новых форм для новой культуры.

Признаки возрождения человечества – ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара.

Тупые орудия процесса накопления богатств, сознательные участники насилия над волею народа, они осуждены защищать свои безнадёжные позиции и прячутся в тесную клетку своей культуры, которой называют внушённое им и умертвившее их души убеждение в том, что власть капитала – навеки законна, навсегда незыблема, они теперь даже и не рабы своего хозяина, а домашние животные его.

Рабы перерождаются в людей – вот новый смысл жизни! И потому владыки должны исчезнуть, ибо владыка только паразит раба.

Здесь нет парадокса: раб и владыка – два конца одной и той же психологической линии, раб живёт смутной мечтой о власти, владыка же – страхом за свою власть. Но когда раб понял цену свободы, почувствовал своё право на неё – он становится человеком, а человек – бесстрашен, и власть над подобными себе противна ему.

Пришло время, когда разумнее уступить силе необходимости, чем способствовать накоплению законного гнева и жестокости, которую может вызвать он...

Но было бы бесполезно рассказывать слепым от рождения об игре красок на лице моря, еще более бесполезно убеждать командиров жизни и мещанство – армию их – в том, что они враги самих себя.

Медные головы этих людей не знают иных аргументов, кроме золота и железа, свинца и других металлов, из которых скованы цепи их власти.

Жизнь растёт, и современное общество ощущает судороги почвы под ногами своими, – это ясно звучит во всей его психологии, а яснее всего видимо в общем страхе пред завтрашним днём.

Душа человека сего дня – пустыня, и он с невольным трепетом ждёт, что завтра в ней явится нечто неведомое, враждебное ему, оно встанет в душе, как сфинкс, и повелительно предложит человеку решить назревшую социальную задачу.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Предчувствуя этот роковой визит необходимости, сознавая себя мёртвым пред нею, мещанин хочет спрятаться где-нибудь, хочет заполнить чем-нибудь трясины внутри себя – ему страшно лишиться привычного покоя уюта, хотя этот покой скорее самогипноз, чем реальность.

Любимые уголки, куда прячется мещанство от жизни, давно известны ему: это – бог, метафизика и цинизм.

Но бог только для того, кто может создать его в душе своей силою веры и оживить огнём её, – в маленькой душе современного человека погасли все огни, во тьме её нет места не только богу, но даже идолу тесно.

Метафизика хороша после победы, а перед боем необходимо точное знание, метафизика не может успокоить сердца, смятённые предчувствием поражения.

Когда человек хочет узнать – он исследует, когда он хочет спрятаться от тревог жизни – он выдумывает.

Наши суровые дни не дают времени для выдумок – попытки мещанства скрыться в туманах метафизики неудачны.

Наконец, метафизика есть творчество. Как всякое деяние, она требует вдохновения и силы – любви или ненависти, а мещанство ничего не любит и не имеет силы для ненависти.

Отрицать это трудно, ибо оно само устами своих поэтов и писателей не однажды признавалось и всё чаще сознаётся в том, что переживает духовный кризис, банкротство духа. Следует сказать – агонию духа.

Средством самозащиты против напора исторической справедливости мещанство избрало цинизм.

Офицеры, участники последней войны, рассказывали, что, когда солдатам приходилось сдавать позиции врагу, они старались не только разрушить всё, что поддавалось разрушению, но загрязнить и запачкать даже землю, защищавшую их.

То же самое наблюдается в литературе и жизни наших дней, – предчувствуя близость сдачи позиции народу, будущие побеждённые усиленно стараются испачкать всё, что можно.

Разумеется, среди разрушаемого есть много старого, изжитого, всё это давно нужно бы уничтожить, – и, таким образом, мещанство выполняет часть той необходимой грязной работы, которую должны были бы выполнять победители, когда им придётся очищать место, где господа культурные люди насильствовали друг друга.

Я не утверждаю, что мещане грязнят жизнь сознательно: разврат больного ума и изношенного тела – с одной стороны – результат дегенерации и пресыщения благами жизни, с другой – выражение жуткого отчаяния, вызванного близостью общественной катастрофы.

Человек взбесился от страха, оголил в себе животное и буйно рвёт социальные путы.

Так или иначе, однако циники, разлагаясь, заметно портят воздух, и как скажешь, что в этой их работе нет смутного желания отравить победителя, привив ему все болезни своей души и тела?

Может быть, существует мысль, ещё не оформленная сознанием: «Вы победили, но – погибнете в грязи, которую мы оставим в наследство вам...»

Современный цинизм одевается разнообразно, – всего грубее и наименее умно – в чёрный плащ пессимизма.

– «Суета суёт и всяческая суета!» – бормочет мещанин мёртвые слова, романически драпируясь в лохмотья своей дряхлости.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Жизнь трепещет в жажде свободного творчества, тысячи героев свято и гордо гибнут
в борьбе за осуществление великой мечты всемирного братства – циник это знает.

– «Род приходит и снова уходит», – говорит он, спрятав лицо своё в древнюю книгу, где мятежная мысль человека пробовала силу бога, созданного ею, пробовала и горько сомневалась в силе и красоте его.

Когда видишь, что за этой навсегда красивой, гордой книгой прячется жалкая фигурка трусливого циника, прячется и тупоумно клеветает на мудрого ради оправдания лени своей или бессилия своего, – обидно за книгу.

Когда-то красивый и круглый, созданный любовью и гневом искренних людей, теперь пессимизм изжёван болтунами, испачкан слюною мещан, захватан их грязными пальцами и превратился в бесформенное месиво избитых пошлостей – их стыдно слушать.

– Мы никогда ничего не узнаем, мы не можем разгадать тайны, окружающие жизнь, – говорят циники и погружаются в болото разнужданности.

Но когда циники слышат, что кто-то, неустанно исследуя тайны жизни, обогатил мысль человечества новой догадкой, придал работе изучения природы новую энергию, – это их, видимо, раздражает.

– Все ваши усилия бесполезны, вы ничего не знаете, ваш познавательный аппарат навсегда несовершенен, – почему-то волнуясь, сердито доказывают они.

Здесь циник похож на кривого нищего, который сказал кузнецу, назвавшему его кривым:

– «А ты тоже урод – у тебя два глаза!..»

– Стоит ли жить? – спрашивает циник.

Затем он приводит массу доказательств в стихах и в прозе в пользу того, что жить не стоит, и – живёт долго, охотно, сытно и спокойно.

Ибо, если уж решено, что жить не стоит, тем менее следует делать что-нибудь для ускорения хода жизни, для роста милой красоты и простой, светлой правды её. Можно только просто жить, просто сосать чужие соки, наделать кучу ошибок, защищая своё личное бытие и собственность – главное, собственность! – укрепить старые предрассудки, создать несколько новых, развращать женщин, насорить везде, напачкать, затем в холодном ужасе пред неизбежностью слить пустоту своей души с пустотой вечности, долго умирать в трусливых судорогах, в жалких криках и, наконец, очистить землю от своего присутствия на поверхности её, оставив в наследство народу ещё более осложнённую своим участием тяжкую путаницу клейких лжей, мёртвых слов, дрянных предубеждений и кучу прочего хлама.

– Стоит ли жить человечеству? – спрашивает циник и, хватая отовсюду искалеченные им мысли, быстро решает, опираясь на кости мёртвых:

– Нет...

Это несколько преждевременное решение вопроса – он может быть решён так или иначе лишь тогда, когда вся масса белых, жёлтых и чёрных людей познает все блага жизни, испытает все наслаждения духа и тела, рассмотрит всю гигантскую работу человечества за века его бытия, поймёт всю силу любви, страданий и подвигов прошлого, оценит все великие заветы своих предков, равномерно разделит между всеми и каждым весь неизмеримый опыт их.

Может быть, тогда люди единогласно постановят взорвать земной шар – это их право.

Но когда паразиты на теле немого великана решают вопрос о ценности бытия его – это противно и смешно, это – цинизм!

Человек почти всё своё может сделать красивым, некогда он и цинизм свой показывал миру в очертаниях ярких, сильных, но цинизм наших дней удивительно

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma уродлив и пошл.

Ироды трепещут за власть свою, зная, что родилась новая религия, они спешат истребить всех верующих в возможность царствия человеческого на земле, которую Ироды привыкли считать навеки царством мерзости своей.

Смерть глотает тысячи жертв, погибают люди, наиболее нужные для целей жизни, ибо гибнут верующие. Об этом истреблении людей можно говорить только с гневом, только с отвращением или же, памятуя, что народ бессмертен, мужественно молчать; здесь нет места стонам и жалость так же оскорбительна, как необходима месть.

Но в убийствах не смерть виновата, а безумие тех, кто озверел от страха.

Когда же смерть законно является во время своё, когда она просто и спокойно приходит убрать с дороги жизни ветхое, отжившее, уже полумёртвое, – что, кроме благодарности, можно питать к ней?

Может быть, иногда она заслуживает осуждения, ибо порою невнимательна к делу своему – многие люди живут слишком долго, видимо, забывая, что мудрый должен умереть вовремя.

Но всё здоровое и простое чуждо циникам, и они, конечно, не могут представить себе, как отвратительна была бы жизнь, будь мещанство бессмертно.

Страх жизни понуждает их много говорить и думать о смерти, они усердно лижут её кости трусливыми языками и, точно нищие, просят у неё милостыню внимания к ним. В суждениях о ней у них всегда звучит нечто холопское, как будто лакей, боясь, что госпожа уличит его в краже сахара, заранее старается смягчить гнев её грубою лестью.

Смерти боятся, и, вероятно, боятся искренно; должно быть, день и ночь мещане носят в себе тяжкий гнёт жуткого ужаса пред нею и слагают в честь её лживые гимны, осыпают скелет её бумажными цветами своей холодной фантазии, кланяются ей и ползают у ног, не смея взглянуть в спокойное и мудрое лицо, бормочут о великой силе и мрачной красоте смерти, но представляют себе лик её безобразным.

Смерть с презрением отвёртывается от них – она, должно быть, брезглива, судя по тому, как долго не прекращает противные страдания поражённых сифилисом, проказою, прогрессивным параличом и не обрывает тягучую, липкую нить жизни пошляков.

У циников есть страх пред смертью, но – ещё больше игры с нею, всё той же игры в прятки с жизнью.

Жизнь требует от человека деяний, подвигов, силы, красоты – циники говорят:

– Нет жизни, есть только смерть...

Нет идеалов, нет воли создать их, но осталась жива рабья привычка опускаться на колени, она создаёт идолов, и в молитвах им циники удобно прячутся...

Иногда, притворяясь искренно страдающим, циник стонет:

– «Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю!..»

Лжёт! Должен сказать:

«Я пожрал от всего, что мне казалось сладким, и отравлен пресыщением».

«Жизнь и смерть – две верные подруги, две сестры родные, времени бессмертного бессмертные дочери». Одна вся в солнечных лучах, окрылённая чудесными и тайными мечтами, вечно горит пламенем творчества, безумно щедрая, всегда влюблённая. Другая – рядом – задумчивая, скромная, вся белая и гордо чистая, величественно строгая, с глубокими глазами цвета ясных небес летнего вечера, и в глазах её тихо мерцает добрая дума о жизни, мягкая улыбка трудам её.

Жизнь неустанно сеет по земле семена свои, и всё трепещет радостью на путях её, растёт, цветёт разнообразно, ярко, поёт и смеётся, опьянённое солнцем. Но,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
творя, жизнь ищет, она хочет создавать только великое, крепкое, вечное и, когда
видит избыток мелкого, обилие слабого, говорит сестре своей:

– Сильная, помоги! Это – смертное.

Смерть покорно служит делу жизни...

Цинизм является перед людьми в пёстрых одеждах «новой красоты».

– «Мера жизни – красота!» – возглашает циник чужие слова, глубокий смысл которых враждебен цинизму.

Вокруг уродливые дети выродившегося мещанства, дети без крови в жилах, полубольные женщины, в которых умерло чувство красоты, изнурённые развратом юноши, разбитые ревматизмом, искалеченные подагрой, полоумные старики...

На улицах – живые памятники творчества мещан: безголовые хулиганы – их дети, гнилые проститутки – их жертвы, – красота!

И отовсюду смотрят полуслепые, гнойные глаза нищеты, везде развеваются её заразные лохмотья, со всех сторон тянутся за милостыней тысячи грязных, костлявых рук, – какая красота!

В хаосе полумёртвого от голода тела, в чёрном вихре рубищ вертится обожжённый развратом и болезнями циник, с бессильными мускулами, с размягчёнными костями, с безумной, предсмертной жаждой острых наслаждений и тусклыми глазами на жёлтом лице под голым черепом, это – «новая красота»?

Он ходит по городам, как мародёр по полю битвы, как вор по кладбищу, и говорит:

– Служу красоте!

И становится на колени перед кучей пёстрых пустыков, прячется от безобразия окружающего за груды жалких выдумок, – тут рисуночки, игрушечки, статуэточки, изящные книжечки – маленькие плоды напряжённого труда мелких душ. Вся эта мелочь, сделанная наскоро, в виду сильного спроса, заполняет комнаты и души циников, ослепляя глаза пестротой красок, оглушая звоном пустых фраз, приятно раздражая тупые нервы своей пряностью, и за нею тихо исчезают, становятся неясными образы великих творцов вечной красоты. Гаснут святые гимны поэтов прошлого, забываются их имена, заглушённые громким базарным шумом жрецов «нового искусства», покорнейших слуг мещанства.

– Новая красота, – говорят циники, углубляясь в созерцание мелочей и стараясь забыть, что красота бессмертная – в любви, а не в похоти, в деянии, а не в покое, в росте духа человеческого, в воплощении мечты.

Раскололи мещане маленькие души свои на мелкие куски и всё более раскалывают их и – живут в розницу, пленённые крошечными забавами своими.

А вокруг них всё более часто, всё более обильно и всюду льётся яркая кровь того гиганта-поэта, который создал всех богов и Прометея, Мойру и птицу Феникс, Христа и Сатану, Фауста и Агасфера, тысячи сказок, саг, легенд, песен. Льётся кровь того, кто и доныне не превзойдён в творчестве.

Мы называли бессмертными тех, кто умел красиво и просто пересказать нам великие творения народа, а народ – первейшего творца красоты по силе и по времени, – народ низвели на степень орудия нашей жадности, ограбили силу его, исказили бессмертную душу – и теперь циники говорят:

– Груб он и глуп, народ; жесток и развратен!

Справедливо сказано, что в чужой стране каждый видит только то, что приносит в себе самом!

Говоря так о народе, циники представляют себе ту массу дегенератов, которых они же расплодили в жизни и которые социально более близки им, психологически более понятны, чем народ, далёкий от них, непостижимый для них к своей глубоко скрытой

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
целомудренной духовной жизни...

Народ мог бы ответить циникам словами Иова: «Сколько знаете вы – знаю и я не хуже вас. Но я хотел бы ко вседержителю говорить, я хочу состязаться с богом!»

Вот теперь он снова начинает сознавать силы свои и своё право на свободу, он поднимается с земли, рвёт путы свои, а циники прячут головы перед лицом его и, косноязычные от страха, говорят друг другу:

– Идут варвары... культуре грозит гибель... наша культура!

Всё это – ложь и клевета, это цинизм и только!

Разве культура – ваша любовь и страсть, разве она – ваша религия, разве она священна для вас?

Смотрите – народ жаждет культуры, это за обладание ею борется он, а – где вы?

Вы или прячетесь от участия в борьбе за возрождение и свободу духа, или идёте вместе с явными врагами народа против культуры.

Лжёте вы, говоря, что любите её, ничего вы не любите и даже самих себя не умеете любить.

Все вы родились голыми и так живёте, и нет лжи, которая скрыла бы безобразие наготы вашей.

Лучше бы родиться вам честными или не рождаться совсем, не осквернять бы прекрасную трагедию жизни своим жалким вмешательством!

И не говорить бы вам о красоте, ибо вы можете изнасиловать, но бессильны оплодотворить!

Свобода любит красоту, а красота – свободу.

Но – разве вы свободны?

И разве – красивы?

Цинизм прикрывается и свободой – исканием полной свободы, – это наиболее подлая маска его.

Литература, устами наиболее талантливых писателей, единогласно свидетельствует, что, когда мещанин, устремляясь к полной свободе, обнажает своё «я», – перед современным обществом встаёт животное.

Очевидно, это явление неизбежное и независимое от воли авторов. Их усилия почтенны и ясны – им хочется дать поучительный образ человека, совершенно свободного от предрассудков и традиций, связующих мещан в целое, в общество, стесняющее рост личности, им хочется создать «положительный тип», героя, который берёт от жизни всё и ничего не даёт ей.

Герой, являясь на страницах романа, более или менее остроумно доказывает своё право быть тем, что он есть, совершает ряд подвигов ради самоосвобождения из плена социальных чувств и мыслей, и если окружающие персонажи вовремя не задушат его или он сам не убьёт себя, то в конце книги непременно является перед читателем из мещан как новорождённый поросёнок, – как поросёнок – это в лучшем случае.

Читатель хмурится, читатель недоволен. Там, где есть «моё», непременно должно существовать совершенно автономное «я», но читатель видит, что полная свобода одного «я» необходимо требует рабства всех других местоимений, – старая истина, которую каждый усиленно старается забыть.

Мещанин слишком часто видит это, ибо в практике жизни, в ежедневной свирепой борьбе за удобное существование человек становится всё более жестоким и страшным, всё менее человеческим.

А в то же время такие звери необходимы для защиты пресвятой и благословенной собственности.

Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское «я»; мещанин зовёт героя на помощь себе – приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадура.

А для этого монстра, призванного на защиту священного права частной собственности, не существует священных прав человеческой личности, да и на самую частную собственность он смотрит глазами завоевателя.

С одной стороны – многоглавая красная гидра, с другой – огненный дракон разверз ненасытную пасть, а посреди них распутно мечется маленький человек со своей нищенской собственностью.

И, хотя она для него – кандалы каторжника, ярмо раба, – он её любит, он ей верно служит и всегда готов защищать целостность и власть её всей силой лжи и хитрости, на какую способен, всегда готов оправдывать бытие её всеми средствами от бога и философии до тюрьмы и штыков!

Но это мало помогает, и, чувствуя близость конца своего, в отчаянии, может быть, бессознательном, скромный мещанин превращается в циника воинствующего.

– Так поживу же я как хочу!

Начинает жить как может. Потому что – животное социальное – он обладает «памятью вида», многообразным наслоением общественных инстинктов, смутным чувством своей связи с людьми, которое он иногда называет совестью или стыдом и которое всегда мешает ему жить так откровенно гнусно, как он хотел бы.

Для того чтобы на закате дней бытия свободно проявить все желания своей изъязвленной души, все похоти и пороки истрёпанного тела, он, понуждаемый совестью, находит необходимым прикрывать свои безобразия вуалью некоторых высших соображений.

– Ищу последней свободы! – торжественно возвещает он, проповедуя и демонстрируя однополую любовь.

А насилуя мальчиков, провозглашает возрождение эллинской красоты и философствует на тему о том, что природа создала женщину, преследуя свои цели, но её цели – узы и цепи для человека, а потому...

– Долой узы!

Но не брезгает и женщиной, развращает и её по мере сил своих.

Женщина же всё ещё не может сбросить с плеч своих тяжкий гипноз истории, не убила в крови воспоминания о былом рабстве.

Природа наделила человека половым инстинктом, а женщина создала любовь, но она, видимо, не помнит об этом, её уважение к себе самой всё ещё слишком слабо против атавистических переживаний рабыни.

Циники знают это и умеют пользоваться этим, они сулят неизведанное, обещают открыть в любви величайшие тайны, говорят о свободе и ещё о свободе и иллюзиями, которые она любит так же страстно, как блестящие безделушки, успешно и легко заманивают в грязную тьму извращений своей похоти.

Непобедимо сильная способностью любить, всегда охваченная стремлением почувствовать любовь ещё более глубокой и прекрасной, она легко поддаётся острым раздражениям циников и, когда ей подносят яд в красивой чаше, пьёт его охотно.

Деятельность циников всего энергичнее протекает в области половых отношений – разврат не требует много силы. В этой области они работают успешно и – как это известно – достигают больших результатов, о чём, между прочим, свидетельствует

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma «Militarische-Politische Korrespondenz», сообщая, что «во многих гвардейских германских полках вводится в качестве учебного предмета просвещение рекрутов насчёт опасности и соблазнов, связанных с гомосексуальными извращениями». Разве это не успех?

«Я погибаю, но – перед гибелью моей изгажу всё, что успею изгадить!»

Повторяю, может быть, циники не думают столь определённо, но, оскверняя жизнь так усердно, всюду, где могут, они невольно заставляют наблюдателя объяснять себе их гадости не только желанием наслаждений, но и намерением испортить всё, что поддаётся порче.

Я не моралист, и если бы вся эта анархия дрянных инстинктов и больного духа, вся эта гниль и грязь не выходила за пределы общества мещан, она была бы для меня только процессом самоистребления в среде тех, кто не нужен и враждебен жизни.

Но буря животной распущенности, мятеж обезумевших может захлестнуть своей волной драгоценнейшее в жизни – часть того юношества, которое растёт и поднимается к вершинам духа из почвы его, из глубин народа.

Вот почему берёшь на себя противную задачу посильно осветить тот процесс разложения человека, который льстецы именуют психологией современного культурного общества.

Иногда циник гордо заявляет:

– Я хочу достичь духовной цельности, я стремлюсь к совершенству...

Он лжёт, конечно, но ему могут поверить, ибо мечта о цельности духовной – красивая мечта.

Но под маркой индивидуализма предлагается всё тот же более или менее ловко подделанный социальный цинизм.

Представим себе цельного человека как существо, в котором все здоровые свойства его психофизики развиваются гармонично, не противореча одно другому.

Возможен ли подобный человек в условиях битвы за сытость? Рост каждого «я» необходимо ограничен затратой всех сил на приобретение и охрану собственности.

В борьбе за целостность её можно сделать своё «я» только более узким, специализировать его на изобретение военных хитростей, принизить гордость свою, но не развить её, отдать себя в плен жадности, зависти, злобы, но не вырваться на свободу.

Для достижения даже маленьких удобств человек должен делать большие подлости, и только в подлостях он достигает совершенства.

Циники не очень глупы: они знают, что о современных условиях битвы всех со всеми человек дробится на куски, хочет он этого или нет.

Им известно, что духовная цельность невозможна и гармонизация своего «я» недостижима у человека, – нет для этого ни времени, ни места.

Но они всё-таки зовут, заманивают и толкают в эту сторону, – один из приёмов их борьбы с неизбежным.

– Свобода – там! – говорят они и указывают место около себя и, может быть, сбивая людей с прямого пути, количественно растут.

Свобода всегда впереди и всегда – далеко!

Истинный индивидуализм в будущем, он – за социализмом, он не может быть достигнут человеком наших дней, и он – не по фигуре ему, как рыцарские латы не по фигуре горбуну.

Не «я», но – «мы» – вот начало освобождения личности! До поры, пока будет

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
существовать нечто «моё», – «я» не вырвется из крепких лап этого чудовища, не вырвется, пока не почерпнёт в народе столько силы, сколько надо, чтобы сказать всему миру:

«Ты – мой!»

Тогда, наконец, человек почувствует себя воплощением всего богатства, всей красоты мира, всего опыта человечества и равным духовно всем братьям своим!

Личность целостная возможна лишь тогда, когда исчезнут герои и не будет толпы, когда явятся люди, связанные друг с другом чувством взаимного уважения.

Это чувство должно возникнуть из воспоминаний о великой коллективной работе, которую народ совершил в прошлом ради своего возрождения, это чувство должно возникнуть из воспоминаний о великой коллективной работе, которую народ совершил в прошлом ради своего возрождения, это чувство должно укрепиться сознанием единства опыта у каждого со всеми и солидарности задач всех и каждого.

А со временем это чувство уважения человека к человеку претворится в религию, ибо религией человечества должна быть прекрасная и трагическая история его подвигов и страданий в бесконечной, грандиозной борьбе за свободу духа и за власть над силами природы!

Письмо А. Галлену
Дорогой мой, мой любимый Галлен!

Мне грустно и обидно писать к тебе в момент, когда твоя страна снова ждёт чёрных дней, снова ждёт нападения врагов из Петербурга.

На место Бобрикова к вам едет глупый и жестокий Каульбарс – человек, руки которого по плечи в крови жителей Одессы. И снова твой край, который и я люблю крепкою любовью, милая мне, умная Финляндия, почувствует на своей шее тяжёлую руку варвара, услышит грозные окрики невежды и раба, опьянённого властью.

Мне тяжело думать об этом.

Я хотел бы для твоей страны долгих и спокойных дней мирного роста, я верю в её духовные силы, люблю её людей, её природу, я знаю, что она – маленькая, но сильная – способна уйти и уже ушла дальше многих по дороге к осуществлению истинно демократической свободы.

Но, дорогой мой друг, мне кажется, вы, финны, немного виноваты и сами в том, что ожидает вас, – не обижайся!

Дело в том, что, если ты живёшь в соседстве с человеком жадным, нравственно тупым и подлым, ты должен знать, что этот человек всегда твой враг и – как бы мягко он ни говорил – он лжёт, что бы он тебе ни обещал – обманет, негодяй!

Русское правительство всегда было, а теперь особенно, по духу своему – антикультурно, во главе его стоят люди, которых мы с тобой даже и в добрый час не назовём порядочными людьми. Это тупые обжоры и сифилитики из дома Романовых, разорившие и опозорившие Россию, это генералы из остзейских немцев – их лакеи, готовые на всё вплоть до убийств тысяч людей и ограбления целых стран, всё это – невежды, воры, варвары, скорее полуживотные, чем люди. Их идеал один – жрать, их наслаждение – власть над людьми, болезненное сладострастное упоение мучениями, жестокостью, кровью.

Если они люди, – в этом, ты знаешь, мы можем сомневаться, – но если они люди – они больные, они садисты, безумные, их необходимо или лечить или уничтожить, как уничтожают бешеных волков, собак, свиней.

С ними нельзя говорить человеческим языком, ибо не понимают они его, несомненно. Они не знают, что такое культура, искусство, религия. Если они верят в существование бога, то лишь потому, что боятся апоплексии, возмездия за своё обжорство, боятся смерти.

Я не преувеличиваю, это моё искреннее мнение о представителях русской власти, и, чтобы подкрепить его, мне легко найти тысячи самых уродливых, самых

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
отвратительных фактов, – ты это знаешь.

Правительство Финляндии однажды позабыло, с кем оно имеет дело, – вот его ошибка, как я думаю. Правительство Финляндии всегда должно было идти навстречу желаниям своего народа, ему следовало всячески заботиться об организации отпора на случай возможного нападения со стороны русского правительства, а не заигрывать, не любезничать с этим правительством, как это было допущено финляндским сенатом не однажды. Правительство Финляндии и её зажиточные классы слишком испугались законных желаний своего рабочего народа и позабыли, что во дни борьбы за свободу страны только народ способен бороться за неё. Они испугались социализма. Грустная ошибка!

Социализм – далеко, он не для всех ясен и только потому кажется для многих враждебным. Но, когда он подойдёт ближе, мы увидим, что это друг, который идёт освободить всех, он несёт с собою свободу каждому, – только он может осчастливить нас полной независимостью, и внешней и внутренней.

Вы, финны, забыли также и то, что в России единственный истинно культурный элемент – её революционеры, её крайние партии. Только они стоят в непосредственной близости к массе русского народа, и только они знают цену свободы, цену культуры.

Лишь одни только крайние партии способны внушить – и внушают – массе русского народа и солдатам, детям её, уважение к политической независимости Финляндии и всякой иной страны.

И потому Финляндия в интересах своей свободы, своей культуры должна была идти рядом с революционерами России – это ясно, как звёзды. Не надо было забывать, что враг финна не русский, а враг русского – дом Романовых.

Дорогой Галлен! Я никого не упрекаю и не осуждаю – это бесполезное занятие, ибо прошлое мы можем исправить только в будущем. Мне только хочется сказать, что люди, желающие свободы, должны более зорко, более глубоко смотреть вперёд по пути к свободе.

Мне хочется также думать, что дорогая душе моей Финляндия теперь, пред опасностью, угрожающей ей, сомкнётся во единое целое без различия партий и мнений и вся, всей своей силой встанет против врага, единодушно защищая свою культуру, свою свободу.

Я пишу к тебе ещё и потому, что для меня художник всегда был и есть лучший сын своего края, наиболее горячо и разумно любящий его.

Он больше, чем кто-либо, знает, что без свободы – нет культуры, нет искусства, и во дни несчастий своей страны – он должен будить её героический дух, её сердце и ум.

Финляндия должна быть свободной страной – она умеет прекрасно пользоваться свободой!

Но в ней должна прекратиться внутренняя рознь, разъединяющая её на враждебные друг другу классы, и я думаю – финны это поймут.

И да исчезнет страх перед социализмом в душе финна! Ибо на той высоте демократизации общества, которой достигла Финляндия, следующей ступенью вверх будет именно – социализм, полное освобождение личности от гнева и предрассудков!

Да здравствует вся Финляндия, и да здравствуют все честные финны!

Обнимаю тебя, дорогой Галлен, и почтительно кланяюсь твоей супруге, целую Иорму и Карстен. Жена моя шлёт вам всем свою дружбу и любовь.

P.S. Прилагаю статью мою – она на днях появится в газетах Англии, Италии и Франции.

Письмо в редакцию

В настоящее время предпринимается ряд коллективных работ по истории общественных
Страница 10

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
движений в России за последние годы. Для успешного выполнения этих работ
необходим огромный материал, который может быть добыт только на местах.
Обращаюсь поэтому ко всем сочувствующим этому предприятию с настоятельной
просьбой помочь собиранием и присылкой по нижеуказанному адресу всевозможных
материалов, имеющих прямое или косвенное отношение к истории последних лет.
Необходимы материалы, охватывающие эту историю в её целом и характеризующие все
действовавшие или действующие в настоящее время течения, группы и партии, то
есть включая и крайние правые. Особенно необходимы комплекты всевозможных
местных изданий, в частности ежедневных газет. Когда материалы будут
использованы для вышеуказанных работ, они целиком поступят в общественное
пользование.

[«Придите на помощь Италии!»]

...Я не хочу говорить о сострадании. Я хочу напомнить о необходимости доказать
стране, которую постигло великое несчастье, что все мы обязаны помочь ей в день
тяжёлого горя, – ей, давшей миру столько дивных образов красоты, ума, любви. Эта
дивная страна особенно заслуживает помощи русских – здесь после 1905 года
относятся к нам с трогательной, изумляющей симпатией, что подтвердят все
русские: студенты университетов Италии, эмигранты, путешественники. Надо
вспомнить, что пред лицом стихийных сил нет русских, нет итальянцев, есть только
люди, пока ещё одинаково слабые в борьбе с тем грозным, что не побеждено ими
лишь потому, как надо верить, что запас духовной энергии в мире тратится на
борьбу человека с человеком, а не со стихией, враждебной людям и, порою, как бы
мстящей за победы, одержанные над нею разумом. К разуму тех, кто любит людей, к
сердцу тех, кто верит в прекрасное будущее мира, я и обращаюсь – придите на
помощь Италии!

Разрушение личности

Народ – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и
неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и
гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все
трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры.

Во дни своего детства, руководимый инстинктом самосохранения, голыми руками
борясь с природой, в страхе, удивлении и восторге пред нею, он творит религию,
которая была его поэзией и заключала в себе всю сумму его знаний о силах
природы, весь опыт, полученный им в столкновениях с враждебными энергиями вне
его. Первые победы над природой вызвали в нём ощущение своей устойчивости,
гордости собою, желание новых побед и побудили к созданию героического эпоса,
который стал вместительным знанием народа о себе и требований к себе самому. Затем
миф и эпос сливались воедино, ибо народ, создавая эпическую личность, наделял её
всей мощью коллективной психики и ставил против богов или рядом с ними.

В мифе и эпосе, как и в языке, главном деятеле эпохи, определённо сказывается
коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека.
«Язык, – говорит Ф.Буслаев, – был существенной составной частью той нераздельной
деятельности, в котором каждое лицо хотя и принимает живое участие, но не
выступает ещё из сплочённой массы целого народа».

Что образование и построение языка – процесс коллективный, это неопровержимо
установлено и лингвистикой и историей культуры. Только гигантской силой
коллектива возможно объяснить непревзойдённую и по сей день глубокую красоту
мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой. Гармония эта, в
свою очередь, вызвана к жизни целостностью коллективного мышления, в процессе
коего внешняя форма была существенной частью эпической мысли, слово всегда
являлось символом, то есть речение возбуждало в фантазии народа ряд живых
образов и представлений, в которые он облекал свои понятия. Примером
первобытного сочетания впечатлений является крылатый образ ветра: невидимое
движение воздуха олицетворено видимой быстротой полёта птицы; далее легко было
сказать: «Реуть стрели яко птици». Ветер у славян – стри, бог ветра – Стрибог,
от этого корня стрела, стрежень (главное и наиболее быстрое течение реки) и все
слова, означающие движение: встреча, струг, сринуть, рыскать и т. д. Только при
условии сплошного мышления всего народа возможно создать столь широкие
обобщения, гениальные символы, каковы Прометей, Сатана, Геракл, Святогор, Илья,
Микула и сотни других гигантских обобщений жизненного опыта народа. Мощь
коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен
веков индивидуальное творчество не создало ничего равного «Илиаде» или
«Калевале» и что индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах.

Мы ещё не имеем достаточного количества данных для суждения о творческой работе коллектива – о технике создания героя, но, мне кажется, объединяя наши знания по вопросу, дополняя их догадками, мы уже можем, приблизительно, очертить этот процесс.

Возьмём род в его непрерывной борьбе за жизнь. Небольшая группа людей, окружённая отовсюду непонятными и часто враждебными явлениями природы, живёт тесно, в постоянном общении друг с другом; внутренняя жизнь каждого её члена открыта наблюдениям всех, его ощущения, мысли, догадки становятся достоянием всей группы. Каждый член группы инстинктивно стремился высказаться о себе до конца, – это внушалось ему ощущением ничтожества своих сил перед лицом грозных сил зверя и леса, моря и неба, ночи и солнца, это вызывалось и видениями во сне и странную жизнью дневных и ночных теней. Таким образом, личный опыт немедленно вливался в запас коллективного, весь коллективный опыт становился достоянием каждого члена группы.

Единица представляла собой воплощение части физических сил группы и всех её знаний – всей психической энергии. Единица – исчезает, убитая зверем, молнией, задавленная упавшим деревом, камнем, поглощённая чарусой болота или волной реки, – все эти случаи воспринимаются группой как проявление разных сил, которые враждебно подстерегают человека на всех его путях. Это вызывает в группе печаль об утрате части своей физической энергии, опасение новых потерь, желание оградить себя от них, противопоставить силе смерти всю силу сопротивления коллектива и естественное желание борьбы с нею, мести ей. Вызванные убылью физической силы переживания коллектива слагались во единое, бессознательное, но необходимое и напряжённое желание – заместить убыль, воскресить отошедшего, оставить его в своей среде. И на тризне по родном человеке род впервые создавал в своей среде личность; ободряя себя и как бы угрожая кому-то, он, род, соединял с этой личностью всю свою ловкость, силу, ум и все качества, делавшие единицу и группу более устойчивой, более мощной. Возможно, что каждый член рода в этот момент вспоминал какой-либо свой личный подвиг, свою удачную мысль, догадку, но, не ощущая своё «я» как некое бытие вне коллектива, присоединял всё содержание этого «я», всю энергию его к образу погибшего, и вот над родом возвышается герой, вместилище всей энергии племени, уже воплощённой в деяниях, отражение всей духовной силы рода. В этот момент должна была создаваться совершенно особенная психическая среда: возникала воля к творчеству, превращавшая смерть в жизнь. Все воли, направленные с одинаковой силой на воспоминание о погибшем, делали это воспоминание центром своего пресечения, и, может быть, коллектив даже ощущал присутствие в своей среде героя, только что созданного им. Мне думается, что на этой стадии развития явилось понятие «он», но ещё не могло сложиться «я», ибо коллектив не имел в нём нужды.

Роды объединялись в племена – образы героев сливались в образ племенного героя, и возможно, что двенадцать подвигов Геркулеса знаменуют собой союз двенадцати родов.

Создав героя, любясь и гордясь его мощью и красотой, народ необходимо должен был внести его в среду богов – противопоставить свою организованную энергию многочисленности сил природы, взаимно враждебных самим себе и человечеству. Спор человека с богами вызывает к жизни грандиозный образ Прометея, – гения человечества, и здесь народное творчество гордо возносится на высоту величайшего символа веры, в этом образе народ вскрывает свои великие цели и сознание своего равенства богам.

По мере размножения людей возникает борьба родов, рядом с коллективом «мы» встаёт коллектив «они» – и в борьбе между ними возникает «я». Процесс образования «я» аналогичен процессу образования эпического героя, – коллектив нуждался в образовании личности, потому что должен был разделить в себе функции борьбы с «ними» и с природой, должен был вступить на путь специализации, делить свой опыт между членами своими, – этот момент был началом дробления целостной энергии коллектива. Но, выдвигая из среды своей личность в качестве вождя или жреца, коллектив насыщал её своим опытом точно так же, как в образ героя влагал массу своей психики. Воспитание вождя и жреца должно было иметь характер внушения, гипноза личности, обречённой на выполнение руководящей функции; но, творя личность, коллектив не нарушал в себе органического сознания единства

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma своих сил, – процесс разрушения этого сознания совершился в психике индивидуальной. Когда личность, выделенная коллективом, встала впереди него, в стороне от него и, затем, над ним, – первое время она, трудясь, выполняла возложенную на неё функцию как орган коллектива, но далее, развив свою ловкость и проявив личную инициативу в тех или иных новых комбинациях данного ей материала коллективного опыта, создала себя как новую творческую силу, независимую от духовных сил коллектива.

Этот момент является началом расцвета личности, а это её новое самосознание – началом драмы индивидуализма.

Стоя впереди коллектива, жадно наслаждаясь ощущением своей силы, видя своё значение, личность первое время не могла ощущать пустоты вокруг себя, ибо психическая энергия родной среды продолжала передаваться ей из коллектива. Он видел в её росте доказательство своей силы, продолжал насыщать своей энергией ещё не враждебное ему «я», искренно любовался блеском ума, обилием способностей вождя и венчал его венцами славы. Пред вождём стояли образы эпических героев племени, возбуждая его к равенству с ними, коллектив в лице вождя чувствовал возможность создать нового героя, и эта возможность была жизненно важна ему, ибо слава подвигов данного племени была в ту пору столь же крепкой обороной от врага, как мечи и стены городов.

«Я» вначале не теряло ощущения своей связи с коллективом, оно чувствовало себя вместилищем опыта племени и, организуя этот опыт в форму идей, ускоряло процесс накопления и развития новых сил.

Но, имея в памяти образы героев, вкусив сладость власти над людьми, личность стала стремиться к закреплению за собой данных ей прав. Она могла это делать, лишь превращая созданное и сменяющееся в незабываемое, выдвинувшие её формы жизни – в непоколебимый закон; других путей к самоутверждению у неё не было.

Поэтому мне кажется, что в области духовного творчества личность играла консервативную роль: утверждая и отстаивая свои права, она должна была ставить пределы творчеству коллектива, она суживала его задачи и тем искажала их.

Коллектив не ищет бессмертия, он его имеет, личность же, утверждая свою позицию владыки людей, необходимо должна была воспитать в себе жажду вечного бытия.

Народ, как всегда, стихийно творил, побуждаемый стремлением своим к синтезу – к победе над природой, личность же, утверждая единобожие, утверждала свой авторитет, своё право на власть.

Когда индивидуализм укреплялся в жизни как начало командующее и угнетающее, он создал бессмертного бога, заставил массы признать личное «я» богоподобным и сам уверовал в творческие силы свои. Далее, в эпоху своего расцвета, стремление личности к абсолютной свободе необходимо поставило её резко против ею же установленных традиций и ею же созданного образа бессмертного бога, который освящал эти традиции. В своём стремлении ко власти индивидуализм был вынужден убить бессмертного бога, опору свою и оправдание бытия своего; с этого момента начинается быстрое крушение богоподобного одинокого «я», которое без опоры на силу вне себя не способно к творчеству, то есть к бытию, ибо бытие и творчество – едино суть.

Современный нам индивидуализм вновь разнообразно питается воскресить бога, дабы силою авторитета его снова укрепить истощённые силы «я», одряхлевшего, закутавшегося в тёмном лесу узко личных интересов, навсегда потеряв дорогу к источнику живых творческих сил – коллективу.

У племени возникал страх перед самовластием личности и враждебное отношение к ней. Бестужев-Рюмин приводит следующее свидетельство Ибн-Фоцлана о болгарях Волги: «Если они встречают человека с необыкновенным умом и глубоким познанием вещей, то говорят: «Ему впору служить богу», потом схватывают его, вешают на дереве и оставляют в таком положении, доколе труп не распадет на части». У хозар был такой порядок: выбрав вождя, ему накидывали петлю на шею и спрашивали, сколько времени хочет он управлять народом. Сколько лет он назначит, столько и должен править, иначе его умерщвляли. Этот обычай встречался также у других тюркских племён; он знаменует собою степень страха племени перед развитием личного начала, враждебного коллективным целям.

В легендах, сказках и поверьях народа мы находим бесчисленное количество поучительных доказательств бессилия личности, насмешек над её самоуверенностью, гневных осуждений её жажды власти и вообще враждебного отношения к ней; народное творчество пропитано убеждением в том, что борьба человека с человеком ослабляет и уничтожает коллективную энергию человечества. Во всей этой суровой дидактике определенно сказывается глубоко поэтически сознанным народом убеждение в творческих силах коллектива и его громкий, порою резкий призыв к стройному единению ради успеха борьбы против тёмных сил враждебной людям природы. Если же человек вступает в эту борьбу единолично, его подвергают осмеянию, осуждают на гибель. Разумеется, в этом споре, как во всякой вражде людей, обе стороны неизбежно преувеличивали грехи друг друга, а преувеличение влекло к ещё большей злобе и большему разобщению двух творческих начал – первичного и производного.

По мере количественного размножения «личностей» они вступали в борьбу друг с другом за объём власти, за охрану интересов всё более жадного к славе «я»; коллектив дробился, всё менее питал их своей энергией, психическое единство таяло, и личность бледнела. Ей уже приходилось удерживать занятую позицию против воли племени, нужно было всё более зорко ограждать своё личное положение, имущество, жён и детей. Задачи самодовлеющего бытия индивидуальности становились сложны, требовали огромного напряжения; в борьбе за свободу своего «я» личность совершенно оторвалась от коллектива и оказалась в страшной и быстро истощившей её силы пустоте. Началась анархическая борьба личности с народом – картина, которую рисует нам всемирная история и которая становится так невыносима для совершенно разрушенной, бессильной личности наших дней.

Росла всеразделяющая частная собственность, обостряя отношения людей, возникали непримиримые противоречия; человек должен был напрягать все силы на самозащиту от поглощения бедностью, на охрану личных своих интересов, постепенно теряя связь с племенем, государством, обществом, и даже, как мы это видим теперь, он едва выносит дисциплину своей партии, его тяготит даже семья.

Каждый знает, какую роль играла частная собственность в дроблении коллектива и в образовании самодовлеющего «я», но в этом процессе мы должны видеть, кроме физического и духовного порабощения народа, распад энергии народных масс, постепенное уничтожение гениальной, поэтически и стихийно творящей психики коллектива, которая одарила мир наивысшими образами художественного творчества.

Сказано, что «рабы не имеют истории», и, хотя это сказано господами, здесь однако есть доля правды. Народ, в котором и церковь и государство с одинаковым усердием умерщвляли душу, стараясь обратить его в покорную их воле физическую силу, – народ был лишён и права и возможности создавать свои догадки о смысле жизни, отражать в образах и легендах свои чаяния, мысль свою и надежды.

Но, хотя – духовно скованный – он не мог подняться до прежних высот поэтического творчества, он всё же продолжал жить своей глубокой внутренней жизнью, создал и создаёт тысячи сказок, песен, пословиц, иногда восходя до таких образов, как Фауст и т. д. Создавая эту легенду, народ как бы хотел отметить духовное бессилие личности, уже явно и давно враждебной ему, осмеять её жажду наслаждений и попытки познать непознаваемое для неё. Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы.

Ревнивец Отелло, лишённый воли Гамлет и распутный дон-Жуан – все эти типы созданы народом прежде Шекспира и Байрона, испанцы пели в своих песнях «жизнь – есть сон» раньше Кальдерона, а магометане-шииты говорили это раньше испанцев, рыцарство было осмеяно в народных сказках раньше Сервантеса и так же зло и так же грустно, как у него.

Мильтон и Данте, Мицкевич, Гёте и Шиллер возносились всего выше тогда, когда их окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии, безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой.

Я отнюдь не умаляю этим права названных поэтов на всемирную славу и не хочу умалять; я утверждаю, что лучшие образы индивидуального творчества дают нам великолепно ограниченные драгоценности, но эти драгоценности были созданы коллективной силой народных масс. Искусство – во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий воплотил его в

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
мрамор.

Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность – инертна, консервативна и враждебна развитию жизни.

Посмотрите с этой точки зрения историю культуры, следя за ролью индивидуализма в эпохи застоя жизни, изучая типы его в эпохи активные, как, например, Возрождения и Реформации; вы увидите: в первом случае явный консерватизм индивидуальности, её склонность к пессимизму, квиетизму и другим формам нигилистического отношения к миру. В такие моменты, когда народ, как всегда, непрерывно кристаллизует свой опыт, личность, отходя от него, игнорируя его жизнь, как бы утрачивает смысл своего бытия и, бессильная, позорно влачит дни свои в грязи и пошлости будней, откачиваясь от своей великой творческой задачи – организации коллективного опыта в форму идей, гипотез, теорий. Во втором случае вас поражает быстрый рост духовной мощи личности – явление, которое можно объяснить лишь тем, что в эти эпохи социальных бурь личность становится точкой концентрации тысяч волей, избравших её органом своим, и встаёт пред нами в дивном свете красоты и силы, в ярком пламени желаний своего народа, класса, партии.

Безразлично, кто эта личность – Вольтер или протопоп Аввакум, Гейне или Фра-Дольчино – и неважно, какая сила движет ими – ротюра или раскольники, немецкая демократия или крестьянство, – важно, что все герои являются перед нами как носители коллективной энергии, как выразители массовых желаний. Мицкевич и Красинский явились во дни, когда их родной народ был цинично разорван натрое физически, но ещё с большей энергией, чем когда-либо раньше, чувствовал себя цельным духовно. И всегда и всюду на протяжении истории – человека создавал народ.

Особенно ярким доказательством данного положения служит жизнь итальянских республик и коммун в tre- и quattrocento (четырнадцатом и пятнадцатом веках), когда творчество итальянского народа глубоко коснулось всех сторон духа, охватило пламенем своим всю широту строительства жизни, создало столь великое искусство, вызвав к жизни изумительное количество великих мастеров слова, кисти и резца,

Величие и красота искусства прерафаэлитов объясняется физической и духовной близостью артиста с народом; художники наших дней легко могли бы убедиться в этом, попробовав идти путями Гирландайо, Донателло, Брунеллески и всех деятелей этой эпохи, в которой творчество в напряжённости своей граничило с безумием, было подобно мании и артист был любимцем народной массы, а не лакеем мецената. Вот как писал в 1298 году народ Флоренции, поручая Арнольфо ди-Лапо построить церковь: «Ты воздвигнешь такое сооружение, грандиознее и прекраснее которого не могло бы представить себе искусство человеческое, ты должен создать его таким, чтобы оно соответствовало сердцу, которое сделалось чрезвычайно великим, соединив в себе души граждан, сплочённых водну волю».

Когда Чимамбуэ окончил свою мадонну – в его квартале была такая радость, такой взрыв восторга, что квартал Чимамбуэ получил с того дня название «Borgo Allegro» (Весёлый квартал). История Возрождения переполнена фактами, которые утверждают, что в эту эпоху искусство было делом народа и существовало для народа, он воспитал его, насытил соком своих нервов и вложил в него свою бессмертную, великую, детски наивную душу. Это неоспоримо вытекает из показаний всех историков эпохи; даже антидемократ Монье, заканчивая свою книгу, говорит:

«Quattrocento показало всё, что человек в состоянии сделать. Оно показало, кроме того, – и этим оно даёт нам урок, – что человек, предоставленный своим собственным силам, отнятый от целого, опираясь только на самого себя и живя только для себя одного, не может совершить всего».

«Искусство и народ процветают и возвышаются вместе, так полагаю я, Ганс Сакс!»

Мы видим, как ничтожны «совершенства» человека наших дней, мы видим горестную пустоту его души, и это должно заставить нас подумать о том, чем грозит нам будущее, посмотреть, чему поучает прошлое, открыть причины, ведущие личность к неизбежной гибели.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

С течением времени жизнь принимает всё более жёсткий и тревожный характер борьбы всех со всеми; в этом непрерывном кипении вражды должны бы развиться боевые способности «я», вынужденного неустанно отражать напор себе подобных, и если индивидуальность вообще способна к творчеству, то именно этот бой всех со всеми даёт наилучшие условия для того, чтобы «я» показало миру всю силу своего духа, всю глубину поэтического дара. Однако индивидуальное творчество само не создало пока ни Прометеев, ни даже Вильгельма Телля и ни одного поэтического образа, который можно было бы сравнить по красоте и силе с Гераклами седой древности.

Было создано множество Манфредов, и каждый из них разными словами говорил об одном – о загадке жизни личной, о мучительном одиночестве человека на земле, возвышаясь порою до скорби о печальном одиночестве земли во вселенной, что звучало весьма жалостно, но не очень гениально. Манфред – это выродившийся Прометей XIX века, это красиво написанный портрет мещанина-индивидуалиста, который навсегда лишён способности ощущать в мире что-либо иное, кроме себя и смерти пред собою. Если он иногда говорит о страданиях всего мира, то он не вспоминает о стремлении мира уничтожить страдания, если же вспоминает об этом, то лишь для того, чтобы заявить: страдание непобедимо. Непобедимо – ибо опустошённая одиночеством душа слепа, она не видит стихийной активности коллектива и мысль о победе не существует для неё. Для «я» осталось одно наслаждение – говорить и петь о своей болезни, о своём умирании, и, начиная с Манфреда, оно поёт панихиду самому себе и подобным ему одиноким, маленьким людям.

Поэзии этого тона присвоено имя «поэзии мировой скорби»; рассматривая её смысл, мы найдём, что «мир» привлечён сюда в качестве прикрытия, за которым прячется не помнящее родства, голое человеческое «я», – прячется, дрожит от страха смерти и совершенно искренно кричит о бессмысленности индивидуального существования. Отождествляя себя с живым великим миром, индивидуальность переносит ощущение утраты смысла своего бытия на весь мир: говорит о гордости своим одиночеством и надоедает людям, как комар, требуя их внимания к стонам своей жалкой души.

Эта поэзия иногда сильна, но – как искренний вопль отчаяния; она, может быть, красива, но – как проказа в изображении Флобера; она вполне естественна как логическое завершение роста личности, которая умертвила в своей груди источник бодрости и творчества – чувство органической связи с народом.

Рядом с этим процессом агонии индивидуализма железные руки капитала, помимо воли своей, снова создают коллектив, сжимая пролетариат в целостную психическую силу. Постепенно, с быстротой всё возрастающей, эта сила начинает сознавать себя как единственно призванную к свободному творчеству жизни, как великую коллективную душу мира.

Возникновение этой энергии кажется глазам индивидуалистов тёмною тучею на горизонте, оно их страшит, быть может, с тою же силой, как смерть физическая, ибо в нём скрыта для них необходимость социальной смерти. Каждый из них считает своё «я» заслуживающим особенного внимания, высокой оценки, но пролетариат, идущий обновить жизнь мира, не хочет подать сим «аристократам духа» милостыню внимания своего; они это знают и потому искренно ненавидят его.

Некоторые из них, будучи хитрее и понимая великое значение грядущего, желали бы встать в ряды социалистов как законодатели, пророки, командиры, но пролетариат должен понять и неминуемо поймёт, что эта готовность мещан идти в ногу с ним скрывает под собою всё то же стремление мещанина к «самоутверждению своей личности».

Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нём, личность неуклонно продолжает дробиться и становится всё более ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаянием, сознавая его или скрывая от себя самой, она мечется из угла в угол, ищет спасения, погружается в метафизику, бросается в разврат, ищет бога, готова уверовать в дьявола – и во всех её исканиях, во всей суеде её ясно видно предчувствие близкой гибели, ужас перед неизбежным будущим, которое, если и не сознаётся, то ощущается ею более или менее остро. Основное настроение современного индивидуалиста – тревожная тоска; он растерялся, напрягает все силы свои, чтобы как-нибудь прицепиться к жизни, и нет сил, осталась только хитрость, названная кем-то «умом глупцов». Внутренне оборванный, потёртый, раздёрванный, он то дружелюбно подмигивает социализму, то льстит капиталу, а предчувствие

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
близкой социальной гибели ещё быстрее разрушает крохотное, рахитичное «я». Его отчаяние всё чаще переходит в цинизм: индивидуалист начинает истерически отрицать и сжигать то, чему он вчера поклонялся, и на высоте своих отрицаний неизбежно доходит до того состояния психики, которое граничит с хулиганством. Понятие «хулиганство» я употребляю не из желания обидеть уже обиженных и унижить униженных, – тяжелее и горше, чем мог бы я, это делает жизнь; нет, хулиганство – просто результат психофизического вырождения личности, неоспоримое доказательство крайней степени её разложения. Вероятно, это хроническая болезнь коры большого мозга, вызванная недостатком социального питания, болезнь воспринимающего аппарата, который становится всё более тупым, вялым и, всё менее чутко воспринимая впечатления бытия, вызывает, так сказать, общую анестезию интеллекта.

Хулиган – существо, лишённое социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не сознаёт вокруг себя присутствия каких-либо ценностей и даже постепенно утрачивает инстинкт самосохранения – теряет сознание ценности личной своей жизни. Он не способен к связному мышлению, с трудом ассоциирует идеи, мысль вспыхивает в нём искрами и, едва осветив призрачным, больным сиянием какой-либо ничтожный кусочек внешнего мира, бесплодно угасает. Впечатлительность его болезненно повышена, но поле зрения узко и способность к синтезу ничтожна; вероятно, этим и объясняется характерная парадоксальность его мысли, склонность к софизмам. «Не время создаёт человека, но человек время», – говорит он, сам себе не веря. «Важны не красивые действия, но красивые слова», – утверждает он далее, подчёркивая этим ощущение собственного бессилия. Он обнаруживает склонность к быстрым переменам своих теоретических и социальных позиций, что ещё раз указывает на зыбкость и шаткость его разрушенной психики. Это личность не только разрушенная, но ещё и хронически раздвоенная – сознательное и инстинктивное почти никогда не сливаются у неё в одно «я». Ничтожное количество его личного опыта и слабость организаторских способностей разума вызывают в этом существе преобладание опыта унаследованного, и оно находится в непрерывной, но вялой, безрезультатной борьбе с тенью своего деда. Его окружают, как Эриннии, тёмные и мстительные призраки прошлого, держат в плену истерической возбудимости и вызывают из глубины инстинкта атавистические склонности животного. Его чувственная сфера расшатана, тупа, она настойчиво требует острых и сильных раздражений – отсюда склонность хулигана к половой извращённости, к сладострастию, к садизму. Ощущая своё бессилие, это существо, по мере того как жизнь повышает свои запросы к нему, вынуждено всё более резко отрицать её запросы, отсюда и вытекает социальный аморализм, нигилизм и озлобление, типичное для хулигана.

Этот человек всю жизнь колеблется на границе безумия, и социально он более вреден, чем бактерии заразных болезней, ибо, представляя собой психически заразное начало, неустрашим теми приёмами борьбы, какими мы уничтожаем враждебные нам микроорганизмы.

Основной импульс его бессвязного мышления, странных и часто отвратительных деяний – вражда к миру и людям, инстинктивная, но бессильная вражда и тоска больного; он плохо видит, плохо слышит и потому плетётся, шатаясь, далеко сзади жизни, где-то в стороне от неё, без дороги и без сил найти дорогу. Он кричит там, но крики его звучат слабо, фразы разорваны, слова тусклы, и никто не понимает его вопля, вокруг него только свои, такие же бессильные и полубезумные, как он, и они не могут, не умеют, не хотят помочь. Но все они злобно, как сам он, плюют вслед ушедшим вперёд, клеветают на то, чего понять не могут, смеются над тем, что им враждебно, а им враждебно всё, что активно, всё, что проникнуто духом творчества, украшает землю славой подвигов своих и горит в огне веры в будущее: «огнь же есть божество, попялая страсти тленные, просвещаяй душу чистую», как сказано в стихе Софии Премудрости.

Надо ждать, что в близком будущем кто-то, мужественный и честный, напишет грустную книгу «Разрушение личности» и в этой книге ярко покажет нам неуклонный процесс духовного обеднения человека, неустрашимое сжимание «я».

В процессе этом решительную роль играл XIX век, – он был экзаменом психической устойчивости всемирного мещанства и обнаружил его ничтожные способности к творчеству жизни.

Развитие техники? Конечно, – да, это огромная работа. Но о технике можно

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyta
сказать, что она «сама себе довлеет», ибо она – результат творчества не личного, а коллективного, она развивается и растёт на фабрике, среди рабочих, в кабинетах же только обобщают, организуют новые данные, добытые коллективом, – опыт масс, не имеющих времени для самостоятельного синтеза своих наблюдений и знаний и принужденных отдавать всё богатство опыта своего в чужие руки. Открытия в области естествознания, подводя итоги росту техники, тоже лишь формально являются делом личности. Посмотрите, насколько явно коллективный характер носят открытия последнего времени в области строения материи! И, несмотря на упорное стремление индивидуализма комбинировать данные естественных наук антидемократически, естествознание не подчиняется этим усилиям исказить его коллективно созданное содержание, – оно всё более определённо слагается монистически, постепенно становясь глубоким и мощным фундаментом социализма, – факт, объясняющий крутой поворот буржуазии от естествознания снова к метафизике.

Командующие классы всегда стремились к монополии знания и всячески прятали его от народа, показывая ему кристаллизованную мысль только как орудие укрепления своей власти над ним. XIX век разоблачил эту пагубную политику, обнаружив в Европе недостаток интеллектуальной энергии; буржуазия сделала слишком большую работу по развитию промышленности и торговли, она, очевидно, вложила в неё весь свой запас духовных сил – ясно, что ныне она психически надорвалась.

Народ не приобщали к науке, что необходимо для общего успеха борьбы за жизнь; не приобщали, боясь, что он, вооружённый знанием, откажется работать; не заботились увеличить количество духовной энергии, – и недостаток количества привёл мещан к быстрому понижению качества творческих сил.

Жизнь становилась всё сложнее и строже, техника, с каждым десятилетием, всё ускоряла – и ускоряет, и будет ускорять – её ход. От личности, которая хочет занимать командующую позицию, каждый новый деловой день и год требуют всё большего напряжения сил. Ещё в начале прошлого века мещанин, только что освободившийся из тяжёлых пут дворянского государства, был достаточно свеж, силен и хорошо вооружён, чтобы бороться за свой счёт, – условия производства и торговли не превышали единоличных сил. Но по мере роста техники, конкуренции и жадности буржуа, по мере развития в мещанине сознания своего главенства и стремления навеки укрепить за собою эту позицию золотом и штыком, по мере неизбежного обострения анархии производства, увеличивающей трудности разрешения этих задач, – растёт и несоответствие индивидуальных сил с запросами дела. Бешеная работа нервов вызывает истощение, одностороннее упражняемое мышление делает человека уродом, создаётся психика крайне неустойчивая; мы видим, как растёт среди буржуазии неврастения, преступность, и наблюдаем типичных вырожденцев уже в третьих поколениях буржуазных семей. Замечено, что процесс дегенерации наиболее успешно развивается среди буржуазных семей России и Америки. Эти исторически молодые страны наиболее быстро капиталистического развития дают огромный процент психических заболеваний среди финансовой и промышленной буржуазии. Здесь, очевидно, сказывается недостаток исторической тренировки, люди оказываются слишком слабосильными пред капиталом, который, являсь к ним во всеоружии, поработил их и быстро исчерпывает недостаточно гибко развитую энергию. Специализуясь, человек необходимо ограничивает рост своего духа, но специальность неизбежна для мещанина, он должен неустанно ткать свою однообразную паутину, если хочет жить. Анархия – вот признанный и неоспоримый результат мещанского творчества, и именно этой анархии мы обязаны всё острее ощущаемой убылью души.

Быстро истощая небольшой запас интеллектуальных сил мещанства, капитал организует рабочие массы и в лице их ставит пред мещанином новую враждебную силу – социалистическую партию; этот враг более настойчиво, чем все иные причины, понуждает капиталиста чувствовать силу коллектива, внушая ему новую тактику борьбы – локауты и тресты.

Но капиталистические организации необходимо суживают личность; подчиняя её индивидуалистические стремления своим целям, подавляя инициативу, они развивают в личной психике пассивность.

Миллионер Гульд метко определил трест как группу непримиримых врагов, которые «собрались в одной тесной комнате, ярко осветили её, держат друг друга за руки и только поэтому не убивают один другого. Но каждый из них зорко ждёт момента, когда можно будет напасть врасплох на временного и невольного союзника, обезоружить, уничтожить его, и каждому – друг рядом с ним кажется опаснее врага

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
за стеною». В такой организации врагов силы личности не могут развиваться, ибо, несмотря на внешнее единство интересов, внутренне здесь – каждый сам по себе и сам для себя. Организация рабочих ставит своей целью борьбу и победу; она внутренне спаяна единством опыта, который постепенно и всё определённое сознаётся ею как великая монистическая идея социализма. Здесь, под влиянием организующей силы коллективного творчества идей, психика личности строится своеобразно гармонично: существует непрерывный обмен интеллектуальных энергий, и среда не стесняет роста личности, но заинтересована в свободе его, ибо каждая личность, воплотившая в себе наибольшее количество энергии коллектива, становится проводником его веры, пропагандистом целей и увеличивает его мощь, привлекая к нему новых членов. Организация капиталистов психически строится по типу «толпы»: это группа личностей, временно и непрочно связанных единством тех или иных внешних интересов, а порою единством настроения – тревогой, вызванной ощущением опасности, жадностью, увлекающею на грабёж. Здесь нет творческой, то есть социальной связующей идеи, и не может быть длительного единства энергии, – каждый субъект является носителем грубо и резко очерченного самодовлеющего «я»; нужно много сильных давлений и могучих толчков извне, чтобы углы каждого «я» сгладились и люди могли сложиться в целое, более или менее стройное и прочное. Здесь каждый является вместилищем некоего мелкого своеобразия, каждый ценит себя как нечто совершенное, чему не суждено повториться, и, принимая своё духовное уродство, свою ограниченность за красоту и силу, каждый напряжённо подчёркивает себя и отъединяет от других. В такой анархической среде уже нет места и нет условий для развития ценного и целостного «я»; в ней не может гармонично развиваться и свободно расти всеобъемлющая личность, неразрывно связанная со своим коллективом, непрерывно насыщаемая его энергией и гармонично организующая его живой опыт в формы идей и символов.

Внутри такой среды идёт хаотический процесс всеобщего пожирания: человек человеку враг, каждый рядовой грязной битвы за сытость сражается в одиночку, поминутно оглядываясь в опасении, чтоб тот, кто стоит рядом, не схватил за горло. В этом хаосе однообразной и злой борьбы лучшие силы интеллекта, как уже сказано, уходят на самозащиту от человека, творчество духа целиком расходуется на устройство маленьких хитростей самообороны и продукт человеческого опыта, именуемый «я», становится тёмной клеткой, в коей бьётся некое маленькое желание не допускать дальнейшего расширения опыта, ограничивая его тесными и крепкими стенками этой клетки. Что нужно человеку, кроме сытости? В погоне за нею он вывихнул себе мозг, разбился и стонет и кричит в агонии.

Личные мелкие задачи каждого «я» заслоняют сознание общей опасности. Обессилевшее мещанство уже не способно выдвигать из своей среды достаточно энергичных выразителей его желаний, защитников его власти, как в своё время выдвинуло Вольтера против феодалов, Наполеона против народа.

Обнищание мещанской души доказывается тем, что идеологические попытки мещан, ранее имевшие целью укрепить данный строй, ныне сводятся к попыткам оправдать его, становятся всё хуже и бездарнее. Уже давно ощущается нужда в новом Канте – его всё нет, а Ницше – неприемлем, ибо он требует от мещанина активности. Единственным орудием самозащиты мещанства является цинизм; он – страшен, знаменует собою отчаяние и безнадежность.

Но, скажут, несмотря на слабость материала, капиталистическое общество держится крепко. Держится тяжестью своей, по инерции и при помощи таких контрфорсов, замедляющих его тяготение к распаду, каковы – полиция, армия, церковь и система школьного преподавания. Держится потому, что ещё не испытало стройного напора враждебных ему сил, достаточно организованных для разрушения этой огромной пирамиды грязи, лжи и злобы и всяческого нечестия. Держится, но... разлагается, отравляемое выработанными им ядами, из них же первый – нигилистический, всё, кроме «ячности» и «самости», с отчаянием отрицающий индивидуализм.

Но обеднение личности ещё более заметно, если мы взглянем на её портреты в литературе.

До сорок восьмого года командующую роль в жизни играли Домби и Гранде, фанатики стяжания, люди крепкие и прямые, как железные рычаги. В конце XIX века их сменяют не менее жадные, но несравненно более нервные и шаткие Саккар и герой пьесы Мирбо «*Les affaires sont les affaires*».

Сравнивая каждый из этих типов как поток воли, направленной к достижению

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma известных целей, мы увидим, что чем глубже в прошлое, тем более крепко концентрирована и активна воля, тем строже и определённое очерчены цели личности и ярче сознательность её действий. А чем ближе к нам, тем менее упорна энергия Саккаров, тем скорее изнашивается их нервная система, всё более тусклы характеры и быстрее наступает утомление жизнью. В каждом из них заметна драма двойственности, столь пагубная для человека дела. Гибнут Саккары гораздо более быстро, чем гибли их предки. Домби погубил Диккенс для торжества морали, для доказательства необходимости умерить эгоизм, Саккары и Рошеты гибнут не по воле Золя – их обессиливает и уничтожает беспощадная логика жизни.

Переходя от литературы к «живому делу», снова сошлюсь на старого Гульда: умирая, он сказал: «Если бы я неправильно и незаконно нажил мои миллионы, их давно отняли бы у меня». Здесь звучит вера сильного в силу как закон жизни. Наш современник, мистер Д.Рокфеллер, уже считает необходимым жалобно и жалко оправдываться пред всем миром в непомерном своём богатстве, он доказывает, что обворовал людей ради их же счастья. Разве это не ярко рисует понижение типа?

Далее, в лице героя «Le Rouge et le Noir» перед нами человек сильной воли, грубый мещанин-победитель. Но уже на следующем плане, ближе к нам, стоит Растиньяк Бальзака; жадный, слабовольный, он изнашивается позорно быстро и погибает, вышвырнутый за двери жизни, хотя среда сопротивлялась его желаниям не так упорно, как она сопротивлялась герою Стендаля. Люсьен ещё менее устойчив, чем Растиньяк, но вот Люсьена сменяет «Veî ami», прототип современных государственных людей Франции. «Veî ami» победил, он у власти. Но до какой же степени упала способность мещан к самозащите, если они вручают судьбы свои в руки столь ненадёжных людей!

Когда, опираясь на силу народа, мещанство победило феодалов, а народ немедленно и настойчиво потребовал от победителей удовлетворения своих реальных нужд, мещанство испугалось, видя перед собою нового врага, – старая сказка, вечно и всё чаще обновляемая мещанином. Испугавшись, мещанин круто повернул от идеи свободы к идее авторитета и отдал себя сначала Наполеону, затем Бурбонам. Но внешнее сплочение, внешняя охрана не могли остановить процесс внутреннего развала.

Строй взглядов мещанина, его опыт, обработанный Монтескье, Вольтером, энциклопедистами, имел в самом себе нечто дисгармоничное и опасное – разум, который говорил, что все люди равны, и опираясь на силу коего, народные массы снова, уже в более настойчивой форме, могли предъявить требование полного политического равенства с мещанином, а затем приняться за осуществление равенства экономического.

Таким образом, разум резко противоречит интересам мещанства, и оно, не медля, принялось изгонять врага, ставя на его место веру, которая всегда успешнее поддерживает авторитет. Стали доказывать общую неразумность миропорядка, – это хорошо отвлекает от мышления о неразумности порядка социального. Мещанин ставил себя в центр космоса, на вершину жизни, и с этой высоты осудил и проклял вселенную, землю, а главным образом – мысль, пред которой он ещё недавно идолопоклонствовал, как всегда заменяя непрерывное исследование мёртвым догматизмом.

В речах Байрона звучал протест старой аристократической культуры духа, пламенный протест сильной личности против мещанского безличия, против победителя, серого человека золотой середины, который, зачеркнув кровавой, жадной лапой девяносто третий, хотел восстановить восемьдесят девятый, но против воли своей вызвал к жизни сорок восьмой. Уже в двадцатых годах столетия «мировая скорбь» Байрона превращается у мещан в то состояние психики, которое Петрарка называл «acedia» – кислота – и которое Фойгт определяет как «вялое умственное равнодушие». Наш талантливый и умный Шахов, может быть, несколько упрощённо говорит об этом времени: «Пессимизм двадцатых годов сделался модой: скорбел всякий дурак, желавший обратить на себя внимание общества».

Мне кажется, что у «дурака» были вполне серьёзные причины для скорби, – он не мог не чувствовать, как неизбежно новые условия жизни, ограничивая развитие его духовных сил, направляя их в тесное русло всё более растущего торгашества, – как эти условия действительно дурманят, одурачивают, унижают его.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Ролла Мюссе ещё кровный брат Манфреда, но «сын века» уже явно и глубоко поражён «acedia», Рене Шатобриана мог убежать от жизни, «сыну века» некуда бежать, – кроме путей, указанных мещанством, иных путей нет для его сил.

Мы видим, что «исповедь сына века» бесчисленно и однообразно повторяется в целом ряде книг и каждый новый характер этого ряда становится всё беднее духовной красотой и мыслью, всё более растрёпан, оборван, жалок. Грелу Бурже – дерзок, в его подлости есть логика, но он именно «ученик»; герой Мюссе мыслил шире, красивее, энергичнее, чем Грелу. Человек «без догмата» у Сенкевича ещё слабее силами, ещё одностороннее Грелу, но выигрывает Леон Плошовский, будучи сопоставлен с фальком Пшибышевского, этой небольшой библиотекой модных, наскоро и невнимательно прочитанных книг!

Ныне линия духовно нищих людей обидно и позорно завершается Саниным Арцыбашева. Надо помнить, что Санин является уже не первой попыткой мещанской идеологии указать тропу ко спасению неуклонно разрушающейся личности, – и до книги Арцыбашева не однажды было рекомендовано человеку внутренне упростить себя путём превращения в животное.

Но никогда эти попытки не возбуждали в культурном обществе мещан столько живого интереса, и это, несомненно искреннее, увлечение Саниным – неоспоримый признак интеллектуального банкротства наших дней.

Защищая свою позицию в жизни, индивидуалист-мещанин оправдывает свою борьбу против народа обязанностью защищать культуру, – обязанностью, якобы возложенную на мещанство историей мира.

Позволительно спросить: где же культура, о близкой гибели которой под ногами новых гуннов всё более часто и громко плачет мещанство? Как отражается в душе современного «героя» мещан всемирная работа человеческого духа, «наследство веков»?

Пора мещанству признать, что это «наследство веков» хранится вне его психики; оно в музеях, в библиотеках, но – его нет в духе мещанина. С позиции творца жизни мещанин ныне опустился до роли дряхлого сторожа у кладбища мёртвых истин.

И уже нет у него сил ни для того, чтобы оживить отжившее, ни для создания нового.

Современный изолированный и стремящийся к изоляции человек – это существо более несчастное, чем Мармеладов, ибо поистине некуда ему идти и никому он не нужен! Опьянённый ощущением своей слабости, в страхе перед гибелью своей, какую ценность представляет он для жизни, в чём его красота, где человеческое в этом полумёртвом теле с разрушенной нервной системой, с бессильным мозгом, в этом маленьком вместилище болезней духа, болезней воли, только болезней?

Наиболее чуткие души и острые умы современности уже начинают сознавать опасность: видя разложение сил человека, они единогласно говорят ему о необходимости обновить, освежить «я» и дружно указывают путь к источнику живых сил, способному вновь возродить и укрепить истощённого человека.

Уот Уитмен, Горас Траубел, Рихард Демель, Верхарн и Уэллс, А.Франс и Метерлинк – все они, начав с индивидуализма и квиетизма, дружно приходят к социализму, к проповеди активности, все громко зовут человека к слиянию с человечеством. Даже такой идолопоклонник «я», как Август Стриндберг, не может не отметить целительной силы человечества. «Человечество, – говорит он, – ведь это огромная электрическая батарея из множества элементов; изолированный же элемент – тотчас теряет свою силу».

Но эти добрые советы умных людей едва ли услышат глухие. И если услышат – какая польза от этого? Чем отзовется безнадежно больной на радостный зов жизни? Только стоном.

Наиболее ярким примером разрушения личности стоит предо мною драма русской интеллигенции. Андреевич-Соловьёв назвал эту драму романом, в котором Россия – «Святая Ефросинья», как именовал её Глеб Успенский, – возлюбленная, а

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
интеллигент – влюблённый.

Мне хочется посильно очертить содержание той главы романа, вернее, акта драмы, которая столь торопливо дописывается в наши дни нервно дрожащею рукою разочарованного влюблённого.

Чтобы понять психику героя, сначала необходимо определить его социальное положение.

Известно, что интеллигент-разночинец несколько недоношен историей; он родился ранее, чем в нём явилась нужда, и быстро разросся до размеров больших, чем требовалось правительству и капиталу, – ни первое, ни последний не могли поглотить всё свободное количество интеллектуальных сил. Правительство, напуганное дворянскими революциями дома и народными бурями за рубежом, не только не выражало желания взять интеллигента на службу и временно увеличить его умом и работой свои силы, – оно, как известно, встретило новорожденного со страхом и немедля приступило к борьбе с ним по способу Ирода.

Молодой, но ленивый и стеснённый в своём росте русский капитал не нуждался в таком обилии мозга и нервов.

Позиция интеллигента в жизни была столь же неуловима, как социальное положение бесприютного мещанина в городе: он не купец, не дворянин, не крестьянин, но – может быть и тем, и другим, и третьим, если позволят обстоятельства.

Интеллигент имел все психофизические данные для сращения с любым классом, но именно потому, что рост промышленности и организация классов в стране развивались медленнее количественного роста интеллигенции, он принужден был самоопределиваться вне рамок социально родственных ему групп. Перед ним и разорённым крестьянской реформой «кающимся дворянином» стояли незнакомые западному интеллигенту острые вопросы:

«Куда идти? Что делать?»

Необходимо было создать какую-то свою, идеологическую мещанскую управу, и она была построена в виде учения «о роли личности в истории», которое гласило, что общественные цели могут быть достигнуты исключительно в личностях.

Единственно возможное направление было ясно: надо идти в народ, дабы развить его правосознание и, увеличив свои силы за счёт его энергии, понудить правительство к дальнейшим реформам и ускорить темп культурного развития страны; это могло бы дать тысячам личностей вполне уютное и достойное их место в жизни.

Тот факт, что интеллигенту некуда было идти, кроме как «в народ», и что «герой» искал «толпу», понуждаемый необходимостью, не особенно чётко отмечен русской литературой, но зато в ней множество гимнов герою, который «во имя великой святыни» отдавал свою жизнь трудному делу организации народных сил.

Раздвоение психики интеллигента началось во дни его ранней юности, с того момента, когда он был поставлен в необходимость принять как руководящую теорию социализм.

Сознание организует далеко не всю массу личного опыта, и редкие люди могут победоносно противопоставить результаты своих личных впечатлений бытия той крепкой социальной закваске, которая унаследована ими от предков. Устойчива и продуктивна в творчестве лишь та психика, в которой сознание необходимости гармонично сливается с волей человека, с его верою в целостное, крепкое «я». Помимо того, что общие социально-экономические условия жизни строят нашу психику индивидуалистически, частные причины домашнего характера значительно увеличивали тяготения русского интеллигента в эту сторону, настойчиво внушая ему сознание его культурного первенства в стране. Он видел вокруг себя: правительство, занятое исключительно делом самозащиты, земельное дворянство, экономически и психически разлагавшееся, промышленный класс, который не спешил организовать свои силы, продажное и невежественное чиновничество, духовенство, лишённое влияния, подавленное государством и тоже невежественное.

Естественно, что интеллигент почувствовал себя свежее, моложе, энергичнее всех, залюбовался собою и несколько переоценил свои силы.

Весь этот груз тяжёлых, жадных и ленивых тел лежал на плечах таинственного мужика, который в прошлом выдвигал Разиных и Пугачёвых, недавно выдавил у дворян земельную реформу и с начала века стал развивать в своей среде рационалистические секты.

Земельное дворянство, чувствуя, что с запада всё сильнее веет пагубный для него дух промышленного капитализма, старалось оградить Россию частоколом славянофильства; его работа внушила интеллигенту убеждение в самобытности русского народа, чреватой великими возможностями. И вот, наскоро вооружась «социализмом по-русски», в этих лёгких доспехах, рыцарь встал лицом к лицу с тёмным, добродушным и недоверчивым русским мужиком. Но почему же он, резкий индивидуалист, принял теорию, враждебную строю его психики? А какие же иные дрожжи могли бы поднять густую и тяжёлую опару народной массы?

Здесь, на примере неотразимо ярком, мы видим плодотворное влияние социальной идеи на психику личности: мы видим, как эта идея с чудесной быстротой превратила бесприютного разночинца-интеллигента в идеалиста и героя, видим, как печальное детище рабьей земли, ощутив творческую силу коллективного начала, психически сложилось под его чудотворным влиянием в тип борца, редкий по красоте и энергии. Семидесятые годы стоят пред нами как неоспоримое доказательство такого факта: только социальная идея возводит случайный факт личного бытия человека на степень исторической необходимости, только социальная идея поэтизирует личное бытие и, насыщая единицу энергией коллективной, придаёт бытию индивидуальному глубокий, творческий смысл.

Герой был разбит и побеждён?

Да. Но разве это уничтожает необходимость и красоту борьбы? И разве это может поколебать уверенность неизбежности победы коллективного начала?

Герой был побеждён – слава ему вовеки! Он сделал всё, что мог.

Человек вчерашнего дня, он встал перед мужиком, который имел свою историю – тягостную и долгую историю борьбы с непрерывными дьявольскими кознями нечистой силы, воплощённой в лесах, болотах, татарах, боярах, чиновниках и вообще – господах. Он крепко оградился от беса, источника всех несчастий, полуязыческой, полухристианской религией и жил скрытной жизнью много испытавшего человека, который готов всё слушать, но уже никому не верит.

Наша литература посвятила массу творческой энергии, чтобы нарисовать эту таинственную фигуру во весь рост, бесконечное количество анализа, чтобы раскрыть, осветить душу мужика. Дворяне изображали его боголюбивым христианином, насквозь пропитанным кротостью и всепрощением, – это естественно с их стороны, ибо, столь много согрешив перед ним, дворяне, может быть, вполне искренно нуждались в прощении мужика.

Литература старых народников рисовала мужичка раскрашенным в красные цвета и вкусным, как вяземский пряник, коллективистом по духу, одержимым активной жаждою высшей справедливости и со священной радостью принимающим каждого, кто придёт к нему «сеять разумное, доброе, вечное».

И лишь в девяностых годах В.Г.Короленко ласковою, сильной рукой великого художника честно и правдиво нарисовал нам мужика действительно во весь рост, дал верный очерк национального типа в лице ветлужского мужика Тюлина. Это именно национальный тип, ибо он позволяет нам понять и Мининых, и всех ему подобных героев на час, всю русскую историю и её странные перерывы. Тюлин – это удачливый Иванушка-дурачок наших сказок, но Иванушка, который уже не хочет больше ловить чудесных Жар-птиц, зная, что, сколько их ни поймай, господишки всё отнимут. Он уже не верит Василисе Премудрой: неизмеримое количество бесплодно затраченной силы поколебало сказочное упорство в поисках счастья. Думая о Тюлине, понимаешь не только наших Мининых, но и сектантов Сютаева и Бондарева, бегунов и штунду, а чувствительный и немножко слабоумный Платон Каратаев исчезает из памяти вместе с Акимом и другими юродивыми дворянского успокоения ради, вместе с милыми мужичками народников и иными образами горячо желаемого, но – нереального.

Пропагандист социализма встретился с Тюлиным; Тюлин не встал с земли, не понял интеллигента и не поверил ему – вот, как известно, драма, разбившая сердце

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma нашего героя.

Немедленно вслед за этим поражением, на открытии памятника Пушкину, прозвучала похоронная речь Достоевского, растравляя раны побеждённых, как соль, а вслед за этим раздался мрачный голос Толстого. После гибели сотен юных и прекрасных людей, после десятилетия героической борьбы величайшие гении рабьей земли в один голос сказали:

– Терпи.

– Не противься злу насилием.

Я не знаю в истории русской момента более тяжёлого, чем этот, и не знаю лозунга, более обидного для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению злу, к бою за свою цель.

Восьмидесятые годы наметили три линии, по коим интеллигент стремился к самоопределению: народ, культуртрегерство и личное самоусовершенствование. Эти линии сливались, стройно замыкаясь в некий круг: народ продолжали рассматривать как силу, которая, будучи организована и определённо направлена интеллигенцией, может и должна расширить узкие рамки жизни, дать в ней место интеллигенту; культуртрегерство – развитие и организация правосознания народа; самоусовершенствование – организация личного опыта, необходимая для дальнейшей продуктивности «мелких дел», направленных на развитие народа.

Но под этой внешней стройностью бурно кипел внутренний душевный разлад. Из-под тонких, изношенных масок социализма показались разочарованные лица бесприютных мещан – крайних индивидуалистов, которые не замедлили из трёх линий остановиться на одной и с жаром занялись упорядочением потрясённых событиями душ своих. Начался усердный анализ пережитого, остатки старой гвардии называли аналитиков «никудышниками» и «Гамлетами на грош пара», как выразился автор одного искреннего рассказа, помещённого в «Мысли» Л.Оболенского. Новодворский метко назвал интеллигента тех дней «ни павой ни вороной». Но скоро эти голоса замолкли в общем шелесте «самоусовершенствования», и русский интеллигент мог беспрепятственно «ставить ребром последний двугривенный своего ума» – привычка, которую отметил в нём ещё Писарев.

Он, не щадя сил, торопился поправить и так же судорожно, как и в наши дни, рвал путы социализма, стремясь освободить себя – для чего? Только для того, чтобы в середине девяностых годов, когда он усмотрел в жизни страны новый революционный класс, снова быстро надеть эти путы на душу свою, а через десять лет снова и столь же быстро сбросить их! «Сегодня блондин, завтра – брюнет», – грустно и верно сказал о нём Н.К.Михайловский.

Итак, он начал править. Этим занятием сильно увлекались, и оно даёт целый ряд курьёзных совпадений, которые нелицеприятно указывают на единство психики интеллигента того времени и текущих дней, с тою разницею, что восьмидесятник был более скромн, не так «дерзок на руку» и груб, как наш современник.

Приведу несколько мелких примеров этих совпадений: почтенный П.Д.Боборыкин напечатал в «Русской мысли» восьмидесятых годов рассказ «Поумнел», – рассказ, в котором автор осуждал героя своего за измену ещё недавно «святым» идеалам.

Г.Емельяненко в одной из книжек «Вестника Европы» за 1907 год поместил рассказ «Поправел», но – одобряет своего героя, социалиста и члена комитета партии, за то, что герой пошёл служить в департамент какого-то министерства.

Шум, вызванный «Учеником» Бурже, как нельзя более похож на восхищение, вызванное «Ното Sapiens»'ом Пшибышевского.

Внимание к «Сашеньке» Дедлова прекрасно сливается с увлечением «Саниным» – с тою разницею, что Сашенька в наглости своей наивнее Санина.

Политические эволюции господина Струве невольно заставляют вспомнить «эволюцию» Льва Тихомирова, а момент, когда господин Струве позвал «назад к Фихте», вызывает в памяти недоумение, вызванное господином Вольтским с его проповедью идеализма (Разумеется, я принимаю, что девяностые годы психически начались ранее 1 января 1890 года, а восьмидесятые ещё не кончились 31 декабря 1889 года, –

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma календарь и психика всегда находятся в некотором разноречии).

Порнографии было меньше, она сочинялась только господами Серафимом Неженатым и Лебедевым–Морским, но так же гадко и тяжело, как и современными ремесленниками этого цеха.

Пунктом объединения ренегатов явилось «Новое время»; в наши дни мы имеем несколько таких пунктов – указывает ли это на количественный рост интеллигенции или же на упадок её силы сопротивления соблазнам уютной жизни?

«Неделя» Меньшикова идейно воскресла в лице «Русской мысли»; проповедь «мелких дел» уже стократ повторена ныне, и тысячекратно повторяется лозунг восьмидесятников: «Наше время – не время широких задач».

Эти до мелочей доходящие совпадения достаточно определённо подтверждают факт стремления интеллигента, после каждой встречи с народом, «возвратиться на круги своя» – от разрешения проблемы социальной к разрешению индивидуальной проблемы.

В восьмидесятых годах жизнь была наполнена торопливым подбором книжной мысли; читали Михайловского и Плеханова, Толстого и Достоевского, Дюринга и Шопенгауэра, все учения находили прозелитов и с поразительной быстротой раскалывали людей на враждебные кружки. Я особенно подчёркиваю быстроту, с которой воспринимались различные вероучения; в этом ясно сказывается нервная торопливость одинокого и несильного человека, который в борьбе за жизнь свою хватает первое попавшееся под руку оружие, не соображая, насколько оно ему по силе и по руке. Этой быстротой усвоения теории не по силам и объясняются повальные эпидемии ренегатства, столь типичные для восьмидесятых годов и для наших дней. Не надо забывать, что эти люди учатся не ради наслаждения силою знания, – наслаждения, которое властно зовёт на борьбу за свободу ещё большего, бесконечного расширения знаний, – учатся они ради узко эгоистической пользы, ради всё того же «утверждения личности».

«Радикалы» превращались в «непротивленцев», «культурники» в «никудышников», – и один из честнейших русских писателей, святой человек Николай Елпидифорович Петропавловский–Каронин говорил, конфузливо потирая руки:

– Чем им поможешь? Ничем не поможешь! Потому что как-то не жалко их, совсем не жалко!

Так же, как и теперь, развивался пессимизм; гимназисты так же искренно сомневались в смысле бытия вселенной, было много самоубийств по случаю «мировой тоски»; говорили о религии, о боге, но находили и другой выход своему бессилию, скрывая его в стремлении «опроститься», и «садились на землю», устраивая «интеллигентские колонии».

Быть может, жизнь этих колоний наиболее ярко вскрывает злейший, нигилистичный, наш самобытный индивидуализм: в них с поразительной быстротой выявлялась органическая неспособность интеллигента к дисциплине, к общезнанию и немедленно чёрным призраком вставала роковая и отвратительная спутница русского интеллигента – позорно низкая оценка человеческого достоинства ближнего своего. Драма этих колоний начиналась почти с первых дней их основания: как только группа устремлённых к «опрощению» людей начинала устраиваться «на земле» – в каждом из них разгоралось зелёным огнём болезненное, истерическое ощущение своей «самости» и «ячности». Люди вели себя так, как будто с них содрали кожу, обнажили нервы и каждое соприкосновение друг с другом охватывает всё тело невыносимую жгучую болью. «Самосовершенствование» принимало характер каннибальства, – утверждая некую мораль, люди воистину живём ели друг друга. Острое ощущение своей личности вызывало в человеке истерическое неистовство, когда он видел столь же повышенную чуткость и в другом. Создавались отношения, полные враждебного надзора друг за другом, болезненной подозрительности, кошмарные отношения, насыщенные лицемерием иезуитов. В несколько месяцев физически здоровые люди превращались в неврастеников и, духовно изломанные, расходились, унося более или менее открытое презрение друг к другу.

Мне кажется, что эти тяжкие драмы слагались так: представьте себе людей, которые считают себя лучшею силою земли, людей с развитою потребностью широкой духовной жизни. Подавляя эту потребность, они идут в тёмную, плохо знакомую им деревню и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma – с первого шага – попадают в круг явной и скрытой вражды к ним, «барам». Их теснит и душит насмешливое любопытство, подозрительность, недоброжелательство, оскорбляют презрительные улыбки мужиков при виде их неумения работать, физической слабости и неспособности открыть, понять его мужицкую, глубоко спрятанную душу. Первобытно грубая жизнь тянется изо дня в день с однообразием, которое давит интеллигента, хочет стереть его нервное лицо и уже медленно стирает тонкий слой европейской культуры с лица его души... Летом – каторжная работа и пожары, зимой – недоедание, болезни, по праздникам – пьянство и драки, и всегда перед глазами этот тяжёлый, суеверный мужик. То назойливый попрошайка, то озорник и грубиян, он часто кажется близким животному и – вдруг поражает метким словом мудреца, верным суждением о порядках жизни, о себе самом и стоит уже полный неожиданно возникшим откуда-то из глубины его души сознанием своего достоинства. Он – неуловим, непонятен и внушает интеллигенту спутанное чувство робости перед ним, удивления и ещё каких-то ощущений, которые интеллигенту не хочется и трудно определить, но в которых мало лестного для мужика. Колонисты чувствуют себя жертвами какой-то ошибки, но гордость не позволяет им вскрыть её. Заключённые в одном доме, они живут всегда на виду друг у друга, и каждый напрягается, стараясь скрыть от других тихий, но настойчивый рост разочарования в своей задаче, в своих силах. Однако постепенно убыль души ощущается всеми, тогда каждый хочет проверить это опытами над товарищем.

За поведением и мыслью каждого устанавливается, по общему молчаливому соглашению, придирчивый надзор. Если чей-либо поступок нарушает принятую аскетическую норму – люди сладострастно судят и медленно распинают виновного, жадно наслаждаясь ролью истязателей. После суда отношения принимают ещё более извращённый характер, в них скопляется ещё больше лицемерия: под внешнею кротостью кипит и всё растёт неприязнь, перерождаясь в ненависть.

«Борская колония» организовалась на глазах Н.Е.Каронина, при его участии; за жизнью её он внимательно наблюдал. В то время, как он писал о ней свой грустный рассказ, он говорил, смущённо улыбаясь:

– Оправдать их хочется, а – нечем оправдать! Слабые люди? Но – какое же это оправдание!

Может быть, здесь уместно будет указать, что наш интеллигентский индивидуализм неизбежно приводит людей в болезненное состояние, в высшей степени родственное истерии.

Признаки истерического состояния легко открыть у всех современных идеологов индивидуализма, будут ли это мистики, анархисты, христиане типа Мережковского и типа Свенцицкого, – для всех их одинаково характерна чрезмерно лёгкая возбудимость психического аппарата, быстрая смена его возбуждений, настроения угнетающего свойства, отрывочный ход идей, социальная тупость и непосредственно рядом с нею – настойчивое стремление больного обратить стонами и криками своим внимание окружающих на него, на его, в большинстве случаев, вымышленные болевые ощущения.

Как иначе можно было бы объяснить недавнюю выходку одного из защитников культуры от нашествия «хама» – господина Мережковского, который прокричал на страницах «Русской мысли» нижеследующую, едва ли допустимую для культурного человека, фразу:

«Разве умер Джордано Бруно? Ещё бы не умер, издох, как пёс, хуже пса, потому что животное не знает, по крайней мере, что с ним делается, когда умирает, а Джордано Бруно знал».

Хорошо здесь «потому что», столь ярко вскрывающее основной тон «я» – безумный страх личного уничтожения, страх, который был неведом Джордано Бруно и никому из людей, которые умели любить. Этот страх физического уничтожения вполне естественен у людей, ничем не связанных с жизнью, и, разумеется, было бы бесполезно требовать от господ Мережковских уважения к великим именам и великим подвигам; может ли быть это уважение в душе человека, который сам сознаётся:

«Говоря откровенно, мне бы хотелось, чтобы с моим уничтожением – всё уничтожилось; впрочем, так оно и будет: если нет личного бессмертия, то со мною для меня всё уничтожится».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Ясно, что столь низкий строй души низводит «я» на плоскость, с которой оно уже не может заметить разницы между смертью на костре и потоплением в помойной яме, между великой душой, любовно обнявшей весь видимый мир, и собою – микроорганизмом, носителем психической заразы.

И когда люди типа господина Мережковского кричат и ноют о необходимости защиты «культурных ценностей», «наследства веков», то им не веришь.

Странные это существа. Они суетливо кружатся у подножия самых высоких колоколен мира, кружатся, как маленькие собачки, визжат, лают, сливая свои завистливые голоса со звоном великих колоколов земли; иногда от кого-нибудь из них мы узнаём, что кто-то из предков Льва Толстого служил в некоем департаменте, Гоголь обладал весьма несимпатичными особенностями характера, узнаём массу ценных подробностей в таком же духе, и хотя, может быть, всё это правда, но – такая маленькая, пошлая и ненужная...

Продолжая параллель между восьмидесятыми годами и текущим моментом, надо заметить, что интеллигентское «я» того времени было всё-таки более чутким этически, – в нём ещё заметна здоровая брезгливость юности, оно не проповедовало педерастии и садизма, не смаковало картины насилия женщин, – хотя этому, может быть, мешала только цензура? Оно «правело», сконфуженно оглядываясь, а становясь «правым» – стыдилось клеветать на бывших товарищей так цинично, как это делается теперь. Интеллигент в этой стыдливости и нерешительности показать себя доходил даже до следующего: когда уже в девяносто втором году вышли книжки «Вопросов философии и психологии» со статьями Лопатина, Грота и, кажется, Трубецкого или Введенского о Ницше, многие из молодёжи того времени, стараясь скрыть своё желание познакомиться со взглядами еретика, антисоциалиста, читали книжку тайно, как бы боясь оскорбить своих учителей, старых радикалов, заставлявших читать Чернышевского и Лаврова, Михайловского и Плеханова. Разумеется, это смешно, в этом чувствуется слишком ничтожное сознание своего достоинства и своей внутренней свободы, но, может быть, в душу человека тех дней сквозь хлам разрушенной жизни ещё просачивалось инстинктивное ощущение спасительности старого пути к народу, к массе, к созданию оплодотворяющего личность коллектива – прямого пути от демократизма к социализму.

В ту пору, как и ранее, интеллигент ясно видел, что в стране нет хозяина. Смутное чувство необходимости немедленного и энергичного решения социальных задач ещё тлело в нём, и, как ранее, он продолжал сознавать себя единственным носителем интеллектуальной энергии страны.

На рынке жизни он был более, чем теперь, «продуктом без спроса»: правительство ещё озлобленнее, чем раньше, отрицало его, земство и капитал не могли использовать эту силу в той мере, какой требовали уже изменившиеся условия жизни – рост фабрики и развитие культурных запросов деревни.

Взгляд на эпоху восьмидесятых годов как на время квиетизма, пессимизма и всяческого уныния несколько преувеличен, мне кажется, хотя, может быть, это лишь потому, что ваше «сегодня» решительно хуже вчерашнего дня, ибо ко всем прелестям накопленного ныне присоединён ещё и возродившийся грубый, уличный нигилизм, переходящий уже в явное хулиганство. Если вспомнить работу «третьего элемента» в земствах, Вольно-экономическом обществе и комитетах грамотности, исследования по вопросам об артелях, о местных и отхожих промыслах – мы увидим перед собою массу чёрного труда, который потребовал немало усилий и культурная ценность коего – вне спора.

Разумеется, и тогда, как теперь, прежде всего стремились подчеркнуть своё маленькое разногласие с другом и часто забывали о враге, и тогда каждый хотел выделить свою крошечную личность из ряда вполне подобных ей, но всё это не носило столь анархического и противного вида, как в наши дни. Это не голословно и опирается на сравнение литератур того и данного момента.

Возьмём Меньшикова, которого ныне злее всех ругают те, кто становится этически похож на него, и ругают главным образом именно за это всё возрастающее сходство; каков бы ни был Меньшиков теперь, но в ту пору его работа имела неоспоримое культурное значение: он отвечал вопросам наиболее здоровой и трудоспособной группы интеллигенции того времени – городским и сельским учителям. Сравните вариации на тему проповеди «мелких дел» у господ Струве и иже с ним – и вы

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma признаете за Меньшиковым преимущество искренности, таланта, понимания настроения своей публики.

Невозможно представить, чтобы Меньшиков, редактор «Недели», допустил в своём журнале столь грубые выходки, как статья Чуковского о В.Г.Короленко, статья Мережковского о Л.Андрееве, Бердяева о революции и прочие выпады, допущенные «Русскою мыслью» наших дней.

Это одна из иллюстраций положения, которое я формулирую так: русский индивидуализм, развиваясь, принимает болезненный характер, влечёт за собою резкое понижение социально-этических запросов личности и сопровождается общим упадком боевых сил интеллекта.

Возьмём такие произведения старой литературы, как «Бесы», «Взбаламученное море», «Обрыв», «Новь» и «Дым», «Некуда» и «На ножах»; мы увидим в этих книгах совершенно открытое, пылкое и сильное чувство ненависти к тому типу, который другая литературная группа пыталась очертить в образах Рахметова, Рябинина, Стожарова, Светлова и т. п. Чем вызвано это чувство ненависти? Несомненно, тревогою людей, у которых более или менее прочно и стройно сложились свои взгляды на историю России, которые имели свой план работы над развитием её культуры, и – у нас нет причин отрицать это – люди искренно верили, что иным путём их страна не может идти. У каждого из них «были идеи», и каждый оплатил свои идеи дороною ценою, как это известно; их «идеи» могли быть ошибочны, даже вредны стране, но в данном случае нас занимает не оценка идей, а степень искренности и умственной силы их носителей. Они боролись с радикализмом порою – грубо, порою, как Писемский, – грязно, но всегда открыто, сильно.

Современного литератора трудно заподозрить в том, что его интересуют судьбы страны. Даже «старшие богатыри», будучи спрошены по этому поводу, вероятно, не станут отрицать, что для них родина – дело, в лучшем случае, второстепенное, что проблемы социальные не возбуждают их творчества в той силе, как загадки индивидуального бытия, что главное для них – искусство, свободное, объективное искусство, которое выше судеб родины, политики, партий и вне интересов дня, года, эпохи. Трудно представить себе, что подобное искусство возможно, ибо трудно допустить на земле бытие психически здорового человека, который, сознательно или бессознательно, не тяготел бы к той или иной социальной группе, не подчинялся бы её интересам, не защищал их, если они совпадают с его личными желаниями, и не боролся бы против враждебных ему групп. Может быть, этому закону не подчинены глухонемые от рождения, несомненно вне его стоят идиоты и, как указано выше, из его круга вырываются хулиганы, – хотя у хулиганов улиц и трущоб есть групповые организации – признак, что сознание необходимости социальных группировок не вполне отмерло даже в душе хулигана.

Но допустим, существует совершенно свободное и вполне объективное искусство, – искусство, для которого всё – равно и все – равны.

Нуждается ли в доказательствах тот факт, что современному литератору психология революционера далеко «не всё равно», что она ему враждебна и чужда?

Уважая человека, надо думать, что большинство крупных писателей современности не станет отрицать факта: психика эта неприятна им, и они, по-своему, борются с нею. За последние годы каждый из них поторопился сказать «несколько тёплых слов» об этом старом русском типе; посмотрим, насколько «объективно» и «внутренне свободно» их отношение к нему.

Толстой, Тургенев, Гончаров, даже Лесков и Писемский – внушили читателю весьма высокую оценку духовных данных революционера, читатель может уравновесить отрицательные характеры Достоевского положительными у Тургенева, Толстого и поправить преувеличения Лескова с Писемским из Болеслава Маркевича и Всеволода Крестовского; последние двое часто бывали объективнее первых двух.

По свидетельству всех этих писателей, революционер – человек неглупый, сильной воли и большой веры в себя; это враг опасный, враг хорошо вооружённый.

Современные авторы единогласно рисуют иной тип. Герой «Тьмы», несомненно, слабоумен; это человек большой воли, которого можно сбить с ног одним парадоксом. Революционеры «Рассказа о семи повешенных» совершенно не

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma интересовались делами, за которые они идут на виселицу, никто из них на протяжении рассказа ни словом не вспомнил об этих делах. Они производят впечатление людей, которые прожили жизнь неизмеримо скучно, не имеют ни одной живой связи за стенами тюрьмы и принимают смерть, как безнадежно больной ложку лекарства.

Смешной и глупый Санин Арцыбашева на аршин выше всех социал-демократов, противопоставленных ему автором. В «Миллионах» социал-демократ – довольно темная личность, в «Ужасе» революционер – просто мерзавец. Люди «Человеческой волны» – сплошь трусы. Эсдечка Алкина Сологуба – что общего имеет она с женщинами русской революции?

И даже Куприн, не желая отставать от товарищей-писателей, предал социал-демократку на изнасилование паровой прислуге, а мужа её, эсдека, изобразил пошляком.

Следуя доброму примеру вождей, и рядовой литератор тоже начал хватать революционера за пятки, более или менее бесталанно подчёркивая в нём всё, что может затемнить и запачкать его человеческое лицо, – может быть, единственно светлое лицо современности.

Этой лёгкой травле хотят придать вид полного объективизма, бросают грязью в лицо революционера как бы мимоходом и как бы между прочим. Изображают его разбитым, глупым, пошлым, но при этой дурной игре делают сочувственную мину старой сиделки, которой ненавистен её больной.

Употребляя такие приёмы унижения личности врага, какими не пользовались даже откровенные клеветники его – Ключников, Дьяков и другие, – что защищают, ради чего злобятся современные авторы?

Это грустное явление может быть объяснено только тем, что господа писатели невольно подчинились гипнозу мещанства, которое, осторожно пробираясь ко власти, отравляет по дороге всех и всё. Это – упадок социальной этики, понижение самого типа русского писателя.

В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собою феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такою силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот при таких неописуемо тяжких условиях. Это незыблемо устанавливается путём сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имён, как в России, и нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас.

Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты – умы и сердца истинных художников. И все они, правдиво и честно освещая понятное, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!

В нашем храме чаще и сильнее, чем в других, возглашалось общечеловеческое, – значение русской литературы признано миром, изумлённым её красотой и силою. Она сумела показать Западу изумительное, неизвестное ему явление – русскую женщину, и только она умеет рассказать о человеке с такою неисчерпаемой, мягкой и страстной любовью матери.

Между оценкою литературы и нашей интеллигенции есть как бы противоречие, но это противоречие кажущееся. Психология старого русского литератора была шире и выше политических учений, которые тогда принимала интеллигенция. Попробуйте, например, уложить в рамки народничества таких писателей, как Слепцов, Помяловский, Левитов, Печерский, Гл. Успенский, Осипович, Гаршин, Потапенко, Короленко, Щедрин, Мамин-Сибиряк, Станюкович, и вы увидите, что народничество Лаврова, Юзова и Михайловского будет для них ложем Прокруста. Даже те, кого принято считать «чистыми народниками», – Златовратский, Каронин, Засодимский,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma Бажин, О. Забытый, Нефедов, Наумов и ряд других сотрудников «Отечественных записок», «Дела», «Слова», «Мысли» и «Русского богатства», – не входят в эти рамки – от каждого из них остаётся нечто, что даёт нам право сказать так: старый писатель там, где политическое учение могло ограничить его художественную силу, умел встать над политикой, а не подчинился ей рабски, как мы видим это в наши дни. Иными словами: старая литература свободно отражала настроения, чувства, думы всей русской демократии, современная же покорно подчиняется внушениям мелких групп мещанства, торопливо занятого делом своей концентрации, внутренне деморализованного и хватящего наскоро всё, что попадёт под руку, как хватало оно в восьмидесятых годах. Оно бросается от позитивизма в мистицизм, от материализма в идеализм, перебегает из одной старой крепости в другую, находит их непрочными для спасения своего, ныне строит новую – прагматизм, но – едва ли успеет спрятаться где-либо от внутренней своей разрухи.

Писатели наших дней услужливо следуют за мещанами в их суете и тоже мечутся из стороны в сторону, сменяя лозунги и идеи, как платки во время насморка. Но уже ясно, что самая крупная и бойкая мышь в голове современного писателя – антидемократизм.

Возьмите нашу литературу со стороны богатства и разнообразия типа писателя: где и когда работали в одно и то же время такие несоединимые, столь чуждые один другому таланты, как Помяловский и Лесков, Слепцов и Достоевский, Гл. Успенский и Короленко, Щедрин и Тютчев? Продолжайте эти параллели, и вас поразит разность лиц, приёмов творчества, линии мысли, богатство языка.

В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление – понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе её народа, об её роли на земле.

Как человек, как личность писатель русский доселе стоял освещённый ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе, к усталому в труде народу, грустной своей земле. Это был честный боец, великомученик правды ради, богатырь в труде и дитя в отношении к людям, с душой прозрачной, как слеза, и яркой, как звезда бледных небес России.

Всю жизнь свою, все силы сердца он тратил на жаркую проповедь общечеловеческой правды, будил внимание к народу своему, но – не отделял его от мира, как Френсен отделяет немцев, Киплинг – англичан, как начинает отделять итальянцев д'Аннунцио.

Сердце русского писателя было колоколом любви, и вещей и могучий звон его слышали все живые сердца страны..

«Всё это мне известно», – может сказать читатель.

Не сомневаюсь. Но я – для писателей говорю, мне кажется, что слава навалилась на них, обняла и, лаская, заткнула им уши жирными пальцами своими, пальцами сытой, распутной мещанки, чтобы не слышали они голосов, проклинающих её. Я знаю былое отношение читателя к писателю-другу, не раз видал, как, бывало, читатель, узнав, что N пьёт, грустно опускал голову, страдая за учителя и друга своего: с глубокою болью в сердце он понимал, что у N тысяча причин пить горькую чашу.

Думаю, что писатели наших дней, при таких слухах о них, вызывают у читателя только улыбку снисхождения. И это – в лучшем случае.

Что говорил, чему учил старый писатель?

«Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы. Помогай ему подняться с колен, иди к нему, иди с ним. Уважай подругу твою, прекрасную русскую женщину, учись любить в ней человека, товарища твоего в трудной работе строительства русской земли!»

Тысячи юношей пошли на этот зов, подняли вековую тяжесть, соединили передовые, лучшие силы народа и дали исконному врагу первый великий бой, и множество со славой погибло в бою. Но желаемое – совершилось, народ поднялся, осматривается, думает о новой неизбежной битве, ищет вождей, хочет слышать их мудрые голоса.

А вожди и пророки народа ушли в кабак, в публичный дом.

Я не хочу этими словами обидеть кого-либо – зачем мне это? Я просто указываю здесь на явление неоспоримое, всем известное, ибо о нём согласно свидетельствует и беллетристика, и критика, и газеты текущего времени. Если бы это можно было написать, не искажая позорной правды, другими словами, – я написал бы.

Душа поэта перестаёт быть эоловой арфой, отражающей все звуки жизни – весь смех, все слёзы и голоса её. Человек становится всё менее чуток к впечатлениям бытия, и в смехе его, слышном всё реже, звучат ноты болезненной усталости, когда-то святая дерзость принимает характер отчаянного озорства.

Поэт превращается в литератора и с высоты гениальных обобщений неудержимо скользит на плоскость мелочей жизни, шевыряется среди будничных событий и, более или менее искусно обтачивая их чужой, заёмной мыслью, говорит о них словами, смысл которых, очевидно, чужд ему. Всё тоньше и острее форма, всё холоднее слово и беднее содержание, угасает искреннее чувство, нет пафоса; мысль, теряя крылья, печально падает в пыль будней, дробится, становится безрадостной, тяжёлой и больной. И снова – на месте бесстрашия скучное озорство, гнев сменён крикливою злостью, ненависть говорит хриплым шопотом и осторожно озирается по сторонам.

Для старых писателей типичны широкие концепции, стройные мировоззрения, интенсивность ощущения жизни, в поле их зрения лежал весь необъятный мир. «Личность» современного автора – это его манера писать, и личность – комплекс чувств и дум – становится всё более неуловимой, туманной и, говоря правдиво, жалкой. Писатель – это уже не зеркало мира, а маленький осколок; социальная амальгама стёрта с него; валяясь в уличной пыли городов, он не в силах отразить своими изломами великую жизнь мира и отражает обрывки уличной жизни, маленькие осколки разбитых душ.

На Руси великой народился новый тип писателя, – это общественный шут, забавник жадного до развлечения мещанства, он служит публике, а не родине, и служит не как судья и свидетель жизни, а как нищий приживал – богатому. Он публично издевается сам над собой, как это видно по «Календарю писателя», – видимо, смех и ласка публики дороже для него, чем уважение её. Его готовность рассказывать хозяину своему похабные анекдоты должна вызывать у мещанина презрение к своему слуге.

Между прочими мерами степень собственного достоинства человека измеряется его презрением к пошлости. Современный русский «вождь общественного мнения» утратил презрение к пошлости: он берёт её под руку и вводит в храм русской литературы. У него нет уважения к имени своему – он беззаботно бросает его в ближайшую кучу грязи; без стыда и не брезгуя, ставит имя своё рядом с именами литературных аферистов, пошляков, паяцев и фокусников. Он научился ловко писать, сам стал фокусником слова и обнаруживает большой талант саморекламы.

Иногда и он крикливо, как попугай, порицает мещанство; мещанин слушает и улыбается, зная, что зазорные эти слова – лай комнатной собачки и что сахаром ласки легко вызвать у неё благодарный визг.

Вспоминая грозные голоса львов старой литературы, мещанин облегчённо вздыхает и гордо оглядывается: вот настали дни его царства – пророки умерли, скоморохи стоят на месте их и потешают его, жирную жабу, когда он устаёт душить правду, красоту, любовь.

Славная, умная Жорж Занд говорила: «Искусство не такой дар, который мог бы обойтись без широких знаний во всех областях. Надо пожить, поискать, нужно сперва многое переварить, много любить, страдать, не переставая в то же время упорно работать. Прежде чем пустить в ход шпагу, надо основательно научиться фехтовать. Художник, который исключительно художник, бессилён, то есть посредственен, или он вдаётся в крайность, то есть безумен».

Посредственности и безумцы – вот два типа современного писателя.

Момент, переживаемый нашей страной, требует от него больших знаний, энциклопедизма, но писатель, видимо, не чувствует этих требований.

Литература наша – поле, вспаханное великими умами, ещё недавно плодородное, ещё недавно покрытое разнообразными и яркими цветами, – ныне зарастает бурьяном

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma беззаботного невежества, забрасывается клочками цветных бумажек – это обложки французских, английских и немецких книг, это обрывки идей западного мещанства, маленьких идеек, чуждых нам; это даже не «примирение революции с небом», а просто озорство, хулиганское стремление забросать память о прошлом грязью и хламом. Пришёл кто-то чужой, и всё чуждо ему, он пляшет на свежих могилах, ходит по лужам крови, и его жёлтое, больное лицо бесстыдно скалит гнилые зубы. Больной дикарь, он чувствует себя победителем и орёт, орёт, опьянённый радостью при виде людей, которые сегодня слушают его бессвязный крик; эфемерида – он живет шумом и блеском дня, не думая о том, что грозное завтра осудит его, горько и презрительно осмеёт.

О чём говорит современный литератор?

– Что есть жизнь? – говорит он. – Всё есть пища смерти, всё. И хорошее и дурное, содеянное тобой, исчезнет со смертью твоею, человек. Всё – равно, и все – равно ничтожны пред лицом смерти.

Слушая эти новые слова, мещанин одобрительно кивает головою:

– Так, не стоит творить жизнь, и бесполезно стараться изменить её, добро и зло – равноценны. И зачем искать смысла дней? Примем и полюбим их такими, каковы они есть, наполним их всеми наслаждениями, доступными нам, и они будут легко и приятно поглощаться нами.

И, храбро преступая кодекс морали своей – уложение о наказаниях уголовных, – мещанин наполняет дни свои грязью, пошлостью, творит маленькие, гадкие грешки против тела и духа человеческого и – блаженствует.

Он бессмертен, мещанин; он живуч, как лопух; попробуй, скоси его, но, если не вырвешь корня – частной собственности, – он снова пышно разрастётся и быстро задушит все цветы вокруг себя. Проповедь смерти полезна ему: она вызывает в душе его спокойный нигилизм и – только. Острой пряностью мышления о гибели всего сущего мещанство приправляет жирную и обильную пищу свою, побеждая пресыщение своё, а клиенты его, певцы смерти, господа Смертяшкины, действительно и неизлечимо отравляются страхом её, бледнеют, вянут и жалобно кричат:

– Погибаем, ибо нет личного бессмертия!

Известно, что «шуты и дети часто говорят правду».

Чуковский торжественно возгласил унижающую человека и писателя «правду» о современной литературе:

«Ужас Бесконечного» – стал теперь, если хотите, литературной модой. Литераторы, поэты, художники обсасывают его, как леденец. И та литературная школа, с которой теперь всё охотнее сближает своё имя Андреев, – она вся вышла из этого ужаса, питается им. Для того чтобы стать теперь истинным поэтом, нужно уметь ужаснуться. И Блока, и Белого, и Брюсова, и Леонида Андреева, как они ни различны, объединяет один этот животный ужас, который заставлял толстовского Ивана Ильича кричать протяжно и однотонно:

– У-у-у-у!..

Они – как приговорённые к казни. И пусть Брюсов относится к ней бодро и строго, а Белый фиглярничает и строит палачу рожи, пусть Сологуб забегает за секунду до эшафота в свою пещеру, а Городецкий восторгается палачом и поёт ему славословия – всё это, в конце концов, – и эти безумные и мудрые слова, и эти кошмарные и строгие образы, – всё это одно:

– У-у-у-у!

И ничто другое. И великим ныне сочтём того, кто сумеет по – новому, с новым приливом ужаса выкрикнуть этот вопль, и величайшим будет тот, кто заставит и нас вопить за ним, без слов, без мыслей, без желаний:

– У-у-у-у!» (Газета «Родная земля», номер 2, 1907 года.) Вот какова «правда» Чуковского, и, видимо, названные им авторы согласны с этим определением смысла их творчества – никто из них не возразил ему.

Когда наш старый писатель страдал от «зубной боли в сердце» – в честном и чутком сердце своём, – стон его муки сливался со стонами лучших людей земли, ибо он находился в неразрывном с ними духовном сосуществовании и крик его был криком за всех.

Современный неврастеник возводит боль своих зубов – личный свой ужас пред жизнью – на степень мирового события; в каждой странице его книги, в каждом стихотворении ясно видишь искажённое лицо автора, его раскрытый рот, и слышен злой визг:

– Мне больно, мне страшно, а потому – будь вы все прокляты с вашей наукой, политикой, обществом, со всем, что мешает вам видеть мои страдания!

Нет самолюбца более жестокого, чем больной.

Благодарение мудрой природе: личного бессмертия нет, и все мы неизбежно исчезнем, чтобы дать на земле место людям сильнее, красивее, честнее нас, – людям, которые создадут новую, прекрасную, яркую жизнь и, может быть, чудесною силою соединённых воль победят смерть.

Радостный привет людям будущего!

Признаком этического упадка в русском обществе является крутой поворот во взглядах на женщину.

Даже имея в виду хронически плохое состояние органа памяти у русских людей, надеюсь, нет надобности напоминать им исторические заслуги русской женщины, её великий социальный труд, её подвиги. Начиная с Марфы Борецкой и Морозовой, кончая женщинами раскольниковых скитов и революционных партий, мы видим перед собою образ эпический.

Величественная простота, презрение к позе, мягкая гордость собою, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты – вот духовные данные Василисы Премудрой, великолепно и любовно очерченные старыми мастерами образа и слова, а ещё точнее – музеем новейшей русской истории.

Редко на протяжении трудного пути своего спрашивала она, «пеняя»:

– «Долго ли муки сея, протопоп, будет?»

Но когда ей говорили:

– «Марковна! До самая смерти» – она, «вздохня», отвечала:

– «Добро, Петрович, ино ещё побредём».

И вдруг – эта женщина, воистину добрый гений страны, ушла из жизни, исчезла, как призрак; на место её ставят пред нами «кобыл» (прошу заметить, что в этой статье я пользуюсь только теми грубостями, которые были уже употреблены ранее в журналах и газетах последнего времени), наделяют их неутолимою жаждою исключительно половой жизни, различными извращениями в половой сфере, заставляют сниматься нагими, а главным образом – предают на изнасилование.

Последнее удовольствие приняло характер спорта: если А. насилует одну женщину, Б. – трёх, и если Г. – старушку тётку, Ф. – родную дочь. С поразительною быстротой мещанство, одолевшее писателей, заставило их изнасиловать женщин всех возрастов и во всех степенях родства. Теперь, чтобы избежать повторений, необходимо литераторам обратить свои творческие силы на щук, ворон и жаб, следуя примеру одной из своих групп, которая, будучи понуждаема запросами публики, серьёзно приступила к изучению кошек.

Эта эпидемия порнографии, поразившая мозги наших литераторов, развилась так быстро и в таких грубых формах, что ошеломила честных людей, – не все же они побиты насмерть! – и до сей поры, очевидно, они не могут собраться с силами, чтобы протестовать против грязи, которою усердно пачкают русскую девушку,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
женщину и мать.

Если честные люди неясно видят источник отвратительного явления, их может, в данном случае, просветить немудрый господин Бердяев, читавший книгу Вейнингера ещё до перевода её на русский язык. Со свойственным неуклюжему россиянину грациозным умением носить на своих плечах тонкое платье, шитое западными портными и всегда уже несколько засаленное мещанином Европы, с присущим господину Бердяеву талантом огрублять и опешлять все чужие слова и заёмные мысли, он, горячий защитник «культурных ценностей», в одной из своих статей едва ли не первый высказал несколько ценных мыслей о женщине. Тон его статьи весьма напоминает времена борьбы нашей реакционной печати против «стриженных девок», «нигилистов», а тема («духовная организация женщины ниже, чем таковая же у мужчин») – доказывается по-австралийски, с позаимствованиями из туземно-австралийских взглядов на вопрос, из Домостроя и подобных сим источников.

Но важна не статья Бердяева, а мотив, побуждающий его и ему подобных, вчерашних блондинов, озаботиться ниспровержением установившегося отношения к женщине как духовно равноценному и социально равноправному товарищу.

Французы до сего дня прикованы к этому вопросу, немцы и теперь едва решаются касаться его, англичанин хотя и уступает женщине место рядом с собою, но делает это молча, неохотно подчиняясь напору необходимости, и, как заметно, он ещё будет оспаривать завоевания женщины. Наша литература уже в конце первой половины XIX столетия поставила и быстро решила этот вопрос – одна из её великих заслуг перед родиной. Вопрос не мог быть решён иначе: малочисленность культурных сил, одиночество разночинца среди групп, которые презрительно отрицали его, – вся сумма условий, окружавших интеллигента в первые дни его борьбы за место в жизни, – внушили ему верный тон в вопросе о женщине, повелели признать её силой, всячески равной ему. Теперь он, должно быть, думает, что уже победил врага, и, как видно, старается превратить своих союзников – женщину и народ – в подданных, в рабов его милости. Это всегда так делалось, но – никогда не выполнялось столь скверно и цинично.

Мизогиния – нечто от плоти мещанской: женщина, помогавшая в борьбе, мешает победителю-мещанину спокойно пользоваться плодами его призрачной победы, ибо в процессе боя она развила в душе своей слишком высокие требования к мужчине – другу и союзнику.

Мещанство радо новому отношению к женщине и поощряет его, ибо оно возбуждает притупленную чувственность изношенного мещанского тела, – разве не забавно превратить врага в любовницу?

И в гнилых мозгах малокровных людей разгорается сладострастие, отравляя воображение картинами половой борьбы. А литераторы, снова вольно или невольно насыщаясь продуктами разложения мещанской души, переносят их на бумагу, всё более отравляя и себя и окружающих.

На Кавказе, в Кабарде, ещё недавно, по словам А. Веселовского, существовали гегуако, бездомные народные певцы. Вот как один из них определил свою цель и свою силу:

«Я одним словом своим, – сказал он, – делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего».

Наши писатели, разумеется, считают себя выше «некультурного» поэта кабардинцев.

Если бы они действительно могли подняться на высоту его самооценки, если бы могли понять простую, но великую веру его в силу святого дара поэзии!

Теперь посмотрим, как относится наша интеллигенция к другому старому союзнику – мужику – и как относится к нему современная литература.

Лет пятьдесят мужика усиленно будили; вот – он проснулся, – каков же его психический облик?

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Скажут: слишком мало времени истекло, не было ещё возможности отметить изменения лица давно знакомого героя. Однако старая литература имела силы идти в ногу с жизнью, и у новой, очевидно, было время заметить в мужике кое-что; она о нём и говорила уже и говорит.

Но определённых ответов на вопрос – не дано, хотя по некоторым намекам молодых писателей у ж е видно, что ничего отрадного для страны и лестного для мужика они и не видят и не чувствуют.

Насколько обрисован мужик в журнальной и альманашной литературе наших дней – это старый, знакомый мужик Решетникова, тёмная личность, нечто зверообразное. И если отмечено новое в душе его, так это новое пока только склонность к погромам, поджогам, грабёжам. Пить он стал больше и к «барам» относится по шаблону мужиков чеховской новеллы «На даче», как об этом свидетельствует господин Муйжель в одноимённом рассказе, – автор, показания коего о мужике наиболее обширны.

Общий тон отношения к старому герою русской литературы – разочарование и грусть, уже знакомые по литературе восьмидесятых годов, когда тоже вздыхали:

– Мы для тебя, Русь, старались, а ты... эх ты! Изменщица!

И – также ругались. Помню, как поразила меня одна фраза, сказанная уже в 92 году в кружке политических ссыльных по поводу холерных беспорядков на Волге.

– Нет, для нашего мужика всё ещё необходим и штык и кнут! – грустно сказал бывший ссыльный, очень симпатичный человек во всём прочем.

И слова его не вызвали протеста товарищей.

Ныне при таком же молчании «культурного» общества народ именуют «фефёлой», «потревоженным зверем» и так далее (хотя первоначально народ был обруган «фефёлой» за недостаток темперамента, но впоследствии разные ретивые люди называли его этим именем уже «за всё!»). Профессор П.Н.Милюков называет знамя величайшей идеи мира, способной объединить и объединяющей людей, «красной тряпкой», идейных врагов – «ослами».

«Ослы», «кобылы», «звери», «фефёла», «обозная сволочь» – браво, культура, браво, «культурные вожди русского общества»!

В пёстром стане защитников «культурных ценностей» уже нет ни одного честного воина, который мог бы, как Яков Полонский, красиво и искренно возгласить тост «за свободу враждебного пера».

Это ли не понижение типа русского культурного человека?

Рабочий, по осторожным очеркам молодых беллетристов, ещё хуже мужика: он глупее, более дерзок и при этом говорит о социализме, пагубности которого для себя и мира он, конечно, не может понять.

При всей идейной беззаботности господ писателей «венского периода русской литературы», как выразился Амфитеатров, они прекрасно усвоили мещанское представление о социализме как о вредном учении, которое, защищая исключительные интересы желудка, совершенно отрицает запросы духа. Поэтому тяготение к социализму понимается ими как прогрессивное развитие слабоумия.

Что пролетарий везде и всюду среди мещан является неприятным лицом, слишком трагичным в мещанской комедии, что для современного автора он велик и неудобен как герой – всё это понятно.

Мужик же испортил свою карьеру в литературе и, видимо, надолго лишился тёплого отношения беллетристики по такому поводу: видя, что господа волнуются, требуя себе политической власти, и что мундирное начальство уступит им, если он своею силою поддержит господа, – он должен был отдать все силы свои в распоряжение воинствующего мещанства, а оно, построив его руками и своим умом крепость благополучия своего, после этого поблагодарило бы его. Он же, некультурный, вместо того чтобы спокойно ожидать награды со стороны столь благородных господ, с настойчивостью, устранившею их, немедленно потребовал себе «всю землю» и, подстрекаемый рабочими, даже заговорил о социализме. За что – обруган и временно

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma оставлен без внимания со стороны господ, известных своей добротой.

Разумеется, эта ссора интеллигенции с народом не может затянуться надолго: «без мужика не проживёшь», как доказано Щедриным, но «культурному обществу», в интересах сохранения и дальнейшего роста страны, следует возможно скорее прекратить проявления своих оскорблённых чувств, кончить истерические и капризные жалобы на непослушный её желанием народ. Интеллигенция же торопится забить своим телом все щели и трещины в государстве, потрясённом и полуразрушенном революцией; усталая и преждевременно разочарованная, она ищет лишь уютного места для отдыха, в деяниях её нет более любви к своей стране, в словах нет веры.

Надо учесть ещё одно специфически русское явление: непосильный рост «лишних», «никудышных», «никчемных», «ненужных» людей, – рост этот очевиден, как и его причины. Это элемент, крайне опасный для жизни, ибо это люди с убитой волей, без надежд, без желаний, – люди, массой которых прекрасно умеет пользоваться наш враг. Когда тип «лишнего» человека отмечался литературой среди культурного общества, это было не страшно: культура создаётся энергией народа. Но когда сам народ из своей среды и непосредственно выдвигает «никчемных», «никудышных», «ненужных» людей, это опасно, ибо свидетельствует об истощении почвы культурной – духовных сил народа; это явление надо учесть, с ним необходимо бороться. Задача литературы – уничтожить этих людей или, насытив их бодростью, воскресить к жизни активной.

Но – «позна вол стяжавшего и осел ясли господина своего», – литераторы дружно уходят на службу мещанству. На этой почве они неизбежно должны испытать и уже испытывают роковую убыль души: в среде мещанства нет свободных планов, нет широких идей, способных стройно организовать творческие силы личности.

Как на болоте не может разрастись могучий дуб, но растут только хилые берёзы, низенькие ели, так и в этой гнилой среде не может сложиться и подняться высоко над жизнью буден могучий талант, способный окинуть орлиным взором всю пестроту явлений в своей стране и в мире, – талант, освещающий пути к будущему и великие цели, окрыляющие нас, маленьких людей.

Мещанство – это ползучее растение, оно способно бесконечно размножаться и хотело бы задушить своими побегами всё на своей дороге; вспомните, сколько великих поэтов было погублено им!

Мещанство – проклятие мира; оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод; мещанство – чертополох; в шелесте его, злом и непрерывном, неслышно угасает звон мощных колоколов красоты и бодрой правды жизни. Оно – бездонно жадная трясына грязи, которая засасывает в липкую глубину свою гения, любовь, поэзию, мысль, науку и искусство.

Болезненный этот нарыв на могучем теле человечества ныне, мы видим, совершенно разрушил личность, привив в кровь ей яд нигилистического индивидуализма, превращая человека в хулигана – существо бессвязное в самом себе, с раздробленным мозгом, изорванными нервами, неизлечимо глухое ко всем голосам жизни, кроме визгливых криков инстинкта, кроме подлого шопота больших страстей.

Благодаря мещанству мы пришли от Прометея до хулигана.

Но хулиган – кровное дитя мещанина, это плод его чрева. Историей назначена ему роль отцеубийцы, и он будет отцеубийцею, он уничтожит родителя своего.

Эта драма – семейная драма врага; мы смотрим на неё со смехом и радостью, но нам жалко, когда мещанство в борьбу со своим же исчадием вовлекает ценных и талантливых людей, нам грустно видеть, как гибнут они, отравленные гнилостным ядом бурно разрушающейся среды.

Нам – это естественное желание здорового – хочется видеть людей здоровыми, бодрыми, прекрасными; мы чувствуем, что, будучи развита и организована, духовная энергия народа нашего может освежить жизнь мира, ускорить наступление всечеловеческого праздника разума и красоты.

Ибо для нас история всемирной культуры написана гекзамером и мы знаем: в мире будут дни всеобщего восторга людей пред картиною прошлых деяний своих и земля

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
когда-то явится во вселенной местом торжества жизни над смертью, местом, где
возникнет воистину свободное искусство жить для искусства, творить великое!

Жизнь человечества – творчество, стремление к победе над сопротивлением мёртвой материи, желание овладеть всеми её тайнами и заставить силы её служить воле людей для счастья их. Идя к этой цели, мы должны в интересах успеха ревностно заботиться о постоянном развитии количества живой, сознательной и активной психофизической энергии мира. Задача данного исторического момента – развитие и организация, по возможности, всего запаса энергии народов, превращение её в активную силу, создание классовых, групповых и партийных коллективов.

1909 г.

[А.С. Пушкин]

...По необходимости, объясняемой недостатком времени, я рассказываю вам о литературе в том же порядке, в каком написаны нашими историками литературы книги о ней, то есть останавливаясь на крупных именах. Приём этот вы не должны признавать правильным, – он рисует дело так, как будто все эти Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы вырастали вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд – неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли её в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Фонвизина прошёл ряд людей, начиная с А.Кантемира, молдаванина, родившегося в 1709 году и писавшего ещё при Петре Первом, частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Фонвизин и Жуковский обобщали уже данное им предшественниками, причём эти обобщения могли быть и бессознательны, то есть могли почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт.

(Спросить – понятно ли.)

Личные особенности психики каждого крупного поэта и писателя этим указанием не отрицаются: они налицо пред нами в каждом данном случае: Пушкин шире, умнее, талантливее Жуковского – он талантливее именно потому, что шире, он умнее и талантливее именно потому, что насыщен большим количеством знаний, он мастер стиха, превосходящий в технике своих предшественников, но он таков именно потому, что у него были предшественники, отработавшие технику, каждый на свой лад, а Пушкин – мог и сумел объединить в себе всю её новизну и гибкость.

Предшественники и современники Пушкина – Жуковский, Нелединский-Мелецкий, Веневитинов, Катенин, И.Пушкин – его дядя, – кн. Вяземский, кн. Одоевский и целый ряд других поэтов – часто писали стихи, по форме почти равные стихам Пушкина. Но все эти писатели были, так сказать, «любителями поэзии», они старались писать изящно, как французы, поэзия для них была приятной светской забавой; они писали главным образом послания друг ко другу, слащавые любезности в альбомах светских дам; редко кто-нибудь из них возвышался до небольшой поэмы в романтическом тоне – на сюжет о безнадежной любви или о тленности всего земного. Единственным писателем, который касался тем социальных, был Рылеев, декабрист, впоследствии повешенный.

Отметим здесь тот факт, что в рядах декабристов было несколько поэтов. Каховский – тоже повешенный, Кюхельбекер и Одоевский, сосланные в Сибирь, Пущин, Бестужевы – всё это близкие друзья Пушкина, который, как известно, только благодаря случаю – отсутствию из Петербурга – не принял участия в декабрьских событиях, а впоследствии, на вопрос Николая – с кем он был бы 14 декабря? – ответил: «С моими друзьями, ваше величество!»

...В стране экономически отсталой и не успевшей принять классовую организацию, в стране, где правительство всячески старалось уединиться от народа и общества и, заботясь о своём самосохранении, о развитии своих сил, развивало только бюрократический административный аппарат, который душил всех с одинаковым усердием, – в этой стране все должны были объединяться на почве оппозиции правительству и политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого.

Тем более подчинялись политике литераторы как люди широких обобщений, как

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma наиболее чутко воспринимающий, объективно мыслящий мозг – вот причина, почему русская литература вплоть до наших дней стояла в теснейшей связи с революционными течениями.

И здесь же мы находим объяснение тому факту, что русский литератор – как было сказано – в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного, ибо, даже будучи по основам психики своей человеком классовым, он был понуждаем возвышаться над узкими задачами своего класса, был принужден заботиться не столько о выработке классовой идеологии, сколько о борьбе против идей и действий правительства, одинаково враждебных всем классам.

Необходимо было создать что-то, что объединило бы всю массу общества, необходима была борьба с идеологией бюрократ[ии] и царей, – нужно было выдвинуть против понятия «народность» иное понятие, а для того, чтоб выработать его, требовалось внимательное изучение народа.

Просмотрим это положение на примере Пушкина.

Он – дворянин, он обладает предрассудками аристократа, гордящегося древностью своего имени.

Когда Булгарин, лакей правительства и доносчик, упрекнул Пушкина в том, что предок его со стороны матери, негр Ганнибал, был куплен Петром в Голландии за бутылку водки, Пушкин ответил:

.....
Под гербовой моей печатью
Я свиток грамот схоронил,
И, не якаясь с новой знатью,
Я крови спесь угомонил.
Я неизвестный стихотворец,
Я Пушкин просто – не Мусин,
Я сам большой, не царедворец:
Я грамотей, я мещанин.
P[ost] S[criptum]
Видок фиглярин, сидя дома,
Решил, что дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.
И был отец он Ганнибала,
Пред кем, среди гибельных пучин,
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

.....
«Моя родословная...»

Здесь звучит нечто новое по тем временам – именно: звучит уверенность человека в его праве «читать самого себя» не только по заслугам предков, но за свои личные заслуги перед обществом.

Очень вероятно, что частые указания Пушкина на своё дворянство вызывались следующими причинами:

1. В ту пору Александр, постепенно отдаляя от себя русских, заменял их немцами, – во главе государства становились люди с именами Клейнмихель, Адлерберг, Бенкендорф и т. д. По свидетельству Якушкина и других декабристов, это явление тревожило дворян и сливалось с общим оппозиционным настроением молодёжи.

Вспомните: они смотрели на себя как на победителей Европы, а их ставили под команду немцев.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
2. Не менее вероятно и то, что лично Пушкин вкладывал в понятие дворянства чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы.

Вспомните опять–таки, что Фонвизин покаялся пред Екатериной в дерзостях своего пера, что Радищев – отрекался от своей книги, Новиков – лицемерил на допросах, а Пушкин – заявил царю в лицо, что 14 декабря он, Пушкин, встал бы в ряд с декабристами.

Но – посмотрим, как он сам смотрит на дворянство и зачем оно нужно ему:

У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием; мы не хотим быть покровительствуемы равными – вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница!..

Рылеев сказал ему:

Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным! Ты сам по себе молодец.

Мне досадно, – отвечает Пушкин, –

что Рылеев меня не понимает. В чём дело? Что у нас не покровительствуют литературе и это – слава богу! Зачем же об этом говорить? Напрасно! Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нашей словесности. Чего ж тебе более? Загляни в журналы в течение шести лет, посмотри, сколько раз упоминали о мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасну, а о нашем приятеле – ни гугу! как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста – нет! а всякий знает, что хоть он расподличайся – никто ему спасибо не скажет и не даст пяти рублей: так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. моё дворянство старше). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от сословия писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить, как иностранных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожил на них. Там есть нечего – так пиши книгу, а у нас есть нечего – так служи, да не сочиняй...

Это относится к 1825 году. Но в заметках поэта за 1825–30 годы мы находим такое признание:

Нашед в истории – одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *con amore* (с любовью – итал.), но безо всякой дворянской спеси. Изю всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое, древнее же пришло в упадок; его права уравниены с правами прочих сословий, великие имена давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать к такой аристокрации не представляет никакого преимущества в глазах благоразумного человека, и уединённое почитание к славе предков может только навлечь нарекания в страшном бессмыслии или в подражании иностранцам.

Но от кого бы я ни происходил, – от разночинцев, вышедших в дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, – образ мыслей моих от этого никак бы не зависел. Отказываться от него я ничуть не намерен, хоть нигде доньше я его не обнаруживал, и никому до него дела нет.

До Пушкина литература – светская забава, литератор в лучшем случае – придворный, как Дмитриев, Державин, Жуковский, или мелкий чиновник – как Фонвизин, Пнин, Рылеев. Если он придворный – с ним считаются, но покуда он чиновник – его третируют как забавника, как шута.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Вот как изображает Рылеев положение литератора:

Опять под час в прихожей
Надутого вельможи
(Тогда как он покой
На пурпуровом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Её лобзая нежно),
С растерзанной душой,
С главою преклоненной,
Меж челядью златой,
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полу-царь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь.
Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло,
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,
Корнетов-дуэлистов,
Поэтов-эгоистов
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На юге за свободу, –
О срам! о времена! –
Поссорились за оду!..
«Пустыня».

Николай Полевой: отношение знати к литератору.

Пушкин первый почувствовал, что литература – национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недосыгаемую: в его глазах поэт – выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

В 1819 году, дружа с декабристами, Пушкин пишет на возвращение Александра из-за границы:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!» –
Царь входит и вещает:
«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал –
И делом не измучен.
«Узнай ещё в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца – в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiy.ma

По царской милости моей
Отдам из доброй воли».
От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»
«Сказки (Noël)».

В 1826 году, когда Николай возвратил его из ссылки, он говорит царю:

В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.
Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Семейным сходством будь же горд,
Во всём будь пращурю подобен:
Как он, неумолим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.
«Стансы».

Но когда его упрекнули в лести за эти стихи, он отвечает:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю..
«Друзьям».

В ноябре 1823 года в Испании был казнён революционер Риего Нуньес; сообщая об этом царю, граф Воронцов сказал: «Какая счастливая новость, ваше величество!»

Пушкин немедленно откликнулся:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риего был удушен.
«Я очень рад», сказал усердный льстец:
«От одного мерзавца мир избавлен!»
Все смолкнули, все потупили взор:
Всех удивил нежданный приговор.
Риего был, конечно, очень грешен, –
Согласен я, – но он за то повешен;
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этак нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел своей улыбкой ободрить,
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства!
и заклеил Воронцова таким четверостишием:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, – но есть надежда,
Что будет полным наконец.
И в том же самом 1826 году, когда он советовал Николаю:

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua
Во всём будь пращурю подобен...
он, присмотревшись к порядкам нового царствования, характеризует его так:

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
Царь же ездил на развод.
Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куролесит
И попрежнему развод. [1]

А в 1827 году посылает в Сибирь друзьям строки, полные надежды:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра –
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.
«В Сибирь (декабристам)».
Декабристы устами князя Одоевского ответили ему:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя –
И православный наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей –
И радостно вздохнут народы.
Он – дворянин; но когда вышла в свет «История» Карамзина, Пушкин великолепно пригвоздил её своим стихом:

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья. [2]
Он пишет:

В России нет закона:
В России столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона. [3]
Нужно помнить, что за каждое из таких стихотворений в ту пору можно было получить каторгу, ссылку, тюрьму.

По отношению к правительству Пушкин вёл себя совершенно открыто: когда до двора дошли его ода «Вольность», его эпиграммы на министров и царя и когда узнали, что он показывал в театре портрет Лувеля, убившего герцога Беррийского, – граф Милорадович вызвал его к себе, а в квартире велел сделать обыск.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

«Обыск не нужен, – заявил Пушкин, – я уже всё, что надо было, сжёг». И тут же написал на память все свои противоправительственные стихи. Только благодаря Карамзину и другим вельможам это кончилось для Пушкина высылкой из Петербурга, – Александр Первый предполагал сослать поэта в Сибирь или Соловки.

Теперь рассмотрим обвинение Пушкина в презрительном отношении к «черни», – как известно, на основании этого отношения наши реакционеры зачисляли Пушкина в свои ряды, а наши радикалы, вроде Писарева, отрицали за поэтом всякое значение.

Прежде всего надо знать, что презрительное отношение к «черни» было свойственно всем романтикам, начиная с Байрона, – это был один из лозунгов литературной школы.

Признавалось, как вы знаете, что поэт – существо высшего порядка, абсолютно свободное, стоящее вне законов человеческих. С этой точки зрения, разумеется, и общество, и государство, и народ резко отрицались, как только они предъявляли к поэту какие-либо социальные требования.

Наши писатели допушкинской эпохи тоже были заражены этим взглядом; так, например, Державин говорил:

Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь...
Он же:

Умолкни, чернь непросвещённа,
Слепые света мудрецы!..
Он же:

Прочь, буйна чернь непросвещённа
И презираемая мной!..
Дмитриев:

Будь равнодушен к осуждёнью
Толпы зоилов и глупцов...
Жуковский:

Не слушай вопли черни дикой...
Можно привести ещё десяток таких выкриков, но я вообще сомневаюсь в том, что эти выкрики относятся к народной толпе, к народу.

Причины сомнения следующие: поэты до Пушкина совершенно не знали народа, не интересовались его судьбой, редко писали о нём. Это придворные люди, вельможи, они всю жизнь проводили в столице и даже свои деревни посещали очень редко и на краткий срок. Когда же они изображали в своих стихах мужика, деревню – они рисовали людей кротких, верующих, послушных барину, любящих его, добродушно подчинявшихся рабству; деревенская жизнь рисовалась ими как сплошной праздник, как мирная поэзия труда. О Разине, Пугачёве – не вспоминали, это не сливалось с установленным представлением о деревне, о мужике.

Пушкин тоже начал с романтизма. Вот как он определяет свою позицию поэта:

Поэт, не дорожи любовью народной!
Восторженных похвал пройдёт минутный шум,
Услышишь шум глупца и смех толпы холодной;
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.
«Поэту (Сонет)».

–
Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне – свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова! [4]
Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода..
Зависеть от властей, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними!.. Никому
Отчёта не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиленья –
Вот счастье! вот права!..
«Из VI Пиндемонте».

Наконец, у него есть ещё более резкое определение своего отношения к «черни».

.....
Подите прочь, – какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело;
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы;
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры, –
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор – полезный труд! –
Но, позабыв своё служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
«Чернь».

Но – кто эта чернь? Подразумевал ли под нею Пушкин именно народ?

Рассмотрим вопрос.

Прежде всего Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу, не искажая в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов. Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил не изменёнными их смысл и силу.

Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и так далее. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а, напротив, оттенил ещё более резко.

Он перевёл с сербского несколько народных легенд из сборника Караджича; когда вышли подделанные французским писателем Проспером Мериме «Песни западных славян» – Пушкин немедленно переводит их на русский язык. Он записывал во время своих путешествий сказки и песни и более пятидесяти штук передал Киреевскому для его знаменитого сборника. Он собрал целый цикл песен о Стеньке Разине, которого называл «единственным поэтическим лицом в России», – заметьте, что Разин по своим намерениям и по духу был несравнимо демократичнее Пугача, с грустью осмеянного Пушкиным.

Бенкендорф сказал Пушкину: «Песни о Стеньке Разине, при всём поэтическом своём достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, проклинает Разина, равно как и Пугачёва».

Пушкин непосредственно сталкивался с народом, расспрашивал мужиков о жизни и – вот какие записи делал в своих путевых тетрадях...

Пушкин знал жизнь крестьян: возьмите из «Хроники села Горюхина» отрывок «Правление приказчика» – это типичнейшая для того времени картина разорения деревни.

А вот деревенская картинка, написанная как будто Некрасовым:

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Что ж ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И песенкою нас весёлой позабавить?
Смотри, какой здесь вид: избышек ряд убогий,
За ними чернозём, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлые? Где тёмные леса?
Где речка? На дворе, у низкого забора,
Два бедных деревца стоят в отраду взора, –
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и, желтея,
Чтоб лужу засорить, ждут первого Борей.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок; за ним две бабы вслед;
Без шапки он; несёт под мышкой гроб ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил;
Скорей, ждаты некогда, давно б уж схоронил!
«Шалость».

Он собирал песни и в Одессе, и в Кишинёве, и в Псковской губернии – для чего переодевался в платье мещанина, и, изучая народную жизнь, народную речь, ругает своё воспитание «поганым и проклятым». Он учится русскому языку у Крылова, ещё больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговков, в трактирах, на постоянных дворах, у солдат.

«Объят тоской за чашей ликования» – он бросает жизнь столицы и едет в деревню «насладиться простотой речей и ума народного игрою».

Этот человек не мог под именем «черни» подразумевать народ – его он уважал и о силе его догадывался чутьём.

Кто же та чернь, о которой поэт говорит с таким отвращением?

Несомненно, что под именем черни он подразумевал то светское, столичное общество, в котором жил. Посмотрим, как он характеризует это общество и не сольются ли эти характеристики с отношением Пушкина к черни.

Говоря о светском обществе, он восклицает:

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья.
Далее:

.....
К доброжелательству досель я не привык,
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

Глубоко выразит сердечный тяжкий стон
И выстраданный стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомой силой –
Она в ладони бьёт и хвалит иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца внезапное волнение,
Утрата скорбная, изгнание, заточение, –
«Тем лучше», говорят любители искусств:
«Тем лучше! наберёт он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ними не найдёт сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

«Ответ Анониму».

И ещё: Алеко, в поэме «Цыганы», говорит своему сыну:

Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат
И не меняй простых пороков
На образованный разврат.

Изображение светского общества в «Онегине» достаточно – я не буду его повторять.

«Какой это ужас родиться в России талантливым человеком!» – сказал он однажды, и много раз пришлось ему повторять эту горькую и верную фразу.

Пока Пушкин шёл тропой романтизма, протоптанной до него, пока он подражал французам, Байрону, Батюшкову, Жуковскому, – общество, замечая его удивительный талант, ценя музыку нового стиха, одобряло поэта.

Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обыденную жизнь, стал изображать жизнь реально, просто и верно, – общество стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствуя в нём строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, невежества и рабства, жестокости и холопства пред силою власти.

Про него говорили, что ссылка в Сибирь заменена ему ссылкой в Одессу потому, что он позволил себя высечь. В Одессе его травили, рассматривая как ссыльного, мелкого чиновника и не считаясь с его дарованием. Он озлоблялся и был вынужден «противопоставлять табели о рангах то демократическую гордость таланта и ума, то своё 600-летнее дворянство».

В семье к нему относились подозрительно и грубо: отец даже однажды обвинил поэта в покушении на убийство, что грозило каторгой.

Его травил Булгарин, искажала цензура, Бенкендорф преследовал выговорами. Стихотворения «Моя родословная», «На выздоровление Лукулла» и насмешливые четверостишия вызвали, наконец, непримиримую злобу к поэту; ловкие люди искусно раздували общее недоброжелательство к нему, наконец против него была пущена в ход клевета, и – вскоре его застрелили.

Его судьба совершенно совпадает с судьбою всякого крупного человека, волею истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных, – вспомните, что говорилось здесь о Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело.

Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства.

Мы должны уметь отделить от него то, что в нём случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами, – всё дворянское, всё временное – это не наше, это чуждо и не нужно нам.

Но именно тогда, когда мы откинем всё это в сторону, – именно тогда пред нами и встанет великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», – поэт, до сего дня никем не превзойдённый ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт – родоначальник великой русской литературы.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Повторим ещё раз его самохарактеристики – они поучительны как взгляд поэта на задачи его в жизни.

«ЭХО»

«ПРОРОК»

«ПАМЯТНИК»

Что же даёт Пушкин читателю–пролетарию? Во–первых – на примере его творчества мы видим, что писатель, богатый знанием жизни, так сказать перегруженный опытом, в своих художественных обобщениях выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса – и объективно рисует нам этот класс с внешней стороны как неудачную и нестройную организацию части исторического опыта, с внутренней – как психику своекорыстную, полную непримиримых противоречий.

Чисто и резко классовый писатель стремится представить свой класс владыкой и собственником неоспоримых социальных истин, которые для всей массы народа имеют обязательное значение, для всех являются догматами, требующими безусловного подчинения им; такой писатель изображает идеи, чувства и верования своего класса как единственно правильное, полное и верное отражение всех сторон жизни – всего опыта человечества.

Несомненно, что Пушкин – дворянин, он сам одно время кичился этим, но нам важно знать, что уже в юности своей он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и – отразил всё это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью.

В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего и достигал с гениальным умением.

Его произведения – драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи; все они суть гениальные иллюстрации к русской истории.

Писатель классовый, группируя свои наблюдения по шаблону интересов своего класса, говорит нам:

– Вот истина, извлечённая мною из наблюдений над жизнью человеческой, – иной истины нет, не может быть!

Это – превращение тенденции одного класса в догмат, обязательный для всех других, это – проповедь необходимости подчинения всей массы народа моральным и правовым нормам, выгодным только командующей силе. Здесь искусство приносится в жертву интересам воинствующей политики, низводится до орудия борьбы и – не убеждает нас, ибо мы видим или чувствуем в нём внутреннюю фальшь.

«...От кого бы я ни происходил, – говорит Пушкин, – ...образ мыслей моих от этого никак бы не зависел».

Это слова человека, который чувствовал, что для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса.

Эстетическое значение поэзии Пушкина не стану доказывать, это потребовало бы сравнений стихов его со стихами лучших писателей наших дней, исследований языка со стороны богатства слов, простоты, меткости и так далее.

Вы слышали его стихи в моём плохом чтении, вы знали их и до сего дня, – вы знаете, что никто из современных поэтов не может, не способен написать такого великолепного гимна радости, как «Вакхическая песня» Пушкина.

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жёны, любившие нас!

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно,
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце! да скроется тьма!
О писателях-самоучках
К сведению господ авторов, из произведений которых составлена эта статья:
гонорар за статью поступает в фонд по организации в С.-Петербурге детского дома
имени Льва Николаевича Толстого.

Орфография и пунктуация авторов сохранена.

Надо остановить внимание на участи русской интеллигенции и трагическом характере отношений ее и народа.

(А.И. Эртель)

Сейчас народился новый читатель, который хочет не только читать, но и творить. Он не хочет уже больше слушать, что говорят другие, он хочет слушать свою мысль, свое сердце и исполнять призывы их. И вот, мне кажется, сейчас надо собирать эти силы, искать их.

(Из письма провинциала, литературного предпринимателя)

За время 1906–10 годов мною прочитано более четырёхсот рукописей, их авторы – «писатели из народа». В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но – в них запечатлены живые человечьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чём думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы.

Мне кажется, что для вас, читатель, небезынтересно и небесполезно послушать, о чём и как думают несколько сот душ простых людей, живущих где-то рядом с вами.

Я внимательно, как только мог, прочитал все эти тетрадки серой бумаги, экономно исписанные непривычными к перу руками, сделал из них выписки тех мест, которые наиболее поражали меня, сделал выписки из писем авторов, – и предлагаю всё это вашему вниманию, будучи убеждён, что делаю не худое дело.

Разбирая выписки, я был заинтересован частыми совпадениями мыслей у разных людей, разъединённых огромными пространствами; я, как увидите, сгруппировал эти мысли по их сходству, но я делал это не ради вящего торжества какой-нибудь тенденции, а просто из соображений порядка.

Не думаю, чтобы мне удалось одолеть хаос, однако полагаю, что всё-таки несколько облегчил вам труд разобраться в этом материале, который – повторю ещё раз – мне лично кажется очень поучительным.

Кто авторы?

Всех авторов – 348.

Живут:

на заводах, железнодорожных станциях, в фабричных посёлках и деревнях. 169

в губернских городах 72

в уездных 4

в Москве 41

в Петербурге 22

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua

Делятся:

на рабочих 114

крестьян 67

сапожников 9

дворников 6

извозчиков 5

солдат 5

портных 4

приказчиков 4

каторжников 4

швей 5

горничных 3

проституток 2

кухарка 1

торговка яблоками 1

прачка 1

больничная сиделка 1

кладбищенский сторож 1

ночной сторож 1

трубочист 1

швейцар 1

полицейский 1

Профессии остальных не удалось определить.

Изо всей этой группы одиннадцать человек печатают свои произведения.

Степень грамотности у подавляющего большинства очень низка. Многие адресуют письма и бандероли так: «Италия, Остров Крит» или «Кипр». Довольно часто автор забывает указать свой адрес или даёт его в таком виде: «Усманьского уезда Степану Накляшину, для солдата». «Херсонь, Проховой завод, а если не будет переслать Казань». Нередко письма возвращаются «за неотысканием адресата».

Грамотность рабочих в общем выше грамотности крестьян, и знание литературного языка преобладает у первых.

Что заставляет их писать?

Двадцать девять человек смотрят на литературу как на отхожий промысел, как на средство заработка. Семь из них – крестьяне, десять – рабочие, один – дворник, один – корзинщик; профессии и сословие остальных не удалось определить.

Вся эта группа – люди очень низкой грамотности. Вот образчики их писаний:

Корзинщик – автор повести в стихах:

«ДНЕВНИК ПРОСТИТУТКИ

Я есть бедный кустарь корзины плету
буду ожидать за мой труд и одобрительного ответу
представте хотя я и бедный а что воображаю
до невозможности презренный металл обожаю
если на моих музолях не один рублик заблестит
сердцу моему это очень польстит.»

(Это, конечно, безграмотно. Однако – извинительно, ибо вот как пишет «студент юридического факультета»:

«Падают осенью листья ентарные
С жалобой странною, сонною, жуткою
Осенью звезды поют лучезарныя
Ночью струнную, ночею чуткою..»

А в рождественском номере одной крупной провинциальной газеты напечатаны стихи такого рода:

«И только хилыми зарями
Одну надежду я холю,
Что одинокими мечтами
Я путь усталый окроплю.»

В одном из альманахов помещён такой перл:

«Магазины глухо ставнями
Всюду заперты и спят,
Шевеля уныло плавнями,
Тучи чудища летят.»
Плавники, должно быть, с плавнями смешал поэт.

Текущая литература, как это многократно отмечалось и всё чаще отмечается, изобилует признаками неуважения к русскому языку.)

А о проститутке он всё-таки пишет так:

«Она не виновата
Была оболъщена и невинность у нее отнята...»
Вообще отношение автора к проститутке гуманное, сердечное. В заключение длинной истории её страданий говорится:

«По всему свету проститутка существует
И всякая нация о ней тоскует
А никто на них внимания не обращает
И в целях добрых не помогает.»
Рабочий – кочегар:

«Прошу у вас рекомендацию какой-нибудь могущей персоне или быть может вы можете употребить мою способность то есть талант философии тотально натуральной и поэзии, али же покрайней мере дать мне совет что мне делать с этим. Я в последний шесть лет сознал и разработал себе в голове философию тотально, затем доброе чувство поэта и еще отличный талант к музыке, и потому было бы очень жаль оставить это без внимания, которое может совершится малым награждением за мою работу с начала. Для нас понятно чем больше таких людей на земном шаре существует, тем скорее все злое покорится доброму...»

Рабочий на сахарном заводе:

«Решившись взяться за литературный заработок по случаю того, что читанное мною несколько не лучше как и я могу написать.»

Крестьянин:

«По слабости здоровья не могучи победить никакого труда физического направления прошу покорно допустить меня в писательство.»

Крестьянин:

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Как мне стало известно, что сочинители получают за записанный лист большие деньги, то посылаю мое описание одному случаю у нас...»

Проститутка, приславшая списанный ею и сильно искажённый «Сон богородицы»:

«Желаю бросить мое занятие, а средств не имею и прошу напечатать в издаваемом вами «Вестники Знание» сочиненный мною сон.»

Торговка яблоками – автор публицистической статьи:

«Наша благородная полиция, как она оберегает бедный улишный народ и про городскую управу.

Сын мой извещаю сослан на поселение и не могу я ему помочь от своих доходов, а здоровьем он слабый...»

И все двадцать девять мотиваций приблизительно таковы же.

Но вот что пишет та же торговка в своей статье:

«Добрые люди, послушайте голос простого старого сердца, сердца матери, много плакало оно горькими слезами, ведь бедный не виноват за то, что он родился на божий свет и все вы родились от матерей одинаковым способом, отчего же не уважаете друг друга и спихиваете со свободного места в грязь и нищету и могилу голодную.»

Группирую выдержки из писем, в которых проповедь уважения подчёркнута как побудительный мотив к писательству:

Сапожник:

«Мне хочется вызвать в людях уважение к самим себе, потому что по моему наблюдению над ними они куда лучше, чем думают друг о друге.»

Крестьянин:

«Вот г-да я вам рассказал историю моей жизни, в моей жизни столько случилось разных походов и ужасов и бедствий, что с редким человеком может случаться это, не одного радостного дня не видал я в своей жизни, я прошел тернистый путь...»

Нужно, господа, сознать самое полезное сословие в нашем государстве – это крестьянство, и потому нужно помочь ему выбраться на культурную дорогу, зачем пренебрегать им ведь он такой же человек, как и другие.»

Рабочий, автор рассказа о том, как мастеровые-шорники издевались над некрасивой робкой барышней, которая часто – и всегда в одно и то же время – проходила мимо их мастерской. Они пугали её, оскорбляли, но вот их мастерской коснулось некое веяние, и, когда они пожелали ближе ознакомиться с ним, к ним пришла многократно оскорблённая ими барышня. Её встретили насмешливо, скептически, но – она победила их недоверие горячею речью о необходимости в людях уважения друг ко другу и о том, что отсутствие этого чувства в человеке служит преградой делу освобождения людей.

В письме, присланном с рукописью, автор говорит:

«Мысль, изложенная в рассказе, не нова, но есть какое-то наивысшее желание поделиться ею.»

Дворник, автор рассказа о кухарке, которая обкрадывала своих хозяев и на деньги, скопленные воровством, освободила из публичного дома свою подругу, бывшую горничную. Пишет:

«Надо глубже видеть жизнь других людей, жить, не понимая, кто вокруг нас, – невозможно, извините, если вы думаете не так.»

Приказчик, тема его повести такова: служащие в большом магазине обуви внушают одному из товарищей, человеку безвольному и робкому, что он парень редкой красоты и ума и хозяйская дочь засматривается на него. Он долго не верит им,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma прячется по уголкам, но, незаметно для себя, поддается внушению и несмело начинает ухаживать за дочерью хозяина, весёлой гимназисткой. Она немножко кокетничает с ним, он же, искренно увлечённый, объясняется ей в любви. Оскорблённая барышня жалуется отцу на дерзость служащего. Отец дал пощёчину герою, а герой, схватив ножницы, едва не воткнул их в глаза одного из товарищей.

Повесть написана очень плохо, а в письме, приложенном к ней, автор, несколько неожиданно, объясняет свою тему и цель так:

«Надо говорить человеку не только о том, что он плох, да почему он плох, а что хорошо в нём и почему хорошо.»

Разноречие между тем, что автор хочет сказать, и тем, что говорит – очень частое.

Так, например, полицейский, написавший в форме диалога историю двух малолетних проституток, историю очень грубую и страшную своими подробностями, говорит в письме:

«Человек я малообразованный, да и не такого возраста, чтобы надеяться, что из труда моего выйдет путное, 38 лет мне уже. Писал для специалиста в деле знакомства с жизнью, чтобы через вас внушить людям: пора нам, русским, иметь одну родную сердцу мысль или, как называется, идею, которая всех бы нас собрала во единое. Это надобно внушать прежде всего: человек не игрушка, не на забаву друг другу родились мы.»

Забота о человеке, желание вызвать к жизни человеческое, проповедь уважения к человеку – мотивы вполне ясные у пятидесяти трёх человек.

Рабочий, токарь, говорит в письме:

«Меня занимает человеческое, очень желается об этом рассказывать, ночей не спишь, но мысли длинные, а привычки выражаться книжными словами нет, так что одно мучение.»

Другой рабочий, столяр:

«Ничего нет выше на свете, как обучить человека. «Ребенка обучить – дать миру человека», сказал Гюго.»

Третий:

«Пишу о любви, потому что пропаганду любви деятельной, а не на словах, ставлю выше всего. Пишу стихами, понимаю, что тут проза не подходит.»

Вот образец его поэзии:

«Пусть я грязен и невежда,
Жизнь обломала мне бока
И души моей одежда
Так тесна и узка.
Но – о, братья мои, люди.
Жив я и жива душа,
Пусть что будет, то и буди –
Жизнь как утро хороша.
К вам любовью пламенею,
Я горю в ней, как в огне,
Научите – как мне ею
Поделиться с вами мне...»

Этот – сгорел: письмо, посланное ему, возвращено с отметкой: «за смертью адресата».

Извозчик говорит:

«После славных лет, когда жизнь наша потрясена со всех концов до глубины, требуется теперь нам осмотреть друг друга. Чего нам ждать одному от другого и что делать дальше с пользой для всех. Теперь каждому хочется сказать – а я вот как думаю об этом о жизни, а сказать негде. Мне не требуется денег за мое

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта
писание, только пожалуйста напечатайте, подымите дух.»

Крестьянин пишет:

«В настоящее время приходится стать ближе к природе и смотреть на будущую жизнь открытыми глазами, где правда.»

Сапожник:

«Одиночество и тоска гнетет меня здесь и тянет куда-то и вот по ночам пишу для кого-то, как будто близкого мне, но неизвестно где находящего.»

Профессия неизвестна:

«...Я служил мальчиком в сапожном магазине, хозяин послал меня по своим делам, но дорогой меня застал дождь и я должен был укрыться. Оглянувшись кругом, я увидел недалеко книжный магазин, крыльцо которого было с навесом, я спрятался под навес и стал осматривать выставку. Вдруг я заметил небольшую книжку, немедля я взошел в магазин и купил ее и стал читать. Уж дождь давно перестал, солнце раскинуло свои золотистые лучи, облака поднялись выше, а я еще только что вернулся в магазин. Конечно, я не отделался от подщечин: щедрый доверинный всегда своей широкой ладонью бил с права налево; удары были сильны, но не было больно, только лишь заплакал за то, что мою книжку он скомкал и бросил в мусор. За то с тех пор я стал не спать ночей и все писал, и это писание – не угасимое до сих пор пламя, которое хочет все больше и больше разгореться, но нет тех средств, от чего могло бы ярче разгораться.»

Настроение большинства, – как это видно из сказанного выше, – бодрое, дееспособное и часто восторженное.

Вот что пишет один из авторов, профессия и сословие которых мне неведомы:

«Чувствую, растет во мне сила великая», – говорит Илья Муромец старцам, когда выпил здоровую чашу браги; то же самое и я мог бы сказать о себе в духовном отношении. Внешне это было бы неудержимо смешно: я очень мал, слаб и мизерен, и слабею от различных недостатков и переживаний с каждым днем. Досадно мне это, хотелось бы чтонибудь особенно хорошее, милое сделать на свете...»

«Кто знает, может я с ума схожу от радости, что живу на белом свете!» – восклицает рабочий, автор длинного стихотворения «Дни осени», написанного в таком тоне:

«Ветер словно пес голодный
За окном уныло воет,
Говорит философ модный:
Вася Демин – жить не стоит!
Угол Васи сыр и темен,
Жизнь полна тоски и зла,
Но – смеется Вася Демин,
Знает Вася: жизнь – светла!
Вася – крепкая натура
И хоть от простуд проклятых
У него температура 38 3/10 –
Но Василий наш не стонет,
Не опустит он руки,
Ведь болезнь – души не тронет,
Остальное – пустяки!»
Рабочий железнодорожного депо говорит:

«Я бы не хотел лучшей жизни для себя, в смысле пищи, одежды и жилища, нет, я здоров, могу обходиться самым необходимым, скромно одеться и покушать, вот и все, но мне хотелось бы подь-учиться немного, чтобы то, что накопилось в душе, могло свободно вылиться в слова, а эти мои слова и мысли и чувства прочли бы окружающие и может быть нашли бы в них чтонибудь интересное.»

Другой:

«Я самоучка, по профессии слесарь, много лет работал на машиностроительных

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
заводах по России; все это я испытал на своей шкуре, всю суровую жизнь; как
говорится прошел все огни и воды и медные трубы, но какая-то неведомая сила
заставляет меня обратиться к писательству.»

Третий:

«Я рабочий, необразован, но я стремлюсь к чему-то, к чему и сам не знаю, а бедность и необразованность прижимают меня к земле и не дают мне возможности выбиться на путь и привести в исполнение мои мечты. Поверите или нет, что я иногда отказываю себе в пище, чтобы приобрести хорошую книжку и часто бывает, что у меня нет денег даже на марку.»

Политический ссыльный:

«Чувствую, что действительно во мне есть какая-то искра, которая, при умелом раздувании, может обратиться во что-нибудь большее... К чему-то рвется душа, к чему-то высокому, светлому, порывается, а кругом скользко, скользко и, обессилев, опять ползешь вниз, чтобы снова кинуться в другую сторону. И вот в этих поисках хорошего светлого и кидается, кидается человек из стороны в сторону, да и сядет в самую что ни на есть грязную лужу...»

«Неведомая сила», «неодолимое тяготение», «нечто сжигающее душу», «что-то» и прочие в этом духе определения, как мотив к писательству, упоминаются в девяноста двух случаях.

Нередко автор определённо говорит, для чего именно он написал данную вещь и кто он сам по себе.

«Написал сие элементарное произведение для желающих детально познакомиться с психологией крестьян, и потому описал весь жизненный путь крестьянина; начиная с младенческих лет и до старости. Живя среди крестьян, видевши противоположные культуре стороны, как бедность, темнота и невежество, и смотреть индифферентно на все это, не хватает сил, и потому в моем хотя и примитивном произведении, я хочу показать, как живет самый полезный элемент нашего государства труженик земли русский крестьянин.

Повесть эту я писал под впечатлением затруднявшего меня своим решением вопроса – семья для нас, рабочих, и совмещение этого положения с работой на благо своего класса.»

Неизвестной профессии:

«Я хотел изобразить действительно революционное, полудетски-восторженное и наивное, но прекрасное, искреннее возбуждение лучшей части современного юношества в лице одного представителя, в лице другого – консервативный, глубоко-любовный застой, слепое верование, подчиненность и с виду величавую, а внутренне дряблую, ничтожную крепость также лучших, но отживающих представителей старого мира. Удалось плохо; на публицистику похоже; никак не мог обойтись без рассуждений. Теперь, может, лучше написал бы, если бы пришлось заново писать то же самое, да не приходится, физически не могу.»

Слова «глубоко-любовный застой» обращают внимание: мне кажется, надо иметь какую-то особенную душу, чтобы назвать чуму, например, глубоко любовным явлением.

Позволю себе привести отрывок из письма «группы читателей ссыльных крестьян и рабочих» – может быть, этот отрывок несколько объяснит смысл благодушных слов:

«Мы думаем, что злобу жизни следует вскрывать не для возбуждения вражды, а для стыда. Конечно, пристыженные могут и обозлиться, но это уже не ваше дело, вы только сами-то не разжигайте злость, о чем и просим.»

В другом письме сказано ещё более ясно:

«Все виноваты, всех жалко, замучился, напуган народ, так что если бы мы трое были судьями, то оправдывали бы всех людей. Не смейтесь, так многие думают, очень уж устали, а отдохнуть не на чем.»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma Семнадцать человек кратко и вполне определённо заявляют, как в один голос: «Люблю писать».

Уместно сказать, что произведения этой группы являются наиболее литературными, интересными и что-то обещающими. Но, как назло, авторы – люди, заключённые в плен невероятно тяжких условий, а двое из них – в каторге.

«Я даю полный ход вольной, легкой мысли – пускай летает где и как хочет – может так лучше будет...» – говорит восемнадцатый.

Кладбищенский сторож пишет:

«Люблю следить, как звонкие слова
Рядами стройными ложатся на бумагу,
От них кружится сладко голова,
А в сердце чувствуешь какую-то отвагу.»
Если автору этого четверостишия попадётся на глаза моя заметка, я убедительно прошу его сообщить мне – куда ему писать. Письмо к нему и рукопись возвращены «за ненахождением адресата», книги и снимки с картин – тоже, хотя были посланы по другому адресу, на Пензу.

«Люблю писать стихи.

Не могу не писать.

Зимой уложишь спать жену и ребятишек, сядешь в уголок, к столу и, нанизывая слово за словом на чистенький листок бумаги, приятно позабудешь всю окружающую жизнь, зверски-бедную,»

– пишет крестьянин.

«Мне 23 года. С 15 лет я почувствовал в себе сильное стремление к литературному труду и вот уже 8 лет мучаюсь этим стремлением.»

Наборщик в письме:

«Лишился аппетита,
Лишился я сна
И жизнь моя разбита –
Поэзия всему вина!
Но – я не виню
Поэзию, боже упаси!
Я еще больше мук приму,
Лишь бы научиться писать стихи!»
Портной пишет:

«Другие страдают запоем, а я, грешник, к писательству пристрастился.»

Рабочий:

«Хотя я и обещал сам себе не писать пока стихотворений, но – не могу утерпеть, что-то невольно тянет меня к перу и я пишу – не для того, чтоб сочинять, а чтобы душу свою вылить в звучных строках, поделиться тоской своей сердечной с кем-нибудь.»

Его стихи:

«Как жажду я свободы просвещенья
Душа болит и ноет в темноте
И каждый стон душевного мученья
Звучит стихом в житейской пустоте!»
Думаю, что эти выписки достаточно ясно отвечают на вопрос, что именно понуждает простого русского человека писать, и, отчасти, отвечают на другой вопрос:

О чем они пишут?

Прежде всего невольно останавливает внимание тот факт, что на темы событий 905–6 года крестьяне и рабочие пишут меньше, чем можно бы ожидать, имея в виду непосредственное участие большинства авторов в этих событиях.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта

Из общей массы рукописей – а их записано мною 429 – только 67 рассказов и 6 пьес посвящены революционным темам. Революционное настроение главным образом выражается в стихах, и здесь оно – преобладает.

Из 73 произведений, написанных на революционные темы, в 27 случаях авторы – рабочие, в 29 – крестьяне, в 3 – пожарный, швея и сапожник.

Следующий за этим и самый значительный, на мой взгляд, факт – отрицательное отношение к интеллигенции. Это отношение нередко принимает формы убийственно враждебные и злые. В общем тип интеллигента рисуется как тип барина, привыкшего командовать и пинать, слабовольного, всегда плохо знакомого с действительностью и трусливого в момент опасности.

Это – настроение, но, видимо, очень глубокое, оно как будто всё более разрастается и, может быть, способно ещё расширить давний, многократно оплаканный разрыв между культурными людьми и массой. Поясню это: мне и до 906 года приходилось очень много читать рукописей писателей-самоучек, и я совершенно определён формулирую моё впечатление от литературы того периода так: почти в каждом рассказе и стихотворении было ясно видно, кого из крупных литераторов читал автор перед тем, как самому взяться за перо. Зависимость от книги сказывалась и в манере писать, и в выборе тем, и в настроении; индивидуальность автора в огромном большинстве случаев была совершенно неуловима, она поглощалась рабским подражанием в прозе – Тургеневу, Короленко, Чехову, в стихах – Некрасову, Никитину, Надсону.

В материале, который теперь я имею в руках, – почти совершенно отсутствует подражание. Единственный писатель, техника которого, видимо, влияет на самоучек, – это Андреев, но и подражания ему, будучи очень обильны у студентов и вообще у лиц интеллигентных профессий, – не часты у рабочих и крестьян. В моём материале их – семь, все они являются попытками неудачными и чисто внешними: авторы берут манеру Андреева начинать фразу союзом «и» и безуспешно пытаются придать языку однотонный, гипнотизирующий ритм, свойственный стилю Андреева.

Нередки заявления такого тона:

Крестьянин – кончил двухклассное училище:

«Если хотите знать, – то я – я сам, и не поклонник ни Ницше, ни Толстого, ни Сократа, ни Христа. А прямо я – один, и убеждения мои – все мои, родившиеся во мне.»

Каторжник, бывший матрос:

«Книг прочитано много, а взять в них оказалось нечего, остался сам по себе. Говорят – надо читать старых писателей, те лучше, так пришлите старых.»

Человек этот настроен лирически, им написано такое стихотворение:

«Если бы сняли с меня цепи,
Я пошел бы в божий храм,
В уголку тихонько стал бы,
Помолился там:
Христе боже! Души слабых
И усталых – пожалей!
Напой сердца их верой,
Луч надежды им пролей!..»
Рабочий:

«С трудом достанешь растрепанный журнал, придешь с работы и читаешь до света. Вот – свисток и в голове свисток, а на душе – тоска; что вынес я из книги?.. Мутное что-то.»

Крестьянин, ложкарь:

«Пришлите, Христа ради, хорошего, живого чегонибудь, а это не идет на душу! Слышал – есть поэт Суриков и Слепцов, прозаист, вот их бы мне.»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Крестьянин:

«Сборники мне не понравились, похабщины у нас и своей довольно, этим нас не удивишь. А вот достал я у священника, о котором писал, Лескова, приложение к «Ниве» – господи помилуй, как хорошо! Такое родное и грустное все, такое близкое душе. Чехова, тоже приложение, прочитал две книжки, хохотал, как чорт. Матери с женой читал, тоже самое, разливаются–хохочут. Вот – и смешно, а мило!»

В списках требований на книги, получаемых от разных групп и лиц, имена старых писателей встречаются всё чаще, из современных же спрашивают почти одного Андреева, причём заметно, что наиболее читаются и нравятся первые три его тома.

Однако надо сказать, что интерес к беллетристике, видимо, вообще понижается: в требованиях преобладают книги по истории, естественным наукам, по истории культуры и литературы. Поражаешься: откуда в посаде Снеговом, Херсонской губернии, или в Осе, Пермской, знают имена Леббока, Тейлора, Циттеля, Тимирязева, – часто спрашивают его чудесную «Жизнь растений», – Бельше и Геккеля.

Очень жутко и больно отмечать рядом со стремлением «человека страшной жизни» к благам культуры его скептицизм и недоверие к интеллигенции. Иногда приходится выступать в совершенно не свойственной мне роли защитника обижаемой интеллигенции, но это не укрощает людей.

В одном случае цитирую слова Н.К.Михайловского: «Русская интеллигенция и русская буржуазия не одно и то же, они, до известной степени, враждебны и должны быть враждебны друг другу». Корреспондент мой, крестьянин, эсер, состоявший в ту пору под судом, зубасто отвечает:

«Нам в степенях разбираться времени нет. Вы меня Михайловским, я вас Щедриным: «Где веселые адвокаты? Адвокаты–то нынче, тетенька, как завидят клиента... Ну, да уж бог с ними! Смирный нынче это народ стал, живут наравне с другими, без результатов...»

Разумеется, это не единственный случай, их немало, и, порою, они очень курьёзны.

Вот, например, отрывок из письма старого знакомого, бывшего рабочего, ныне лесника:

«Переменились наши роли, товарищ: когда–то я вас упрекал за несправедливое отношение к людям, стоящим во главе угла, а теперь вы же мне нотации читаете. Что сей сон значит?»

Я был однажды очень приятно изумлён, получив от одного крестьянина длинное, хоть и безграмотно написанное, стихотворение «Работник мысли». Оно начиналось словами:

«Честь тому, кто за сохой
Спину гнет и в жар, и в холод,
Кто могучею рукой
Поднимает тяжкий молот...»

Затем шло описание труда мыслящего человека и в заключение говорилось:

«Да вспомянем и того,
Кто в нужде, как раб в неволе,
Плугом мозга своего
Пашет умственное поле!»

Очень обрадовался, но – вспомнил, что это Фрейлигратом написано, переведено Михайловским.

Приезжают люди из ссылки и рисуют отношения между ссыльными интеллигентами, с одной стороны, крестьянами и рабочими – с другой, такими красками, что невольно хочется кричать:

«Дурное – от человека, а человек смертен, хорошее – тоже от него, но – оно никогда ещё не умирало вместе с ним! Хорошее цените выше, ему помогайте жить и расти!»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Но возвращаюсь к своему материалу.

Темы моих писателей крайне редко совпадают с темами признанных литераторов. Мне известно, что «Санин» очень усердно читался в рабочей среде, но у меня не было ни одной рукописи, в которой заметно сказалось бы влияние этой книги.

Укажу на то, что большинство пьес пишется под явным влиянием «Жизни Человека», «Царя Голода», но и это влияние – внешнее: берут форму, а не настроение автора, не его отношение к жизни.

По вопросу пола написаны два рассказа, причём один из них, имея характер публицистический, представляет собою горячую отповедь «половикам».

«Богоискательство» – течение, столь шумевшее в Петербурге, – не отразилось ни в одной из рукописей, бывших у меня в руках.

Анархизм тоже не отражён.

И, наконец, как это, может быть, уже заметно по приведённым выдержкам, – полная и явная разница настроений: в литературе печатной – настроение покаянное, подавленное, анализирующее и пассивное, в литературе писанной – настроение активно и бодро.

Привожу примеры.

Вот лирическое сочинение рабочего Мальшева, озаглавленное:

«Родному слову

Уж много лет своей жизни я прожил – четвертый десяток идет. И за этот период ее – как только сознанием осветилось мое существование – я крепко полюбил тебя, родной мой язык! Я не знал твоих законов, кои должен бы был класть в основание, при создании твоих форм: я научился в мастерской формировать из твоего золотого песка эти красивые формы, но я всю жизнь одночасно к этому стремился.

В детстве моем, наш сосед, мужик Дементий Девяток, во все праздники и другие дни, когда ему удавалось быть под хмельком, приходил к окошкам нашей избы и, встав в позу взволнованного проповедника, говорил монологи из творцов твоих красивых форм, родное слово! Он, очевидно, только потому и приходил к нашей избе красиво поговорить чужие слова, что я слушал его со слезами на глазах. И я счастлив был при этом слушании: болезненною радостью плясало тогда мое детское сердце, я запоминал периоды и потом, наедине, твердил их сам с собою.

Я с нетерпением ждал праздника или другого случая к хмельному состоянию Дементия Девятка, дабы послушать его красивого говоренья, и, не дождавшись, иногда обращался к нему трезвому с просьбой – поговорить мне по праздничному...

Русский язык! Как ты велик в своих божественных красотах. Как музыкально звучна, как сладостна из уст страдальца льющаяся твоя гармония! Как много чувств божественно-вольных возможно лишь в твою величественно могучую, красиво гибкую форму излить, великий, сладостно звучный, о, божественно страстный русский язык...

Ты, сладостно звучный, божественно страстный русский язык, великий молот, кующий звуками счастье народа! О, ты, могучее колоколо, гулом своим сильным вещающее народу о возможности лучшей жизни, трудом и борьбою достигаемой!»

Вспомните, читатель, ведь это написано человеком, отец которого был крепостной раб, а сам он лишь десятью годами опоздал попасть в рабство.

Понять значение языка – это много, это радует.

«Из всех способностей человека – язык, может быть, единственная, которая не была дана ему природой», – хорошо сказал Вирхов в своей работе о первобытных обитателях Европы.

И разве не весело читать, например, такие филологические изыскания захолустного елатомского человека:

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Просиживаю ночи напролет, изучая русский язык, и чувствую, как душа растёт. Читаю слово – свет. А в голове сами собою являются слова: сведать – ведать – свет – дать? совет?.. совесть?.. И как будто открываются тайны жизни.»

Хорошую услугу оказал бы всем этим новым писателям, да и вообще русскому обществу, тот, кто издал бы давно вышедшую из продажи книгу Потемни: «Язык и мысль». За последнее время часто спрашивают «Муки слова» Горнфельда и книгу Энгельмейера – «Теория творчества». Но рабочие и крестьяне, читавшие эти хорошие книги, находят их «трудно написанными» и просят указать «попроще». Такой – не знаю; за указание буду благодарен.

Здесь, разумеется, дело не в филологии, а в направлении молодой и живой мысли. Послушайте внимательно, о чём она говорит, о чём поет, – и жить вам будет легче, а работать – веселее!

Вот сестра милосердия:

«Вижу, что это непростительно – плохо знать свой родной язык, и решила взяться за него самым серьезным образом. Если бы вы знали, сколько за это время написано и уничтожено мною. Ночью пишу, а утром рву. И учусь в то же время, изучаю девять предметов, чтобы сдать за четыре класса гимназии. Трудно, но все одолею. Живет правда на свете!»

Вот нечто, в особом роде, озаглавленное:

«Благодарю, природа!

Голодный, босой оборвыш – иду в Москву. Проселками, из Серпухова, ждал-искал работы, объел себя вплоть до костей – иду в Москву!

Поля венчают зеленые короны лесов. Широко, свободно дышать – хорошо!

Степные мужички попадаются встрече, неприветливо косятся – босяк, жулик?

Хочется сказать им:

«Не бойсь, ребята! Мне обижать людей не к чему».

Да они сами, черти, по роже видят, что не трону, – говорят:

– Мир дорóгой!

– Мир дорóгой, брат! Нет ли куска хлеба?

Конечно, нет! У мужика да хлеб? Дурачина, – ругаю сам себя.

А у какой-то бабищи, в толстой пазухе, нашлась краюшка; потом пахнет от хлеба, а – вкусно!

Сыт. Весело на душе.

– На работу?

– На работу!

– Ты, чай, найдешь.

– Я? Я ее поймаю, уж я – схвачу!

Чтобы я работать не нашел себе, ежели захотел?»

Далее идёт беседа с бабой, подмосковной огородницей, что тоже очень весело и бойко, но – непередаваемо: изобилует подробностями, которые предусмотрены в трёх очень популярных статьях Уложения.

Весёлое сочинение это подписано: «П.Безработный». Автор забыл сообщить свой адрес, бумаги у него не хватило, и последняя из четырнадцати страниц рукописи,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
написанной карандашом, дописана на куске картона от какой-то коробки.

Вот ещё кусок стихотворения, им начата довольно толстая тетрадь стихов. Автор – крестьянин, 23 лет:

«Люди жизни несчастливой, жизни темной, сиротливой,
Вам я братски посылаю песню легкую мою.
Я пою цветы и травы, дев и женщин смех лукавый,
Радость жизни – нашу юность – нашу родину пою!
О тоске нам много пели, скорбь и горе надоели,
Всем на свете надоело тосковать и унывать,
Надоело спорить, злиться, сердце хочет веселиться,
Руки тянутся к работе – счастье новое ковать!..»
Живёт в деревне, на Урале. В письме пишет:

«Мои любимые писатели – Бунин, Некрасов и Брюсов; Пушкина – читал «Полтаву» и сказки, это не понравилось, говорят – надо все читать, а где достанешь? За Лескова и Печерского очень благодарен, это, действительно, – удивительно! Особенно первый, – «Очарованного странника» читая, даже заплакал в двух местах – хорошо!»

«Сердце хочет веселиться» – это, видимо, не случайная обмолвка, ибо о веселье говорят многие.

Вот конец стихотворения одного поэта, ныне уже печатающего свои стихи:

«Пусть печаль убивает меня,
Но за мною по трудной дороге
Идут люди грядущего дня
Веселы и свободны, как боги.»
Вот что пишет человек, которого «гнетёт одиночество и тоска» и который «по ночам» пишет «для кого-то, как будто близкого ему, но неизвестно где находящегося»:

«Прошли века и народы разных поколений, а мудрецы их – все ищут счастья, и счастья миру не нашли.

К чему стремитесь вы, народы, и зачем фанатизмом творите злобу и войну?

Ведь этим себя лишь вы разите, и противна ваша злоба Моисею и Христу.

Кто жив теперь и остался с нами из всех людей былых веков?

Жив лишь тот, кто творил добро народу и не вмещал себя в условных рамках тупой и пошлой суеты.

Он, как Прометей, свободу, правду, счастье людям ищет и на пути все цепи рвет.

Он часто сам за это гибнет, но честь и слава о нем в народе не умрет.

Старики будут внукам быть рассказывать о былых его делах, а молодежь хороводом о нем громко песню пропоет.

Знаю, тяжела жизнь твоя, скиталец бедный, но позабудь все обиды, печаль, горе и тоску, поднимись и спой-ка песню удалую, чтоб показалась жизнь свободна и легка.»

Приведу ещё отрывок из стихотворения, напечатанного в газете «Ясный сокол» за 1909 год; в нём есть строчка, поражающая своим противоречием действительности:

«Да, товарищ. Не время скорбеть.
В нашем мире печалям нет места.
Песни надо иные нам петь,
Чтоб в них слышался голос протеста.»
Подражая Кольцову, томский рабочий восклицает:

«...встряхнись,
Русь могучая,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

И взгляни вперед
Ясным соколом.
Двинь плечом своим,
Да взмахни крылом,
Да оставь врагов
Позади себя!»

Иногда кажется, что люди спорят друг с другом. Вот содержание пьесы крестьянина, названной «Сын отечества»:

Приехал в деревню молодой помещик, только что кончивший университет, и предложил крестьянам: он отдаёт им безвозмездно всю свою землю, оставляя для себя несколько десятин, и ставит непременным условием, чтобы мужики работали на своих полях так, как он будет работать на своём поле. Мужики согласны.

Второй акт. Мужики празднуют десятилетие новой жизни: поля у них цветут, урожаи баснословные, огороды, сады – удивительные, водки они не пьют, жён не колотят, школа у них образцовая, в ней обучают и ремёслам, вообще – рай земной! Поют песни, водят хороводы, а когда на праздник является сам культуртрегер и творец новой жизни, – его чествуют задушевной речью и называют «настоящим сыном отечества». Всё очень весело и хорошо.

Акт третий. Это благополучие весьма не нравится соседним помещикам, и вот является на сцену исправник в сопровождении стражников, жандармов и разных злорадствующих лиц.

– Это вас зовут «сын отечества»?

– Меня.

– Пожалуйте!

Увезли. Крестьяне ошеломлены, и один из них, весёлый человек, сняв шапку, вслед процессии говорит:

– Вот те и сын отечества!

Занавес.

А вот пьеса – «В тумане иллюзий». Автор её – эмигрант, интеллигент.

В деревню является чета молодожёнов, преисполненная добрыми намерениями; она – учит баб, как надо доить коров, мыть детей и прочему; он – затевает кооперативную лавку, ведёт беседы о человеческом достоинстве, интенсивном хозяйстве, грядковой культуре и тому подобном. Мужики ничего не понимают, клянчат на выпивку, обещая за полведёрка сделать всё, что угодно доброму барину; бабы выпрашивают «обносочки» и ругаются друг с другом; слуги, не чувствуя над собою твёрдой хозяйской руки, ленятся, вещи пропадают; в лесу дерут лыки, рубят деревья, в полях травят посевы – ад крошечный! В конце четвёртого действия добрые баре совершенно разбиты, подавлены деревенской темнотой и бестолочью и – собираются восвояси, в город.

В первом случае, как видите, изображена неправда, выдумка, а во втором, вероятно, суровая действительность. Но – сквозь выдумку и неправду ясно чувствуется горячее желание новой жизни и вера в человека, даже когда он – барин, старинный враг; а во втором – искренно, хотя и неумело, изображена невозможность жить и работать с мужиком, одичавшим от бедности, пьянства и голодух, развращённым побоями. Безнадёжно, скорбно и беспросветно.

Если бы я встретил это противоречие пять и десять раз, я счёл бы его случайным и не позволил бы себе остановить на нём ваше, читатель, внимание, но, встречая его десятки раз, нахожу нужным подчеркнуть.

«Это искусственно подобрано и оттого звучит так громко!» – может подумать читатель.

Но ведь чтобы собрать цветы, надо, чтобы они где-то выросли!

А кроме этого возражения, которое, может, и не будет принято, я советовал бы

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua сопоставить приводимые мною выписки со стихами московских поэтов-самоучек, издавших в Москве в 1909 году коллективный сборник своих стихов («Галерея современных поэтов». Выпуск первый. Цена 15 к. Москва, 1909 года). Там встретите такие строки калужского крестьянина Савина, автора сборников «Песни рабочего» и «Свободные песни»:

«Жизнь есть борьба,
я в ней борюсь,
Пусть бьет судьба –
Не покорюсь.»
Шкулёва, крестьянина:

«Только трудом
Все мы живем,
Труд наш отец,
Счастья кузнец,
С ним мы порвем
Цепи и гнет,
Смело вперед!»
«Песнь о свободе» рабочего Нечаева, где есть такие строки:

«...ты померкла предо мной...
Но голос твой звенит повсюду,
Как в дни весенние ручей,
И силой властною своей
Вливает страждущему люду
В сердца живительный елей.»
Сотрудники этой «Галереи» – рабочие, приказчики, люди тяжелого ежедневного труда, и всё это – люди живой души.

Один из них говорит:

«Я не хочу земли обетованной
Найти в заоблачной выси,
Весь этот мир, живой и многогранный,
Он для меня, как солнце в небеси...»
Другой:

«Хочу я быть певцом отчизны.»
Третий:

«...Я не могу склониться
В мольбе пред тем, кто близок богачу,
А бедных чужд... довольно, не хочу
И не могу я более молиться.»
Я обращаю внимание читателя также и на ряд других сборников «писателей из народа», или «самоучек», – просмотрите их, и вы увидите, как велика разница настроений в литературе признанной и в этих тонких книжках, написанных простыми, искренними людьми, которые знают жизнь непосредственно,

Прошу помнить, что я говорю не о талантах, не об искусстве, а о правде, о жизни, а больше всего – о тех, кто дееспособен, бодр духом и умеет любить вечно живое и всё растущее благородное – человеческое.

Если сопоставить эту их тяжкую жизнь и бодрые голоса с истерическими, капризными выходками признанных литераторов, «уставших от сложности и напряжённости современной», как они заявляют, если это сравнить – станет понятно враждебное отношение демоса к интеллигенции.

Мне легко было бы привести ещё десяток и больше выдержек из произведений, написанных в таком же бодром, жизненном тоне, но полагаю, что отмеченное достаточно убедительно. Часто авторы рассказывают о себе, и почти всегда чувствуешь в этих рассказах ужимку смущения, застенчивость скромного человека, который нередко хочет скрыться за неуклюжей и шутилой развязностью. Иногда эта развязность неприятно груба и шумна, но это – внешнее, это – маска, за которую прячется лицо человека, уже знакомого с чувством уважения к себе.

Приведу одну из таких биографий:

«Первые проблески памяти рисуют мне дерущихся пьяных отца и мать. Помню и смерть матери, но, будучи трехлетним, не понимал своей утраты, даже был доволен, что благодаря этому меня отпустили играть. Шести лет мне чуть не пришлось отправиться вслед за матерью, и черви, расплодившиеся в моих ранах, а также паразиты, и грязь, и смрад очень тому способствовали, но я только оглох на оба уха. Семи лет я в девятнадцать дней окончил курс образования в отцовском университете по новейшему способу преподавания, чтению – по обтрепанным листам календаря, письму – палкой на песке. Пятнадцати лет ходил в Семипалатинск на Святой ключ Абалакской божьей матери просить исцеления от глухоты, но простудился, купаясь в холодном ключе, и, не солоно хлебавши, вернулся домой. Восемнадцатилетним юношей я зажил самостоятельно, научился пикировать на скрипке, стал играть на вечеринках, работал и читал все, что попало, с ненасытной жадностью.

От невыносимой жизни со своим зверем мужем запила моя старшая сестра; вино явилось ей какой-то необходимостью и наконец превратилось в страшную потребность, и когда она разошлась с мужем, то во время запоя была убита. Я видел ее истерзанное тело, видел палку... но не плакал. Лучше – не мучиться теперь... Вторая еще жила кое-как, а третья, девушка, нашла приют в веселых домах. Брат старался перещеголять отца, и только я чувствовал к вину какое-то дикое отвращение. Двадцати четырех лет я бросил гильзовое ремесло и взялся за шапочное. Тогда-то чтение толкнуло меня попробовать стать писателем или поэтом. Первые опыты показались мне удачными, и я решил, что это мое назначение.

И вот муза моя начала мне мешать и спать и работать. Один раз я не мог заснуть девять ночей, воспевая бессонницу, и даже примирился с мыслью сойти с ума, но, на счастье, меня пригласили в один увеселительный притон музыкантом. С радостью ухватился я за это: вечером и ночью играл, утром до обеда спал и в свободное время писал в бане. В то же время отец помер, не получив прощения от изнасилованной им ранее младшей моей сестры.

Около двух лет упражнялся я в стихотворном искусстве и только после того понял, что у меня не достаёт очень важного – знания грамматики, о существовании которой я, признаться, и не подозревал до сего времени, изучить же ее мне представлялось китайской грамотой, и я махнул рукой, надеясь понять премудрости языка, следя за каждым знаком при чтении, – и тем избежать ужасающей меня зубрежки учебника.

Наконец, нашелся один странствующий адвокат, который взял меня к себе, объявив, что гению не место в публичном. Мы жили как братья. Он был настоящая забубенная головушка и в то же время замечательный виртуоз на кварт-гитаре; слушая его вдохновенные фантастические композиции, я рыдал на его плече и тогда впервые почувствовал в своем сердце вдохновенный творческий огонь. Но скоро этот друг запил непобудную, и я убежал от него в мастерскую. Половину работал, половину писал.

В 1905 г. участвовал в освободительном движении, от погрома спасся в деревне. Во время краткой декабрьско-январской свободы на устроенном социал-демократической группой литературном вечере читал свое стихотворение «Егорка», получился успех. После того участвовал в забастовке шапочников. Отсидел полмесяца в тюрьме. Пресса не приняла моих длинных стихов, нужно было коротеньких. Я этого тоже не знал. Пришлось писать на новый лад. Мне удалось и это. Почти все мои стишки были напечатаны, и – так сбылась моя мечта: я попал в печать. Ошиблись все утверждавшие, что это нелепо в моем положении.

Встретил младшую, но уже тридцатилетнюю, сестру, она жила по публичным заведениям, из которых ее часто выгоняли за невозможное пьянство и держали только из жалости... Сестренка моя горемычная. Красавица, гордость и радость моя бывшая. Что осталось от тебя... Что осталось от нашей семьи... В моем кармане хранилось письмо из Барнаула с извещением, что брат чуть не сгорел от вина, а пьянствующую сестру муж избил до полусмерти, выдергал волосы, выбил зубы и проломил скулу молотком... Ух ты! Что это?..»

Что же и о чём может писать человек такой страшной жизни?

Вот несколько отрывков из напечатанных им стихотворений:

Жизнь

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua

Безначальная, бесконечная,
Беспредельная, необъятная,
Неизбежная, непонятная –
О, жизнь, стоишь ты предо мной,
Как сфинкс, как тайна роковая,
Очами вечности сверкая,
Дыша бездонной глубиной,
Где зло сливается с добром,
И целый мир, и каждый атом
Слит в поцелуе роковом,
Благословенном и проклятом!..
И мысль в величии своем
Напрасно силы напрягала
И что-то тщетно разбирала
В лице таинственном твоём..
Последнее письмо
Я приняла, мой друг, последнее решенье:
Освободить тебя от жизненных цепей..
Не смерть меня страшит, страшит меня мученье –
Безумие души моей.
Но возвращу тебе свободу
Я этой страшною ценой,
И на служение народу
Благословляю, милый мой!

Орион

Бахрома облаков, расплываясь в пространстве,
Открывает величие вечных чудес –
В неизменно-божественно-пышном убранстве
Глубину полуночных небес.
Хороводы светил, с чистотою стыдливой,
Испещряют предвечный незыблемый трон, –
И горит и царит красотой горделивой
Всем созвездиям царь – Орион.
Он горит, как вселенной весы золотые,
Для решений верховного правды Суда,
Где бы взвесили споры свои роковые
Жизнь и Смерть и Любовь и Вражда.»

К букве

К букве буква, к слову слово
Строки стройные растут,
К жизни светлой, к жизни новой
Безбоязненно зовут.
Час за часом, дни за днями –
В Лету падают года.
Жизнь цветет, горит огнями
Всемогущего труда.
Мысль и руки понемногу
В побежденной полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле!»

И, когда после таких стихов «человека страшной жизни» прочитаешь жалкое признание культурного человека, который с печальной, некрасивой, а может быть, и мстительной откровенностью прокажённого обнажает гниющие язвы свои:

Я прожить, как мудрый, не умею,
Умереть, как гордый, не могу,
Перед жизнью я сгибаю шею,
Уступаю моему врагу.
Я живу без знания и веры,
В нестихающей вражде с собой;
Позади кошмары и химеры,
Впереди нелепый, дикий бой –
становится жутко за страну, где интеллигенция почти через каждое десятилетие
аккуратнейшим образом с головой погружается в болото фатализма и приходит к
самобичеванию и самооплеванию, ошибочно именуя это неизящное занятие
самоусовершенствованием.

Искренно говорю – я никого не хочу обидеть. Зачем? Российский интеллигент сам

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький горькиута себя превосходно обижает, он делает это всегда с болезненным каким-то усердием и сладострастием, точно Ф.М. Достоевскому экзамен по науке самоистязания сдаёт.

Но – хотелось бы сказать: «Господа, если вас тошнит, не выбегайте на улицу во время этого процесса, по улице живые, здоровые – новые люди и дети ходят, и юноши, а им вредно смотреть, как вас вывёртывает!»

В молодой и милой стране нашей люди юны и чутки и по юности своей – чудесно восприимчивы ко всему, а истерия и всякие судороги – заразительны, и это надо бы помнить из уважения к жизни, к родине, к человеку! А из уважения к себе – не кричи, не стнай и, если пришло время умирать – умри в одиночестве, это и красивее и гигиеничнее.

Мне, надеюсь, не поставят в вину такое отступление и не примут его как выходку злую, – я говорю с великою болью за всех, кому больно, с глубокой тоской за всех, кому тошно, но – с ещё бóльшим страхом за молодых людей, которые поднимаются от земли навстречу культуре, – поднимаются «весело», с «протянутыми к творческой работе руками» и которым вы нужны как друзья, как учителя, а не как примеры всяческих духовных искажений.

Приведу ещё два характерных стихотворения: первое принадлежит перу поволжского крестьянина, второе – человеку, стихи которого уже печатаются в журналах, а приводимое мною его стихотворение напечатано на последней странице сборника «Песни бури», изданного в 1908 году и имеющего всего 9 страниц.

«Мы выходим один за другим
Бесконечную, вечную цепью
Из тяжелого темного рабства
К светлой цели всеобщего братства.
Точно искры, мы гаснем в пути –
Душит нас злой вражды темный дым,
Но мы к правде дорогу найдем.
Мы – идем. Неустанно идем!
* * *

Еще не смолкнул гром, и ночь еще царит,
Еще безумствует жестокая стихия,
Но близок яркий день: заря уже горит,
Идет великая, свободная Россия!»
В это надо верить, ибо – это говорят те самые люди, которых отцы и деды ваши пятьдесят с лишком лет будили и звали:

«Идите к свету, к разуму, правде и красоте!»

Вот – идут.

Очень может быть, что в моём очаровании бодрими песнями, которые начинает петь русский народ, я и преувеличиваю значение этих песен, если это так – строгий и неподкупный общий наш судья – завтрашний день – разочарует меня. Укажу также, что мне известны и я всегда держу в памяти умные и верные слова Гизо:

«Даже не желая обманывать других, писатель начинает с того, что обманывает сам себя: чтобы доказать то, что он считает за истину, он впадает в неточности, которых сам не сознает или которые кажутся ему незначительными, а его страсти заглушают его сомнения».

Но, за всем этим, мне кажется, что наступило время, опровергающее когда-то правильное утверждение В.Н.Майкова и других, кто говорил: «в русском крестьянстве нет идей», у «русского народа множество суеверий, но нет идей», – мне кажется, что в русском народе рождается идея и как раз та, которая может духовно выпрямить его, именно: идея активного отношения к жизни, к людям, к природе.

Наши национальные недуги – фатализм и мистицизм, зараза, введённая в кровь нам вместе с кровью монгольской, болезнь, усиленная теми увечьями, которые нанесены душе русского народа мучительными веками его истории, полной неисчерпаемых ужасов.

Что это так – тому доказательство наш фольклор – собрание гимнов и акафистов

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
разным необоримым силам: Судьбе, Доле, Горю–Злочастью и другим существам,
которые непобедимы волею человека и с которыми поэтому бесполезно бороться.

Церковь, не отрицая бытия этих страшных и враждебных человеку сил, назвала их бесовскими, но многие и, вероятно, искренние приверженцы её – вполне согласны со словами Святогорца: «Если не верить в существование демонов, то нужно всё священное писание и самую церковь отвергать».

Что фатализм вообще свойствен нам – об этом нелюбезно свидетельствует вся история «умственных увлечений» русской интеллигенции, всегда подбирающей на Западе преимущественно те идеи, которые родственны фатализму.

Сказав: «увлечения», а не «течения», как принято, я не оговорился: течение – нечто последовательное, строгое, творящее традиции и этику, а какие же традиции и какая этика может быть у людей, которые каждое десятилетие меняют верования свои!

Наше несчастье – пассивное отношение к жизни, мы любим быть пессимистами и любим хвастаться своим пессимизмом. При этом нами, кажется, не замечено, что европейский пессимизм является результатом чисто физического утомления – устают люди от большой работы, на которую они непрерывно расходуют свои жизненные силы, видят несоответствие результатов труда с запросами духа и – немного нервничают. Но на Западе пессимизм не ослабляет энергии, не может задержать темпа жизни, там он мирозерцание, не затрудняющее роста культуры, наоборот – он обогащает культуру новыми огнями и цветами гордой человеческой мысли, упорного в своём творчестве духа.

А у нас пессимизм – мироощущение, органический порок, ибо действительность для русского народа не есть плод его познания, результат его деяний, она в его глазах нечто враждебное ему, организующееся в те или иные формы помимо его воли. Я уже не говорю о том, что пессимизм «по-русски» – в народе выражается в таких формах, каковы самосожжения, «красная смерть», «Терновка» и прочие ужасы, в литературе же – он неуклюж, лишён изящества, мысли и красоты и всюду является чем-то «во сто лошадиных сил».

И вот мне чувствуется, что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это – человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому – дееспособный.

Как они относятся к литературе?

В общем – с полным сознанием важности дела и глубоким уважением к нему.

Привожу выдержки из писем.

Рабочий:

«Прошу отнестись без пристрастно, если у меня к этому способности и призвание. Если вы найдете есть, я постараюсь развить их; или же, быть может, это одна фантазия, ни на чем не основанная, то, понятно, я брошу и буду искать более подходящего труда.»

Другое письмо:

«Автор, молодой рабочий, сидит давно в тюрьме и еще долго сидеть. Имя его должно остаться неизвестным. Он просит вас строже отнестись к наброску и сказать беспристрастно, стоит ли ему писать и как. Он не писатель и не знает, будет ли им когда, но ему больно было бы, если бы он этим наброском оскорбил имя, которому он решил посвятить свою работу.»

Крестьянин:

«Посылая вам все мои произведения, покорнейше прошу вас сказать... сказать, положи руку на сердце: какие дефекты имеются в моих произведениях и стоит ли вообще продолжать мне это дело.»

Швея:

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Будьте беспощадны.»

Рабочий:

«Не постеснитесь сказать правду, как бы она ни была печальна для меня.

Я знаю, что писательство дело святое, я люблю и уважаю литературу, и если что не так – не бойтесь сказать прямо.»

Это – преобладающий тон.

Не могу сказать, чтобы люди интеллигентных профессий держались его, и не скажу, чтобы многие из них понимали, что литература – воистину «святое дело».

Вот характерная выдержка из письма курсистки:

«Никакого писательского зуда у меня нет, написала я скуки ради, но вижу, что вышло недурно, во всяком случае значительно лучше многого, что теперь печатают в журналах.»

Вот офицер:

«Я понимаю в литературе не меньше вашего и рекомендовать мне читать Тургенева, Лесковых да Чеховых и других нигилистов вы не имеете права.»

Студент:

«Совершенно не согласен с вашей оценкой моей повести, вы ее просто не поняли. Вы бы почитали Гюйо «Искусство», – без этой книги мое произведение трудно понять, я писал его для натур исключительных.»

Вот образчик того, чем он думал угостить читателя:

«За полночь ночи.

На дворе – мороз.

При тихой тишине скрипят шаги вдали; – кто там идет на белом – черный, как кошмар ребенка, тяжелый и немой, как пьяный сон или моя тоска?

Я в комнате сижу один и жду тебя – не ты ли это, не тебя ли души моей палящим оком вдали, сквозь стену дома я вижу, о, Раиса?»

Чиновник:

«Терпеливо читайте до 28-ой главы. До этой главы покажется старо и шаблонно. От 28 же вы увидите нечто новое, оригинальное. Самая суть в конце, а до 28-ой главы – это ступени лестницы.»

Студент:

«В журналы не пройдешь без протекции или не надев на себя хомута партийности; я обращался в два, но бонзы, сидящие там, столько же понимают в искусстве, как я в китайской грамоте или в стихоплетениях В.Иванова.»

Такие выходки очень часты, и нередко начинающий писатель из так называемой «культурной среды» производит очень тяжёлое впечатление, – не столько своей развязностью, сколько полным незнанием русской литературы.

Было бы однако несправедливо умолчать о том, что и среди «писателей из народа» встречаются люди крайне развязные, наянливые и – что всего хуже – люди, спекулирующие на плохую память тех, к кому они посылают переписанные ими чужие произведения, выдавая их за свои.

В разное время мне прислали: рассказ Ломачевского «Нечистая сила» под изменённым заглавием «Наваждение»; «Витушкина» – Салова; «Принциписты-самоубийцы» – Шкляревского и «Старуху» – Н.Успенского. Называю эти рассказы на случай, если статья моя попадёт в руки господ переписчиков, и покорно прошу их впредь не

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
беспокоиться: русская литература богата, но не столь велика, чтобы можно было незаметно обкрадывать её.

Но и «культурные люди», очевидно, «скуки ради» шутят подобным же образом, с тою разницей, что, будучи грамотны, они немного переделывают переводные рассказы из старых журналов. Тоже бесполезное занятие – бесполезное и постыдное.

Темы рассказов

Мне кажется, что в выборе тем всего сильнее сказывается разница между настроением интеллигента и «писателя из народа».

Рабочий пишет о том, как грубый, пьяный сторож изменяется под влиянием молодёжи: перестаёт бить жену, взял сына из мастерской и отдал его в школу, а сам начал читать книги.

Студент, ссыльный:

Молодой студент, лесник, весёлый малый, хороший пропагандист и оратор, приехал на лето к дяде, мельнику, и там спивается в компании дяди, урядника, волостного писаря и попа.

Крестьянин:

Учительница, легкомысленная барышня, дворянка, кокетничает с попом, попадья плачет. Приезжают в село власти собирать подати, продаётся крестьянский скот, худоба; плач и рёв, учительница раздаёт свои деньги, умоляет станового прекратить продажу, он смеётся, она его обругала. Её прогнали, уезжая, она трогательно прощается с крестьянами, справедливый старик Кемсков провожает её словами:

«Ничего, не стыдись, за добро твоё тебя гонят, ничего, горлинка».

Дама:

Рассказывает о даме же, которая после нескольких лет на революционной работе – поносит революцию, своих товарищей и всю жизнь за то, что она, героиня, потеряла время любить.

Крестьянин:

Священник доносит на крестьян, приехала власть, двоих расстреляли, священник, спустя некоторое время, служит о них панихиду, Христос с креста смотрит на него косо.

Священник:

Деревенские парни добыли пороху, начинили им крынку и взорвали клеть лавочника; при взрыве оторвало ногу его тётке, старухе. Потом один из парней выдаёт виновных, шестерых увозят в тюрьму. Написано очень зло, со многими текстами из самых сердитых пророков.

Крестьянин:

Взяли парня в солдаты; на войне оторвало ему ногу; возвращается он домой в деревню и узнаёт, что любимая им девушка развращена, хозяйство разорено, мать умерла, отец спился. У него – орден за храбрость, но работы он не находит и, хромой, становится вожаком слепых, – слепых в буквальном смысле.

Эмигрант, партиец:

Солдат, возвратясь с войны, поступает в стражники и терроризует свою деревню.

Семинарист рассказывает, как удачно он, гостя у попа, ухаживал за деревенскими девушками,

а рабочий весело повествует о том, как, живя в ссылке в глухой деревне севера, он устроил кооперативную лавку.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Подобных противопоставлений можно привести очень много, и они ставят перед читателем два ряда людей, которые в своих взглядах на жизнь и человека, в своём настроении резко и далеко разошлись.

Писатель-самоучка настроен идеалистически – как и следует демократу молодой страны; писатель же интеллигент – скептик, пессимист и нытик. Один ряд людей в самых тяжёлых условиях и положениях упрямо ищет и находит нечто ободряющее, человеческое; другой – явно склонен ощущать мрачное, подчёркивать скотское и зверское.

Одни рассказывают о девушке, дочери богатого мироеда, как она, «страдающая за бедных», ворует у отца деньги и тайно, «тихой милостиной», раздаёт их деревенской нищете; о тюремном надзирателе, который, избив политическую арестантку, получил смертный приговор от её партии, а когда его жена упростила заключённую отменить приговор, он, вместе с женой, «удочеряют» безродную «политичку». Заметно вдумчивое отношение даже ко врагу, который завтра же, может быть, схватит автора за горло и ввергнет его во узилище.

Иногда – но не часто! – эти рассказы наивны, их досадно читать, идеализм слишком слащав, паточен, но – вспомнишь условия, в которых всё это пишется, и с великим уважением поклонись этим далёким, новым, стойким людям.

Надо почувствовать то, что лежит под их наивными рассказами, понять, чем вызваны эти длинные, неуклюжие повести, написанные трудным почерком, разбирать который устают глаза, и тогда станет ясна крепкая вера этих духовно здоровых людей в торжество добра, разума и правды.

А рядом с этими малограмотными рассказами приходится читать плоды творчества людей грамотных – становится тяжело, тошно, досадно, и – простите! – нестерпимо хочется говорить обидные, злые слова.

Пишут о том, как туп, грязен и скотоподобен русский мужик; читаешь и – поражаешься тем малым знанием жизни и людей, той духовной нищетой, которую обнаруживает автор.

Просишь – почитайте Муйжеля, Подъячева, Крюкова, – они современники ваши, они не льстят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду!

Обижаются и отвечают: не учите!

Я же никогда не учил и не учу, я только рассказываю, а иногда советую.

Рабочий, недавно столь популярный, ныне изображается, по преимуществу, мрачными красками, и читать слово – товарищ, нередко поставленное в кавычках, мучительно стыдно за тех, кто употребляет эти кавычки!

Пишут о «лигах свободной любви», изображают подробно и гадко разные случаи насилий над женщинами, рассказывают – не без любопытства – о женщинах, насилующих гимназистов, о ренегатах-провокациях, – о мерзостях, всё о мерзостях.

Само собой разумеется, что мерзость надо обличать, и если мужик – зверь, надо сказать это, если рабочий говорит:

«Я – пролетарий!» тем же отвратительным тоном человека касты, каким дворянин чудесных рассказов А.Н.Толстого говорит:

«Я дворянин!» – надо этого рабочего нещадно осмеять, но – всё надо делать прежде всего – любя, а затем – зная!

А творятся все эти скептические повести разочарованными людьми – без любви, без знаний, без таланта.

Однажды, между прочими вещами словами, Лев Николаевич Толстой сказал:

«Что такое талантливый человек? Это прежде всего человек, который любит. Вот, посмотрите, все влюблённые – талантливы, когда влюблены».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
У людей моего круга опыта – нет любви, нет знаний жизни и – ужасное отношение к
русскому языку.

После Тургенева, Лескова, Чехова, при Короленко студент второго курса,
«изучивший всю русскую литературу назубок», пишет:

«Я утверждаю, что мой труд написан вполне оригинально и посредством одной
интуиции, его основной мотив – преобладание в человеке интуитивного над
интеллектуальным. Вибрация тембра стиха нимало не совпадает ни с «Демоном», ни с
«Онегиным», ни с стихами Брюсова и Бальмонта. Звуковые отношения измышлены мною
и моя поэма, утверждать могу, вполне самостоятельна.»

Один из героев его поэмы говорит:

«Долой иллюзии! Мы живем в зоологическом саду, а зверей можно перевоспитать
только приемами доктора Моро.»

А крестьянин-эсер пишет:

«Теперь, когда я прочитал Ключевского и Пыпина, вижу, что неправ был Темкин,
говоря, что на Руси никто больше кающегося дворянина не заслуживал поэтического
апофеоза. Нет, поэтический апофеоз и терновый венец, и все, чем можно украсить
человека, – русскому народу принадлежит.»

Сознаюсь, что густота тех выводов, которые у меня получаются, неожиданна и для
меня самого, я смущён этой густотой. Когда читаешь одно, два письма, три, четыре
рукописи, а затем, через неделю, скажем, другие письма и рукописи, – впечатление
от них разобцается, прослаиваясь иными впечатлениями дня, и общее в них
становится незаметно. Но, прочитав весь мой материал за один приём, я был
поражён и, прямо скажу, несколько испуган противоречием настроений между
«человеком страшной жизни» и интеллигентом.

Чтобы читателю было ясно, как далёк я от преувеличений – рекомендую его вниманию
«Записки литературного Макара» (Выходит в Москве, выпусками, недавно вышел
второй. Изд. типо-литографии Орлова). Автор этих записок – рабочий Сивачев, и в
них внимательный читатель увидит, чем грозит этот разрыв интеллигенции с
народом. Чем он грозит и какие принимает формы.

С другой стороны, напомним, что я пишу в дни, когда возможно шесть изданий книги,
в предисловии которой автор, призывая к «созидательной работе», предлагает
внести «во глубину России мир, свет и знание», а в тексте книги говорит устами
одного из героев, явно сочувствуя ему:

«Если бы у нас в уезде вздёрнули трёх-четырёх...»

И приводит такой диалог:

«– Послушать вас – народ, выходит, совсем зверь.

– Помноженный на скота.

– Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже.»

Раньше на такие книги не обращали внимания, а ныне – влиятельной газетой, в
которой пишут люди культурные, – злая и тёмная книга эта признана за верное
отражение действительности.

А простые русские люди начинают смотреть глубоко вдаль, а не только себе под
ноги, как смотрели раньше; вот что, например, пишет один «отец из глухой
деревни»:

«Сам уж буду жить по-собачьи, недосыпая, недоедая, а дети мои – поживут! Увидят,
узнают, оценят все лучшее в жизни – науку, искусство, людей – дальних и ближних,
и пусть построят – новое.»

Мы живём в стране, где слой интеллигенции опасно тонок, – может быть, отчасти
поэтому она и неустойчива столь жалобно; мы живём в стране, где всякий серьёзно
думающий, любящий, желающий работать человек должен быть ценим высоко, –

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua надеюсь, это не нуждается в доказательствах.

И мне кажется, что именно сейчас, после 1905 года, интеллигент должен бы с великим и особенным вниманием присматриваться к росту новых идей, новых сил в массе «потревоженного» народа – в той почве, которую его отцы в течение долгих лет пахали «плугом ума», к росткам той пашни, на которой они, с великим трудом, сеяли «разумное, доброе, вечное».

Она, посеянная, даёт всходы – ибо никакая энергия не пропадает бесследно.

Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белоруссов – самого забитого народа в России, – на работу людей, сгруппировавшихся вокруг газеты «Наша нива». Позволю себе привести песню, изданную недавно «Нашей нивой», слова написаны белорусским поэтом Янком Купалой:

«А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такую толпой?

Белоруссы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?

Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,

А кому они несут напоказ свою?

На свет божий.

А кто ж это их, не один миллион –

Кривду несть научил, разбудил их сон?

Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,

Угнетенным века, им, слепым и глухим?

Людьми зваться.»

(Прошу Янку Купалу извинить мне дурной перевод его красноречивой и суровой песни).

Чтобы уяснить себе глубокий смысл этой песни, – которая, может быть, на время станет народным гимном белоруссов, – читателю следовало бы посмотреть «Нашу ниву» – она много интересного скажет ему.

Укажу также на быстрый рост татарской прессы и литературы в России, на культурную работу татарской интеллигенции в Казани, Симферополе, Уфе, Баку. Это – явление вчерашнего дня, оно было бы невозможно десять лет тому назад.

Думаю, что мне не надо упоминать об успехе народного университета Шанявского, о стремлении к самообразованию в городах, среди рабочих, и о прочих, всем известных явлениях этого порядка.

Не есть ли это движение народа навстречу культуре? Не оттого ли, что культурная среда в стране слишком разрежена и бедна здоровыми активными идеями, – психика русского интеллигента так неустойчива, расшатана и судорожна в своих проявлениях?

И не станут ли «мудрецы и поэты, хранители тайны и веры», жить здоровее, проще, веселее, и не будет ли творчество их мощнее, если они снова коснутся земли, народа, демократии?

Вильям Джемс, философ и человек редкой духовной красоты, спрашивал:

– Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но – лирический поэт-крестьянин – это для меня загадка. Я мало знаю русскую литературу, но всё, что знаю, рисует русских изумительно, бешено талантливыми людьми. Это проявляется только в области искусства?

В. Джемс хорошо знал литературу России, это было ясно из его вопросов и суждений. Библиотека Гарвардского университета имеет прекрасное собрание русских

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma книг, по фольклору – особенно ценное; есть даже такие библиографические редкости, как, например, «Сказания русского народа» Сахарова. Хранитель библиотеки, историк литературы, – имя его я забыл, – свободно говорит по-русски, долго жил в России. Кроме него, знает русский язык ещё один профессор этого университета. Должно быть, по их рассказам, Джемс знал о Кольцове, Никитине, Сурикове.

Ему рассказали о волжском судоходстве, созданном «простыми», неучёными людьми, о самоучках–техниках, о философе Сковороде, о русских путешественниках, искателях «новой земли».

– Сильный народ у вас! – горячо сказал он. – Естественно, что ваши честные люди так любят его и так героически гибнут за свободу страны... Любовь – живая, деятельная любовь – это и есть рычаг, который повернёт землю к солнцу так, что вся жизнь станет светла, бодр и радостна.

Не будем говорить о любви к народу – кажется, это чувство ныне вызывает улыбки мудрых гимназистов, «уставших от сложности и напряжённости современной».

Но напомним ещё раз о необходимости внимания и уважения к народу, – народ требует уважения к нему, внимания к его поискам, к работе его проснувшейся мысли.

[О Бальзаке]

Вспоминать о творчестве Бальзака мне так же приятно, как путнику, идущему по скучной, бесплодной долине, вспомнить когда-то пройденный им край – плодородный, богатый красотой и силой.

Мне было лет тринадцать, когда я прочитал первую книгу француза. Это была книга Эдмонда Гонкура «Братья Земганно» – трогательная история жизни артистов, людей, обречённых роком на духовное одиночество в тесном, искажающем душу круге враждебного любопытства к ним.

Эта славная книга взволновала меня своей человеческой грустью и навсегда внушила мне особенно внимательное, страстное и сочувственное отношение ко всем людям, отдающим миру лучшее своей души.

В то же время Гонкур разбудил у меня жажду ознакомиться с литературой Франции, историю которой я в то время немного и отрывочно знал и которая представлялась мне страной рыцарей, страной героев. Я стал спрашивать у знакомых гимназистов, какие есть авторы во Франции, и просил их доставать мне переводы французских книг.

Мне пришлось проглотить бесчисленное количество томов Дюма–отца, Понсон дю-Террайля, Буагобея, Законнэ, Габорио, Ксавье де-Монтепена и с десятков других авторов, прежде чем в руки мои попал томик Бальзака, – это была «Шагреновая кожа».

Ясно помню то неопишное наслаждение, с которым я читал страницы, где описывается лавка антиквария, – это описание остаётся для меня одним из лучших образов пластики слова. Другое место в этой книге, поразившее меня своим мастерством, – диалог на банкете, где Зальзак, пользуясь только бессвязными фразами застольного разговора, рисует лица и характеры с поражающей отчётливостью.

Я стал искать Бальзака, и следующая его книга, прочитанная мною, была «Pere Goriot» («Отец Горио»); это окончательно победило меня, и долгое время я чувствовал себя Растиньяком, грозящим миру мстостью за поправленное достоинство человека, за те боли, которыми люди наполнили его грудь. Мне в те дни плохо жилось, но я был здоров и поэтому стал романтиком.

«Человеческая комедия» была прочитана мною уже лет в двадцать; эта книга нанесла сильнейший удар моему неформленному романтизму, и я почувствовал в ней гений Бальзака и полюбил его горячей любовью, как, вероятно, любят учителя и друга.

Двумя–тремя годами позднее в России явился перевод полного собрания сочинений Бальзака, я дважды прочитал все его книги и тут понял всю величину этого

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma писателя, эпический размер его таланта изумил и пленил меня. Широта его планов, смелость мысли, правда слова и гениальные предвидения будущего, уже во многом оправданные настоящим, – делают его одним из величайших учителей мира.

Шекспир, Бальзак, Толстой – вот для меня три монумента, воздвигнутые человечеством самому себе. Без Бальзака я менее понимал бы Францию, ту страну, которая всегда шла и поныне идёт впереди человечества, всегда вырабатывая в той или иной области новые формы творчества, новые формы жизни... Её позорят банкиры, о чём мне однажды пришлось говорить и что вызвало в стране, любимой мною, непонятное и не тронувшее меня возмущение, но – антикультурная, античеловеческая деятельность французской биржи, подставившей ногу русскому народу на его пути к свободе, – эта деятельность, я знаю, никогда не затемнит чистого сияния таких имён, как имена Гюго, Бальзака, Флобера – истинных детей Франции, страны великих дел и великих имён.

Я не могу учесть, я не знаю, чем я лично обязан Бальзаку, но что его влияние вообще на русскую литературу было значительно, это несомненно и засвидетельствовано однажды Львом Толстым. Он спросил меня:

– Кого вы читаете чаще других?

Я сказал.

– Это хорошо. Но – читайте больше французов. Бальзака, у которого в оное время учились писать все, Стендаля читайте, Флобера, Мопассана. Они умеют писать, у них удивительно развито чувство формы и умение концентрировать содержание. Рядом с ними можно поставить только Диккенса да, пожалуй, Теккерея. Если бы я не читал «Пармскую шартрезу» Стендаля, я не сумел бы написать военные сцены в «Войне и мире».

На этом кончу моё письмо к вам.

Бальзак – бесконечная тема и непосильная для меня, к тому же воспоминания о нём слиты в моей жизни с её труднейшими днями, а это – волнует.

Мне хочется сказать ещё, что книга играла в жизни моей роль матери и что книги Бальзака наиболее дороги мне той любовью к людям, тем чудесным знанием жизни, которые с великой силой и радостью я всегда ощущал в его творчестве.

«В ширь пошло...»

Беру несколько писем, полученных мною за истекший год из разных мест России, и делаю из этих писем выдержки, будучи уверен, что они скажут читателю больше, чем могу сказать лично я.

Вот одно письмо человека, настроенного минорно:

«Я проделал путешествие от Ярославля до Астрахани, от Астрахани до Казани, Перми и Нижнего. И что же мог бы я сказать: привело это меня в лучший порядок, успокоило, выяснило мне «настроение страны», ознакомило с нею? Не знаю, может быть, рано ставить такие вопросы, преждевременно отвечать на них, – поэтому или почему-то другому, – но я не чувствую, что могу сказать да или нет, и мне не кажется, что теперь я знаю родину лучше, чем знал её год назад. Я поражён, подавлен пестротой и сумятицей вынесенных впечатлений, мне кажется, что душа моя окунулась в самые разнообразные краски и стала неестественно пёстрой. Но почему-то в памяти остались наиболее цельными картинками смешные, весёлые, хотя вы знаете, что я веселиться и смеяться не предрасположен. Это странные картинки: от них веет чем-то, что я определил бы словами – спокойное упование на возможность лучшего. Вот на корме парохода Каменских кучка разных людей слушает слепого гармониста и мальчонку-певца; гармонист играет хорошо, мальчик поёт скверно, публика слушает с удовольствием, но является матрос, должно быть, даже боцман, и орёт: «Опять про революцию петь? В воду сошвырну слепого чёрта!» Музыкант послушно перестал играть, мальчик спрятался за спину его, а публика объявила ненавистнику революции, что про «неё» не пели, нет! Он ушёл, и тотчас же какой-то рыжий человек в пиджаке попросил музыканта: «А это, что поётся про революцию, ну-ко, как это?» Публика поддержала его: «Не бойся, мы заслоним, заступимся, не велика он власть!» – «Пой, Яша», – равнодушно говорит слепец, и мальчик с жаром отчеканивает: «Отречёмся от старого ми-ира», – а публика довольна, и рыжий одобряет: «Хорошо, ребята! Здорово, мать честная!»

В Нижнем на пристани грузчики читают «Русское слово», подходит речной полицант, присаживается на корточки и спрашивает: «Про Думу есть?» – «Ну, чай, Дума давно распущена». – «Совсем?» – «Нет, на каникулу, на лето». – «Это совсем напрасно отпускают их, материнских детей!» – «Летом думать жарко». – «Пусть попрет!» – «Мы вон за гроши целый день жаримся». – «Н-да, летечко бог послал». – «Гляди, ребята, – говорит полицейский, – это опять к чему-нибудь, обязательно так! Шумит народ опять!» – «Ну, где там! – возражает солидный широкобородый грузчик. – Задавили народ до конца». – «А вот поглядим, – спорит страж, возбуждаясь. – Вот как начнётся война с китайцем, вот те и пойдёт опять! Чай, мы живые али нет?»

А вечером, в рубке первого класса, полная и сытая женщина, очевидно, купчиха, мечтает: «Подождите, поглядит, поглядит Европа, да и скажет: «Нет, господа, так нельзя. Какие же это порядки?» И прикажет...»

Видите ли – всё это очень забавно и, если хотите, отраднo: люди думают, беспокоятся, ждут, но – не от себя ждут, а от китайца, от Европы и – от «Петра Михалыча». О Петре Михалыче говорили в Астрахани, в трактире, какие-то ремесленники или приказчики, говорили тихо и с большими надеждами на него. «Он – законы знает, он им нос утрёт!» «Они» – это, как я понял, люди, закрывшие профессиональный союз или что-то в этом роде, а он, Пётр Михалыч, явится и «напечёт им колобков на лысине». Блажен, кто верует в Китай, Европу и прочие внешние силы, а я – не могу.»

Крестьянин сообщает:

«Началась у нас голодуха, а нет худа без добра – народ стал меньше вина пить, больше думать начал. Куда ни поглядишь, где ни послушаешь – всё люди о деле беседуют, а главное, начинают будто понимать, что, кроме как на самих себя, надеяться не на кого. Нашего же брата прибыло, недавно выслали на родину к нам двух парней, шорника и наборщика, оба люди грамотные очень и разумные и как раз к месту, ко времени. Ничего, жить можно!»

Железнодорожный служащий:

«Кружку нашему положительно необходимо всесторонне изучить движение товарищей наших во Франции, по газетам это невозможно, а по русским тем более. Сейчас двое наших занялись изучением французского языка, для того чтобы взяться за изучение движения, для этого нам необходимо иметь все те документы и статьи социалистических газет, которые говорят об этом.»

Обыватель уездного города:

«Не узнал я тихое гнездо моё, живу четвёртый месяц и всё глазам не верю – оно ли? И пятый и шестой года мы прожили благополучно, без особенных волнений, и в начале седьмого всё было спокойно, а вот теперь наблюдаю я жителей и думаю: «Да уж не я ли это был причиной спокойствия и благополучия?» Мне трудно сказать, в чём именно дело и что изменилось за эти три года, но невольно на язык просится эдакое почти победное восклицание: «Всё изменилось!» Злые стали ещё злее, но бессильнее, они как-то спутались, смутились и не страшны; добрые – поумнели, потихоньку начинают сознавать себя живущими в «конституционном государстве» и – дерзят начальству. Большую воспитательную роль играют процессы полицейские, интендантские и тому подобные крошечные Цусимы, как ни странно, может быть, звучит это, но – большую! Обыватель, размышляя и рассуждая об этих делах, ясно видит себя преданным на «поток и разграбление», а маленькому нашему начальству стыдно и завидно слушать о больших ворах. Вообще обыватель поднимает голову и даже готов «делать поступки». Недавно, например, нашкодил у нас полицейский надзиратель: избил, пьяный, бабу-торговку, опрокинул её товар и потоптал ногами. И – представьте! – «базар» вступился в дело – собрались, выбрали депутатов и послали их к исправнику с ультиматумом: или полицейский возмещает все убытки потерпевшей, а кроме того, даёт ей полсотни отступного, дабы она не возбуждала против него дела, или дело будет возбуждено и за торговку вступятся семнадцать человек свидетелей. Любопытно, что в числе сих граждан четверо ярых черносотенцев. Я спросил одного из них: что же это они так странно решили дело, по-домашнему как-то? «А вы думаете – лучше до суда доводить? Там, на суде-то, ещё неизвестно, что будет, а тут очень просто: хватили его, молодчика, по карману, он и будет смиреннее». Примитивно, мелочь, а всё-таки нечто новенькое, в прежние времена недопустимое.»

Стремление к «поступкам» отмечается многими, это стремление очень робкая проба сил, но, по словам одного из корреспондентов, «оно всецело направлено против администрации и его, пожалуй, можно понимать как признак роста политического самосознания, роста гражданственности».

А вот ссыльный студент, с другого конца России, как бы продолжает предыдущее письмо:

«Самые интересные люди здесь – черносотенцы: это, по-преимуществу, мелкие лавочники, хозяйчики-мастеровые, трактирщики. Все они – прежде всего думающий и читающий народ, а затем – хорошие демократы. Я познакомился с ними, ораторствую, рассказываю о Питере, о причинах студенческих волнений и пользуюсь успехом немалым, а кажется, и доверием. Любопытнейший народ; как-то я говорил им об университетских событиях и о политике Кассо, и вдруг некто бородатый догадывается: «Позвольте, молодой человек, значит – это он против нации?!» Недоумеваю – кто? «Да – министр!» – «То есть – как?» – «Да так – против нас, значит, он, чтоб нашим детям прикрыть доступы к наукам!» Вот вам и чёрная сотня! Их отношение к Думе непримиримо враждебно, и, в то же время, они мечтают о чём-то вроде собора земских людей всея Руси, о министрах по назначению собора, и, когда слушаешь их невероятно сложные и нудные рассуждения, сначала кажется, что проснулись какие-то очень древние люди, и совершенно напрасно проснулись, а потом они становятся понятнее и невольно перегибаешь отношение к ним в другую сторону: люди эти мечтают о широком самоуправлении, – будь они менее запуганы и более умны – из них выработались бы хорошие революционеры-демократы. А теперь это нечто стихийное, аморфное, неспособное организовать себя самостоятельно, подозрительно относящееся к организатору со стороны и поэтому – без будущего. Но как глубоко сидит в них органическое недоверие к «начальству!»»

Можно привести ещё десятка полтора однородных по смыслу выписок, и все они свободно уложились бы в слова одного из корреспондентов, деревенского священника:

«Дело обновления России не замерло, нет, это оптический обман, будто снова Русь заснула: суть в том, что движение вверх – вертикальное – ныне горизонтальным стало, по всей земле стелется, в ширь пошло!»

И вот, наконец, отрывок из письма одного из крупных русских литераторов, человека достаточно чуткого в определениях общественных настроений и, в то же время, считаемого – не без основания – глубоким пессимистом:

«Подлинная реакция, та, что живёт в усталом сердце, уже кончилась, перед нами – далеко, но уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться. Вид России печален, дела её ничтожны или скверны, а где-то уже родился весёлый зов к новой, тяжёлой, революционной работе. Далеко не все сознают это, но даже и те, кто не сознают, тянутся друг к другу, ищут сближения, требуют новых объединённых лозунгов, ибо над старыми уже лежит печать вражды и раздора. Кто соберёт? – вот в чём только дело!»

Дело, конечно, отнюдь не только в том «кто соберет», но – это тоже вопрос великой важности – кто организует русскую демократию к новому бою?

Пять лет протекло с той поры, как русское общество, взглянув в лицо долгожданной им революции, испугалось и, возвратись «на круги своя», начало водить печальные хороводы над могилами побеждённых бойцов и – не без его помощи – убитых надежд. За это время интеллигенцией судорожно пережиты увлечения весьма постыдные – вроде увлечения вопросами пола – торжествовал цинизм, прославлялась мудрость мещанства – хотя А.И.Герценом давно доказано, и мы долго верили ему, что это зоологическая мудрость; за это гнусное время многие покались, признав честное поведение просто «ошибкою молодости», и снова раздалась проповедь пользы «малых дел», впрочем своевременно опровергнутая великой глупостью русского начальства, не понявшего, сколь ему могли быть приятны эти «малые дела», в которых легко, но безрезультатно можно утопить большие силы.

Много прегрешений сотворено за это время русским обществом, русской интеллигенцией, и несомненно, что демократия знает об этом, помнит это и по-своему оценила политическое и моральное шатание грешников. И вот теперь, когда пред интеллигенцией – партийной и беспартийной – снова встала

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
необходимость повернуться на другой бок, лицом к действительности, – снова
надобно работать над организацией масс, – теперь весьма возможно, что русская
демократия встретит блудных своих детей уже не с прежним доверием к их
способностям и знанию жизни, не с той верою в их моральную стойкость, с которою
встречала в пятом и шестом годах.

Во всяком случае надо знать, что современная демократия, несомненно, способна
предъявить к «идейным» и «политическим» руководителям весьма новые, строгие и
сложные требования, что в этой демократии уже развивается своя интеллигенция,
настроенная весьма критически, а часто и враждебно к «интеллигенту», что на
почве этого критицизма, при малейшей неосторожности, возможны серьезные
недоразумения, способные ещё более углубить трещину в отношениях рабочего и
крестьянина к «партийным». И мне кажется, что партийным людям следовало бы
внимательно посмотреть на самих себя с точки зрения пригодности своей к новой
работе, к новым запросам времени и потребностям масс.

О «карамазовщине»

После «Братьев Карамазовых» Художественный театр инсценирует «Бесов» –
произведение еще более садическое и болезненное. Русское общество имеет
основание ждать, что однажды господин Немирович-Данченко поставит на сцене
«лучшего театра Европы» «Сад пыток» Мирбо, – почему бы не показать в лицах
картины из этой книги? Садизм китайцев патологически интересен для специалистов,
наверное, не менее, чем русский садизм.

Не будем говорить о том, что еще недавно «Бесы» считались пасквилем и что
произведение это ставилось многими из лучших людей России в один ряд с такими
тенденциозными книгами, каковы: «Марево» Клюшниковой, «Панургово стадо» В.
Крестовского и прочие темные пятна злорадного человеконенавистничества на
светлом фоне русской литературы.

Очевидно, – господин Немирович знает, что есть публика, которой забавно будет
видеть неумную карикатуру на Тургенева в годовщину тридцатилетия его смерти, и –
приятно посмотреть на таких «дьяволов от революции», каков Петр Верховенский,
или на таких «мерзавцев своей жизни», каковы Липутины и Лебядкины; ведь, глядя
на них. очень легко и удобно забыть, что есть люди честные, бескорыстные, а
несомненно, что ныне многие нуждаются в этом забвении, и вот Художественный
театр послужит этой нужде – поможет дремлющей совести общества заснуть крепче.

Но оставим в стороне вопросы совести, а клевету и злые карикатуры сотрет
история, – станем говорить о социальной пользе инсценировки «Бесов».

Меня интересует вопрос: думает ли русское общество, что изображение на сцене
событий и лиц, описанных в романе «Бесы», нужно и полезно в интересах социальной
педагогики?

Неоспоримо и несомненно: Достоевский – гений, но это злой гений наш. Он
изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни,
воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжелой и обидной жизнью:
садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и – противоположность ее
– мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим
страданием, не без злорадства однако рисуясь им пред всеми и пред самим собою.
Был нещадно бит, чем и хвастается.

Главный и наиболее тонко понятый Достоевским человек – Федор Карамазов,
бесчисленно – и частично и в целом – повторенный во всех романах «жестокого
таланта». Это – несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно
трусливая и дерзкая, а прежде всего – болезненно злая: душа Ивана Грозного,
Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть
беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же
отдал ее насиловать толпе хулиганов.

Очень искаженная душа, и любоваться в ней – нечем.

Может быть, она ищет некий стержень – прочное основание, которое укрепило бы,
кристаллизовало, оформило ее, и потому бунтует, все разрушая, все грязня? Но
грязью, мучительством, кровью не залечить своей раны, и пока эта безумная душа
ищет себе стержня или наказания, – сколько она – попутно в монастырь или на
каторгу – прольет в мир гнилого яда, сколько отравит детей и юношества!

Достоевский – сам великий мучитель и человек больной совести – любил писать именно эту темную, спутанную, противную душу. Но все мы хорошо чувствуем, что Федор Карамазов, «человек из подполья», Фома Опискин, Петр Верховенский, Свидригайлов – еще не всё, что нажито нами, ведь в нас горит не одно звериное и жульническое! Достоевский же видел только эти черты, а желая изобразить нечто иное, показывал нам «Идиота» или Алешу Карамазова, превращая садизм – в мазохизм, карамазовщину – в каратаевщину. Платон Каратаев, как и Федор Карамазов, живые, по сей день живущие вокруг нас люди; но возможно ли существование народа, который делится на анархистов-сладолюбивых и на полумертвых фаталистов?

Очевидно, что не эти два характера создали, и хотя медленно, а все-таки развивают культуру России.

Почему же внимание общества пытаются остановить именно на этих болезненных явлениях нашей национальной психики, на этих ее уродствах? Их необходимо побороть, от них нужно лечиться, необходимо создать здоровую атмосферу, в которой эти болезни не могли бы иметь места.

А у нас показывают гнойные язвы, омертвевшие тела, заставляя думать, что мы живем среди мертвых душ и живых трупов.

Никто не станет отрицать, что на Русь снова надвигаются тучи, обещая великие бури и грозы, снова наступают тяжелые дни, требуя дружного единения умов и воли, крайнего напряжения всех здоровых сил нашей страны, – время ли теперь любоваться ее уродствами? Ведь они заражают, внушая отвращение к жизни, к человеку, и – кто знает – не повлияла ли инсценировка Карамазовых на рост самоубийств в Москве?

Несомненно также, что русское общество, пережив слишком много потрясающих сердце драм, утомлено, разочаровано, апатично. Температура нашего отношения к действительности, к запросам жизни – сильно понижена.

Среди условий, понижающих ее, немалую роль сыграла пропаганда социального пессимизма и возвращение к так называемым «высшим запросам духа», которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела. Возникновение этих отрывков прошлого объясняется тем, что Русь, к сожалению, больше, чем другие, жила под гнетом церковного и богословского воспитания. Вот почему Гоголь только тогда здоров и деятелен, когда его волю и воображение направляет европеец Пушкин, человек, знающий прошлое своей страны, но не отравленный им.

Пред нами – огромная работа внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом. Мы должны тщательно пересмотреть все, что унаследовано нами из хаотического прошлого, и, выбрав ценное, полезное, – бесценное и вредное отбросить, сдать в архив истории. Нам больше, чем кому-либо, необходимо духовное здоровье, бодрость, вера в творческие силы разума и воли.

Мы живем в стране с пестрым населением в 170 миллионов людей, говорящих на полусотне языков и наречий: наш нищий народ выпивает водки почти на миллиард ежегодно и – пьет все больше.

Не здесь ли один из источников все растущего хулиганства, которое – в существе своем – та же карамазовщина?

Пора подумать, как отразятся это озеро яда на здоровье будущих поколений, не усилит ли дикое пьянство – темную жестокость нашей жизни, садизм деяний и слов, нашу дряблость, наше печальное невнимание к жизни мира, к судьбе своей страны и друг ко другу?

И вот, в интересах духовного оздоровления, необходимо, как мне кажется, определить социально-воспитательное значение тех идей, которые Художественный театр предполагает показать нам в образах. Нужно ли это увечное представление? Я уверен, что – нет.

Это «представление» – затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально.

Рабски следуя за Художественным театром, театр Незлобина инсценирует «Идиота», тут тоже есть чем полюбоваться, например: агонией туберкулезного Ипполита, эпилепсией князя Мышкина. жестокостью Рогожина, истерией Настасьи Филипповны и прочими поучительными картинами всяческих болезней тела и духа. Не надо забывать, что на сцене театра не так ясны мысли автора, как жесты, и что роман Достоевского, оголенный купюрами, примет характер сплошной нервной судороги.

Я предлагаю всем духовно здоровым людям, всем, кому ясна необходимость оздоровления русской жизни, – протестовать против постановки произведений Достоевского на подмостках театров.

Эта заметка вызвала протест со стороны довольно значительной группы литераторов; протест был напечатан в вечернем издании «Биржевых ведомостей» и сводился к обвинению меня в том, что я пытаюсь установить цензуру общества над свободой художника. Следующая моя заметка является ответом на протест литераторов.

Ещё о «карамазовщине»

Мой призыв к протесту против изображения «Бесов» и вообще романов Достоевского на сцене вызвал единодушный отклик со стороны господ литераторов, более или менее резко выразивших порицание мне. Один из сторонников Достоевского, господин Горнфельд, указал даже, что:

«Противники Горького перегнули палку в противоположную сторону: появились уже гаденькие слова о какой-то творимой им цензуре».

Слова действительно лишние н, на мой взгляд, весьма постыдные для тех, кто их придумал.

Но суть дела не в отношении ко мне лично того или другого лица, – это никому не интересно; суть в том, что все высказавшиеся против меня отрицают за обществом его право протестовать против тенденций и явлений, враждебных росту человечности в обществе.

Мнения, высказанные литераторами, слагаются предо мною так:

«Хотя Достоевский и реакционер; хотя он является одним из основоположников «зоологического национализма», который ныне душит нас; хотя он – хулитель Грановского. Белинского и враг вообще «Запада», трудами и духом которого мы живем по сей день; хотя он – ярый шовинист, антисемит, проповедник терпения и покорности, но, при всем этом, его художественный талант так велик, что покрывает все его прегрешения против справедливости, выработанной лучшими вождями человечества с таким мучительным трудом. И посему общество лишается права протеста против тенденций Достоевского да и вообще против всякого художника, какова бы ни была его проповедь».

Однако, когда в 1907 году театр Суворина поставил на сцене «Бесов», общество, в лице прогрессивной печати, протестовало против этой инсценировки, справедливо определив ее как прием политической борьбы.

Почему же то, что во грех Суворину, – Немировичу-Данченко во спасение? Почему общество может протестовать против ничтожной пьески «Контрабандисты», а против сильного и злого романа «Бесы» не может?

Почему ваш, господа, коллективный протест против моего мнения – не цензура, а мой призыв к протесту – призыв к цензуре?

Прошу понять, что я не себя защищаю, – я просто указываю, что общество имеет право протеста против проповеди того или иного художника, – имеет это право и пользовалось им.

Ваше отношение к вопросу мне неясно.

Возражения, брошенные мне, брошены под заголовком: «Горький против Достоевского», причем один литератор приписал мне намерения крайне свирепые. Он говорит, что если бы я был министром, то сжег бы Достоевского. Министром я не надеюсь быть, но все-таки считаю долгом моим заранее успокоить взволнованного

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
писателя: если и буду, то не сожгу. Не сожгу, ибо русскую литературу люблю и
ценю не менее почтенного литератора. Он очень громогласно объявил городу и миру
о своем безграничном свободолобии, но каждый раз, когда я слышу такие
объявления, мне хочется спросить объявителя:

«А вы от чего желаете освободиться? Не от всех ли обязанностей человека и
гражданина?»

Ибо русское понимание «последней свободы» почти всегда скрывает за собою
стремление от деяния к созерцанию, от культуры – к дикости и варварству.

Горький не против Достоевского, а против того, чтобы романы Достоевского
ставились на сцене.

Я убежден, что одно дело – читать книги Достоевского, другое – видеть образы его
на сцене да еще в таком талантливом исполнении, как это умеют показать артисты
Художественного театра.

В книгах для внимательного читателя ясны и реакционные тенденции Достоевского и
все его противоречия, все те страшные натяжки, которых никому другому не
простили бы.

Если тринадцатилетний мальчик Красавин говорит, что «глубоко постыдная черта,
когда человек всем лезет на шею от радости», читатель вправе усомниться в бытии
такого мальчика. Если мальчик заявляет: «Я их бью, а они меня обожают» и
характеризует товарища: «Предался мне рабски, исполняет малейшие мои повеления,
слушает меня как бога», – читатель видит, что это – не мальчик, а Тамерлан или,
по меньшей мере, околоточный надзиратель.

Когда четырнадцатилетняя девочка говорит: «Я хочу, чтоб меня кто-нибудь
истерзал», «хочу зажечь дом», «хочу себя разрушить», «убью кого-нибудь», –
читатель видит, что это правдоподобно, хотя и болезненно.

Но когда девочка эта рассказывает, как «жид четырехлетнему мальчику сначала все
пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене гвоздями», и
добавляет: «Это хорошо. Я иногда думаю, что сама распяла. Он висит и стонет, а я
сяду против него и буду ананасный компот есть», – здесь читатель видит, что
девочку оклеветали: она не говорила, не могла сказать такой отвратительной
гнусности. Тут, на горе наше, есть правда, но это – правда Салтычихи, Аракчеева,
тюремных смотрителей, а не правда четырнадцатилетней девочки.

И когда на вопрос этой оклеветанной девочки: «Правда ли, что жида на пасху детей
крадут и режут?» – благочестивый Алеша Карамазов отвечает: «Не знаю», – читатель
понимает, что Алеша не мог так ответить; Алеша не может «не знать»; он – таков,
каким написан, – просто не верит в эту позорную легенду, органически не может
верить в нее, хотя и Карамазов.

Если же читателю будет доказано, что Алеша в юности действительно «не знал»,
пьют ли евреи кровь христиан, тогда читатель скажет, что Алеша – вовсе не
«скромный герой», как его рекомендовал автор, а весьма заметная величина, жив до
сего дня и подвизается на поприще цинизма под псевдонимом «В. Розанов».

Всматриваясь в словоблудие Ивана Карамазова, читатель видит, что это – Обломов,
принявший нигилизм ради удобств плоти и по лени, и что его неприятие мира –
просто словесный бунт лентяя, а его утверждение, что человек – «дикое и злое
животное», – дрянные слова злого человека.

Читатель видит также, что Иваново трактирное рассуждение о «ребеночке» –
величайшая ложь и противное лицемерие, тотчас же обнаженное самим нигилистом в
словах:

«Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних».

Ближний – это и есть ребенок, человек, который завтра унаследует после нас все
доброе и злое, совершенное нами на земле, а если Иван не понимает, как можно
любить его, – значит, все, что он говорит о жалости к «ребеночку». –
сентиментальная ложь.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Весь мир познания не стоит слёзок ребеночка», – говорит нигилист, но читатель знает, что это – тоже ложь. Познание есть деяние, направленное к уничтожению горьких слез и мучений человека, стремление к победе над страшным горем русской земли. Вообще, читая книги Достоевского, читатель может корректировать мысли его героев, отчего они значительно выигрывают в красоте, глубине и в человечности.

Когда же человеку показывают образы Достоевского со сиены, да еще в исключительно талантливом исполнении, – игра артистов, усиливая талант Достоевского, придает его образам особенную значительность и большую законченность.

Сцена переносит зрителя из области мысли, свободно допускающей спор. в область внушения, гипноза, в темную область эмоций и чувств, да еще особенных, «карамазовских», злорадно подчеркнутых и сгущенных. – на сцене зритель видит человека, созданного Достоевским по образу и подобию «дикого и злого животного».

Но человек – не таков, я знаю.

И вот, находя, что вся деятельность Достоевского-художника является гениальным обобщением отрицательных признаков и свойств национального русского характера, я уверен, что образы его на сцене театра, подчеркнутые игрою артистов, приобретают убедительность и завершенность большую, чем на страницах книг.

Я считаю это социально вредным, ибо человек – не «дикое и злое животное» и он гораздо проще, милее, чем его выдумывают российские мудрецы.

А протест общества против того или иного литератора одинаково полезен как для общества, которому пора сознать свои силы и свое право борьбы против всего, что ему враждебно, так и для личности.

Тот, кто достаточно силен верой в себя и в жизненность своих идей, перешагнет через все сопротивления, и общество душу его не умертвит.

Один из свободолюбивых литераторов, высмеивая мое мнение, между прочим, восклицает:

«Нет, вредной литературы не существует! Чем гениальнее произведение, тем больше его благотворное влияние, даже если гений и заблуждается».

Гениальные книги крайне редки, как это всем известно. Мы живем во дни великой бедности духовной, во дни печального разброда сил; наша текущая литература, посылно отражая процесс дробления русской души, не позволяет надеяться на то, что художник-гений уже скоро явится среди нас. А «вредная» литература, несомненно, существует, – автор приведенных выше строк сам неоднократно указывал на нее. Несомненно, что он не признает полезной повесть, в которой проповедуется, например, педерастия или сладостно описываются иные извращения полового чувства. Наверное, он не признает полезной книгу, в которой «художественно» восхвалялось бы предательство или «гениально» защищалась необходимость поголовного истребления турок.

Киплинг очень талантлив, но индусы не могут не признать вредной его проповедь империализма, и весьма многие англичане согласны в этом с ними.

«Вредной» литературы очень много, и у нее есть своя заслуга: как прыщ указывает, что кожа грязна, так и эта литература свидетельствует о нечистоплотности души.

Что заставило меня говорить на эту тему? Вот что: я знаю хрупкость русского характера, знаю жалостную шаткость русской души и склонность ее, замученной, усталой и отчаявшейся, ко всякого рода заразам. Прочитайте внимательно анкету «Вестника воспитания», прислушайтесь к голосам современной молодежи, – нехорошо на Руси, господа!

Не Ставрогиных надобно ей показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии – к демократии, к пароду, к общественности и науке.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma. Довольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику; довольно взаимных заушений, бестолкового анархизма и всяких судорог.

И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее – значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря о всех нас.

Наша замученная страна переживает время глубоко трагическое, и хотя снова наблюдается «подъем настроения», но этот подъем требует организующих идей и сил больше и более мощных, чем требовал назад тому восемь лет.

Считаю нужным указать, что в реакционной прессе постановка «Бесов» Художественным театром вызвала полное удовлетворение, в доказательство этого привожу выдержки из статьи господина Независимого, напечатанной в 19 № журнала князя Мещерского «Гражданин» (№ 19, 1914 год).

Современная действительность и Ф. М. Достоевский
Все мы можем искренно поблагодарить Московский Художественный театр за постановку на сцене картин из романа «Бесы» Достоевского.

Заслуги Художественного театра: он воскресил в памяти «Бесы», он указал на современность этого романа, он заинтересовал всех этим современностью. Меня лично этот спектакль заставил достать с полки книжного шкапа Достоевского и снова перечитать его. Чтоб проверить снос собственное впечатление, ради простой любознательности, я зашел в несколько библиотек – городских и частных – с просьбой дать мне роман «Бесы», и везде получал один и тот же ответ: книга взята.

Мне кажется, это одно из немаловажных доказательств, насколько идея постановки сцен из романа «Бесы» воскресила интерес публики к нашему великому писателю.

Впечатление от спектакля тем сильнее, что все действующие лица романа «Бесы» вот вчера, сегодня проходили и проходят перед нами и сам сюжет буквально выхвачен из нашей текущей жизни.

Все сцены – сплошное развенчивание деятелей революции: каждый монолог говорит о тех низменных чувствах, которыми руководствуются эти деятели, – все время вы не можете отличить, где кончается революционная партийная работа и где начинается грязная провокация этих грязных дельцов. Как все это современно! И как все это поучительно! Недаром Максим Горький так энергично кричал против этой постановки Художественного театра, и, вероятно, руководителям театра не мало пришлось перенести затруднений, прежде чем поставить этот спектакль. Пусть наша молодежь, которая жаждет подвигов, которая, будучи очень отзывчивой на горе и несчастье ближних, бросается в революционные кружки и, веря красивым песням о свободе, равенстве и братстве руководителей этих кружков, отдает работе и ним все свои силы в надежде изменить существующими строй и тем якобы обеспечить для всех счастливую и справедливую жизнь, – пусть эта молодежь, которая видит в своих руководителях богов и на них молится, пусть она пойдет на представление Московского Художественного театра посмотреть «Бесы» и перечтет потом дома это бессмертное Произведение русского гения.

Вот он Азеф – Петр Верховенский, вот эти все нищие духом и умом Кирилловы и Шатовы, вот они, безвольные, бесхарактерные, неумные государственные деятели типа фон-Лембке! Вот оно постоянное запугивание каким-то «центральным комитетом», находящимся где-то за границей, но которого никто не знает и который состоял, вероятно, из тех же грязных, порочных людей...

Разве все это не видим мы в наше время? Разве все это не портреты наших дней?

Как все это назидательно, и как жаль, что у нашей чуткой молодежи роман «Бесы» Достоевского не является настольной книгой. Если всем нам полезно посмотреть этот спектакль, то нашей молодежи положительно необходимо видеть «Бесы» в Михайловском театре, и я позволяю себе кончить эти несколько строк о своем впечатлении выражением сожаления, что по своим ценам этот театр почти совсем недоступен широкой русской публике.

Независимый

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Несвоевременное

Человек – умирает, мысль его остаётся жить. Эта живучесть мысли должна бы обязывать человека к известной сдержанности, когда он воплощает тёмные свои эмоции в слова, в мысли.

Писатель – человек, так сказать, публично мыслящий. Никто не станет отрицать, что у нас, на Руси, мысль писателя имеет особенную воспитательную ценность, пользуется исключительным вниманием. Русская литература – основа русской культуры, в русской литературе отражено всё наше дурное и хорошее – наше особенное.

Именно литература подсказала нам, что наш народ – хороший народ, что Русь – самое кроткое, сердечное и совестливое племя. Мы верим этому, хотя действительность часто и упрямо стремится поколебать нашу веру в исключительно добрые свойства народа нашего. Мы верим, что русские – самые лучшие люди, – таково влияние литературы, убеждавшей нас в этом на протяжении целого века.

Даже в безумные дни мировой бойни наша пресса изо дня в день отмечает великодушие русского солдата, рассказывая, как трогательно и любовно он относится ко врагу. В мирное время, в будничной обстановке, великодушие и сердечность народа наблюдается редко, а вот на войне люди становятся жалостливы и человечны, хотя на войне задача каждого солдата становится до ужаса простой: чем больше он искалечит и убьёт людей, тем меньше останется людей, способных убить его.

Но допустим, что это верно, – наш народ исключительно великодушен в домашнем быту и ещё более на полях битв, в мерзостной обстановке взаимного истребления десятков тысяч людей. Русский солдат великодушен ко врагу, он, может быть, глубоко понимает, что солдат-немец – такой же несчастный, подневольный человек, как и он, русский.

Теперь посмотрим, как относится к немцу русский писатель, культурный человек.

Фёдор Сологуб пишет: «Германские шпионы долетали до Перми и уехали не повешены».

Мне помнится, что я видел имя Фёдора Сологуба под протестом против смертной казни. Затем – я думаю, что, если какая-то власть нашла возможным не вешать немецких аэронавтов, а мирно отпустить их, русскому писателю не надлежит беспокоиться тем, что немцев не повесили. И хвастаться тут нечем: будет посвободнее, мы и своих вешать начнем.

Тот же Фёдор Сологуб пишет: «Нас движут, конечно, побуждения совсем иного порядка, чем те, которыми брошена в бой Германия. Земель чужих нам не надобно, своих достаточно. Германию же движет корысть, тупая и жестокая».

Какие побуждения «движут» нас в этой войне и нужны ли нам чужие земли, Сологуб этого не знает. Это будет известно ему во дни переговоров о мире. Хотя по вопросу о земле некоторые народности могли бы и теперь уже оспорить утверждение писателя. Но не в этом дело. А что, если история, всегда более справедливая, чем вообще может быть справедлив человек – Сологуб, докажет ему, что Германия была вызвана на войну инстинктом самосохранения и что война была для неё так же неизбежна, как для Франции, для Англии? Что внеразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые могли быть разрешены только войной, общеевропейской катастрофой?

Как хорошо было бы, если бы Сологубы подождали выразить свои мысли в формах, столь свирепых и решительных! Мысль писателя – публичная мысль, она отдаётся всем, и если она больная, то заражает всякого, кто соприкасается с нею.

Другой Сологуб – Арцыбашев – утверждает, что «дух вражды и зверства, воплотившийся в личности кайзера, присущ огромному большинству немцев», и, следовательно, снимая с Вильгельма исключительное обвинение, переносит его на всю тевтонскую народность.

Такие утверждения, несомненно, послужат развитию национальной и расовой ненависти.

Славная своей гуманностью, своим великодушием русская литература никогда не

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
говорила таким языком.

Куприн пишет в сборнике «Война»: «В русском народе развито чувство огромной терпимости к другим нациям и беспристрастной оценки их достоинств», но в той же своей статейке он говорит: «Против нас идут полчища диких, некультурных гуннов, которые будут всё жечь и уничтожать на своём пути и которых надо уничтожить до конца».

Желание уничтожить людей «до конца» едва ли может быть наименовано желанием беспристрастным. Беспристрастие обязывает грамотного человека знать, что на войне все солдаты – немцы, французы и другие – с одинаковым усердием жгут и уничтожают всё, что можно уничтожить и сжечь. Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку.

Леонид Андреев, не отставая от своих товарищей в деле выражения свирепых эмоций, тоже усердно обливает немецкий народ уксусом и желчью.

«Мы протестуем и выражаем наше презрение немецкому народу», – пишет он, очевидно, веря всему, что говорит о немецком народе уличная пресса, так успешно торгующая ненавистью.

В другой своей статье он взывает к людям:

«Множьте любовь. Множьте любовь».

Станный способ множить любовь в мире, выражая презрение целой нации и тем как бы вычёркивая её из мира.

Не особенно давно Л. Андреева интересовали идеи высшей справедливости, и он усиленно служил этим идеям своим талантом, своей фантазией. Справедливость требует, чтобы раньше, чем судить виноватого, были расследованы мотивы его вины. Этого требует не высшая, а примитивная справедливость, знакомая даже русскому мужику. Тем более она должна быть знакома писателю. Но Л. Андреев, потеряв себя в путанице событий, повторяет с улыбкой те слова, которые умножают ненависть.

Кстати, в одной из своих статей он писал: «Ещё недавно кричал на нас К. Либкнехт: «Варвары, вас надо выкинуть за Урал».

Могу его уверить, что он введён в заблуждение каким-то клеветником. Карл Либкнехт не говорил и не мог сказать приписанных ему слов. Он искренно любит Русь и русских, он человек очень стойкий в своих мнениях. Эта стойкость доказана им точно так же, как он доказал своё прекрасное отношение к русским тою умной и деятельной помощью нашим соотечественникам, которую он организовал в Берлине в первый месяц войны.

Об этой его работе писалось в русских газетах. Эта гуманная работа не оставлена им и по сию пору.

Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей – писателей, журналистов. Но ведь и многие из русских интеллигентов тоже выражали и выражают желание «отодвинуть», «уничтожить до конца» соседние племена и нации. Не надо забывать, что Московское княжество выросло в русскую империю не иначе, как путём «отодвигания» соседей.

Четверо наиболее крупных писателей, люди влиятельные на Руси, высказались о своём враге-немце беспощадно и жестоко. Все они единодушно говорят, что немец – урод, зверь, чудовище. Они осуждают не солдат, не один какой-либо класс, а целую нацию.

Менее значительные писатели идут за ними, изо дня в день повторяя слова ненависти и злобы. Многие из них делают это, наверное, только потому, что этого требует улица, лично же они глубоко равнодушны к немцам, к русским и ко всему миру. Пресса разносит эти потоки тёмных чувств, пыль холодной злобы по всей стране.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Мне кажется, что во дни крушения культуры задача писателя не эта. Защитник справедливости, правды, свободы, проповедник уважения к человеку, русский писатель должен бы взять на себя роль силы, сдерживающей бунт унижительных и позорных чувств. Горько и стыдно читать слова поручика Куприна:

«Мне до сих пор неловко за то, что я – писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их наверстать».

И невольно думается: а ведь русские серенькие солдаты, наши мужики, относятся к своему врагу человечнее, честнее, благороднее, чем культурные люди, русские писатели.

Господа! Сделайте отсюда надлежащие выводы..

Предисловие [к книге Ивана Морозова «Разрыв-трава»]

Иван Морозов, крестьянин Зарайского уезда, родился в 1883 году. Двух лет он потерял отца и остался на попечении матери, у которой было ещё четверо детей старше его. Мать часто рассказывала сыну о том, как люди жили до 61-го года, рассказывала об ужасах, пережитых лично ею, и порою говорила, что всё это «написано в книжках», она была грамотна и происходила из секты молокан. Её рассказы пробудили в сыне желание учиться, с помощью матери он быстро выучился чтению на церковнославянском языке; первая книга, прочитанная им, – библия. Затем, по настойчивому желанию ребёнка, его отдали в сельскую школу, где ему особенно полюбилась «Хрестоматия» Паульсона.

Стихотворения, помещённые в этой славной книге, которую, вместе с «Родным словом», многие вспоминают благодарно, вызвали у Морозова «необычайный восторг», как говорит сам он.

Однажды, под влиянием только что прочитанного стихотворения Пушкина, Морозов написал своё первое стихотворение; он долго прятал его как часть своей души, но случайно учительница обнаружила этот лепет ребёнка, заинтересовалась мальчиком и стала знакомить его с русской поэзией. Морозов прочитал Жуковского, Кольцова, Пушкина, и когда, «очарованный прелестью стихов» последнего, узнал, что Пушкин был убит на дуэли, это поразило его, он «не мог представить себе, как можно было поднять руку на полубога»?

Когда мальчик оканчивал школу, её посетил инспектор, учительница показала ему стихотворение Морозова, инспектор заставил ученика прочитать любимые им стихи, а послушав, предложил учительнице подготовить даровитого мальчика в учительскую семинарию.

Пусть дальше рассказывает сам Морозов:

«Не помня себя от радости, прибежал я домой. С каким восторгом рассказывал я матери обо всём происшедшем и как умолял её отпустить меня в семинарию! Мать, когда узнала от учительницы, что за всё время обучения в семинарии я буду на казённом содержании, – согласилась на мои просьбы, и я принимаюсь за подготовку в семинарию. Трудно было без помощи опытного лица; учительница уехала на летние каникулы, не у кого просить советов и указаний. А как раз – летняя пора: целый день проводишь в поле, исполняя посильные работы, и только вечером, когда все ложились спать, принимался я за уроки, да и то украдкой, чтобы старшие в семье не могли заметить и вырвать из рук книжку. Только в праздничные дни, когда уезжал в поле с лошадьми, я чувствовал себя свободно, располагался с неизменной книжкой, и, быть может, не одна потрава соседних полос сделана была по вине забывшегося за книжкой мальчика. В конце августа приехала учительница, чтобы отвезти меня в семинарию. Мать категорически отказала ей. Как громом ударило меня, слёзы и просьбы не помогли моему горю, и никакие убеждения доброй учительницы не могли удержать мать от её сурового приговора. Впоследствии выяснилось, что нашёлся какой-то «добряк», который и затормозил это дело. «Студентом будешь, – говорил он матери, – а тогда толка от него не жди: и иконы побьёт в дому, и тебя из дому выгонит!» Так все мои светлые мечты поглотила серая действительность. А на улице товарищи смеются над неудачником: «Что ж ты в студенты-то хотел». Я остаюсь в кругу людей, которые не понимают моих стремлений... Зимой попадаю в волостное правление «на переписку бумаг», «копии писать»; там по вечерам, оставаясь один, усиленно занимаюсь чтением и писанием стихов, просящая до рассвета за любимыми занятиями. На собранные деньги, «чаевые», покупаю себе книжки на рынке. Через волостное получалась почта –

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma письма, газеты. Просматривая номер одной газеты, я нашёл там корреспонденцию из села, отстоящего от волости в пятнадцать верстах. Долго старался узнать, кто это пишет, и, наконец, выведя, что в селе есть старик, который «пишет в газетах». Через одного знакомого завелась у меня с этим стариком переписка, и вскоре мы познакомились лично. Это был самоучка-писатель (блаженной памяти, умер в 1905 году, когда я был на военной службе), некто Влазнев, друг известного Сурикова.

Просмотрев мои стихи, он дал совет больше работать над ними, но не бросать стихосложения. В 1901 году два моих стихотворения напечатаны были в одной маленькой провинциальной газетке. В 1902 году, узнав из газет о существовании в Москве кружка народных писателей, посылаю туда несколько стихотворений, из которых два напечатаны были в одном литературном сборнике. С одним из членов кружка велась у меня переписка, которая кончилась тем, что в 1903 году я покидаю деревню и почти тайно уезжаю в Москву. Нелегко было деревенскому парню без средств скитаться по Первопрестольной.»

Этот сжатый, неяркий рассказ, видимо, написан человеком, который «скромен в горе, шумен в радости»; в этом кратком очерке внешней жизни скрыто много глубокой тоски и терзаний. Морозов умолчал о многом, испытанном им, – о труде, изнурившем его, о тяжкой своей службе в солдатах и о том, как трудно ему, рабочему человеку, живётся теперь.

Не часто встречаешь в людях благородную способность мужественно молчать о личном горе, о личных обидах своих.

И редки ныне люди, которые, посвящая себя борьбе с духом уныния в мире, желали бы пробудить в сердце ближнего чувство бодрости.

Каждый раз, когда почта приносит серую тетрадку «грошовой» бумаги, исписанной непривычно к перу рукой, и письмо, в котором неизвестный и знакомый, невидимый и близкий человек просит «просмотреть» его опыты и сказать: «Есть ли у меня талант, имею ли я право на внимание людей», – сердце сжимается и радостью и скорбью, одновременно вспыхивает в нём великая надежда, и ещё яростней болит оно страхом за родину, переживающую ныне столь тяжёлые дни...

Радость – потому, что всё больше и больше присылают неуклюжих стихов, неумелой прозы и всё выше, бодрей звучат голоса пишущих; чувствуешь, как в нижних пластах жизни разгорается у человека сознание его связи с миром, как в маленьком человеке растёт стремление к большой, широкой жизни, жажда свободы; как страстно хочет он поведать свои юные думы, подбодрить усталого ближнего, приласкать свою грустную землю.

И так воодушевляюще жарка надежда на то, что скоро уже встанет, выпрямится наш пригнетённый народ и бодро, со свежей силой вступит в общечеловеческую работу создания новой культуры, новой истории.

Но когда вспомнишь, сколь страшна жизнь каждого выходца из народа, каждого «писателя-самоучки», вспомнишь, в каких ужасных условиях он пишет свои «сочинения», какая масса энергии бесплодно тратится им на то, чтобы выразить мысль, уже выраженную до него; когда вспомнишь, что человек часто погибает только потому, что недостаточно грамотен и нет у него времени учиться, – давит сердце скорбь за людей, страх за будущее страны, не умеющей помочь человеку.

Мы живём в стране малограмотной и в эпоху, когда грамота так же необходима в целях самозащиты, как в средние века каждому человеку необходимо было иметь оружие.

Пред нами – огромная работа реорганизации всей России на новых началах, нам следует заботиться о развитии и накоплении культурных сил, – сил этих у нас страшно мало сравнительно с тем спросом, какой предъявляет нам наше сегодня и предъявит суровое завтра.

Нам необходимо научиться беречь каждого человека, ибо он есть источник творческой энергии, – это необходимо нам более, чем какой-либо иной нации, вследствие нашей духовной нищеты и склонности к пассивному подчинению силам, враждебным нам, силам, затрудняющим культурный рост страны.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Никто не нуждается так сильно в развитии взаимопомощи и чувства дружбы, в развитии сознания единства наших задач, как нуждаемся в этом мы в наши тяжкие дни.

И, вместе с этим, нигде не ценят человека так низко, как у нас, нигде он не беспомощен более, чем среди нас, да и сами себя мы не умеем достойно оценить, хотя наша работа в стране и даёт нам право на самоуважение.

Мы живём среди народа, по природе своей даровитого, и вот факт, неоспоримо подтверждающий это: ни одна страна Запада не даёт столь высокого процента самоучек–писателей, техников, основоположников различных сект, а если это явление возможно в столь отвратительных и тяжких для развития человека условиях, каковы условия русской жизни, мы имеем право верить в даровитость и силу духа нашего народа.

Даровитый, сильный народ – и не умеет изменить к лучшему унижительных условий своего бытия, – как это объяснить?

Ответ должны знать те люди, кому народ дал возможность подняться на высоту европейской культуры. Позорное противоречие, которое ныне становится противоречием, грозящим пагубой стране, находит своё объяснение в недостатке социального чувства, именуемого совестью.

Нужно ли говорить о том, что у русской интеллигенции нет более верного друга и соратника в борьбе за свободу, чем русская демократия?

Поэтому одинокие люди с вершин жизни должны внимательно следить за одинокими людьми, восходящими к ним снизу, следить и облегчать трудный путь для идущих. Многие из них, – как, например, Морозов, – идут к великой, всем общей цели с прекрасной песней:

Блажен, кто сердцем изнывал,
Скорбя по светлым идеалам!
Кто шёл навстречу братьям малым,
На путь добра их призывал!
В сердцах грядущих поколений
Он будет жить из века в век,
Призванью верный человек,
Землёй рождённый добрый гений!

Предисловие [к «Сборнику пролетарских писателей»]

Предисловия пишутся для того, чтобы облегчить читателю понимание книги, – у меня нет надобности писать предисловие с этой целью, я уверен, что внутреннее значение сборника будет понято вами, товарищи, не менее ясно, чем оно понимается мною. Профессиональный литератор, я, может быть, более резко, чем вы, чувствую технические литературные недостатки прозы и стихов сборника, но мне кажется, что смысл издания этой книжки вы должны почувствовать сильнее меня.

Написанная вашими товарищами, эта книжка – новое и очень значительное явление вашей трудной жизни; оно красноречиво говорит о росте интеллектуальных сил пролетариата. Вы, разумеется, прекрасно понимаете, что для писателя–самоучки написать маленький рассказ неизмеримо труднее, чем для профессионального литератора роман в двадцать листов, – на эти трудности с горькой усмешкой намекает автор очерка «Но»...

Вы понимаете также, что, кроме недостатка свободного времени, писателю–рабочему мешает изложить свои впечатления ярко и точно – то есть художественно – его малое умение пользоваться пером, инструментом писателя, мешает незнакомство с техникой дела, а самой крупной помехой является недостаток слов – невозможность выбрать из десятка их самое простое, сильное и красивое.

Но, несмотря на все эти трудности, вы, мне думается, всё–таки можете сказать, не кривя душой, что этот ваш сборник интересен; вам есть чему порадоваться, и – кто знает будущее? – возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы.

«Фантазия! – недоверчиво скажут мне. – Такой литературы никогда и нигде не было!»

Многого не было, что есть теперь, – ведь раньше не было и рабочего класса в тех формах, с тем духовным содержанием, каков он в наши дни. Если б человек не верил в силы своей воли и разума – он не летал бы в воздухе птицей, как летает ныне.

Стремление выразить в красивых формах свои ощущения, чувства, мысли свойственно каждому человеку; это стремление должно всё более напряжённо развиваться в душе пролетариата, который, по мере роста интеллектуальных сил, будет всё с большей и мучительной ясностью чувствовать свою коллективную драму и драму своих единиц.

А когда душа переполнена, – она неизбежно изливает свои силы, свои скорби и радости – в мире, на людях.

Я крепко убеждён, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал – с великим трудом и огромными жертвами – свою ежедневную прессу.

Это убеждение выросло на почве долголетних наблюдений моих за усилиями, которые сотни и сотни рабочих, ремесленников, крестьян упрямо тратят в попытках изложить на бумаге свои думы о жизни, свои наблюдения и чувства.

Перед нами – неоспоримый факт: ни одна страна Европы не даёт такого количества писателей-самоучек, как Россия, а после 1906 года масса пишущих неизмеримо возросла.

Здесь не место рассматривать причины этого явления, но мне думается, что в нём главную роль играет историческая и политическая юность русского народа, русского пролетариата. Юность всегда более чутка ко впечатлениям бытия и более идеалистична социально; почвой социального идеализма является у молодой нации, у молодого класса ощущение своей силы, ещё не израсходованной на практические опыты социального переустройства. Именно об этом юном идеализме говорил Карл Каутский в своей статье «Русский и американский рабочий», этот идеализм я и считаю силой, которая толкает сотни единиц к духовному общению с родной им массой, к попыткам литературного творчества.

Запас этой силы изумительно велик. Мы видим, как быстро он приподнял и сплотил пролетариат, недавно ещё подавленный, разгромленный, брошенный интеллигенцией, которая частью истреблена тюрьмой и ссылкой, частью же, изменив интересам пролетариата, пошла на службу буржуазии и ныне безуспешно пытается создать на потребу её идеологию, которая оправдывала бы отношение буржуазии к демократии.

Бодрые силы пролетариата, возрастая количественно, становятся и качеством своим всё более культурными; мы уже можем сказать, что, несмотря на ужасные условия жизни русского рабочего, он постепенно создаёт свою интеллигенцию, выделяя часть своей физической энергии, – претворяет её в энергию психическую, духовную. Вот откуда истекает всё возрастающее среди рабочих стремление к писательству, к литературе. И мне кажется, что пролетарская масса должна всеми средствами, доступными ей, поддерживать тех товарищей, которые, обнаруживая способность к литературной работе, стремятся вооружить себя необходимыми для этой работы знаниями.

Литератор должен знать всё или по крайней мере возможно больше. Он должен уметь выбрать из хаоса впечатлений, из пестрой путаницы чувств объективное, общезначимое, типичное, должен уметь отбросить в сторону узко личное, субъективное как неустойчивое, постоянно изменяющееся и скоропреходящее бесследно. Если он сумеет сделать первое, он создаст произведение художественное и социально важное; если он не сможет сделать второго, он напишет анекдот, лишённый социально-воспитательного значения. Всякое искусство – сознательно и бессознательно – ставит себе целью разбудить в человеке те или иные чувства, воспитать в нём то или иное отношение к данному явлению жизни, – эту же цель вполне сознательно ставят пред собою сторонники так называемого «свободного искусства для искусства» – люди наиболее глубокой смелости его действий и писать об этом настолько точными, яркими словами, чтобы со страниц книги из-за чёрных её

Работа литератора крайне трудна: писать рассказы о людях не значит просто «рассказывать», это значит – рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом. Необходимо найти наиболее устойчивые черты характера в данном человеке, необходимо понять наиболее глубокий смысл его действий и писать об этом настолько точными, яркими словами, чтобы со страниц книги из-за чёрных её

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
строк, из-за сети слов читатель видел живое лицо человека, чтоб связь чувств и действий героя рассказа казалась ему неоспоримой. Нужно, чтоб читатель чувствовал: всё, прочитанное им, именно так и было, иначе быть не могло.

Настоящее искусство возникает там, где между читателем и автором образуется сердечное доверие друг к другу. Дело писателя – излить в мир, на люди, всё, чем переполнено вместилище его впечатлений, называемое душой. И когда писатель «от души», как перед лучшим своим другом, говорит о радостях и горе нашей жизни, о дурном и хорошем, смешном и подлом её – он будет понят, будет признан читателем за друга своего.

Думаю, что сказанное достаточно ясно рисует трудность литературного дела, достаточно определённо указывает, как много нужно знать писателю, как много нужно ему думать.

Может быть, вам, товарищи, все эти мои рассуждения покажутся излишними на том основании, что они, по условиям жизни писателя-рабочего, неприменимы к нему?

Не соглашусь с этим: чем более мы повысим требования друг к другу, тем выше поднимемся над обыденным, угнетающим нас, тем шире станет область наблюдения над явлениями жизни внутри и вне человека.

В чём же практически могла бы выразиться помощь массы её единицам, которые стремятся говорить с нею о жизни и от лица рабочей массы со всем миром?

Я умолчу о том, что каждый человек нуждается во внимании к нему, что все имеют право на уважение к их труду – это само собою понятно, а особенно – людям труда, создающим или помогающим создавать все ценности жизни, всё, чем гордится культурное человечество. Мне думается, что хорошо бы создать для писателей-самоучек периодическое издание, которое поставит себе целью изучение литературной техники – главного, чего недостает писателю из народа. В этом издании нужно печатать популярные статьи о стиле, об языке, о формах построения рассказа, романа, драмы, о законах стихосложения и т. д.

Тут же следовало бы давать образцовые и подробные критические разборы произведений писателей-самоучек – как со стороны технической, так и со стороны содержания. Это была бы школа, способная многому научить людей, часто очень талантливых, богатых опытом, наблюдательных, но совершенно бессильных сказать ясно и убедительно то, что их волнует и что нам необходимо знать.

Бессилие, обусловленное только незнакомством с приёмами литературной техники, – легко победить.

Товарищи!

Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции, – рабочий мир будет изумлён вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом.

Может быть, вы сами не сознаёте, не замечаете, как много сделано вами, но будущие поколения русских рабочих и весь пролетарский мир нашей планеты, несомненно, почерпнёт в примере вашем великие силы для борьбы за новую, мировую культуру.

Это – будет. Только мёртвые не поймут общекультурного значения работы, совершённой вами за эти восемь лет.

Один из поэтов, участников в сборнике, восклицает:

«Вперёд, к культуре мировой!»

Добрый путь, товарищи!

Да здравствуют разум и воля, создавшие мировую культуру!

Государства западной Европы перед войной (типовая программа)
Основная задача этих брошюр диктуется логикой истории в такой форме:

Ни одному государству Европы не может быть предъявлено обвинение в том, что общеевропейская война вызвана именно его волею. Создателем условий, влияние которых сделало катастрофу неустранимой и неизбежной, является современный интернациональный капитализм – оба типа его, промышленный и финансовый. Основная и скрытая цель войны – стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки. Колониальная политика имеет в виду не столько новые рынки, сколько необходимость создания таковых, – никто не думает, что коренное население Африки и Азии может теперь же явиться солидным потребителем дорогих европейских фабрикатов.

Колонии как поставщики сырья, металлов и топлива.

Пагубная роль финансового капитала. Недостаток металлов, хлеба и сырьевых продуктов. Топлива.

Не отрицая планетарно культурной роли промышленного капитала, постепенно организующего всё человечество земли, следует составить обвинительный акт против капитализма как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф.

Предисловие [к книге «Интересные незнакомцы»]
М., Госиздат, 1919

Особенность этой войны – в том, что она всенародна; её ведёт не только армия, – механическая сила, нарочито приспособленная к разрушению такой же механической силы врага, – её ведут не только люди, профессионально обречённые на смерть, – нет, в ней принимают деятельное участие, и за страх и за совесть, люди высоко развитого интеллекта – учёные, литераторы, поэты, представители того общественного и очень тонкого слоя, который именуется интеллигенцией.

В каждой стране интеллигенция – лучший, наиболее действенный мозг; интеллигенция – орган мысли и разума, выработанный волею народа из плоти и крови его. Интеллигент – культурная ценность, необходимая народу; это – сила, которая обобщает мелкий, ежедневный опыт трудящихся масс в стройные системы наук, она создаёт рабочие гипотезы, орудия для поисков истины; она строит идеологии, украшает цветами искусства нашу бедную красотой жизнь.

В идеале целью бытия интеллигенции является свободное служение интересам народа, с которым она скреплена так же плотно, как система нервов с мускулами в организме человека. И каждый раз, когда органическая связь интеллигенции с народом разорвана, вольно или невольно, интеллигенция оказывается в пустоте, погружаясь в бездонную трясину индивидуализма, испытывает муки одиночества и, теряя присущий ей социальный идеализм, заболевает социальным одичанием.

В мире очень мало вещества, способного действительно мыслить, обогащать жизнь новыми идеями в области науки и техники, улучшать и украшать её осмысленным трудом.

Создание народом интеллектуальной силы – процесс мучительно медленный, трудный; он стоит рабочей массе чрезвычайно дорого и экономически и психически. Самое драгоценное в мире есть вещество нашего мозга; благодаря работе именно этого вещества мы создали всё, чем гордимся, и только его силою можем создать всё, чего жаждем.

Эта война истребляет неисчислимое количество дорого стоящего народу и принадлежащего ему творческого мозга. Один из немногих не одичавших мыслителей мира назвал общеевропейскую войну «гражданской войной», междоусобием граждан Европы, детей единой культуры, ибо наука и искусство, основы культуры, не только интернациональны, они всечеловечны, они должны быть и стремятся быть планетарными.

И вот, подчиняясь безумию империализма, вызванного рабским служением капитала богу Барышу, богине Прибыли, дети единой культуры уничтожают, уродуют друг друга и духовно истощаются.

Из тела каждой страны, участвующей в катастрофе, война ежедневно вырывает куски

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
лучшего, наиболее здорового мяса, выплескивает на обезображенную землю ценнейшую
кровь, разбрызгивает по грязи творческое вещество мозга.

Человечество Европы истекает кровью, а это – ценнейшая кровь земли, она
кристаллизована в мыслях и деяниях прекраснейших, её работой жива и красива вся
наша планета, её голос гордо будит к жизни все народы мира.

Поистине мир не знал катастрофы ужаснее той, которую мы переживаем. Вихрь огня и
железа носится по земле, уродуя её лицо, истребляя её работников, уничтожая
плоды великого труда племён и народов.

Восточные провинции богатой Франции, Бельгия, Польша и Литва, Галиция и
Прибалтийский край, часть Восточной Пруссии, Сербия – всё это разорено,
разрушено. Погибла Турецкая Армения, вырезано около миллиона армян; резали их,
не щадя ни пола, ни возраста – стариков, женщин, детей. Страшно пострадали евреи
Польши. Будет разорено и ещё немало земель, городов, деревень.

Когда союзники начнут побеждать, пострадают Австрия и Германия, окончательно
разгромят Турцию.

Этот неисчислимый материальный урон всей тяжестью своей падает на плечи
трудящихся масс. Разумеется, после войны ужасы её дадут капиталу сказочные
барыши. Подумайте, сколько разрушено зданий, взорвано мостов, испорчено дорог,
уничтожено вещей!

Всё это нужно восстановить, сделать заново, и, конечно, всё это сделают,
восстановят силою того народа, который разрушил богатства, созданные его же
вековым трудом.

Но крайне трудно будет восстановить плодородие земель, исковерканных,
загрязнённых и отравленных войною, трудно будет взрастить вырубленные и
сожжённые леса.

Наиболее длительные и кровавые сражения разыгрывались на землях высокой
сельскохозяйственной культуры. Теперь эти земли надолго испорчены, плодородные
слои изрыты окопами, засорены гниющим мясом, подпочва обнажена, и земля,
обработанная человеком, исчезла под глиной и песком.

Земля отравлена. Люди тоже отравлены взаимной ненавистью друг к другу, люди
надолго насыщены чувством мести и злобы.

Подумайте, сколько безруких, безногих и всяких увечных дала, даёт и даст эта
война! Человек не прощает ближним своего уродства даже и тогда, когда он уродлив
по несчастной случайности или от природы. И вероятно, что физически
изуродованных людей меньше, чем людей, духовно искаженных этой катастрофой.

Не может быть сомнения и в том, что множеству участников войны она внушила на
всю жизнь чувство отвращения к человеку, к жизни, уничтожила в сердце тот
социальный идеализм, которым они жили, стёрла в памяти идею всемирного братства,
мечты о всеобщем равенстве народов, – с корнем вырвала из души те цветы
социального идеализма, взрастить которые человечеству было так трудно.

Люди долго будут жить в холодной атмосфере ненависти друг к другу, и, вольно или
невольно, они привьют эту ненависть детям своим; это – самое мрачное, чем грозит
нам завтрашний день.

Дети в наше время особенно потерпят не только потому, что они непосредственно
привлечены к участию в войне, но и потому, что их отношения друг к другу, к
человеку, миру сложится во дни, когда ценность человеческой жизни, значение
труда людей и всё, на чём основана культура, низведено к нулю, к ничтожеству,
бессмысленно приносится в жертву грязному и кровавому богу – Барышу.

Понятия «культура», «культурность», очень неясные и для нас, взрослых строителей
жизни, могут стать ещё менее ясны, ещё более чужды для тех, кто идёт на смену
нам в труде и творчестве.

Дети – это завтрашние судьи наши, это критики наших воззрений, деяний, это люди,
Страница 90

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни. Все преступления, вольные и невольные, все ошибки наши и заблуждения, предрассудки, созданные нами, и наша глупость – всё, что оставим мы за собою на земле, всё это тяжким гнётом ляжет на тела и души детей.

Как влияет на детей угарная атмосфера войны?

Вот что рассказал об этом корреспондент одной из столичных газет: [5]:

«Когда, в начале войны, мы с песнями или под звуки музыки входили в польские селения, нас почти всегда встречала версты за две–три от околицы селенческая детвора – десятки светлоголовых ясек и Казимирчиков приветствовали нас весёлым детским гомоном.

Дети были лучшими друзьями солдат. Они требовали так мало – только разреши им посмотреть, послушать, потрогать оружие и амуницию.

И стоило нам остановиться в какой–нибудь деревне или местечке, как через несколько секунд около солдата уже было сколько угодно адъютантов: один нёс ему воды, другой бежал в лавочку за табаком, третий, перегнувшись всем тельцем на сторону, тащил выхваченный из домашней печи кипящий чайник.

Но такие идиллии имели место только в начале войны.

Прошло время, наступила страда боевая.

В галицийских деревнях поперёк улиц и огородов понарыли мы окопов.

Лишь изредка, когда затихала пальба, боязливо показывались на опушке одинокие фигуры. Голодные, исхоладовавшиеся, трясаясь от страха, пробирались они к покинутым домам своим, чтобы забрать оттуда и жадно проглотить последние крохи.

Много услуг нам оказывали дети. Часто, не замеченные неприятелем, пробирались они за провиантом, за водой. Они, зная каждый бугорок в окрестности, помогали при розыске раненых, находя их порою там, где ни одному санитару и в голову не пришло бы их искать.

Но уже дети были не те, какими встречали мы их в начале войны.

Это были уже маленькие партизаны, произносившие слово «убить» голосом, подчас неясно выговаривавшим ещё слоги.

Вот и осень сменилась зимой.

Мы стояли в деревушке, из которой накануне отступил неприятель, понёсший здесь громадные потери. Весь вчерашний день наши санитары подбирали убитых и раненых, запыленных снегом.

Было раннее утро, когда я вышел из полуразрушенной избы, в которой ночевал. Кругом было пусто и тихо. Ничто не говорило о войне, о смерти, царившей здесь вчера и, может быть, завтра.

Меня вернул к действительности раздавшийся невдалеке раскатистый смех. Трудно было определить, кому он принадлежал. Так мог смеяться юнец, у которого меняется голос, и женщина улицы, и ребёнок простуженный.

Я осмотрелся. Невдалеке от меня за забором копошилась группа детей в возрасте от 8 до 12 лет, что–то серьёзно и деловито делавших.

Посиневшие от холода, завёрнутые в какие–то лохмотья, они над чем–то возились, как бы силясь что–то поднять.

Наконец их спины начали разгибаться, раздалось пыхтенье – ребята добыли, по–видимому, что им было нужно.

Нет слов для передачи того, что я увидел в следующий момент.

Возвышаясь над головами детей на целый аршин, поддерживаемый детскими руками со

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiұta
всех сторон, встал среди них во весь рост труп австрийского солдата.

– Замёрз, як камень! – послышался радостный детский голос, покрытый затем смехом остальных.

Труп был мёрзлый, и потому солдат стоял, как на смотру, растопырив скрюченные руки, с белым, как мел, лицом, на котором не хватало подбородка, по-видимому, отхваченного осколком снаряда...

Один глаз был открыт и смотрел на меня стеклянным взглядом, – вид был настолько ужасен, что я с трудом удержался от крика.

Но то, что я увидел потом, вошло в мою душу уже не испугом, а настоящим ужасом...

Дети, держа австрийца в вертикальном положении, стали сгребать кругом него снег и, смеясь, обкладывали снегом поставленный на ноги труп.

Они делали «бабу», труп служил им как остов для укрепления её...

Я подошёл ближе, заглянул в детские лица и... ужаснулся.

Я увидел их оживлёнными и радостными, глаза голубые – сверкающими от белизны снега, уже покрывавшего мёртвого австрийца до пояса, и услышал смех...

«Значит – привыкли...»

Ужаснее всего здесь то, что дети привыкли, что то, что вошло кошмарным ужасом в душу закалённого в боях солдата, встречается детьми смехом. Может ли быть что-нибудь ужаснее этого «детского смеха»?..»

Этот проникнутый неподдельной искренностью и правдивостью рассказ очевидца заканчивается следующим, полным горечи и скорби вопросом:

«Пройдёт зима. Оттаёт лёд, сковавший реки. Очистившись от льдин, вновь зажурчат приветно воды. Поля, впитавшие в себя потоки крови, опять мирадами колосьев зацветут...

Но очистятся ли детские сердца? Или в жизнь уйдут они с привычкой к крови и с безразличием к страданиям людским?..»

Кто может с уверенностью ответить на этот вопрос? Мы знаем, что не все психические травмы неизлечимы. Вероятно, и поранения детской души также поддаются излечению. Но для залечивания таких ран необходимо прежде всего обратить внимание на самый факт поранения, необходимо затем серьёзно заняться лечением этих психических и моральных увечий детей.»

Эта картина игры детей с трупом не нуждается в пояснениях, читатель сам должен почувствовать и понять её мрачный, угрожающий смысл.

Разумеется, можно привести и ещё десяток подобных же фактов одичания детей, – фактов, которые война делает «бытовыми явлениями», как в своё время «бытовым явлением» была смертная казнь, тоже превращённая детьми в забаву, в игру.

Что внесут в жизнь дети, играющие с трупами, когда для этих детей наступит время сменить нас в жизни? Вот вопрос, серьёзность которого неизмеримо глубока.

Для нас, русских, всё ещё не воспитавших в себе уважения к человеку, для людей страны, в которой ценность жизни невероятно низка, – для нас этот вопрос имеет особенно трагическое значение, особенно жгучий смысл.

Как бороться с одичанием детей? Я не знаю, но думаю, что надо начать борьбой с одичанием взрослых. Ведь это они – хозяева жизни, они насыщают текущий день своими чувствами, настроениями, мыслями и хламом неосторожных слов, засоряющих душу, слов, пропитанных ненавистью, вызванной страхом, злобой, вызванной завистью.

Я предлагаю вниманию читателя эту книгу, составленную из писем и рисунков детей; эти письма и рисунки несколько иного тона и характера, чем приведённый выше

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
рассказ корреспондента, – в этих письмах есть подлинное человечески детское.

И мне кажется, что нам, взрослым, нам, законодателям, чьи законы завтра будут, может быть, ниспровергнуты детьми, – нам следует знать, как мыслят дети о войне, необходимо считаться с этой новорождённой мыслью.

Формально в ней нет ничего нового, но в этих письмах и рисунках ясно звучит тот социальный идеализм, который создан мучительным трудом многих поколений наших предков.

Этот социальный идеализм – священная риза, которой облачены были души лучших, величайших людей земли, и вот именно эту ризу мы, одичавшие, раздираем в клочья.

Великая заслуга перед жизнью и людьми – сохранить в душе истинно человеческое в дни, когда торжествует обезумевшая свинья.

Именно к этому зовут нас письма и рисунки детей: храните в себе человеческое, боритесь за торжество человечности.

Привет крестьянству

Ещё недавно уста народа были насильно замкнуты, угнетена воля его и судьбы его решались людьми чужими, враждебными ему.

Ещё недавно казалось, что глуха, слепа, онемела Русь и большое сердце её, устав от обид, не чувствует, не понимает опасности, созданной для всей русской земли бесталанным царём и бессовестными слугами его. И как будто умирала Русь, в молчаливых муках доживая последние годы, последние дни.

Откуда же и как возникла та могучая, животворная сила, которая, освободив народ от врагов его, собрала ныне воедино всех вас, депутаты всероссийского крестьянства, собрала затем, чтоб вы, свободные люди, сами поработали над строительством новой, справедливой и разумной жизни?

Издавна и медленно накоплялась в нашей стране эта волшебная сила, она слагалась из лучшей крови нашей, её тайно создавал и сеял по русской земле светлый, честный разум многих тысяч людей.

Этих людей царская власть называла крамольниками, врагами России за то, что они почти сто лет упрямо и не щадя жизни своей подрывали основы царской власти, построенной на грабеже, спаивании и угнетении народа. Разумных и честных людей, которые бескорыстно делали тайную, святую работу просвещения души народа, – царские шпионы выслеживали как преступников, ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы и гноили там, ссылали в каторгу, вешали.

Истреблялись лучшие силы России, сотнями убивали честнейшие сердца и умы, но – на место уничтоженных сотен являлись тысячи, и непрерывно шла в подпольях, в тайных квартирах тяжкая работа политического освобождения России.

Незаметно, понемногу в разум русского человека просачивалось понимание несправедливости жизни, сознание необходимости перестроить её, и, когда это сознание сложилось в разумную силу, Россия стряхнула с плеч своих царя и всех, кто безжалостно сосал кровь её.

Русский народ обязан свободой своей революционерам, честным и умным людям, которые без корысти, не щадя себя, десятки лет работали для его свободы. Немногие из этих людей остались в живых, немногим пришлось увидеть плоды долголетней работы своей.

Вечная память борцам за свободу России, вечная благодарность тем из них, кто ещё уцелел и живёт среди нас!

А нам, людям, на которых возложена обязанность строить жизнь в духе справедливости, – нам нужно учиться доверию и уважению друг к другу, нам необходимо понять великую силу разума, нужно воспитывать в себе добрую волю и любовь к труду на благо России. Соединимся же крепко и дружно для великой работы духовного воскресения нашего!

Будем помнить, что свободный человек должен уважать свободу ближнего своего и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
что основа свободы – в справедливом отношении ко всем людям.

Да здравствует разум! Только его чистый огонь уничтожит тьму вокруг нас и в нас самих.

Да здравствует разум – солнце, которое человек сам создал и зажёл на земле, – прекрасное солнце духовной свободы!

Да здравствует народ!

[О русском искусстве]

Искусство, наука, промышленность – основы культуры, и, если мы искренно желаем сделать нашу жизнь красивой, разумной, богатой, мы должны посвятить силы наши искусству, науке, промышленности.

Теперь русский народ свободен, развязаны его руки, снят с души грязный гнёт насилия, теперь каждый из нас получил право отдать свой ум, своё сердце любимому труду и каждый отвечает сам за себя пред историей, совестью мира.

Мир ждёт – что даст ему свободная Россия? Какое новое слово скажет, какую красоту родит сердце русского народа? До сей поры мы, русские, не много дали миру своей работы, мы жили за счёт чужих идей, чужого труда. В XVIII веке нас учили жить французы, и мы оказались настолько прилежными учениками, что наше дворянство говорило на французском языке лучше, чем на русском.

В начале XIX века правительство, напуганное революцией и Наполеоном, повелело нам проклясть Францию и отдало нас в руки Германии, у которой мы сто лет учились философствовать, но не выучились работать и которую проклинали теперь так же яростно, как сто лет тому назад проклинали Францию.

Если мы будем жить и дальше так же нерадиво и бестолково, как жили при Романовых, – нам, лет через полсотни, снова придется проклясть кого-нибудь.

Война показала миру с постыдной и убийственной очевидностью нашу нищету в области труда, наше бессилие в деле промышленном; у нас не оказалось ничего, чем горды и богаты культурные страны Запада. До войны мы жили чужим разумом, на войне стреляем чужим порохом. В начале XX века мы оказались такими же «мальчиками без штанов», какими явились пред Европой во время Севастопольской кампании.

И только в области искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов, беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и большая совесть наша – Достоевский; Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков, все силы, всю жизнь потративший на то, чтобы создать «положительный тип» русского человека, и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка Островский, так не похожие друг на друга, как это может быть только у нас, на Руси, где в одном и том же поколении встречаются люди как бы разных веков, до того они психологически различны, неслиянны.

Всё это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рождённых Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их, – разнообразие, которому историки нашего искусства не отдают должного внимания.

Но мы имеем право гордиться разнообразием фантастически прекрасного горения русской души, и да укрепит оно нашу веру в духовную мощь страны!

Возникнув в условиях невыразимо трудных, это изумительное творчество совершено со сказочной быстротой.

Подумайте, ведь если бы Пушкин и Лермонтов не были бы убиты, они могли бы дожить

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma до Чехова, который только вчера ушёл от нас, до чудесного Короленко, который ещё надолго с нами! О нас можно сказать, что мы мало жили разумом, плохо работаем, но – мы хорошо умеем жить сердцем. Русское искусство – прежде всего сердечное искусство. В нём неугасимо горела романтическая любовь к человеку, этим огнём любви блещет творчество наших художников, и великих и малых, – «народников» в литературе, «передвижников» в живописи, «кучкистов» в музыке.

И вот именно благодаря силе социального романтизма мы – живы, а не погибли, раздавленные насилием, не сгнили под давлением монархии.

Сейчас, в дни смятения и тревоги, когда политика возбудила в массах инстинкты жадности, зависти, ненависти и все чувства наши возбуждены борьбою за власть, – сейчас сердце страны как будто потемнело и уже не горит ярким огнём, а чадит, как сырая головня.

Знаю – это грубое сравнение, но, думаю, – верное. Искусство или немотствует или уныло бродит около политики, бессильное, как дитя на пожаре.

Однако я крепко верю, что это милое грешное сердце скоро разгорится и сожжёт себя до последней искры ради славы человеческой, славы всего мира.

Вновь воскреснет в сердце России некий светлый, радужный бог – та сила, которая насыщала это сердце в трудные годы нашего рабства страстной любовью к творчеству и человеку. Бурные ручьи высыхают – это временное, но моря существуют вовеки.

Как море, глубоко сердце народа, и мы не знаем, что может родить оно, взволнованное до дна, – но, оглядываясь на прошлое, мы должны, мы имеем право свято верить в творческие силы разума и воли народа! Будем надеяться, что свободное и доброе, сердечное искусство оживит нас, внушит нам уважение к человеку и творчеству, привьёт любовь к жизни и труду! Да здравствует же искусство – свободная песнь сердца!

[Обращение к народу и трудовой интеллигенции]

Война кончена. Германский империализм разбит и должен будет понести тяжкое наказание за свою жадность; измученный войною, истощённый голодом пролетариат Германии дорого заплатит победителям за то, что подчинялся политике своих командующих классов.

Победители, ещё недавно кричавшие на весь мир о том, что они уничтожают миллионы людей ради «торжества справедливости», ради «блага всех народов», ныне заставили побеждённый народ Германии принять такие условия перемирия, которые в десять раз тяжелее Брестского мира и грозят немцам неизбежным голодом. С каждым днём цинизм бесчеловечной политики империалистов становится всё откровеннее, яснее, угрожая народам Европы новыми войнами, новым кровопролитием.

Президент Вильсон, вчера красноречивый защитник «свободы народов и прав демократии», сегодня снаряжает грозную армию для водворения порядка в революционной России, где народ уже осуществил своё законное право, взял власть в свои руки и посильно старается заложить фундамент нового государственного строя. Но я не буду отрицать, что этой созидательной работе предшествовало разрушение, часто не оправданное необходимостью, что даже до сего дня процесс разрушения не всегда законно сопутствует работе строительства, но именно я, больше чем кто-либо другой, имею право и все основания решительно заявить, что культурное творчество русского рабочего правительства, совершаясь в условиях самых тяжких и требуя героического напряжения энергии, постепенно принимает размеры и формы, небывалые в истории человечества.

Здесь нет преувеличения, я не увлекаюсь; недавний оппонент правительства, я и теперь во многом не солидарен с приёмами его деятельности, но я знаю, что историки будущего, подведя итог годовой работе, совершённой силами и властью русского рабочего, – не могут не изумиться широте его творчества в области культуры.

Здесь не место перечислять факты, но я скажу, что каждый, кому искренно дорог процесс приобщения русского народа к основам мировой культуры духа, все, кто страстно жаждет обновления мира, – могут и должны радоваться той быстроте, силе и жадности, с которой русский рабочий класс стремится к строительству новой жизни и обладанию всеми духовными завоеваниями человечества.

Да, попутно с этой работой, имеющей значение планетарное, в России, может быть, творятся крупные ошибки, допускается излишняя жестокость, но что значат эти ошибки и жестокости сравнительно с гнуснейшим преступлением мировой войны, вызванной империалистами Англии и Германии?!

И разное не эта проклятая война разбудила зверя в людях всех стран и наций Европы? Разве не эта война убила и без того слишком слабо развитое представление о ценности жизни и чувство уважения к труду? И разве империалисты Европы и Америки ополчаются на революционную Русь за её некультурность, за то, что русская революция согрешила против гуманности, за то, что русский рабочий недостаточно великодушен к своему классовому врагу, побеждённому им? Нет, дело [об]стоит не так красиво, не так идеально, как изображают его империалистические газеты Англии, Франции, Америки, Японии, дело [об]стоит гораздо проще и циничней. Империалисты трёх материков стремятся воссоздать и укрепить политико-экономические условия и учреждения, которые обеспечили бы их власть над волей народов, – условия, благодаря которым ничтожное меньшинство безотчётно командовало бы волей и жизнью большинства, условия, которыми вызвана бессмысленная мировая бойня.

Казалось бы, что теперь все разумные и честные люди мира должны с непобедимой ясностью понять мрачную глубину жестокости, своекорыстия, лицемерия и глупости основ, капиталистического строя. Казалось бы, что честно мыслящим людям всех сословий пора убедиться, что капитализм потерял свои творческие способности, является тяжёлым пережитком прошлого и преградой дальнейшему развитию общемировой культуры; что он служит возбудителем вражды и ненависти – личной, родовой, сословной, национальной и что прекрасная мечта о братстве народов не может быть осуществлена при наличии неискоренимой борьбы труда и капитала. Я не отрицаю за капитализмом его заслуг перед трудящимся человечеством, из плоти и крови которого он создал все возможности перехода к новым, более совершенным и справедливым формам общественного бытия – к социализму.

Но теперь, когда проклятая и позорнейшая война обнажила до последней черты всю гнусность и бесчеловечие, весь цинизм старого строя, показав его бессмыслие, его гнилость, – теперь капитализму утверждён смертный приговор.

Мы, русские, – нация, которую справедливо считают культурно отсталой, мы – нация без традиций и потому более дерзкая, более бунтарская, менее связанная внушениями прошлого, – мы первые вступили на путь решительного разрушения изжитых условий капиталистической организации государства, и мы уверены, что имеем право на сочувствие и помощь в нашем великом и грозном деле, – на помощь и сочувствие со стороны пролетариата всего мира, а также и со стороны тех людей, которые ещё задолго до войны подвергали социальные условия жизни народов резкой и справедливой критике.

Если эта критика была искренна, тогда честные люди Европы и Америки должны признать за нами право перестраивать нашу жизнь так, как мы находим это нужным. Если известная часть мировой интеллигенции действительно заинтересована решением великой социальной проблемы, она обязана бесстрашно встать против тех, кто стремится к восстановлению старого порядка, хочет погасить пламя русской революции потоками русской крови.

Укротить Россию и потом ограбить её, как до войны грабили Турцию, Китай, как собираются ограбить Германию, – вот искреннее желание империалистов, вот их священная задача.

Руководителем похода против России является Вудро Вильсон. Факел русской революции, освещающий весь мир, крепко держит Владимир Ленин.

Пролетариат и люди интеллектуального труда должны решить, кто ближе им – защитник ли старого порядка, представитель изжитой, невозможной более, пагубной для культуры власти меньшинства над большинством, или возбудитель новых социальных идей и эмоций, воплощающий в жизнь прекрасную мечту всех тружеников о счастье свободного труда, о братстве народов.

Я ещё раз указываю, что опыт, творимый русским рабочим классом и духовно слившейся с ним интеллигенцией, – трагический опыт, который, может быть, до последней капли крови истощит Россию, – великий опыт, поучительный для всего

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
мира. В разное время почти каждый народ чувствовал себя Мессией, призванным
спасти мир, воскресить в нём к жизни и деянию его лучшие силы.

И вот, очевидно, история ныне возложила эту великую роль на русский народ; голодный, изнурённый трёхсотлетним рабством, истощённый войною, под угрозой порабощения грабителями, он говорит трудящимся и честно чувствующим людям всего мира:

«Идите с нами к новой жизни, ради создания которой мы работаем, не щадя ни себя, никого и ничего, ошибаясь и страдая, с великой радостью труда и пламенной надежды на успех, отдавая все деяния наши честному суду истории будущего. Идите с нами на борьбу против старого порядка, на работу создания нового строя жизни, – идите с нами к свободе и красоте жизни!»

[Докладная записка об издании русской художественной литературы]
Издательство «Русская литература», идейно и организационно связанное с издательством «Мировая литература», ставит себе следующие задачи:

- 1) по возможности в кратчайший срок сделать доступной народным массам художественную литературу XVIII и XIX веков и
- 2) дать единой трудовой школе необходимые ей пособия по русской литературе.

Более или менее удовлетворительно эти задачи могут быть выполнены только при централизованной работе по систематически выполняемому плану.

На рынке изданий русских классиков совершенно нет, а встречающиеся у антикваров идут по спекулятивным ценам. Издания Комиссариата народного просвещения не могут удовлетворить насущную нужду деревни и города в книгах по русской литературе, потому что эти издания, не говоря уже о том, что над ними не проделано никакой редакционной работы, слишком громоздки и потому недоступны для широкого демократического читателя. Новому читателю нужны не «полные собрания сочинений»: он тонет и путается в десятках громоздких томов Чернышевского, Чехова, Жуковского и др. Конечно, полные собрания сочинений необходимы, но работа по их изданию должна быть предоставлена особому учёному учреждению, например, второму отделению Академии наук, освежённому и подкреплённому новыми силами. Эти издания – типа академических собраний сочинений Пушкина, Державина, Ломоносова – должны выпускаться в свет только после серьёзной академической работы над текстом автора по рукописям и должны лечь в основу изучения русской литературы.

Но для нужд широкого читателя нужно создать библиотеку русских классиков, в которую вошли бы все более или менее выдающиеся писатели XVIII и XIX веков. И в этом издании нет нужды преследовать абсолютную «полноту». Достаточно, если каждый автор будет представлен в наиболее ярких его произведениях, ценных абсолютно или по тому влиянию, которое они оказали на ход нашего литературного и общественного развития. Новый читатель не разберётся в десятитомных изданиях Лескова, Чернышевского, ему нужно придти на помощь, выделив наиболее существенное и яркое.

Рядом с основной «библиотекой русских классиков» должна стоять серия народных изданий – отдельных, небольших по размеру произведений авторов, вошедших и не вошедших в основную серию.

К собранию избранных сочинений каждого автора (в основной серии) должны быть даны: биография, портрет и одна-две критических статьи (Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др.) с краткой оценкой их исторического значения. Краткие биографии могут быть предпосланы и народным изданиям, если автор не вошёл в основную серию (если же вошёл, тогда можно ограничиться ссылкой на соответственный том основной серии). Мы полагаем, что книги основной серии главным образом пойдут в библиотеки – сельские, заводские, полковые и ротные, морских и речных судов, поездов дальнего следования, больниц, школьные и т. п. Издания же второй серии – для разносной продажи и для продажи на вокзалах, в коммунальных лавках (даже не книжных, особенно в деревнях, в которых нет книжных складов). Для нужд школы должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. И в этой серии нужно выйти за пределы XVIII и XIX веков, издать произведения более ранних эпох, в частности ряд сборников устной поэзии, которые, конечно, могут быть использованы и для нужд

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
внешкольного чтения.

Насущной задачей является издание для школ и художественно иллюстрированных произведений русской литературы. Современная техника позволяет сделать их доступными и для широких демократических масс, а не только для нескольких сотен эстетов и снобов, как это было в пору хозяйничанья буржуазии. Здесь в первую очередь речь может идти, конечно, о переиздании старого, а во вторую – о создании нового. Из старых изданий можно было бы повторить, например, такие: иллюстрации Бенуа к Пушкину («Пиковая дама», «Медный всадник»), Врубеля к Лермонтову, Агина и Боклевского к Гоголю, Островскому, Кардовского к Грибоедову, Трутовского к Крылову и т. п. И такие издания были бы на своём месте в каждом школьном кабинете родного языка, литературы.

При сём прилагается примерный проспект издательства по сериям.

Советская Россия и народы мира
Интернациональный митинг 19 декабря был праздником русского пролетариата, и хотелось бы, чтоб этот большой день русской революции остался в памяти рабочих надолго, навсегда.

Не так важны речи, не столь новы и ярки слова, оказанные русскому народу представителями разных государств и наций Европы и Азии, сколь важно и знаменательно чувство пламенного доверия к рабочей России, глубокое понимание исторической её роли, выраженные двадцатью тремя ораторами.

Индус и кореец, англичанин, перс, француз, китаец, турок и все остальные говорили, в сущности, на одну и ту же тему, – на тему об империализме, который, зарвавшись в жадности своей до безумной и позорной бойни, захлебнулся кровью народов, опьянённых им, и вырыл сам себе могилу, обнажив до ужасающей ясности пред всем рабочим миром бесчеловечие и цинизм свой.

Но, говорю, не эта, знакомая и уже привычная слуху рабочей массы критика преступлений отжившего социального строя, не суд международной справедливости над шайкой международных грабителей, поссорившихся между собой на дележе добычи, – не это являлось основным смыслом митинга.

Смысл его сказался в том единодушном чувстве, которое являлось похоронной песнью отжившему и радостным благовестом, призывавшим все народы на помощь возрождённой революционной России, зовущим её на помощь рабочему люду всех стран. Во всех речах звучала уверенность в том, что Россия, волею истории взяв на себя роль передовой армии социализма, с честью и успехом выполнит эту трудную, великую роль и увлечёт за собою все народы к созданию новой жизни.

Чудесно звучали эти разноязычные речи, исполненные единым чувством, и ещё раз убеждённо подумалось, что только разумно направленная воля народа способна творить чудеса.

Действительно, не чудо ли? С конца XVIII века народ монархической России неуклонно исполнял постыдную и кровавую работу гасителя всех революционных и освободительных движений народов Запада и Востока; наши солдаты слепо дрались с революционной армией Великой французской революции, несколько раз жестоко раздавили национально-революционные движения Польши, в 48 году помогли монархической Австрии уничтожить венгерскую революцию, в 78–9 годах убили конституцию Турции, насильствовали Персию, топили в крови национальные движения Китая – исполняли роль палачей свободы всюду, куда направляла их своекорыстная и трусливая рука самодержавия.

И вот ныне к этому народу привлечены сердца и взоры всех народов, всех трудящихся земли, все смотрят на русский народ с крепкой надеждой, с уверенностью, что он достойно и мощно исполнит взятую им на себя роль силы, освобождающей мир от ржавых цепей прошлого.

Эту уверенность, эти надежды наиболее ярко выразил в своей речи товарищ Юсупов, представитель Туркестана и Бухары, – он наиболее убедительно и пламенно выразил сознание мирового, планетарного значения русской революции.

– Не жалуйтесь на то, что вам трудно, – говорил он, – вы взяли за работу, которая требует от вас величайших жертв, требует самозабвения, непоколебимого

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma мужества, бескорыстия и неустанного труда.

Таков смысл его речи, и она была сказана вовремя как нельзя более.

В самом деле: русский рабочий-социалист привлёк к себе внимание всего мира. Он как бы сдаёт пред лицом человечества экзамен своей политической зрелости, он показывает себя всем людям земли творцом новых форм жизни. Ещё впервые в таком огромном размере производится решительный опыт осуществления идей социализма, опыт воплощения в жизнь той теории, которую можно назвать религиею трудящихся.

Вполне понятно напряжённое внимание к России со стороны всего трудового человечества, – мы делаем мировое, планетарное дело.

И напряжённый интерес рабочего мира к русскому социалисту обязывает последнего держать знамя своё крепко и высоко, – он волею истории является учителем и примером для сотен тысяч, миллионов людей. Несмотря на всю трудность условий, в которых он ныне живёт, он обязан быть мужественным, стойким, разумно великодушным, бескорыстным и упорным в труде.

Он должен знать, что и сам он отравлен тем ядом, которым собственники заразили весь мир, он должен знать, что жестокость, зверское отношение к ближнему и всё, на чём стоит старый мир, привито и ему в плоть и кровь.

Он, ныне свободный, относится к труду всё ещё как раб, как вол к ярму, – а только напряжённый, упорный, бескорыстный труд может изменить в корне всё уродство старого мира.

Не думаю, чтобы эти тревожные мысли были неуместны здесь, впереди хвалебных речей русскому рабочему на его первом международном празднике.

Товарищи! Весь рабочий мир земли смотрит на вас с горячей надеждой: он хочет видеть в лице вашем новых, честных, бескорыстных людей, неустанных в работе строения нового мира.

Покажите же себя всей земле нашей новыми людьми, покажите миру всё лучшее, всё наиболее человеческое ваше – вашу любовь, великодушие, неподкупную честность, ваше умение работать.

Предисловие [к книге А. Барбюса «В огне»]

В этой книге, простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая дотла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засорённой осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всём, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся богу, молятся искренно и, как описывает это один из героев книги, молятся «идиотски одинаково», после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же «идиотски одинаково». На страницах 437–438 читатель найдёт эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренно верующих, что в кровавом и подлом деле войны «с нами бог».

И они же затем говорят: «Богу – наплевать на нас!» И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

«– Но всё-таки как же он смеет, этот бог, позволять всем людям одинаково думать, что он – с ними, а не с другими?»

Мысля трогательно, просто, как дети, – в общем же «идиотски одинаково», – эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

«– Если бы существовал бог, добрый и милосердный, – холода не было бы!»

Но, рассуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем?

Почему?

Они и это знают, – они сами говорят о себе:

«– Ах, все мы не плохие люди, но – такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!»

И, сознавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капрал Бертран знает больше других, он говорит языком мудреца.

«– Будущее! – воскликнул он вдруг тоном пророка. – Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелия или же с подвигами апашей?.. И однако смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

– Либкнехт!

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

– Будущее! Будущее! Дело будущего – загладить это настоящее, стереть его из памяти людей как нечто отвратительное и позорное. И однако это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей! Да, позор! Это правда, но это – слишком правда; правда для вечности, но ещё не для нас. Это будет правдой, когда её начертает среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы ещё далеки от этого. Теперь, в данный момент, эта правда почти заблуждение; это священное слово только богохульство!

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

– Как-то раз я сказал им, что верю в пророчества, только для того, чтобы приободрить их и заставить идти вперёд.»

Но, говоря так, спокойный, мужественный человек, уважаемый всеми людьми своего взвода, ведёт их на бессмысленную бойню и умирает на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всём этом ярко и насмешливо горит убийственное противоречие, унижающее человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и тёмной силой на служение её дьявольским целям.

И близки и милы душе эти несчастные герои, но, поистине, они кажутся прокажёнными, носящими в себе самих навеки непримиримое противоречие разума и воли. Кажется, что разум их уже настолько окреп и силён, что в состоянии остановить эту отвратительную бойню, прекратить мировое преступление, но... воли нет у них, и, понимая всю гадость убийства, отрицая его в душе, они всё-таки идут убивать, разрушать и умирать в крови и грязи.

«– Битвы производятся нашими руками, – говорят они. – Мы служим материалом для войны. Она состоит вся только из плоти и душ простых солдат. Это мы нагромождаем трупы на равнинах и наполняем реки кровью, все мы, хотя каждый из нас невидим и молчалив, ибо слишком велико наше число. Опустевшие города, разорённые сёла и деревни – это пустыни, лишившиеся нас или оставшиеся после нас. Да, всё это мы – и только мы!

– Да, это правда. Война – это народы. Без них не было бы ничего, кроме разве

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma перебранки издавала. Но войну решают не они, а те, которые правят.

– Народы борются теперь, чтобы избавиться от этих правителей. Эта война не что иное, как продолжающаяся французская революция.

– В таком случае выходит, что мы работаем также и для пруссаков?

– Будем надеяться, что и для них, – согласился один из страдальцев.

– Народы – это ничто, а они должны быть всем, – проговорил в этот момент человек, вопрошающе глядевший на меня; он повторил неведомую для него историческую фразу, которой уже больше века, но придал ей, наконец, её великий всемирный смысл.

И этот несчастный, стоя на четвереньках в грязи, поднял своё лицо прокажённого и жадно заглянул вперёд, в бесконечность.»

Что он увидит там?

Мы верим, что он увидит своих потомков свободными, разумными и сильными волей.

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс, человек, лично переживший весь ужас войны, всё её безумие. Это не парадная книга гениального Льва Толстого, гений которого созерцал войну в далёком прошлом; это не жалобное сочинение Берты Зутнер «Долой войну!», – сочинение, написанное с добрым намерением, но неспособное никого и ни в чём ни убедить, ни разубедить.

Это – книга простая, исполненная пророческого гнева, это – первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с неодолимой силой правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих её грязно кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжёлую и грязную работу взаимного истребления ни в чём не повинных людей, – не повинных ни в чём, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат – книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обречённых на смерть и уничтожение великим провокатором народов – капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, – это он главный герой книги Барбюса. Ослепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырёх лет разрушают в прах всё созданное трудом многих столетий, ещё раз показывая самим себе, что злейший враг человека – его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги – удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, – и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живём в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живём накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это – правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней, в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооружённых капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками – в помощь своим братьям по жиру и духу – войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослах.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и её колоний непрерывным, чудотворным трудом превратил обширную безграмотную страну полунищих крестьян и полудикой жадной мелкой буржуазии – в мощный социалистический братский союз народов.

Ныне капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой – нападение на Союз Социалистических Советов. Для того чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумевшая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побеждённых за шиворот, двинуть их против государства социалистического. План простой и ясный, этот план и заставил меня вспомнить об ослах.

Позорнейшая роль ослов в бойне 1914–18 годов характеризуется, как известно, поведением вождей немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эсеров и многих прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты 15 лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и других – сродных ему по духу – литераторов особенно хорошо и ясно видна именно с этой выше намеченной точки зрения. Его книга – одна из первых, которые за 15 лет отрезвили многие тысячи голов, опьянённых кровью, и антифашистское движение, всё более широко растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первейших своих основоположников.

За работу!

Сегодня опубликован декрет о переходе солдат от военных трудов к труду мирному, от разрушения к созиданию.

«Война родит героев» – это так, но истинным героем является рабочий, тот, чья энергия создала и создаёт в мире его бесчисленные ценности, – ценности материальные и духовные, обладание которыми делает человечество всё более устойчивым в его борьбе с природой – в борьбе за власть над её силами.

Войну родит глупость и жадность – лучше всех это знают сами солдаты, именно они знают, как бессмысленно и безжалостно разрушает война долголетние драгоценные результаты человеческого труда.

Только дружное сотрудничество всех честных граждан республики нашей поставит нашу страну прочно и достойно на первое место в этом мире, где всё прекрасное и ценнейшее создано и создаётся честным, мирным трудом.

Вот наступили дни, когда мы имеем, наконец, возможность залечить разрушения в теле родины, залечить её глубокие, кровавые раны, очистить её от вековой грязи прошлого, превратить полуразрушенную Русь в прекрасную страну, где людям живётся сытно, свободно, разумно и легко и где каждый человек получит возможность показать себя со своей лучшей стороны.

Теперь, когда мы свободны, нам некого винить за то, что мы плохо живём, мы сами хозяева своей судьбы и должны понять, что всё зависит только от нас, от нашей воли, от нашего труда.

И надо хорошо помнить, что все чудеса в мире сотворены упорным, любовным трудом человека.

Взять вещи, созданные до нас, и пользоваться ими – этого ещё мало, надо уметь пользоваться вещами, а прежде всего – надо овладеть умением создавать вещи; это умение дадут нам две силы – знание и труд, обе эти силы в нашей воле!

За работу, товарищи!

Если и теперь мы не сумеем наладить жизнь как следует, – мы сами будем виноваты в этом, только мы и никто другой!

Да здравствует мирный труд на благо всех!

Будем мужественны и бодры духом, – всё, чего нам не хватает, можем создать только мы сами.

[О в.и. ленине]

Товарищи, есть люди, значение которых как-то не объёмлется человеческим словом. Русская история, к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот, например, Христофор Колумб... И мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей, – людей, которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. У нас в истории был, – я бы сказал: почти был, – Пётр Великий таким человеком для России.

Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич. Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нём красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества – не только для нас.

И я думаю, что я не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сильную, огромную фигуру.

Ленин в политике велик, но в то же время он реальный, земной, простой человек.

И мне хочется сказать несколько слов о другом Ленине, которого я лично знаю, – сказать о человеке, таком простом человеке, как все вы, как я.

В 1907 году, когда я приехал в сырой город Лондон немного больным, на съезд партии, Владимир Ильич Ленин приехал ко мне в гостиницу щупать, не сыр ли матрац, боясь, чтобы я сильнее не простудился. Вот какого Ленина я знаю, для многих совершенно неожиданного человека.

Потом ещё есть такое же воспоминание о нём, это – когда он был у меня на Капри, – воспоминание о том, когда он удит рыбу «на палец», великолепнообразом хохочет, хохочет так, как только он один умеет хохотать. Все рыбаки местные прозвали его синьор «дринь-дринь». Они никак не могли понять, как это можно удить рыбу с пальца. Ленин же, не зная местного языка, не мог им объяснить этого как следует и говорил, что надо тащить рыбу, когда она делает так: «дринь-дринь», – тогда дернуть.

Я знаю Ленина, когда он играл в карты в «тётку», любил игру и хохотал так, как умеет только он один. В эти моменты не было у него ничего такого, чему мог бы удивляться весь мир. Ничего: такой он простой, такой милый, такой душевный, обычный простой русский человек, как каждый из вас. И вдруг мы видим такую фигуру, глядя на которую, уверяю вас, хотя я и не трусливого десятка, но мне становится жутко. Делается страшно от вида этого великого человека, который на нашей планете вертит рычагом истории так, как этого ему хочется.

И этот переход от простого, милого, душевного, смеющегося великолепнообразом смехом, к этой громадной фигуре, значение которой трудно объять, – прямо-таки чудесен.

Вот что я хотел сообщить об Ильиче, о человеке, перед которым я внутренне преклоняюсь и которому на долгие времена желаю доброго здоровья, той неистощимой энергии, которой он обладает, и всего, всего хорошего, что только может быть на свете.

Я видел крупных людей, знал Толстого и ещё кое-каких, но эта колоссальная фигура заслоняет их...

И на ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе. Да, в лице его русская история создала почти чудесное.

Поймите, этот человек лично ни в чём не нуждается, но, как историческое нечто, он нуждается в мужественном, упрямом, напряжённом вашем труде, нуждается в хорошей вашей человеческой к нему любви.

И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за всё, что он сделал не только для России, но для всего человечества, – это честный труд, это напряжённый труд, это любовь к труду, это та духовная бодрость, которую я вам всем от всей души моей желаю... Вот, товарищи, те

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiума несколько слов, которые хотел я вам сказать. (Аплодисменты.)

Борьба с неграмотностью

Речь, произнесённая на заседании Петроградского Совета 30 апреля 1920 года
Товарищ Ангерт познакомит вас с фактическим положением дела борьбы с неграмотностью. Вы увидите из его речи и из его графиков очень важные вещи. Он покажет вам интересную картину того, что сделано за этот короткий, до смешного короткий, четырёхнедельный срок. Это, я знаю, порадует вас. Что касается меня, то я попытаюсь передать вам мои личные наблюдения от столкновений с аудиторией безграмотных и малограмотных людей.

Товарищи! То напряжённое, страстное внимание, с которым сорокалетняя баба или пожилой мужик, которые ни аза в глаза раньше не знали, слушают то, что им говорят, – это до такой степени радостно, так хорошо, что, уверяю вас, их жадное молчание куда приятнее, праздничнее ваших рукоплесканий и самой громкой музыки. Поразительно, до чего страстно люди хотят знать. Вы, в руках которых находится власть, должны использовать эту жажду знания, вы должны насытить её, это ваша обязанность. Вы должны всячески облегчать работу людей, которые борются с этим страшным врагом всего человечества – глупостью. Теперь на вас лежит ответственность за всё, что делается вокруг вас и что творится самими вами, эта ответственность лежит на вас именно потому, что нет уже никого другого, на кого могли бы вы пожаловаться, кто мешал бы вам работать на самих себя. И лень, и грязь, и вонь – всё, что вас терзает и мучает, это ваше дело, и вам надо упрямо бороться с этим. Вы все прекрасно понимаете, до какой степени тяжела борьба, как много сил требует она, отсюда вам должно быть ясно, до какой степени необходимо вам создать резерв сзади себя, запас людей, готовых придти вам на помощь и на смену, людей грамотных, которые умели бы понимать то, что вокруг них творится, не стонать зря: у многих к этому есть склонность, и у вас, вероятно, у некоторых. Знание – та страшная сила, которая всегда побеждает. Только будучи по-настоящему крепко вооружены знанием, вы выйдете победителями из той тяжёлой жизни, которую вам приходится переносить.

Русский человек ленив и очень хитро умеет бездельничать, но у него есть достаточная доля упрямства, – если он захочет, он научится. И приятно, говорю я, наблюдать, как сейчас этот малограмотный человек идёт к знанию, с какой жадной черпает он всё, что ему говорят, какие огромные вопросы он сразу ставит перед тем человеком, который беседует с ним или что-нибудь читает ему. Приходишь в эту аудиторию безграмотных людей, и казалось бы – ну, что такое? Ну, вот сидят разные серые люди. И первое впечатление не выгодно для них. Сидят и смотрят на тебя, как бараны на новые ворота. Но пройдёт несколько минут, полчаса, и вдруг вы чувствуете и вы видите по лицам, по глазам страшное напряжение внимания. Вам кажется, что из вас вытягивают всю вашу энергию, все ваши знания, все ваши силы. Это начинает возбуждать так, что с ними говоришь и легче, и проще, и горячей, чем с людьми интеллигентными. И ещё одна особенность. Эти люди ставят те основные вопросы, которые интересуют всё человечество и которые впервые ещё у дикарей толкнули мысль на тот путь, который привёл к великим завоеваниям, которые сейчас в ваших руках. Они ставят вопросы: откуда человек? что такое жизнь? как она началась на земле? есть ли у нас душа? что такое душа? Вам, людям, которые увлечены вопросами политического характера по-преимуществу, вам, конечно, может быть странно слышать, что ставятся такие вопросы. Но это очень хорошо, с этого началась культура, с этого полудикарь человек начал восходить на ту высоту, на которой ныне он стоит. От этих мыслей в мире родились Толстые, Шекспиры, Эдисоны, Марксы, Ленины. Это не должно вас смущать, – здесь верный признак того, что действительно души человека коснулась мировая мысль, что мировой общечеловеческий разум чувствуется русской массой. И тут надо, говорю я, всячески облегчить и внешнее и внутреннее усвоение того, что этих людей захватило за сердце и постепенно захватывает всё глубже. Вы подумайте только: в каждой рабочей семье та женщина, которая до сей поры играла какую-то второстепенную роль, ныне может быть действительным другом своего мужа; у такой матери, которая читает книги и идёт плечо к плечу со своим мужем, её сынишка не пойдёт на улицу спекулировать папиросами, не будет преступником. Вы подумайте, товарищи, малограмотных женщин у нас огромное количество. И нужно предоставить им все возможности для того, чтобы они поглотили столько знания, столько общечеловеческой мудрости, сколько вообще человек поглотить может. Это, конечно, и вам не худо всем знать по той причине, что чем человек грамотнее, разумнее, тем более он хорош, более ловок. Ничего так не надо нам, дороге товарищи, как хорошего работника, как людей, которые мужественно, не щадя своих сил, строили бы то государство, которое строить вы призваны историей и которое, очевидно,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
построите, но построите только в том случае, когда действительно честно и мужественно возьмётесь за великое дело поглощения мирового опыта общечеловеческого знания, науки.

Товарищи, я, может, сбивчиво говорю, но так огромна тема, сказать хочется много, а слов и времени мало, вот и не ладится у меня, я оратор неважный и говорю сердцем, а не словами.

Товарищи! Вам надо понять, почувствовать, что сейчас наступил момент поглощения знания, момент социализации научных знаний. Нет силы более могучей, чем знание: человек, вооружённый знанием, непобедим. Если бы я мог, – сейчас это невозможно, – сообщить вам о том, что разум представителей нашей науки сделал за последние два года разрухи, голода и холода, в неустойчивости, в голоде и холоде, – вы радостно удивились бы. В области науки мы, русские, отрезанные от учёной Европы, за последнее время сделали огромные завоевания. Поразитесь, узнав, как могли люди в столь тяжёлых условиях достичь таких результатов, и вы воздадите хвалу этим мужественным людям, которые не ушли в стан врагов ваших, а остались с вами и со своей работой. Оружие знания нужно нам потому, что если прекратился натиск почтеннейшей Антанты с пулей и со штыком в руках, то она жаждет возможности завоевывать нас не дубьём, а рублём – завоевать экономически. Она попытается сделать это. Она начнёт в различные щели, которых у нас в достаточной мере много, пускать свой капиталишко и развращать русский народ – и вас в том числе – да, да, и вас. Надо знать и крепко помнить – на нас разинуты очень жадные, очень острые пасти, на нас точат железные зубы, кожа наша потрещит ещё, да и косточки тоже. Для того, чтобы уметь отразить этот натиск мирного завоевания, надо иметь много ума, надо знать, чем мы богаты и чем бедны, какие у нас достоинства и недостатки. Надо готовиться к борьбе с капиталом, которая не прекратилась, надо знать, что капитал старше нас возрастом, опытнее, хитрее.

Мне кажется, всякому должно быть понятно, что нужно уничтожить безграмотность. Это не только долг перед самим собою, но и перед всей Россией; взяты знания как можно больше, чтобы дать его как можно больше своей стране, – стране, которая заслуживает честной работы и счастья, хотя бы только счастья отдыха. Но это скромное желание, конечно. Есть другое. Я желал бы, чтобы вы наделили страну эту счастьем строительства, того мужественного строительства, в котором она так нуждается, чтобы ленца, распущенность, разгильдяйство, которое присуще русскому человеку вообще, – и вам в том числе, – чтобы это с вас смылось, слезло, чтобы все трения, которые последнее время вы пережили, счистили с кожей вашей древнего русского человека, привыкшего работать из-под палки, не умеющего ценить труд и не понимающего его огромного, общечеловеческого значения.

Вы меня извините, что я говорю как будто бы вещи обидно звучащие, но надобно говорить по совести. Народ вы немножко ленивенький, народ, волю которого давили триста лет. Чего же можно от вас требовать, казалось бы? Но, товарищи, то, что мы дали Европе и всему миру, это почти чудо, потому что от народа, столько битого, загнанного и обездоленного, как русский народ, трудно было ожидать такого подвига, как эти последние годы его жизни, – а это страстотерпческий путь, это великий подвиг, – я говорю не комплименты, – великий подвиг! Это нечто такое, что со временем врагов наших удивит и заставит даже их воздать нам великую хвалу. Но, товарищи, подвиг ваш обязывает вас продолжать его и довести до конца. Ещё большей хвалы мы заслужим, когда вооружимся всем тем, что человечество выработало на тяжком пути своём, – всеми лучшими мыслями, всеми сокровищами знания, если мы сумеем всё это взять себе, если мы это воплотим в себя – тогда действительно мы будем забронированы от всех несчастий. И очень вероятно, что смешная мечта русских оторванных интеллигентов о народе – спасителе мира, о народе-Мессии, эта смешная мечта вдруг действительно станет живым делом. Нечего говорить о том, товарищи, что действительно мы шагнули вперёд других. Напряжение, с которым это сделано, велико, но велика и заслуга. Она будет ещё больше, если вы сумеете возбудить в себе жажду знания, уважение к труду, уважение друг к другу, хорошую оценку человека-работника и поможете так, как вы должны помочь, всем безграмотным людям, стоящим где-то позади вас, подойти к тому, что вы теперь знаете, что у вас уже есть.

Вот те несколько слов, которые я хотел вам сказать. Я очень убеждаю вас и прошу устремить внимание ваше в эту сторону как можно напряжённое.

Честь и слава вам будет, – не говоря о пользе для вас и для всей страны, – если мы эту безграмотность очистим, как пыль. Это возможно при той жажде, с которой

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
люди идут сейчас к знанию, это возможно при той страстности, с которой они бросаются на новые знания. Вы должны, – я повторяю, это ваша обязанность – обязанность людей выше стоящих, – сделать всё возможное для того, чтобы в этой области началась широкая работа, чтобы эта российская бессловесность превратилась в способность думать хорошо, хорошо чувствовать и хорошо работать, ибо кто хорошо чувствует, тот хорошо и работает, кто много знает, тот не будет плохо работать.

Вот всё, что я хотел сказать, а затем желаю вам всего доброго и бодрости духа прежде всего...

Путь к счастью

Прекрасная идея – сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда!

В неволе капитализма безымянный труженик, творец всех сокровищ земли, не понимал – не мог понять – всемирное культурное значение своей работы.

Это непонимание естественно, ибо подневольный труд, работа на других – каторжная работа, проклятие человека.

Но теперь, товарищи, все вы работаете на себя и для себя, не понять это – преступно.

Власть – в ваших руках, и всё, что нужно сделать для её укрепления, вы должны сами сделать. Всё – в ваших руках, – значит, за всё плохое вокруг вас вы отвечаете, только вы. Жаловаться – не на кого, ждать помощи – неоткуда. Звериная вражда тунеядцев – всё ещё страшная сила.

Но ещё более мощная сила – свободный, разумный труд социалиста.

Где-то, в тёмных уголках, пауки пытаются починить паутину, прорванную вихрем революции. А мы должны знать и уметь чувствовать, что наша трудная, будничная с виду работа имеет глубочайшее значение для всего мира, что каждое разумное и честное усилие, направленное на борьбу с разрухой, теперь имеет небывало огромный смысл, величайшее значение. Победим ли мы уродливое, небрежное отношение к труду, которое привито в плоть и в кровь нам веками рабства? Сумеем ли преодолеть в самих себе сопротивление животного индивидуализма и эгоизма социалистическим сознанием необходимости мужественного, упорного труда?

Эти вопросы трепетно ставят нам рабочие Европы, Азии, Америки – лучшие рабочие всего мира.

За нашей жизнью жадно следят десятки миллионов глаз, и хотя бездеятельное, пассивное сочувствие недорого стоит, немного даст нам, но будем верить, что тот, кто сегодня только сочувствует, завтра начнёт деятельно и пламенно подражать нам.

Товарищи! Всё ценное и разумное, всё, чем люди имеют право гордиться, создано знанием и трудом. Эта простая истина – великая истина; её надо усвоить нам, как верующие усваивают молитву.

Труд и знание – всё победят; наука и работа развяжут всю тяжкую путаницу жизни.

И, если вы хотите, чтобы труд был лёгок и день труда – днём праздника, возбуждайте в себе веру в творческую силу знания и труда.

Весело и бодро – за работу, нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда!

[Речь на митинге мобилизованных на польский фронт]

Товарищи, я хочу сказать через ваши головы честным польским гражданам, если там ещё есть таковые, несколько слов, которые должны дойти до них.

В прошлом польские помещики долго боролись с русскими царями за приобретение лишних земель и лишней рабской силы. Во время этой борьбы случалось полякам бывать в Кремле, а русским в Варшаве. Борьба кончилась победой русских царей. Три раза польская страна раздиралась на куски свирепым русским самодержавием. От этого времени ожесточённой борьбы и у нас, русских, и у поляков осталось нечто

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma на душе, что грозит придать этой войне характер особой жестокости и непримиримости.

Это было в прошлом. Теперь не то. Теперь у власти рабочий и крестьянин. Советская Россия не берёт на себя ответственности за грехи самодержавия. Но власть прошлого велика, и пережитки старые ещё сильны в душе народной. И это может придать этой войне национальный характер, который может объединить все классы, несмотря на их различные интересы.

Теперь я, товарищи, хочу сказать вам несколько слов о вашей борьбе. Удар за ударом сыплются на ваши головы. За что? Только за то, что вы хотите перестроить жизнь на новых началах. Есть мнение среди части общества, что вы в своём строительстве делаете ошибки, в своей борьбе допускаете иногда, быть может, излишние жестокости. Но не за ошибки и жестокости ненавидят вас. Жестокости и раньше были, и было их даже слишком много. Вас ненавидят только за то, что вы разрушили старую буржуазную государственность, создаёте новую жизнь.

Товарищи, я ненавижу войну как самое жестокое явление, но, когда меня берут за горло, я буду защищаться до последней капли крови. Польские паны, несмотря на все старания Советской Республики кончить дело миром, навязывают нам войну, берут нас за горло. Да будет война! Да будет борьба! За вами рабочие и крестьяне всей Советской России, и вы победите! Привет вам, дорогие товарищи!

Первое мая
Товарищи!

Вот, наконец, вам великолепно удалось показать самим себе и всей России, – а может быть, всему миру, – что день свободного, дружного труда есть в то же время день прекрасного праздника.

Вы убедились сами и сумели убедить множество людей, не веровавших в силу вашу, что физическая энергия рабочего способна творить сказочные чудеса.

Десятки тысяч людей впервые увидели, что свободный труд – весёлый труд и как чудесно он продуктивен.

Великой, сердечной благодарности заслуживают люди, которые столь хорошо организовали труд и развлечения в этот знаменательный день, убедительно показав ещё раз, какое огромное значение имеет стройная, продуманная организация. И великие, крепкие надежды возбуждают те впечатления, которыми был так богат день Первого Мая – праздник труда. Товарищи! Вот именно так, дружными усилиями организованной воли тысяч и десятков тысяч людей, – именно так, не иначе! – вы постройте новый мир – мир красоты, свободы, радости. Огромное значение имеет тот факт, что вы, полуголодные люди, сильно измученные годами разрухи, которую создала проклятая война, могли показать так много трудовой энергии и разумной организованности.

И, если наши новые враги – поляки – узнают хоть половину правды о работе Первого Мая, – не понравится им эта правда, невесёлые мысли и чувства вызовет она у них.

Потому, что им станет ясно: народ, который при всех тяжких условиях его жизни умеет так работать, – этот рабочий народ не одолеть легко, он крепко стоит за свою свободу, и хвастливая Польша, не однажды – в прошлом – разбив себе лоб в столкновениях с Русью, разобьёт его себе ещё раз. Разобьёт лоб, а может быть – и даже наверное – разлетится в прах весь старый порядок её жизни, разобьётся польское панство, и поляк-рабочий протянет нам руку товарища и друга.

И тем, кто науськивает Польшу на Русь, тоже не понравится день Первого Мая, ибо это был день, когда обнаружилась огромная внутренняя сила народа, который враги его считали истощённым войною, революцией, гражданской кровавой распрей, голодом и холодом.

Товарищи! Снова польётся ваша кровь на фронте, в боях с народом, ещё духовно слепым, снова потеряете вы десятки добрых товарищей, хороших вождей.

Но вы духовно прозрели, вы поняли значение свободы, труда, науки, искусства, и вы должны теперь понять, что в то время, как там, в битвах, ваши товарищи будут побеждать и погибать, вы здесь обязаны всей вашей силой, всем сердцем и разумом

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
взяться героически за мирный труд, за серп и молот.

Вы должны как можно чаще повторять такие дни совместного дружного труда, каков был чудесный день Первого Мая, – этими подвигами вы не только устрасите врагов, но избавите и самих себя от голода и холода. Назад дороги нет! Надо идти вперёд, всё вперёд, товарищи!

Идите же мужественно и дружно по пути труда, идите и привлекайте к себе всех, чей разум, чья воля могут быть дороги и полезны вам в деле строения нового мира.

О Василии Слепцове

Крупный, оригинальный талант Слепцова некоторыми чертами сроден чудесному таланту А.П. Чехова; хотя Слепцов совершенно не владел вдумчивой, грустной лирикой, чутьём природы и мягким, однако точным языком Антона Чехова, но острота наблюдений, независимость мысли и скептическое отношение к русской действительности очень сближают этих писателей, далёких друг другу в общем.

Очерки Слепцова появились в те годы, когда в русской литературе особенно громко начали раздаваться голоса «кающихся дворян», зазвучала чувствительная исповедь потомков о грехах предков, – исповедь весьма многослойная, не всегда сердечная и едва ли уместная, ибо то, что называлось «грехом предков» («отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина», Иеремия, 31, 29), было исторической неизбежностью, обязательным для всех народов этапом культурного развития и требовало не словесного раскаяния потомков, а их упорной борьбы с окаменелостями прошлого в мысли и деле, в быте и чувстве. Тогда разыгрывалось в русской литературе и под её влиянием в обществе второе действие странной романтической драмы, героями которой являлись, с одной стороны, влюблённая интеллигенция, с другой – бесчувственный народ, причём за подлинный народ принималось только большинство населения – крестьянство, другие же классы, например, рабочий, как бы не существовали и не замечались литературой. О народе литература говорила, как и надлежит влюблённой, повышенным тоном, стараясь подчеркнуть прежде всего положительные начала его психики и быта, невольно преувеличивая их, но в общем стремясь пробудить гуманное отношение к мужику, действительное внимание к деревне, что и было достигнуто литературой.

В это время Слепцов заговорил тоном спокойного наблюдателя о нелепой жизни мещанского городка Осташкова, – городка, который чудесным каким-то образом весь принадлежит купцу Савину, а купец, всесторонне грабя его, в то же время односторонне украшает ершами, весьма искусно вырезанными из дерева. Смысл этой исторически верной картинке развития внешней культуры, творимой русским хищником, который в течение столетия не мог избавить страну от ежегодных эпидемий тифа, но создал лучший в мире балет, – смысл этого умного очерка остался не понят публицистами и журналистами эпохи. Их сердечное внимание было направлено в сторону тысяч деревень, а сотни уездных городов русских – эти фабрики очень мелкой и скудоумной буржуазии, тупого, мёртвого консерватизма, устои коего ушли глубоко в недра каменного невежества, – эти города остались вне поля зрения либеральной и радикальной мысли, в стороне от благотворного влияния интеллектуальной силы.

После – в восьмидесятых, в 1905–6 годах – уездные гнёзда российской косности очень тяжко показали устойчивость своего быта, – социально-политическое значение этой устойчивости остаётся недостаточно понятым и в дни «великих реформ», принятых многими подобно трусу, мору, потопу и вообще «стихийным катастрофам».

Далее, в очерке «Владимирка и Клязьма» Слепцов рассказывает, как французы строят железнодорожный мост, как они ссорятся со своими инженерами и немножко издеваются над русскими; как рабочий-француз говорит начальнику своему: «Я вас уважаю, но – не боюсь», а тринадцатилетний мальчуган, попав на суздальскую Клязьму с французской Луары, говорит о Святой Руси: «Это край варваров».

Русак рассказывает Слепцову, как машинист-француз пускает «в рыло» главного приказчика строителей моста струю горячего пара, рассказчик безобидно смеётся над шуткой француза, а в это время другой русачок выманивает у иностранца несколько медных копеек – нищенскую сдачу с тех пудов русского золота, которые французы увезут на свою родину.

Работают французы, – описывает Слепцов, – народ всё крупный, такой основательный, надёжный, все с такими густыми, чёрными бородами, в тёплых

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma мерлушковых шапках, в дублёных рукавицах. Прошёл какой-то начальник в енотовой шубе, – никто и ухом не повёл, никому до него и дела нет, всякий занят своим, прилаживают гайки, и всё это так просто, свободно, без криков и понуканий, покуривая сигарку, распевая песенки о своей прекрасной Франции... А там, внизу, под мостом, копошится народ: человек тридцать каких-то нищих всех возрастов, начиная с пятнадцати и до семидесяти лет, усиленно дёргали измочаленный канат и тянули песню прекрасной России:

Черная галка,
Чистая полянка,
Жена Марусенька,
Черноброва –
Чего не ночуешь дома?
– Ух!

Человек десять ковырялись во льду, таская из воды обмёрзлые брёвна. И так-то вяло, как будто нехотя. Поковыряют, поковыряют да почешутся или примутся зевать и потягиваться и до той поры зевают, потягиваются, пока не увидит их десятник и не закричит:

– Эй, вы! Шмони вы эдакие, право – шмони. Ну, что стали? Эх, палки на вас нет!

Всё это нарисовано очень живо, ловкой, твёрдой рукой и настолько внушительно, что из краткого, спешного очерка приёмов работы, навыков жизни, отношений двух племён как будто возникает некая жуткая и густая тень, возникает и падает далеко вперёд на будущее нелепой русской земли.

Слепцов вообще брал темы новые, не тронутые до него; он писал о фабричных рабочих, об уличной жизни Петербурга; его очерки полны намёков – вероятно, бессознательных – на судьбу отдалённого будущего страны, полны живого смысла, не уловленного в своё время, но его темы тотчас были подхвачены Глебом Успенским в книге «Нравы Растеряевой улицы», Левитовым и Вороновым в их славной книжке «Жизнь московских закоулков» и затем целой группой менее видных, забытых теперь писателей, сотрудников «Современника», «Отечественных записок», «Дела» и «Слова».

Отношение Слепцова к деревне заметно разнилось с общим повышенным отношением к ней. В сценах «Мёртвое тело», в рассказах «Свиньи», «Питомка», «Ночлег» и прочих у Слепцова чувствуется печальная усмешка человека, который сомневается во всём, что в ту пору было принято думать и говорить о деревне. Он изображает мужика неумным, равнодушным к ближнему и своей судьбе, притерпевшимся ко всем несчастьям, почти безропотно подчинённым чужой воле даже тогда, когда ему ясно, что её цели и глупы и вредны его интересам. Этот мужик спокойно ходит в волость «пороться» и терпеливо ждёт, когда начальство удосужится выпороть его.

Историк русской литературы С.А. Венгеров говорит, что Слепцов изображал мужика «настоящим головотяпом»; критик Скабичевский упрекал его в поверхностно скептическом отношении к деревне, есть и ещё мнения, не лестные для Слепцова. И хотя все признавали оригинальность таланта нового писателя, хвалили его за простоту и убедительность рассказов, однако его расхождение с установленным эпохой литературным канонам, видимо, отодвигало его в сторону от литературных кружков, оставляя человеком без друзей. Думать так позволяет то обстоятельство, что о Слепцове почти нет воспоминаний, кроме рассказа о нём Панаевой-Головачёвой, подруги и сотрудницы Н.А. Некрасова. В шестидесятых годах «женский вопрос» рассматривался как вопрос первостепенной социальной важности, – Слепцов был одним из первых, кто искренне увлёкся вопросом и посвятил ему не мало энергии, всячески пытаясь облегчить женщинам путь к знанию и самообразованию.

Уже в 1863 году он затевает ряд популярно-научных лекций для женщин, которые в то время десятками съезжались из провинции в Петербург, стремясь к знанию и свободе, что было законно и естественно в стране малограмотной. Это движение решительно и злобно порицалось консерваторами, они кричали о разрушении семьи и опасностях, вытекающих отсюда для нации, они дали учащимся женщинам едкое прозвище «горизонталок», приписывая им все грехи и пороки.

Но лекции Слепцова посещались такими женщинами, как Н.П. Суслова, дочь крестьянина, первая русская женщина, получившая в Швейцарии звание доктора медицинских наук и потом практиковавшая в Петербурге, в Н.-Новгороде, автор

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
нескольких ценных сочинений по медицине; Бокова, которая тоже впоследствии получила диплом доктора в Германии и стала известным в Лондоне оператором по болезням глаз; была знакома со Слепцовым и Софья Ковалевская, знаменитая как профессор математики в Стокгольме.

Но эти лекции не имели успеха, – подбор лекторов оказался недостаточно удачным, женщин, которые искренне желали учиться, было меньше, чем тех, которые мнимо желали этого, и, наконец, как это само собой разумеется, вокруг честного дела неизбежно возникли грязные сплетни. Это не обескуражило Слепцова, он устроил нечто вроде «коммун» – общую квартиру для тружениц науки, пытался устроить для них переплётную и белошвейные мастерские, открыть контору для переписки деловых бумаг, организовал переводы с иностранных языков, устраивал публичные лекции, спектакли, литературные номера в пользу своих «коммунисток», делал всё, что позволяли условия времени и стойкое сопротивление русского быта; эти его затеи ещё более усилили грязные сплетни и, наконец, привлекли внимание полиции. Обыватели стали говорить, что Слепцов основал новую секту, нечто вроде «корабля» хлыстов, что в секте царит дикая распущенность, и полиция, подозревая нечто иное, арестовала Слепцова и посадила его в «каталажку» Александро-Невской части, откуда он через семь недель вышел больным.

Жажда непосредственной близости к жизни, деятельное участие в ней, несомненно, мешали кропотливому труду писателя, и Слепцов писал немного, тратя силы и время на путешествия пешком по дорогам российским, на «женский вопрос» и вообще – на жизнь.

Самое крупное и наиболее зрелое произведение Слепцова – повесть «Трудное время» – превосходно изображает одну из бесчисленных драм эпохи, и хотя порою эта драма переходит в комедию, но это вполне типично для русских драм, в которых всегда слишком много нудной словесности и так мало подлинной страсти. Щетинин, его жена, Рязанов – типичные герои того трудного времени. Слепцов написал их мастерски, как настоящий художник. Жена Щетинина – это одна из тех женщин, которые, увлекаемые тревогой эпохи, смело рвали тяжкие узы русского семейного быта и, являясь в Петербург, или погибали в нём, или ехали за огнём знания дальше – в Швейцарию, или же шли «в народ», а потом – в ссылку, в тюрьмы, в каторгу. Щетинина, может быть, одна из женщин, которые слушали лекции Слепцова, жили в его «коммуне» и, несомненно, погибли в борьбе за свободу своей страны.

А Рязанов – один из тех интеллигентов, которые, сознавая, что они непонятны, не нужны и чужды «народу», а всем другим классам враждебно их критическое отношение к «устоям» русской жизни, отдавали себя духу «отрицанья и сомненья» и с гордостью приняли кличку нигилистов. По натуре своей Рязанов – родной брат нигилисту Базарову из книги Тургенева «Отцы и дети», но он – человек более естественный и лучше знающий жизнь, чем знал её герой Тургенева.

– Это и не жизнь, – говорит он Марии Щетининой, – а чорт знает что, дребедень такая же, как и всё прочее... Есть такая точка зрения, с которой самое любопытное дело кажется столь простым и ясным, что на него скучно смотреть... Но обыкновенно люди, как нарочно, выбирают такие дела, в которых чорт ногу переломит, потому что хотя толку от этого бывает мало, зато на каждом шагу можно удивляться, радоваться и ужасаться. Ну, время-то и проходит, и кажется, что как будто в самом деле живёшь.

– Но что же тогда? – спрашивает Щетинина. – Что же остается делать человеку, который потерял возможность жить так, как все живут?..

– Остаётся, – Рязанов посмотрел кругом, – остается выдумать, создать новую жизнь, а до тех пор...

Он махнул рукой.

Это очень безнадежно, но такие мысли и настроения должны были мучить наиболее наблюдательных людей «трудного времени», – людей, которым «некуда» идти. Базаровы и Рязановы созданы русской жизнью как бы нарочито для безудержного осуждения ею же самой себя. Эту роль они исполнили самоотверженно, разбив себе лбы и сердца, погибнув в отрицании, но по трупам их в жизнь вошли люди революционного дела, сотни героев, имена которых почтительно вписаны на страницы истории борьбы за свободу и культуру.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
[Предисловие к книге Фенимора Купера «Следопыт»]

«Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикиан», «Кожаный чулок» и «Прерия» – эти пять книг справедливо считаются лучшими произведениями ума и сердца Фенимора Купера. Написанные почти сто лет тому назад, они вызвали общее восхищение Америки и Европы, ими зачитывался наш знаменитый критик Виссарион Белинский и восхищались многие из крупных русских людей первой половины XIX столетия.

Романы Купера и до сего дня не потеряли интереса правдивых и красиво сделанных картин к истории заселения Северо-Американских штатов, – истории, которая поучительно рассказывает нам о том, как энергичные люди в течение полутора столетия организовали мощное государство в стране дремучих лесов, пустынных степей, среди кочевых племен индейцев.

Все пять книг связаны между собою личностью вольного охотника Натаниеля Бумпо. Начиная с романа «Зверобой», перед читателем живёт и действует странный человек – безграмотный, полудикарь, но обладающий в совершенстве лучшими качествами истинно культурного человека: безукоризненной честностью в отношении к людям, ничем не сокрушимой любовью к ним и постоянным органическим стремлением помочь ближнему, облегчить его жизнь, не щадя своих сил.

В предисловиях к своим книгам Купер не однажды указывал, что Натти Бумпо – живое лицо, человек действительно существовавший, – но для читателя это безразлично, ибо явления и вещи воображаемые – идеальные – воспитывают истинно человеческое в человеке с успехом не меньше, чем явления и вещи реальные. Жизнь идёт к совершенству, руководясь идеалом, – тем, что ещё не существует, но мыслится, воображается возможным к осуществлению.

Действительность всегда есть воплощение идеала, и, отрицая, изменяя её, мы делаем это потому, что идеал, воплощённый нами же в ней, уже не удовлетворяет нас, – мы имеем – создали в воображении – иной, лучший. Поэтому я говорю: безразлично, существовал ли Натаниель Бумпо на земле Америки как живой человек плоти и крови, – важно, что о нём написано пять книг, в которых он живёт как воплощение лучших свойств человеческого духа.

«Зверобой» в первой книге, «Следопыт» или «Разведчик» во второй, верный друг индейского вождя «Последнего» из племени могикиан в третьей, «Кожаный чулок» в четвёртой, наконец, в пятой книге – одинокий, дряхлый телом бродяга – траппер – Натти Бумпо всюду возбуждает симпатии читателя честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих.

Исследователь лесов и степей «Нового света», он проложил в них пути для людей, которые потом осудили его как преступника за то, что он нарушил их корыстные законы, непонятные его чувству свободы. Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и – оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл.

Такова – часто – судьба многих пионеров-разведчиков, – людей, которые, изучая жизнь, заходят глубоко дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь.

Воспитательное значение книг Купера – несомненно. Они на протяжении почти ста лет были любимым чтением юношества всех стран, и, читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию.

Н.С. Лесков

Николай Семёнович Лесков – уроженец одной из наиболее тёмных губерний Московской области, он – орловец. На родине его и до сего дня сохранились «курные» избы, печи в них без труб и топятся «по-чёрному», так что весь дым валит в избу, выедавая глаза её обитателям, покрывая стены и потолок густым слоем сажи. Эти первобытные логовища очень дороги орловскому народу, – Лесков в рассказе «Загон» интересно описал, до чего крепко привыкли мужики к своей «курной» избе.

Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная, рассказы которой – как он сам говорил – были «то сладкую сытй кисловатому киселю жизни, то – полезной горчицей жирному свинству её».

Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине – в области несколько иного быта, иной культуры, а пожить на чужой стороне – всё равно, что посмотреть на себя самого чужими глазами. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душою народа».

Литературная деятельность Лескова началась тяжёлой для него драмой, которая могла бы и не разыгаться, если б русские интеллигентные люди умели относиться друг к другу более внимательно и бережно, – что и до сего дня необходимо ввиду количественного ничтожества интеллектуальных сил в нашей стране. Но издревле русские люди болеют стремлением «разбрестись» розно, и в первый же год своей работы в Петербурге Лесков получил удар в сердце, совершенно не заслуженный им.

Летом 1862 года в Петербурге возникли подозрительные частые пожары, кто-то пустил слух, что это от поджогов, а поджигают студенты. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтоб власть или представила ясные доказательства участия студентов в поджогах, или немедля и решительно опровергла клевету на них. Легкомысленные люди истолковали статью так, что будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Он неоднократно опровергал это злостное недоразумение, но ему не поверили, ибо всегда и легче и как-то приятнее осудить человека, чем оправдать его; а у нас, на святой Руси, осуждают ближнего с таким наслаждением самолюбования, что, можно думать, родоначальником русского племени был описанный в евангелии фарисей.

Опрокинутый нелепым обвинением, не имея друзей и защитников, не сумев защитить сам себя, Лесков, новичок и чужой в литературном мире, уехал в Прагу, потом – в Париж и там, страдая от обиды, нанесённой ему, дал – к сожалению – волю чувству мести, написав книгу «Некуда» – нечто вроде хроники «на злобу дня». В этой книге интеллигенция шестидесятых годов была изображена довольно злостно и, между прочим, некрасиво описан умный и талантливый писатель В.А.Слепцов – автор очень хорошей повести «Трудное время». «Некуда» – книга, прежде всего, плохо написанная, в ней всюду чувствуется, что автор слишком мало знает людей, о которых говорит. Задача книги – обличение «нигилизма»; так называлось настроение умов молодёжи той эпохи; возбудителем нигилизма было юношески дерзкое желание сразу, одним махом порвать все связи с прошлым страны, только что освобождённой от векового рабства, очиститься от всех наслоений политического и церковного гнёта, особенно тяжкого и бессмысленного в годы царствования Николая Первого.

В героическом порыве молодёжи выпрыгнуть из гнилого, ржавого болота дореформенной жизни коренилось здоровое начало, – этого Лесков не понял или недостаточно оценил значение этого буйства. Но трезвый ум его, доступный сомнению, хорошо понимал, что прошлое – горб каждого из нас, что человек лучше всего выпрямляется только силою непрерывного, но осторожного напряжения духа и что на Руси мало людей, способных единым усилием воли сбросить со своих плеч тяжёлое бремя истории. Видя в «новых» людях всё, что они несли от прошлого, он просмотрел в них ценное для будущего. В романе «Некуда» почти все люди – злые или смешные уродцы, они оторваны от действительности, бессильны, болтливы, хвастливы, и всем им «некуда» идти.

Но особенно важно для Лескова то, что в этой книге, среди толпы людей жалких и нечестных, Лесков нашёл героя по душе себе, – это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского «Что делать?». Этот Райнер именует себя социалистом, открыто ведёт революционную пропаганду в России и погибает, как герой, в бою, во время польского восстания 1863 года. Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости, но роман «Некуда» возбудил общее негодование, его сочли доносом на революционеров и единодушно обругали. Дошло до того, что известный критик Писарев спрашивал в своей статье: «Найдётся ли хоть один честный писатель, который согласится работать в одном журнале с Лесковым?»

Это было почти убийство. Тогда Лесков – ожесточённый до бешенства – наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман «На ножах»; в этом романе

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
нигилисты изображены ещё хуже, чем в «Некуда», до смешного мрачно, неумно, бессильно, – точно Лесков хотел доказать, что иногда злоба бывает ещё более жалкой и нищей духом, чем глупость. Но и в эту книгу злого отчаяния, книгу личной мести, где все герои – шантажисты, воры, убийцы, автор ввёл странное лицо – Анну Скокову, девицу–революционерку, смешную внешне; суматошная, она говорит скороговоркой и, знакомясь, называет себя Ванскок. Эта девица – тип, мастерски выхваченный из жизни рукою художника, изображённый удивительно искусно, жизненный до обмана, – таких Ванскок русское революционное движение создавало десятками. Существо недалёкое, почти глуповатое, Ванскок неумоима, исполнена самозабвения, готова сделать всё, что её заставят люди, которым она – сама святая – свято верит. Если её пошлют убить – она убьёт, но она же, сидя в тюрьме, будет любовно чинить грязную рубаху злейшего партийного врага; она может, не насилуя себя, перевязать рану человека, который накануне избил её, может месяцами задыхаться в подвале, работая в тайной типографии, прятать на груди у себя заряженные бомбы и капсулы гремучей ртути, может улыбаться, когда её мучают, даже способна пожалеть мучителей за бесполезность их труда над телом её и в любую минуту готова умереть «за други своя».

Этот человек – орудие, но это и святой человек, смешной, но прекрасный, точно добрая фея сказки, человек, воспламенённый неугасимой, трепетной любовью к людям – священной любовью, хотя она и напоминает слепую привязанность собаки.

Такие маленькие великие люди, весёлые великомученики любви своей ради, – они из лучших людей нашей страны, обильной «рыцарями на час» и позорно бедной героями на всю жизнь. Может быть, гордость такими людьми печальна в сущности своей, но всё-таки это люди, о которых можно сказать: они изжили зверя в себе. Величайшая заслуга Лескова в том, что он прекрасно чувствовал этих людей и великолепно изображал их.

После злого романа «На ножах» литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников. Он как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством, опоздавшую жить, вшивую и грязную, вороватую и пьяную, глупую и жестокую страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными, – проклятую страну, которую надо любить и почему-то необходимо любить так, чтобы сердце каждый день и час кровью плакало от мучений этой любви, столь похожей на пытку невинного сладострастным мучителем.

Лесков понимал, как никто до него, что человек имеет право быть утешен и обласкан, человек должен уметь ласкать и утешать. Он писал жития святых дурачков русских, его герои, конечно, люди сомнительной святости, ибо у них совершенно и никогда нет времени подумать о своём личном спасении – они непрерывно заботятся только о спасении и утешении ближних. Они не уходят от мира в пустыню фиваиды, в дремучие леса, пещеры и скиты, дабы наедине с богом умолять его о причастии чистой и пресветлой райской жизни, – они неразумно лезут в густейшую грязь земной жизни, где погряз человек, захлёбываясь кровью, дико ноет от жадности и зависти, соревнуясь с дьяволом в жестокости и злобе. Они, вероятно, ничего не сделают или сделают так же мало, как преподобные церковные и светские отшельники и пустынножители, что, стремясь к познанию бога, забывают о человеке и, оправдывая бессилие его неблагой мудрости, неспособной устроить жизнь человека менее зверски, – беспощадно осуждают человека.

Ум Лескова – ум трезвый и недоверчивый, он во всём сомневается, но задачу оправдать Русь, написать милые иконы её праведников для радости грешных, – эту задачу он поставил не от ума, а от сердца. И потому его Ванскок, Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя.

В семидесятых годах, когда Лесков написал великолепную книгу «Соборяне» и начал печатать один за другим свои лукавые рассказы, а в ту пору главным и, пожалуй, единственным героем русской литературы был мужик, голоса почти всех писателей и журналистов сливались в хоровую песнь славословия разуму и сердцу народа. Интеллигенция ожидала, что народ, освобождённый от цепей физического рабства, расправит мощные крылья и орлиным взлётом вознесётся дальше – к свободе гражданской и духовной. Интеллигенция той эпохи находилась в жестоком подозрении у глупой власти, которая и не хотела – да и желая, не сумела бы – пользоваться её силами, она не находила себе места и в мире торгово-промышленном, неразвитом

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma и неконституционным строем и была твёрдо уверена, что мужик, хотя и вчерашний раб, но – мирской человек, общинник – превосходно понимает выгоды представительного правления. Искренно верили, что деревня жаждет знаний, молитвенно несли ей свои лучшие мысли, чувства и всё, что было наскоро высосано из книг; молодёжь десятками уходила «в народ», а журналисты и писатели провожали уходящих «без страха и сомненья на подвиг доблестный» пламенными напутствиями в стихах и прозе.

В огромном большинстве своём люди верующие настолько же нетерпимы, – и потому сугубо вредны, – насколько неверы совершенно непригодны для дела жизни. Русские же люди издревле живут преимущественно чувством веры – у нас даже нигилисты (от латинского слова nihil, нигиль – ничего) были, прежде всего, люди фанатической веры в догмат свой. Страдая избытком веры при недостатке любви и уважения к человеку, люди плохо поняли Лескова, – он же, будучи малoverом и скептиком, в совершенстве обладал редким даром вдумчивой, зоркой любви и способностью глубоко чувствовать муки человека, слишком разнообразные и обильные. Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями её древнего быта, любил затрёпанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ и вполне искренно считал его «способным ко всем добродетелям», но он любил всё это, не закрывая глаз, – мучительная любовь, она требует все силы сердца и ничего не даёт взамен. В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм.

Когда среди торжественной и несколько идольской литургии мужику раздался еретический голос инакомыслящего, – он возбудил общее недоумение и недоверие. На Руси читают много – от безделья, – но не особенно умело и внимательно; в семидесятых годах – впрочем, как и всегда – хорошей книгой признавалась та, которая совершенно совпадала с навыками мысли, вкусом и вообще консерватизмом читателя. В рассказах Лескова все почувствовали нечто новое и враждебное заповедям времени, канону народничества. Одним это новое казалось глумлением балагура, другим – злобою крепостника и реакционера, и почти никому не нравилась форма его рассказов; Лесков сумел не понравиться всем: молодёжь не испытывала от него привычных ей толчков «в народ», напротив – в печальном рассказе «Овцебык» чувствовалось предупреждающее «не зная броду – не суйся в воду!» Зрелые люди не находили у него «гражданских идей», выраженных достаточно ярко, революционная интеллигенция всё ещё не могла забыть романы «Некуда» и «На ножах». Вышло так, что писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах, – никому не понравился и остался в стороне, в подозрении; консерваторы, либералы, радикалы – все единодушно признали его политически неблагонадёжным; этот факт является ещё одним лишним доказательством, что истинная свобода обитает где-то вне партий.

Лесков укреплял отрицательное отношение к нему, заставляя своих героев говорить о народе слова неслыханные, обидные и, пожалуй, слишком горькие: «Ах вы, сор славянский, ах вы, дрянь родная!» – восклицает у него один трезвый человек по адресу орловских мужиков. И чем дальше, тем чаще встречаются такие суждения, как, например: «Народ глуп и зол», «безнадёжно тёмн, но не огорчён этим, а ещё прихвастывает».

Поэт Гейне, один из лучших демократов Германии, тоже говорил, что «кто любит народ – должен сводить его в баню», но Гейне такие злые шуточки прощали, а Лескову горестные заметы сердца его записывали в счет консерватизма.

Людям необходимо было верить в свободомыслие мужика, в его жажду социальной правды, а Лесков печатает рассказ «Овцебык»; в этом рассказе семинарист пытается внушить мужикам, что всякий лесопромышленник – враг им, мужики соглашаются с пропагандистом... «Это ты правильно!» И тотчас доносят на него купцу: «Гляди, он не в порядке!» Бедняга пропагандист повесился, убедясь, что «через купца – не перескочишь», он висит на дереве, а стерегущий мужичок говорит «сладеньким, заискивающим голоском» купцу, который пришёл посмотреть на удавленника: «Ему – гнить, а вам – жить, Лександр Иванович!»

Как могло это нравиться людям, веровавшим в мужика? В рассказе «Бесстыдник» интендант, много и благополучно наворовавший денег во время Севастопольской кампании, говорит, отвечая на упреки офицеров, изуродованных войною:

«– Вас поставили к тому, чтобы сражаться, и вы исполнили это в лучшем виде – вы

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma сражались и умирали героями, на всю Европу отличились; а мы были при таком деле, где можно было красть, и мы тоже отличились – так крали, что тоже далеко известны. А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас – в траншеи, а вас – к поставкам, то мы бы, воры, сражались и умирали, вы бы крали».

Лицо, которое ведёт рассказ о «бесстыднике», прибавляет от себя: «Бесстыдник-то, чего доброго, пожалуй, был и прав». Кому вообще могли нравиться подобные рассказы?

Так и жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятый почти до конца дней. Только теперь к нему начинают относиться более внимательно. Как раз во-время, ибо нам снова необходимо крепко подумать о русском народе, вернуться к задаче познания духа его.

Как художник слова Н.С.Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л.Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтой охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок её, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих. Различие Лескова с великанами литературы нашей только в том, что они писали пластически, слова у них – точно глина, из которой они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что, когда читаешь их книги, то кажется: все герои, волшебю одухотворённые силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобою, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеёшься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живёшь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкивающего их от себя, и всё это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее её.

Лесков – тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а – рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе. Его рассказ – одухотворённая песнь, простые, чисто великорусские слова, снизываясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям, прикрито нежная, почти женская; чистая любовь, она немножко стыдится себя самой. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого и других, – иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приёмом мастерства.

Тургенева, Гончарова и других почти не чувствуется в их книгах, когда они не хотят, чтобы их личное участие в жизни изображаемого ими чувствовалось читателем. Лесков почти всегда где-то около читателя, близко к нему, но его голос не мешает слушать странные полусказки, полубыли, которые кто-то рассказывает, точно старая мудрая нянька, – рассказывает с искусством и силою Гомера или всезнающего Геродота, но без утомительной торжественности древнего поэта и без наивной доверчивости «отца истории». Толстой, Тургенев любили создавать вокруг своих людей тот или иной фон, который ещё более красиво оживлял их героев, они широко пользовались пейзажем, описаниями хода мысли, игры чувств человека, – Лесков почти всегда избегал этого, достигая тех же результатов искусным плетением нервного кружева разговорной речи.

Строгие люди – их называют также пуристами, отчего они не становятся лучше и милее, – строгие критики, якобы понимающие тайны и капризы словесного творчества глубже и яснее самих творцов, часто упрекали Лескова в том, что он искажал язык, говоря: «мимоноска» вместо «миноноска», «фимиазмы» вместо «миазмы», «три волнения» вместо – «треволнения» и так далее, но отчего же иногда не пошутить, хотя бы и неудачно? Неудачные шутки были свойственны даже богам.

А затем, Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широкою волною хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно-научных сочинений и когда «гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела, не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Лесков – самобытнейший писатель русский, чуждый всяких влияний со стороны. Читая его книги, лучше чувствуешь Русь со всем её дурным и хорошим, яснее видишь запутанного русского человека, который, даже когда он искренно верует красоте и свободе, ухитряется быть рабом веры своей и угнетателем ближнего.

Семён Подъячев

Семён Павлович Подъячев – крестьянин Московской губернии, Дмитровского уезда. Ему теперь седьмой десяток лет, он живёт в деревне обычной мужицкой жизнью, которая так просто и страшно описана в его книгах. У него огородный надел земли, которую он сам обрабатывает, плохонькая избёнка, малограмотная жена – всё, как следует у настоящего мужика.

В 1902 году в «Русском богатстве» были напечатаны очерки «Мытарства (В работном доме)», подписанные новым именем – Семён Подъячев. Либеральная печать, рассматривая эти очерки как материал «обличительный», подняла шум, обрушилась на «отцов города» Москвы с упреками по поводу порядков в «работном доме», что вызвало ревизию этого учреждения. Эти правдивые очерки принесли немало похвал автору, – хвалили его за умение просто и бесстрашно писать жестокую правду.

Очень хорошо помню, что первое чтение этих новых очерков вызвало у меня впечатление не лестное для автора: так писали и пишут многие. Но отдел беллетристики «Русского богатства» редактировал В.Г.Короленко, его оценкам я верил, а очерки Подъячева были напечатаны «на первом месте», – этим редакторы подчеркивали значительность произведения, предлагаемого читателю.

Прочитав очерки ещё раз, я уловил в тоне рассказа Подъячева нечто напоминающее мне «Нравы московских закоулков» Воронова и Левитова – писателей, которым были чужды сентиментализм и слащавость народопоклонников. А кроме этого, почуялось и ещё что-то от самого Подъячева, что-то почти неуловимое, но своеобразное.

Следя за его дальнейшими рассказами, я понял, что пишет их человек «простой», но чуткой души, горестно недоумевающий перед жизнью. Семён Подъячев рассказывал о деревне подлинно русским языком Московской области, не стараясь приукрашивать его чужими словами; рассказывал задумчиво, не громко и всегда как бы в тоне вопросов: «Разве это всё можно считать человеческой жизнью? Разве такими должны быть люди? Но разве в этих условиях могут они быть иными?»

Я тогда ещё не знал, что он «мужик», живёт в деревне, «крестьянствуя», что он очень беден, а однодеревенцы не любят его и смеются над ним за то, что он «пишет». В тихом тоне его рассказов я слышал странную беспощадность, в которой однако не чувствовалось жестокосердия. Рассказывая, как честный свидетель, он не берёт на себя роль судьи, но он суровее судьи в упрямой твёрдости, с которой изображает людей так, как видит и чувствует их. Он знает их, как мозоли на своей ладони труженика, как боль своих мускулов.

Подъячев написал и издал немало книг своих рассказов, продолжая жить так мучительно, как это изображено им во множестве произведений. Малограмотной жене, замученной работой, частыми родами, вознёю с детьми, чужд и непонятен муж, который по ночам, согнувшись в три погибели над столом, всё что-то пишет при тусклом свете керосиновой двадцатикопеечной лампы. Мужикам-однодеревенцам тоже непонятен и подозрителен этот человек, который и говорит и думает не так, как привыкли они. Впрочем, нет надобности рассказывать о жизни С.Подъячева, – он сам достаточно красноречиво говорит о ней.

Но вот какие мысли возбуждают его рассказы: лет пятьдесят почти все русские писатели усиленно и чувствительно изображали русского мужика как существо особого типа, которое прежде всего жаждет «божьей правды», а затем земли. Писали как о пьянице «с горя и с радости», о драчуне, для которого убить человека – пустое дело, а также как о «богоносце», призванном спасти мир неисчерпаемой силой веры в торжество правды. Жизнь деревни писатели рисовали мягкими, светлыми красками, искренно и громко восхищаясь простотою деревенского быта; указывали, что в этой простоте таится великая мудрость, что из деревни снизойдёт на город ясный свет истины. Говорили даже о «святости» деревенской жизни, указывая, что там надо учиться жить грешным и беспокойным людям, которые создали шумную, сложную, суетливую, распутную жизнь города и погибают, мучаются в ней, как в грязном аду. Многие восхищались способностью мужика «терпеть», – терпеливый человек весьма полезен для людей, одержимых нетерпеливой жадной спокойной жизни.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma. Особенно восхвалял мудрость деревенской жизни и детски ясную простоту мужицкой души великий Л.Н. Толстой; подражая его убедительному голосу, так же говорили ещё многие, например, Эртель и другие, менее значительные писатели смешанного толстовско-народнического направления; они убеждали читателя в правильности своих взглядов на деревню не качеством сладчайших рассказов о ней, а количеством их; для этой группы писателей деревня была идолом, которому они искренно и непрерывно служили торжественную литургию умиления, восхищения и сострадания.

В этом хоре славословий тонула даже предостерегающая речь великолепного наблюдателя деревенской жизни и великого умника Глеба Успенского; но всё-таки, благодаря его влиянию, а также силе идей социал-демократии, отношение к мужику и деревне постепенно изменяется, переходя в начале девяностых годов в более критическое и вдумчивое отношение. Это отношение было встречено публикой и журналистикой не очень приветливо, ибо трудно поколебать устойчивость привычных взглядов и настроений идолопоклоннических.

В художественной литературе первый сказал о мужике новое и веское слово В.Г. Короленко в рассказе «Река играет», затем А.П. Чехов написал один за другим три замечательных рассказа: «Мужики», «Новая дача» и «В овраге», – его рассказы были приняты народнически верующей публикой враждебно, как хула на мужиков. Но вслед за Чеховым ещё более определённо отрицательно начал писать о деревне И.А. Бунин; его отношение к ней и к мужику особенно сурово в рассказах «Ночной разговор», «Сто восемь», «Захар Воробьёв» и в большой повести «Деревня».

Всего красноречивее и убедительнее в пользу правдивости и верности наблюдений Бунина и Чехова над жизнью деревни говорит сама деревня устами писателей-мужиков: подмосковного мужика Семёна Павловича Подъячева и орловского – Ивана Егоровича Вольнова, в книге которого «Юность» деревня окрашена ещё более мрачными красками, чем краски Бунина и Чехова.

Подъячеву и Вольнову надо верить: они сами деревенские люди, оба живут жизнью деревни и не могут не знать, не чувствовать её.

Тут возникает вопрос: почему же писатели-мужики так резко разошлись с Л.Н. Толстым и народниками в оценке деревни?

Несомненно, в деревне много грустной поэзии, она и увлекает нас по пути к ошибкам чувствительности, но неизмеримо значительнее и по существу и по объёму проза деревни, её всё ещё животво-эпическая проза. Деревенские идиллии, которые так восхищали и умиляли «народников» всех толков и направлений, слишком мало заметны в сплошной драме будничной жизни крестьянина.

Косность деревни может быть побеждена только крупной промышленностью. Нужно создать чудовищное количество сельскохозяйственных машин, – только они убедят мужика, что собственность – цепь, которой он скован, как зверь, что она духовно не выгодна ему, что неразумный труд – не продуктивен и что только дисциплинированный наукой, облагороженный искусством разум может явиться честным вожакom по пути к свободе и счастью.

Беспощадно изображая слепоту и глухоту русской деревни, Подъячев никогда не забывал, что пишет он о людях, хотя весьма «чёрненьких», но о людях, из среды которых, несмотря на звериные условия её быта, всё чаще являются Чаплыгины, Есенины, Клюевы, Иваны Вольновы и т. д.

Не помню, кто писал – и написано ли? – о том, как мужик любит и ревнует, как он слагает песни от горя и печали своей жизни и вообще каков он внутри самого себя. Насколько я помню, Семён Подъячев первый очень просто и страшно показал в своём рассказе «Зло», как мужик ревнует жену. Пробовал показать это А. Эртель (в рассказе «Две пары»), но, делая это лишь для того, чтобы уличить господ в духовной импотенции, он пересластил деревенского парня и девицу в такой мере, что получились не люди, а тульские пряники.

Когда я познакомился с С.П. Подъячевым, я увидел в нём одного из тех талантливых русских людей, которых я на путях моих встречал десятками. Много талантливых русских людей, как известно, погибает в бессмысленной каторге труда, в кабаках и трущобах, и немало среди них таких, которые гибнут лишь потому, что им лень сделать усилие для того, чтобы выкарабкаться из адовой жизни.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
У Семёна Павловича Подъячева тоже были все условия для того, чтобы погибнуть. Но он выдержал суровый экзамен на крупного и полезного стране своей человека и рассказал нам о жизни деревенской много такого, чего другие не могли рассказать. Его имя останется в истории русской литературы как имя человека, изобразившего деревню во всей её жути, которая – надо верить – скоро и навсегда издохнет. Читая его книги, современная молодёжь не оглянется назад с тем сожалением, с каким старики шестидесятых – семидесятых годов оглядывались на крепостное право, а старики наших дней вспоминают житышко до революции. Книги Подъячева возбуждают ненависть к прошлому, а в прививке этой оздоровляющей ненависти нуждается гораздо большее число людей деревни и города, чем думают оптимисты.

Семён Павлович Подъячев – русский писатель, правдивый и бесстрашный друг людей; он вполне достоин, чтобы его читали вдумчиво и много.

И.В. Вольнов. Юность. Повесть.

Изд. «Земля и фабрика» (ЗИФ), 1926 г.

Цена 1 руб. 10 коп.

Предисловие [к книге Л.-П. Локнера «Генри Форд и его «Корабль мира»]
Перед нами книга, повествующая о человеке необыкновенном, о дон-Кихоте Соединённых Штатов. В страшные дни мерзкой войны он один из первых заговорил о мире – словами вескими и жизненными. Правда, эта причуда скудоумного мудреца, заранее обречённая на неудачу, кончилась тем, что Форд стал фабриковать средства для уничтожения людей.

Л.-П. Локнер расскажет о том, как и почему этот проповедник мира превратился в орудие истребления человечества. Я же воспользуюсь случаем и, руководимый всё ещё бессмертной верой в разум человеческий, попытаюсь обратиться к читателю с несколькими словами о приближающемся грозном бедствии. Сделаю это в надежде, что не перевелись ещё люди, сохранившие живое чувство ответственности перед историей и потомством.

Книга Локнера, при прочих её достоинствах, хороша уже тем, что она своевременна, как своевременна всякая умная и честная попытка обуздать расходившуюся стихию глупости или иные животные проявления человека.

Снова, как хищные звери, ощерились народы Европы и скалят друг на друга зубы. Снова охватил их припадок бешенства, влекущий к кровопролитию и разгрому. Близок миг, когда они опять вцепятся друг другу в горло и начнётся схватка, – схватка, угрожающая стать ещё более постыдной, чем всё то, что испытано уже за четыре года крови и ужасов. И на этот раз она кончится полным распадом культуры и мирового хозяйства.

В предвидении новой бойни промышленники Соединённых Штатов запасают, по-видимому, горы военного снаряжения, чтобы скорейшим и блистательнейшим образом искалечить и уничтожить миллионы людей. «Дело – так дело; дело стоять не может, не так ли?» А ведь доказано, что самое прибыльное дело – это обращать людей в калек и покойников. Выгодно торговать алкоголем, опиумом и другими наркотиками, но выгоднее всего – военные подряды и поставки. В том числе и поставки газов.

Известно, что этот новый, особо основательный способ укладывать одним махом тысячи людей применён впервые в мировой войне, – этого обстоятельства забывать не следует: тут не только исходный пункт нового «научного завоевания», тут новая эра в истории массовых убийств.

Если Эджвудский арсенал поставлял в последнюю войну ежедневно 200 000 газовых бомб, то смеем надеяться, что для новой мировой бойни он в состоянии будет изготавливать по два миллиона этих страшных штук. Человечество может пребывать в мире и чувствовать себя в безопасности, ибо меры принимаются энергичные – поскольку речь идёт об его истреблении.

Все специалисты по части уничтожения людей сходятся в том, что ближайшая война будет «газовой» войною. Майор В. Лефевр, чьей книге «Рейнская проблема»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma предпослано хвалебное предисловие таких авторитетов в Тамерлановом искусстве, как маршал Фош и сэр Генри Вильсон, – майор Лефевр говорит:

«Будут открыты, по всей вероятности, новые газы, действующие непосредственно на определённые органы человека, например, на мозг или на другие центры, от которых зависит психическое и нравственное равновесие человека.»

Средство совершенно новое и весьма действенное – превращать людей тысячами в дураков в подлинном смысле этого слова, в сумасшедших, в идиотов и кретингов. Надо думать, что правительства, столь заботливо оберегающие жизнь своих подданных, не преминут украсить землю многими тысячами больниц для призрения несчастных сумасшедших, жертв грядущей войны. Майор Лефевр называет далее:

«Перед лицом бесчисленных возможностей, заключённых ещё в органической химии, и при беспредельной утончённости методов их познания и применения химическая война становится, пожалуй, наиболее волнующей проблемой в деле воссоздания вселенной.»

В высшей степени оригинальная система «воссоздания вселенной»! Мир будет воссоздан при помощи орудий уничтожения миллионов представителей одарёнейших рас нашей планеты, путём истребления европейцев, арийцев – людей, создавших лучшую из всех культур, искусства чудодейственной мощи и победоносную науку, – науку, которая, в конце концов, должна честно и хладнокровно служить целям самоубийства и самоуничтожения. Ибо, если начинённые газами бомбы градом посыплются на города, они не пощадят, конечно, университетов и лабораторий, а заодно и профессоров, истинных творцов науки разрушения.

Можно допустить, пожалуй, что в широких народных массах – в «пушечном мясе» – возгорится, в конце концов, огонь разума и, просветлённые им, невежественные люди сумеют правильно оценить ту роль, которую сыграла наука в деле угашения жизни. Я знаю, конечно, что это фантастическое предположение. Я хорошо помню, как «массы» с энергией, достойной лучшей участи, занимались четыре года сплошь взаимным истреблением, а потом, покончив с этим скверным и кровавым делом, завершившимся одинаково невыгодно для всех участников, они и по сей день не уразумели, что иначе оно и не могло кончиться. Я знаю, – и это гораздо хуже, – они и теперь готовы к борьбе, готовы использовать «научные завоевания» для уничтожения производительных и творческих сил Европы, то есть для самоуничтожения.

Замечу мимоходом, что в составе вооружённых масс были сотни тысяч социалистов и гуманистов и что все миллионы этих самоубийц – христиане.

Вот уже тридцать лет, как я разрешаю себе сомневаться в том, что общество, среди которого я живу, действительно исповедует христианство и человечность, хоть европейская литература и пытается упорно уверить меня в неосновательности моих сомнений. Европа и Америка всюду значатся христианскими странами; принято считать, что оба материка населены в значительной своей части человеческими существами, исповедующими христианскую религию и постигающими её. Литературе я верю больше, чем людям. Но один из этих христиан, известный английский лётчик полковник Мур, говорит:

«Трагедия воздушной войны заключается в практической невозможности защититься от внезапного нападения.»

Другой «аэроспец» на вопрос, как приспособить воздушный флот для целей обороны государства, отвечает так:

«Всё это ни к чему. Военному ведомству остаётся только одно – заготовить в достаточном количестве пилюли с быстродействующим ядом и распределить их, по объявлении войны, среди населения. Только таким путём можно избавить людей от мучительной смерти, неминуемо грозящей им в волнах ядовитого газа, среди грохота взрывающихся и горящих зданий.»

Вот она, страшная гримаса скорченного в смертной агонии гуманизма; вот она, заповедь из библии наших дней, гласящая: «Если любишь ближнего своего, убей его немедленно».

Картина надвигающейся войны представляется взору одного из знатоков этого искусства в следующем виде:

«В одну прекрасную ночь несколько тысяч бесшумно работающих летательных машин, не дожидаясь совершенно излишнего объявления войны, облетят со скоростью 200–300 километров в час все наши города, держась на высоте, недоступной человеческому глазу. Каждый аппарат может сбросить бомбу, содержащую около 200 фунтов тринитротолуола. Одной такой бомбы достаточно, чтобы обратить в развалины целые кварталы Лондона. Прицельные приспособления этих аэропланов обладают такой точностью, что бомба с высоты 6000 футов попадает в дымовую трубу военного судна.»

Это – цитата из доклада председателя воздушной комиссии британского парламента. Другой специалист добавляет:

«Аэропланы будут сбрасывать бомбы, начинённые ядовитыми газами, а также бациллами холеры, чумы и других болезней. Техническая сторона этого дела разрабатывается в военных учреждениях.»

Как успокоительно всё-таки звучат слова: «техническая сторона разрабатывается...», в особенности, если вспомнить, что будущая война будет «войною в тылу», то есть войною против тех, кто, послав своих сыновей на фронт, остался в городах. Очень полезно и в высшей степени интересно – чтобы преисполниться отвращением – почитать книги, посвящённые технике будущей войны. Поразительно живо и необычайно убедительно развёртывают они картину злобного, неистового безумия, в которое погружено европейское общество и с которым оно всё больше сживается в XX веке христианской эры.

Говорят, где-то на земле существует наместник Христа; он именуется властителем миллионов людей, исполненных чистейшей веры в силу проповеди любви и братства. Говорят также, что люди по природе своей испытывают отвращение к убийству. Утверждают, наконец, что сотни тысяч социалистов, принимавших деятельное участие в войне 1914–1918 годов, настроены теперь против войны. Но в назревающих событиях я не вижу ничего, осязательно подтверждающего эти слухи. А ведь предстоящая война грозит обратить в прах очаги европейской культуры, а людей – тех, что не будут убиты, искалечены или повержены в безумие, – превратить в диких животных. Кто же заявит торжественный протест, кто вступит в борьбу с надвигающимся бедствием?

Я обращаюсь к женщинам, к матерям. Не только к двумстам семидесяти пяти тысячам женщин Америки, не только к миллионам европейских матерей, лишившихся своих сыновей в последнюю страшную войну, но и к тем матерям, которым грозит гибель детей завтра или через год. Почему молчите вы – вы, родившие их в муках? Почему не поднимете вы властного голоса против безумия, грозящего окутать мир облаком отравы? Вы, матери, единая и извечная сила, вновь и вновь засевающая опустошаемую смертью землю. Каждый миг под косою смерти падает где-нибудь человек, и каждый миг в каком-нибудь другом уголке земли женщина, торжествуя победу над стихией разрушения, дарует миру нового человека.

Грудью вскармливаете вы ребёнка, за руку вводите его в жизнь, в историю – как работника, трудом своим оплодотворяющего мир, как героя, как сподвижника человечества, как мудреца, как светлого мыслителя. Почему же так спокойны, так равнодушны вы перед лицом грозящей ему гибели?

Вы даровали миру Будду и Шекспира, Эдисона и Христа, Вашингтона и Вольтера, Толстого и Гёте; блеском и славою покрыли себя в веках тысячи и тысячи ваших сыновей. Они обогатили нашу жизнь великими открытиями, пламенем своей творческой мощи озарили наше существование; их труд, труд сыновей ваших, создал из зверя человека – лучшее из всего, что видано на земле. Как же можете вы допустить, чтобы рождённый вами человек снова принизился до зверя, до хищника, до убийцы?

Вас, матерей, миллионы и сотни миллионов! Зачем не крикнете вы безумным вашим детям:

«Довольно резни! Не смейте убивать друг друга. Мы родили вас для жизни, для труда, для творчества, для того, чтобы в жизни обрели вы радость, чтобы сделали её мудрой, правой и прекрасной. Долой воздушную войну, ядовитые газы и прочие дьявольские выдумки, назначенные для взаимного истребления!»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Матери! Жёны! Вам принадлежит голос, вам принадлежит право творить законы. Жизнь исходит от вас, и все, как одна, должны вы подняться на защиту жизни против смерти. Вы – вековечные ненавистницы смерти. Вы – та сила, что неустанно борется и одолевает.

Почему же в эти дни – дни вновь надвигающегося бедствия – не удерживаете вы сыновей ваших от проклятой бойни? Почему не поднимаете вы голоса в защиту жизни против тех, кто жаждет разрушения и гибели?

Почему?

Об Анатоле Франсе

На вопрос: что наиболее характерно и выгодно для Франции отличает дух её от духа других наций? – я ответил бы: мысль француза почти совершенно чужда фанатизма, и точно так же ей чужд пессимизм; французы-скептики кажутся мне учениками не Протагора и Пиррона, но – Сократа.

Сократ, как известно, поставил границы «суетному увлечению софистов страшной мощью разума», введя в анархическое буйство мысли, разрушавшей «ходячие истины», начало этики и установив, что объективная истина достижима волею человека при условии совершенной свободы мышления, направленного к самопознанию и познанию мира.

Разумеется, вполне возможно, что я знаю мало по истории духовного развития Франции и что мои суждения ошибочны. Но то, что я знаю, рисует мне гений француза счастливо лишённым фанатической и холодной самоуверенности, лишённым деспотического стремления непоколебимо, на века установить те или иные догматы, вогнать мысль в узкое русло той или иной системы и с придирчивой жестокостью инквизитора охранять неприкосновенность догматов и систем. Мне кажется, что прокрустово ложе, любимая мебель педантов, насилующих свободу познания, – эта мебель никогда не пользовалась во Франции особенной популярностью. И я нахожу как нельзя более естественным, что именно француз сказал:

«Мыслью, значит – существую».

Начиная с Рабле и Монтеня, который через века подаёт руку Вольтеру, скептицизм французов, в согласии с Сократом, утверждал необходимость просвещения. Рабле, устами «оракула бутылки», дал людям совет изучать природу, подчиняя её силы интересам человека, Монтень именует «шарлатанством» философию, которая «прячется от людей».

Не помню ни одной весёлой улыбки Джонатана Свифта, но монах Рабле умел смеяться, как никто не умел до него, и по сей день, вплоть до «Кола Брюньон» Ромэна Роллана, смех Рабле не умолкает во Франции, а хороший смех – верный признак духовного здоровья.

В других странах мы видим пессимистов-философов, пессимистов-поэтов, но я различаю пессимизм человека, который, чувствуя себя оскорблённым безуспешными поисками гармонии в мире и в себе самом, страстно прокликает и себя и мир; я различаю этот вид пессимизма от безнадёжной покорности пыткам духа и тела, столь обильным в мире нашем и требующим уничтожения. Поэтому я принимаю пессимизм Бодлера, но мне чуждо мрачное подчинение Ленау злему хаосу фактов. И я очень люблю повторять презрительные верные слова Бальзака: «Глупо, как факт».

Может быть, следует указать и на то, что о «закате Европы», о гибели европейской культуры меньше всего говорят и пишут во Франции.

Допустимо, что эти сопоставления, которые можно легко развить и расширить на все стороны жизни, читателю покажутся излишними, но, думая о гении Анатоля Франса, невозможно умолчать о духе наций. Как Достоевский и Толстой, каждый по-своему, показали с полнотою, совершенно исчерпывающей, душу русского народа, так, для меня, Анатоль Франс всесторонне и глубоко связан с духом своего народа. Вероятно, с русской стороны мне возразят против такого уравнивания, но это был бы спор о вкусах. И к тому же я сравниваю не эстетические величины, а лишь степень полноты, с которой выражен дух той или иной нации, а с этой точки зрения Анатоль Франс для меня совершенно равен величайшим гениям всех стран. К этому следует прибавить, что духовно здоровый человек кажется нам человеком несколько

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma упрощённым, что весьма ошибочно, вредно и свидетельствует только об искажении вкуса к жизни.

Я не стану говорить о красоте мысли Анатоля Франса, и, не зная его языка, я принужден молчать об изящной силе и богатстве его слова, хотя эти достоинства вполне ясно чувствуются даже в русских переводах его книг. Меня Анатоль Франс прежде всего изумляет своим мужеством и духовным здоровьем; поистине, это идеально «здоровый дух в здоровом теле». Он прожил жизнь свою в трудное время великих социальных катастроф, и я не помню, когда его зоркий разум ошибался в оценке событий, хотя должен сказать, что мне не вполне ясно, как связано его отношение к войне с отношением к идее коммунизма. Он в совершенной степени обладал сдержанностью аристократа духа, эта благородная сдержанность никогда не позволяла ему увеличивать печаль мира сего жалобами на людей и заявлениями о личных страданиях своих, а ведь несомненно, что этот удивительный человек страдал много и не только тогда, когда он мужественно работал над такой книгой, как «Остров пингвинов». В маленькой заметке «О скептицизме» он передаёт рассказ Иоанна Диакона:

Когда святой Григорий плакал при мысли о том, что император Траян осуждён навеки, бог избавил душу Траяна от вечных мучений: душа осталась в аду, но с этого времени не испытывала там ничего дурного.

Живя в грязном аду, так искусно, так образцово устроенном командующими классами Европы, Анатоль Франс, человек, внешне похожий на сатира и обладавший великой душой античного философа, изумительно зорко видел и чувствовал всё «дурное». Его большой нос ощущал все смрадные запахи ада, как бы тонки они ни были, и, как Сократ, Анатоль Франс и любил и умел открыть плохое в том, что ходячее мнение признавало хорошим. Его отношение к печальному «делу Дрейфуса», письмо по поводу травли Поля Маргерита и многое другое достаточно убедительно говорит, что безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса. Восхищаясь Пирроном, он находил учение древнего скептика «моральным учением».

И никто не чувствовал так хорошо относительность наших понятий о добре и зле: в рецензии на книгу Гюи де-Мопассана «Piege et Jean» он с мягкой иронией мудреца назвал «невинной» привычную людям тенденцию принимать относительное как абсолютное. В данном случае термин «невинность» по-русски звучит, как «наивность».

Он был твёрдо убеждён, что «мы знаем лишь одну реальность – нашу мысль. Это она творит мир». Он религиозно и неуклонно верил только в одну истину – красоту. В рецензии на книгу господина Бурдо, озаглавленной «Грехи истории», он сказал словами, отлитыми из чистого золота:

Если б мне нужно было выбирать между истиной и красотой, я не колебался бы: я бы оставил себе красоту в полной уверенности, что она заключает в себе истину, более высокую и более проникновенную, нежели сама истина.

Этикой Анатоля Франса была эстетика – этика будущего. Он в справедливости видел прежде всего красоту, мудро предчувствуя, что жизнь людей будет справедлива лишь тогда, когда её насытит красота. На мой взгляд, он и мысль ценил так высоко именно потому, что для него она являлась одним из наиболее совершенных воплощений красоты духа человеческого. Но он никогда не чувствовал себя орудием мысли, существом, подчинённым ей, мысль не являлась для него фетишем, и разум не был идолом его.

Анатоль Франс для меня – владыка мысли, он родил, воспитывал её, умел эффектно одеть словом, элегантно и грациозно выводил в свет весёлой, живой, иронически, но беззлобно улыбавшейся. Он управлял её капризными играми с лёгкостью гениального музыканта, который дирижирует оркестром, где все исполнители считают себя первоклассными талантами и субъективны до анархизма.

Разум, как всё в этом мире, стремясь к покою, слишком часто, торопливо и самонадеянно утверждает догматы, теории, системы, затрудняя этим свободу дальнейшей работы мысли над углублением и расширением наших понятий. Мне часто казалось, что Анатоль Франс видит разум физически воплощённым в существо странной формы: голова и гневное лицо Абадонны на теле крылатого паука, который торопливо стремится оплести, связать человека крепкой паутиной различных истин и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
этим поработить волю человека к познанию мира. Анатоль Франс иронически улыбался, видя это стремление части поработить сложное целое.

Если Анатоля Франса можно назвать рационалистом – это был рационалист, который дрессировал разум, как льва и змею. Он любил играть с ним и спорить, он его дразнил и раздражал. С простотой, которую я бы назвал изошённой, он постоянно указывал разуму на непрочность истин, утверждаемых им. Особенно сильны были удары логики Франса по толстой и грубой коже «ходячих истин». Я не помню ни одной, которой не коснулась бы справедливо прославленная ирония великого француза. И всегда всё то, о чём рассуждал аббат Куаньяр, о чём говорили у «Королевы Педок», обращалось в прах, обнажая непрочные, часто уродливые каркасы бумажных истин.

Мне кажется, я слышу, как Анатоль Франс, ни на минуту не теряя уважения к разуму, своему партнёру в игре, говорит ему со всею присущей французу любезностью:

«О да, вы, *Seigneur*, поистине велики, вы бесспорно великолепны, но, несмотря на ваш почтенный возраст, вы всё ещё слишком молоды, и абсолютное совершенство далеко от вас. Вы хорошо бунтуете, да, но мне кажется порою, что ваш бунт возбуждён вашим стремлением успокоить себя в уютном гнезде истины, и вы едва ли вообще способны к покою, хотя и желаете этого. Слишком многое начато вами, и нужно ещё больше, ещё более дерзко работать, предпочитая грубой ковке догматов творчество гипотез».

Излишне говорить о том, что в короне славы Франции, страны, которую трудно удивить талантом, имя Анатоля Франса будет сверкать века.

Те, кто решили написать над местом успокоения мудрого человека лаконические слова решили мудро. Эти слова вполне исчерпывают значение человека, который, обогатив наш мир сокровищами своего таланта, ушёл от нас затем, чтоб нам легче было всесторонне понять и оценить его творчество и обаятельный образ его.

[Предисловие к изданию сочинений А.С. Пушкина на английском языке]

Если б те люди Европы и Америки, в которых процесс чтения произведений подлинного искусства вызывает радостное и почти религиозное чувство восхищения красотой и мудростью духа человеческого, – если б эти люди знали творчество Александра Пушкина, они оценили бы его так же высоко, как высоко и справедливо оценено ими священное писание о человеке столь гениальных художников, каковы Шекспир, Гёте и другие этого ряда гигантов.

По диапазону творчества Пушкин всего ближе к Гёте, а если оставить в стороне научные интересы и домыслы последнего, творчество Пушкина окажется разнообразнее, шире всей массы достижений немецкого олимпийца.

Как-то чудесно, сразу после нашествия Наполеона, того, как русские люди в мундирах офицеров и солдат побывали в Париже, явился этот гениальный человек и на протяжении краткой жизни своей положил незыблемые основания всему, что последовало за ним в области русского искусства. Без Пушкина были бы долгие невозможны Гоголь – которому он дал тему пьесы «Ревизор», – Лев Толстой, Тургенев, Достоевский, – все эти великие люди России признавали Пушкина своим духовным родоначальником.

Пушкин – автор изумительных по силе и страстной нежности чувства лирических стихов, создатель таких эпических и мудрых поэм, каковы «Медный всадник», «Полтава», чудесных по изяществу сказок «Руслан и Людмила», «Русалка»; он изумительно, с блестящим юмором изложил гибким, звонким стихом мудрые сказки русского народа – «Золотой петушок», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике Балде»; он создал лучшую в русской литературе и до сего дня не превзойдённую историческую драму «Борис Годунов», вероятно, известную Америке по знаменитой опере Мусоргского. Как прозаик, он написал исторический роман «Капитанская дочка», где, с проницательностью историка, дал живой образ казака Емельяна Пугачёва, организатора одного из наиболее грандиозных восстаний русских крестьян. Его рассказы «Пиковая дама», «Дубровский», «Станционный смотритель» и другие положили основание новой русской прозе, смело ввели в литературу новизну тем и, освободив русский язык от влияния французского, немецкого, освободили и литературу от слащавого сентиментализма, которым болели предшественники Пушкина. Вместе с этим он явился основоположником того слияния романтизма с реализмом,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma которое и до сего дня характерно для русской литературы и придаёт ей свой тон, своё лицо.

Роман в стихах «Евгений Онегин» навсегда останется одним из замечательнейших достижений русского искусства и занял бы почётное место рядом с такими шедеврами европейской литературы, каковы «Страдания Вертера», «История Манон Леско», «Кларисса Гарлоу» и т. д.

Известно, что музыка пользуется лишь наиболее гениальными произведениями искусства слова и наиболее глубокими по смыслу легендами народа. Музыка использовала в форме опер целый ряд вещей Пушкина: «Руслан и Людмила», «Пиковая дама», «Дубровский», «Евгений Онегин», «Золотой петушок», «Царь Салтан», «Борис Годунов», «Цыганы», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Алеко» – все эти оперы написаны на текст Пушкина крупнейшими композиторами России: Глинкой, [Чайковским], Мусоргским, Римским-Корсаковым, Рахманиновым...

Такие его произведения, как «Скупой рыцарь», «Египетские ночи», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери», обнаруживают в Пушкине редкую даже и для гениальных художников слова способность таинственно проникать в дух и быт чужих стран, отдалённых эпох. На этих произведениях Пушкина особенно ярко сверкает печать неувядаемости, бессмертия, гениальной прозорливости.

Он был изумительный мастер эпистолярного стиля, письма Пушкина до сего дня не утратили значения лучших образцов этого стиля.

Трудно исчислить всё то поразительно талантливое, что написано Пушкиным. Его поэмы «Цыганы», «Братья разбойники», «Кавказский пленник» и другие – всё это классические образцы русского слова и стиха, а «сон Татьяны» в «Евгении Онегине» поражает искусным соединением фантастики с реализмом.

Пушкин написал также «Историю пугачёвского бунта», – это такая же попытка поэта говорить точным языком историка, как попытка Шиллера написать «Историю тридцатилетней войны».

Творчество Пушкина – широкий, ослепительный поток стихов и прозы, Пушкин как бы зажёл новое солнце над холодной, хмурой страной, и лучи этого солнца сразу оплодотворили её. Можно сказать, что до Пушкина в России не было литературы, достойной внимания Европы и по глубине и разнообразию равной удивительным достижениям европейского творчества.

В творчестве Пушкина чувствуется нечто вулканическое, чудесное сочетание страстности и мудрости, чарующей любви к жизни и резкого осуждения её пошлости, его трогательная нежность не боялась сатирической улыбки, и весь он – чудо.

Для историка литературы нет темы более значительной и сказочной, чем жизнь и творчество [Пушкина].

О Ромэне Роллане

Не было – и не может быть – таких эпох, когда не разрушалось бы нечто «вечное»; когда воля разума не стремилась бы разбить верования и суеверия, созданные волею его же, разума, его мучительными усилиями найти последнюю истину, несокрушимую уже и для его силы.

Не было, мне кажется, эпохи, когда люди Европы жили бы в столь трагическом состоянии безверия, бессилия, самоотрицания, как они живут теперь, ослеплённые ужасами проклятой бойни 1914–1918 годов и в ожидании ужасов повсеместной гражданской классовой войны.

Больше, чем когда-либо, разродилось людей, философия которых умещается в словах: «После нас – хоть потоп». Никогда ещё умственный и чувственный разврат не принимал таких отвратительных форм, как в наши дни. Никогда люди не отдавались так безвольно, так механически проституирующим влияниям действительности.

Можно ли в прошлом найти годы, когда бы люди так углублённо, с таким напряжением воли и ума трудились над изысканием средств взаимного истребления? И не было эпохи, столь нищенски бедной попытками создать идеологию гуманизма, милосердия. Говорить о гуманизме в наши дни одичания считается «дурным тоном». А если, по старой памяти, всё-таки кричат: «Пожалейте человека», – это кричат, не скрывая

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiy.ma
ненависти к людям и угрожая мстостью им.

О гибели, о «закате Европы» говорят и пишут с великим увлечением, остроумно и даже «со вкусом», но не слышно голосов, которые говорили бы о необходимости возрождения Европы.

Грозные дни. Всюду слышишь глухой шум разрушения, и так много злой печали везде. А когда люди веселятся, крики этого веселья напоминают мне отчаянно весёлую песню, созданную после 1906 года в тюрьмах России людьми, приговорёнными к смерти:

Последний нонешний денёчек

Гуляю с вами я, друзья...

Всё более оскорбляемые демонстративным бесстыдством роскоши командующего класса, рабочие люди организуются в общеевропейскую армию для того, чтоб железной метлой вымести вон из жизни изжитое, изгнившее и гниющее. Я искренно приветствую эту работу, хотя и помню, что не человек для революции, а революция для человека. И, разумеется, мне страшна и противна бессмысленность стихийных и раздражённых сил. Мне мучительно дороги жизнь и работа людей, неустанно творящих культурные ценности в наши мрачные дни.

Один – и не единственный ли? – из таких неумоимо упрямых людей – Ромэн Роллан. Я имею высокую честь считать его своим другом, и поэтому мне очень трудно говорить о нём. Ибо я не принадлежу к числу тех людей, которые находят необходимым говорить о друзьях своих, подчёркивая идеологические или иные «недостатки» друзей. И когда я читаю воспоминания или мнения таких людей о друзьях, я всегда почти вижу не написанный автором эпитафия к этим воспоминаниям: «Я – не хуже его» или: «Я – лучше его». По поводу таких друзей я думаю, что проклятие бога Адаму опубликовано в библии не всё; мне кажется, что после слов: «В поте лица твоего будешь ты есть хлеб твой» бог прибавил: «И друга дам в наказание тебе». Я уверен, что судьба избавит Ромэна Роллана от такого друга.

Не критик, я не стану говорить о нём – поэте, авторе «Трагедии веры», «Жана Кристофа» и превосходной, чисто галльской поэмы «Кола Брюньон». Это, может быть, самая изумительная книга наших дней. Нужно иметь сердце, способное творить чудеса, чтобы создать во Франции, после трагедий, пережитых ею, столь бодрую книгу – книгу непоколебимой и мужественной веры в своего родного человека, француза. Я преклоняюсь перед Романом Ролланом именно за эту его веру, которая звучит во всех его книгах, во всём, что он делает. Для меня Р.Роллан уже давно Лев Толстой Франции, но Толстой без ненависти к разуму, без этой страшной ненависти, которая была для русского рационалиста источником его великих страданий и так жестоко мешала ему остаться гениальным художником.

Говорят: Р.Роллан – дон-Кихот. С моей точки зрения, это лучшее, что можно сказать о человеке. В безжалостной к нам, людям, игре сил истории человек, который жаждет справедливости, – тоже сила и способен противостоять стихийности этой игры.

Владимир Ленин сумел доказать, что философия истории Льва Толстого очень далека от истины и что роль личности в истории не совсем такова, как её оценивал Карл Маркс. Р.Роллан упрям и смел, как настоящий француз, и поистине свободный человек. Нужно обладать крепкой верой в свою правду, чтобы в те дни, когда тысячи отживших людей, обрадованных смертью Ленина, злорадно ликовали, сказать им спокойно и кратко: «Ленин – самый великий человек дела нашего века и самый бескорыстный».

Р. Роллан – первый из литераторов Европы поднял свой голос против войны. Его за это многие возненавидели. Ещё бы – кто же способен любить человека за правду?

В «Очарованной душе» – он, сердцем художник, предчувствует рождение другой, доброй правды, давно необходимой миру. Он предвидит рождение новой женщины на смену той, которая помогает разрушать этот мир, – женщины, которая, поняв свою роль возбудителя культуры, хочет войти в мир властно и полноправно, как законнейшая хозяйка его и мать мужчин, ею созданных и ответственных перед нею за свои дела.

Меня удивляет стойкость любви Ромэна Роллана к миру и человеку; я завидую его крепкой вере в силу любви. Я не считаю его оптимистом, он – идеальный стоик. Он,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
видимо, очень глубоко прочувствовал истину, скрытую в одной русской поговорке: «Всё пройдёт, только правда останется». Мужественно, не закрывая глаза на те неисчислимые страдания, которые, терзая людей, проходят, чтобы оставить нам чистую и прекрасную правду, Р. Роллан уверенно делает своё дело поэта и мыслителя.

Я никогда не видел его, но думаю, что глаза Роллана спокойны и печальны, а голос тих, но твёрд.

И я счастлив знать, что во Франции, любимой мною с детства моего, есть такой прекрасный человек и такой сердечный художник, как Р. Роллан.

Рабочим «Правды»

Путём переписки, товарищи, не многого достигнешь. Да и трудно было бы мне: ведь пришлось бы писать большие статьи, разбирая фразу корреспонденции слово за словом. А я сейчас работаю не менее десяти часов в сутки. Вот если бы я был в Москве, то тогда мы бы устроили устные беседы, я бы у вас кое-чему поучился, а вы, может быть, поучились бы у меня.

Должен сказать, что некоторые из вас уже очень хорошо, даже отлично делают своё дело. И вы, и селькоры. Недавно какой-то селькор в «Правде» изобразил свадьбу предволисполкома Ралая, – это было сделано мастерски. Именно изобразил, а не анекдот рассказал. Читаешь и видишь морду Ралая, пьяные его глаза, слышишь голос, пропитой голос, сипит Ралай. Хорошо! Акульшин, кажется, тоже начал с работы селькора.

Многие из вас любят «мораль пущать». Это занятие не очень полезное. Лучше бейте смехом. А суровое слово должно звучать кратко, как удар. Но, осуждая, надобно помнить, что судите вы товарищей, которым очень трудно живётся и которыми ещё не понято, как огромны требования нынешнего исторического дня. И понять это – трудно им, времени не хватает. Не все глупы потому, что ленивы, другой и был бы умён, да – времени нет. На путях, которыми я шёл, погибли из-за недостатка времени сделать себя людьми, какими они могли бы быть, парни более одарённые, чем я. Этого, этих гибелей я никогда не забуду.

Очень хорошо, что вы хотите учиться. Я знаю, что жить вам нелегко. И если эта нелёгкая жизнь всё-таки не гасит вашего стремления учиться, делать дело, взятое вами на себя, как можно лучше, значит – научитесь.

Крепко жму ваши руки. Желаю бодрости всем вам и хорошей крепкой дружбы. Держитесь плотней друг к другу, умеете помочь один другому пережить тяжёлые часы и дни.

М. Горький

Сорренто 17 июня 1926 г.

О М.М. Пришвине

Писать о Вас, Михаил Михайлович, нелегко, потому что надобно писать так же мастерски, как пишете Вы, а это, я знаю, не удастся мне.

И есть какая-то неловкость в том, что М. Горький пишет нечто вроде пояснительной статьи к сочинениям М. Пришвина, оригинальнейшего художника, который почти уже двадцать пять лет отлично работает в русской литературе. Как будто я подозреваю читателей в невежестве, в неумении понимать.

Неловко мне писать ещё и потому, что хотя работать я начал раньше Вас, но, внимательный читатель, я многому учился по Вашим книгам. Не думайте, что я сказал это из любезности или из «ложной скромности». Нет, это правда, – учился. Учусь и по сей день, и не только у Вас, законченного мастера, но даже у литераторов моложе меня лет на тридцать пять, у тех, которые только что начали работать, чьи дарования ещё не в ладах с умением, но голоса звучат по-новому сильно и свежо.

Учусь же я не только потому, что «учиться никогда не поздно», но и потому, что человеку учиться естественно и приятно. А прежде всего, конечно, потому, что художник может научиться мастерству только у художника.

Учиться я начал у Вас, Михаил Михайлович, со времён «чёрного араба», «Колобка», «Края непуганных птиц» и так далее. Вы привлекли меня к себе целомудренным и чистейшим русским языком Ваших книг и совершенным умением придавать гибкими сочетаниями простых слов почти физическую осязаемость всему, что Вы изображаете. Не многие наши писатели обладают этим умением в такой полноте и силе, как Вы.

Но, вчитываясь в книги Ваши, я нашёл в них ещё одно, более значительное достоинство и уже исключительно Ваше; ни у кого другого из русских художников я его не вижу.

Писать пейзаж словами у нас многие очаровательно умели и умеют. Стоит вспомнить И.С. Тургенева, аксаковские «Записки ружейного охотника», превосходные картины Льва Толстого. А.П. Чехов «Степь» свою точно цветным бисером вышил. Сергеев-Ценский, изображая пейзаж Крыма, как будто Шопена на свирели играет. Есть и ещё много искусного, трогательного и даже мощного в изображении пейзажа нашими мастерами слова.

Я очень долго восхищался лирическими песнопениями природе, но с годами эти гимны стали возбуждать у меня чувство недоумения и даже протеста. Стало казаться, что в обаятельном языке, которым говорят о «красоте природы», скрыта бессознательная попытка заговорить зубы страшному и глупому зверю Левиафану – рыбе, которая бессмысленно мечет неисчислимые массы живых икринок и так же бессмысленно пожирает их. Есть тут что-то похожее на унижение человеком самого себя пред лицом некоторых загадок, ещё не разрешённых им. Есть нечто «первобытное и атавистическое» в преклонении человека пред красотой природы, – красотой, которую он сам, силою воображения своего, внёс и вносит в неё.

Ведь нет красоты в пустыне, красота – в душе араба. И в угрюмом пейзаже Финляндии нет красоты, – это финн её вообразил и наделил ею суровую страну свою. Кто-то сказал: «Левитан открыл в русском пейзаже красоту, которой до него никто не видел». И никто не мог видеть, потому что красоты этой не было, и Левитан не «открыл» её, а внёс от себя, как свой человеческий дар Земле. Раньше его Землю щедро одаряли красотой Рюйсдалъ, Клод Лоррен и ещё десятки великих мастеров кисти. Великолепно украшали её и ученые, такие, как Гумбольдт, автор «Космоса». Материалисту Геккелю угодно было найти «красоту форм» в безобразнейшем сплетении морских водорослей и в медузах, он – нашёл и почти убедил нас: да, красиво! А древние эллины, тончайшие знатоки красоты, находили, что медуза отвратительна до ужаса. Человек научился говорить прекрасными, певучими словами о диком рёве и вое зимних метелей, о стихийной пляске губительных волн моря, о землетрясениях, ураганах. Человеку и слава за это, пред ним и восторг, ибо это сила его воли, его воображения неутомимо претворяет бесплодный кусок Космоса в обиталище своё, устрояя Землю всё более удобно для себя и стремясь вовлечь в разум свой все тайные силы её.

Так вот, Михаил Михайлович, в Ваших книгах я не вижу человека коленапреклонённым пред природой. Да на мой взгляд, и не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, – о Земле, Великой Матери нашей. Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармонического сочетания любви к Земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у Вас.

Отлично знаете Вы леса и болота, рыбу и птицу, травы и зверей, собак и насекомых, – удивительно богат и широк мир, познанный Вами. И ещё удивительней обилие простейших и светлых слов, в которые Вы воплощаете любовь Вашу к Земле и ко всему живому её, ко всей «биосфере». В «Башмаках» вы говорите: «Ничего нет трудней, как говорить о хорошем», я думаю, что это лишь потому, что – как там же, в «Башмаках», – сказано Вами: «Хочется довести силу слова до очевидности физической силы».

Читая «Родники Берендея», я вижу Вас каким-то «лепообразным отроком» и женихом, а Ваши слова о «тайнах земли» звучат для меня словами будущего человека, полновластного владыки и Мужа Земли, творца чудес и радостей её. Вот это и есть то совершенно оригинальное, что я нахожу у Вас и что мне кажется и новым и бесконечно важным.

Обычно люди говорят Земле:

– Мы – твои.

Вы говорите ей:

– Ты – моя!

А это так и есть: Земля более наша, чем привыкли мы о ней думать. Замечательный русский ученый Вернадский талантливо и твёрдо устанавливает новую гипотезу, доказывая, что плодородная почва на каменной и металлической планете нашей создана из элементов органических, из живого вещества. Это вещество на протяжении неисчислимого времени разъедало и разрушало твёрдую, бесплодную поверхность планеты, вот так же, как до сего дня лишай-«камнеломки» и некоторые другие растения разрушают горные породы. Растения и бактерии не только разрыхлили твёрдую кору земли, но ими создана и атмосфера, в которой мы живём, которой дышим. Кислород – продукт жизнедеятельности растений. Плодородная почва, из которой мы добываем хлеб, образована неисчислимым количеством плоти насекомых, птиц, животных, листвою деревьев и лепестками цветов. Миллиарды людей удобрили Землю своей плотью; поистине, это – наша Земля.

И вот это ощущение Земли как своей плоти удивительно внятно звучит для меня в книгах Ваших, Муж и Сын Великой Матери.

Я договорился до кровосмешения? Но ведь это так: рождённый Землёю человек оплодотворяет её своим трудом и обогащает красотой воображения своего.

Вселенная? Благоустройством вселенной искусно и усердно занимаются космологи, астрономы, астрофизики. Уму и сердцу художника ближе и важнее благоустройство его Земли. Космические катастрофы не так значительны, как социальные. Оттого, что где-то в недрах Млечного Пути угаснет чужое нам солнце, наше небо не станет беднее и темней. Солнце вспыхнет снова, но вот уже прошло девяносто лет, а новый Пушкин не родился.

Тайны Космоса не столь интересны и важны, как изумительная загадка: каким чудом неорганическое вещество превращается в живое, а живое, развившись до человека, даёт нам Ломоносовых и Пушкиных, Менделеевых и Толстых, Пастера, Маркони и сотни великих мыслителей, поэтов – работников по созданию второй природы, творимой нашей человеческой мыслью, нашей волею?

По Вашим книгам, Михаил Михайлович, очень хорошо видишь, что Вы человеку – друг. Не о многих художниках можно сказать это так легко и без оговорок, как говоришь о Вас. Ваше чувство дружбы к человеку так логически просто исходит из Вашей любви к Земле, из «геофилии» Вашей, из «геооптимизма». Иногда кажется, что Вы стоите на какую-то одну ступень выше человека, но это отнюдь не унижает его. Это вполне оправдано Вашей сердечно зоркой дружбой к нему, каков бы он ни был: элой по нужде или добрый по слабости, мучитель из ненависти к мукам или жертва из привычки покорствовать фактам. Ваш человек очень земной и в хорошем ладу с Землёю. У Вас он более «гео- и биологичен», чем у других изобразителей его, он у Вас – наизаконнейший сын Великой Матери и подлинная живая частица «священного тела человечества». Вы как-то особенно глубоко и всегда помните, насколько мучителен и чудесен был путь его от эпохи кремневого топора до аэроплана.

А главное, что восхищает меня, – это то, что Вы умеете измерять и ценить человека не по дурному, а по хорошему в нём. Эта простая мудрость усваивается людьми с трудом, да и усваивается ли? Мы не хотим помнить, что хорошее в человеке – самое удивительное из всех чудес, созданных и создаваемых им. Ведь, в сущности-то, у человека нет никаких оснований быть «хорошим», доброе, человеческое не поощряется в нём ни законами природы, ни условиями социального бытия. И всё-таки мы с Вами знаем немало воистину хороших людей. Что делает их такими? Только – желание. Иных мотивов я не вижу: человек хочет быть лучше, чем он есть, и это ему удаётся. Что на Земле нашей более великолепно и удивительно, чем это сложнейшее существо, хотя исполненное противоречий, но воспитавшее в себе страшную силу воображения и дьявольскую способность всесторонне осмеивать себя самого?

Любоваться человеком, думать о нём я учился у многих, и мне кажется, что знакомство с Вами, художником, тоже научило меня думать о человеке – не умею сказать, как именно, но – лучше, чем я думал.

И особенно русский человек после того, что пережито, и при том, что переживается

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
им, заслуживает какого-то иного, более повышенного отношения к нему, более
внимательного и почтительного. Разумеется, я очень хорошо вижу, что он всё ещё
не ангел, но – мне и не хочется, чтоб он был ангелом, я хотел бы только видеть
его работником, влюблённым в свою работу и понимающим её огромное значение.

Для всех нас, встающих на ноги к творчеству новой жизни, глубоко важно, чтоб мы
почувствовали себя очень родными и близкими друг другу. Этого требует суровое
время, в которое мы живём, и грандиозная работа, за которую мы взялись.

«Еже писах – тисах».

Вероятно – в чём-то ошибся и что-то преувеличил. Но может быть, я и ошибся и
преувеличил, зная, что делаю, ибо, как известно, я человек умствующий и в
некотором отношении заносчивый. Я думаю, что ошибаться в ту сторону, куда
ошибаюсь я, – не вредно, ибо я делаю это не потому, что намерен утешить себя или
ближних «возвышающим обманом», а по предчувствию, что ошибаюсь в сторону той
правды, которая неизбежно осуществится, которая одна только и необходима людям,
которой они и должны воодушевить самих себя, Мужей Земли.

Заметки читателя

Одно из самых крупных событий XX века – то, что человек, научившись летать над
землёю, тотчас же перестал удивляться этому. Утрату человеком удивления пред
выдумками его разума, пред созданием его рук я считаю фактом огромной важности,
и мне кажется, что человек XX века начинает думать уже так:

«Летаю в воздухе, плаваю под водою, могу передвигаться по земле со скоростью,
которая раньше не мыслилась, открыл и утилизирую таинственный радиум, могу
разговаривать с любой точкой планеты моей по телефону без проволок, как будто
скоро уже открою тайну долголетия. Что там ещё скрыто от меня?»

И, дерзко, упорно исследуя хитрости природы, главного врага его, человек всё
быстрее овладевает её силами, создавая для себя «вторую природу». При этом он
продолжает жить в высшей степени скверно и всё сквернее относится к «ближнему»,
к подобному себе.

Я думаю, что скверненькая жизнь так и будет продолжаться до поры, пока человек
не поймёт, что его основным свойством должно быть удивление пред самим собою.
Пред самим собою во всей полноте своих творческих сил он ещё никогда не
удивлялся, а ведь в мире нашем только это, только силы его разума, воображения,
интуиции и неутомимость его в труде действительно достойны изумления.

Странно, даже несколько смешно наблюдать удивление человека пред граммофоном,
кинематографом, автомобилем, но – неутомимый творец множества остроумных
полезностей и утешающих забав – человек не чувствует удивления пред самим собою.
Вещами, машинами любят так, как будто они явились в наш мир своей волею, а не
по воле существа, создавшего их.

Человек значит неизмеримо больше, чем принято думать о нём, и больше того, что
он сам думает о себе. Говоря так, я говорю о совершенно конкретном человеке,
украшенном множеством недостатков и пороков, о великом грешнике против ближнего
и против себя самого. Известно, что он служит вместилищем семи смертных грехов.

Завистлив, но, тысячелетия завидуя полёту птиц, научился и сам летать птицей.

Жаден до чужой силы, но, питаясь ею, создал бесчисленное количество
разнообразных сокровищ и, в их числе, великолепные машины, уже значительно
облегчающие тяжесть труда его.

Любоострастен, но в греховном тяготении своём к женщине выдумал, для соблазна её
и для украшения себя, поэзию бессмертной красоты.

Лжив, – выдумал то, чего не было: прекрасные мифы, весёлых богов Олимпа – и
Прометея, врага им; выдумал Валгаллу и Сатану, множество волшебных сказок и
необыкновенных людей – дон-Кихота, Робинзона Крузо, Гамлета, Фауста и десятки
подобных.

Скуп, ибо слишком любит копить пустяки и всё-таки слишком жалеет тратить силы

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma свои для достижения лучшего, чем то, чего он уже достиг.

Горд, но я думаю, что это не грех, потому что с той поры, как он начал ходить на задних ногах, а передние развил как искуснейшее орудие всех орудий, он имеет право гордиться собою.

Ленив, – вот самый тяжкий из всех смертных грехов его, именно благодаря лени и преждевременному стремлению к покою, он так медленно изменяет постыдные и мучительные условия его жизни.

Затем я бы сказал о человеке так: это самое загадочное существо из всех населяющих землю, существо, одарённое безграничной силою воображения, неутомимой жадной творчества, дерзкой страстью к разрушению содеянного им, замечательной способностью всесторонне осмеивать самого себя и неумением удивляться себе самому. Вероятно, мудрецы, которые предпочитают видеть человека в звериной шкуре, скажут, что я украсил его хвостом павлина.

Кроме смертных грехов, часть которых только украшает его, человек – как это известно – испачкан и засорен множеством мелких, дрянненьких грешков.

Но я не моралист, это ясно из сказанного выше, копаться в хламе дрянненьких грешков я не стану, считая такое занятие крайне вредным. Вредным – потому что пристальное рассматривание и подчёркивание маленьких человеческих слабостей как раз и устанавливает удобный для строгих судей мира, но унижающий человека «бытовой» взгляд на него как на ничтожество по природе. Взгляд этот очень приятен любителям «духовной чистоты», кротости и покорности некоторым издревле «господствующим идеям», на коих и основано «общество», ныне изгнившее до корней своих.

Этот взгляд разрешает относиться к человеку как, примерно, к сырью или – в лучшем случае – «полуфабрикату». Попирая человека «под ноги своя», моралисты монументально возвышаются над ним, и это их вполне удовлетворяет.

Разумеется, я не буду спорить против того, что человек иногда охотно оправдывает звание ничтожества, я сам нередко видел и вижу его таковым. Но я твёрдо знаю, что по силе условий «социального воспитания» человеку очень легко быть «плохим» и что у него слишком мало причин быть «хорошим», а если он всё-таки хорош, так это – его личная заслуга. Со стороны своей «плоховатости» человек мало интересен, и не этим он удивителен.

Для меня человек, по природе его, – великомученик, у которого нет желания сделаться святым, и, погрузясь в дела мира сего, он стал просто великим человеком. Дефо, Ломоносов, Руссо, Пушкин, Байрон, Мусоргский, Менделеев, Лессепс и сотни подобных – вот что есть человек по природе своей. Надеюсь, я никого не обижу, напомнив, что некоторые из названных мною гениальных людей были людьми весьма «сомнительной нравственности».

Отсюда, конечно, не следует, что, почувствовав приступы гениальности, необходимо скандалить, как это делали и делают некоторые из современных молодых литераторов на Руси. В возрасте между пятнадцатью и двадцатью пятью годами почти все люди чувствуют себя гениями, но в большинстве случаев это нечто, подобное ложной беременности: симптомы те же самые, как и при настоящей, а внутри – пусто.

Мне кажется, что было бы очень полезно смотреть на жизнь «пессимистически», а к человеку относиться со всем возможным оптимизмом.

Противоречие? Нет, почему же? Жизнь всё ещё, покамест, неудачная работа прекрасных мастеров.

Такой взгляд на человека уже не разрешает рассматривать его как ничтожество, как материал для построения чьего-то благополучия – и вместе с тем этот взгляд способствует росту чувства неудовлетворённости человека своею работой. Жизнь будет всегда достаточно плоха для того, чтоб желание лучшего не угасало в человеке.

В начале XIX века было сказано:

«Государства создаются того ради, дабы обуздывать своеволие людей и пресекать дерзостные фантазии разума их».

Очень хорошо сказано в смысле искренности, прескверно по существу.

Но вот десять лет тому назад в России возникла новая форма государства, и цель его, как я понимаю, – дать свободу творческим силам всей массы народа. Этот народ особенно нуждается в изменении привычной, глубоко вкоренившейся в нём оценки человека как ничтожества. Фантастическая работа, которая начата у нас, напряжение, с каким она творится, наконец, те результаты, которые эта работа уже даёт, – всё это как нельзя лучше говорит в пользу взгляда, что человек вообще лучше того, как о нём привыкли думать.

Вероятно – спросят:

«Но почему же всё человек, человек, когда нужно говорить о творчестве масс? Нет ли тут индивидуализма?»

Я думаю – есть некоторая доза, но нет никаких причин опасаться её, ибо, как известно, в небольших дозах яды полезны организму. Фосфор – яд, но без него не проживёшь. Бесспорно, что масса – «радиоактивное вещество», но необходим ряд условий для того, чтоб извлечь из неё чистый радий.

В Советской Республике условия эти частью уже созданы и продолжают непрерывно развиваться. Культурный рост рабочего и крестьянина – факт неоспоримый. Следует сказать, что ещё не было и нет государственной организации, которая заботилась бы о культурном воспитании народа так умело и усердно, как это делается в России. Я говорю об этом не только потому, что знаком с такими отличными изданиями, каковы «Крестьянская» и «Рабочая» газеты, еженедельники «Работница», «Крестьянка», превосходный журнал «Хочу всё знать», «Сам себе агроном» и десятки других изданий, в высшей степени заботливо и умело обслуживающих культурные запросы трудящихся на земле и на фабриках; говорю не потому, что внимательно, поскольку могу, слежу за работою селькоров и рабкоров и личным – интеллектуальным – ростом этих поистине «новых» людей, – нет, не только это, известное и помимо меня, даёт мне смелость говорить уверенно о культурном росте трудовой массы.

Гораздо большее значение для меня имеют письма ко мне различных молодых и пожилых людей деревни и города, – письма, из которых совершенно ясно видишь, как растёт и углубляется активный интерес русского человека к своей стране и вообще к миру, к науке, к литературе и ко всему, что есть жизнь. Показателен и количественный рост «изобретателей» в области техники, и особенно любопытен тот факт, что в этой области начинают работать женщины. Кстати: «Нижегородский астрономический календарь» – единственный в России, – издающийся уже тридцать девять лет, отметил работу двух женщин-астрономов, Богуславскую и Ушакову, как «ловцов комет», указывая, что это «первый случай». Вообще быстрый рост общественной активности среди женщин – явление огромной важности, а особенно изумительна эта активность среди женщин-мусульманок.

Что Россия живёт в тяжёлых условиях – это так же неоспоримо, как и то, что над созданием и укреплением этих условий усердно трудятся правительства высоко культурных стран Европы, чему отнюдь не мешает мудрая инертность и немота европейских социалистов, тоже весьма культурных.

Но, несмотря на тяжесть условий жизни и вопреки им, творческая жизнь России быстро растёт. Об этом говорит, например, тот факт, что – как заявлено было в Москве на съезде физиков – в то время как раньше в европейских журналах печаталось за год двадцать – тридцать докладов русских учёных, ныне печатается до ста и свыше ста докладов. При царизме ежегодно ресурсы Геологического комитета не превышали нескольких сот тысяч рублей. Сейчас бюджет комитета поднялся до 6 миллионов рублей в год, а в культурных государствах Запада после войны ассигновки научным учреждениям значительно сокращены. Обилие научных открытий, широкое развитие краеведчества, рост количества научных экспедиций, ряд новых научных учреждений, институтов, наконец, успешность работ по электрификации страны – всё это и ещё многое должно бы убедить и слепых, и глухих, что Россия действительно начала жить новой жизнью и что человек её стал более значительным человеком, чем он был десять лет тому назад.

Но у меня нет желания убеждать в чём-либо людей, «униженных и оскорблённых» собственным их бессилием.

Попутно расскажу о том, как иногда забавно «выявляется» чувство мести «униженных и оскорблённых».

Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру учёного, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме.

За гробом его по грязному снегу угрюмо шагали человек пятьдесят революционеров, обиженных революцией, и среди них качалась грузная фигура одного из друзей умершего, – Герман Лопатин весьма щедро одарял людей своей дружбой.

Грузный человек шёл в глубоких жёлтого цвета галошах-ботиках; галоши были настолько малы для его ног слона, что он стоптал их, каблуки приходились почти на средину подошв; наверное, ему было очень трудно и даже больно нести своё большое тело на ногах, так неудобно обутих. Я вспомнил, что накануне видел его в чёрных, крепких ботиках, они были как раз по ноге ему. Должно быть, он продал и «проел» их. Но дня через два я снова встретил его в знакомой мне крепкой и удобной обуви.

– А я думал, вы продали галоши?

– Почему?

Я объяснил.

– Нет, – сказал он и широко улыбнулся. – Но я хотел придать ещё более нищенский и постыдный вид похоронам одного из крупнейших русских революционеров. Пусть эта самочинная власть видит, и поймёт, и устыдится...

Он сказал это торжественным тоном гражданина и борца.

Да, именно так.

А я подумал о человеке, галоши которого он, стоптав, непоправимо испортил.

Потом подумал о жалком тщеславии «униженных и оскорблённых». Нигде этот постыдный вид тщеславия не принимает таких и смешных и болезненных форм, как у нас, в России.

Напомню, что в те дни «самочинная» власть с величайшим напряжением своей энергии работала над организацией защиты революции.

Никогда еще в России не было такого количества молодёжи, пишущей стихи и прозу; можно сказать, что страсть к литературе приняла характер эпидемии. Зная, в каких ужасных условиях работают молодые литераторы, я, разумеется, не позволю себе думать, что литература привлекает их только как «лёгкий труд». Во-первых, это труд вовсе не лёгкий, а во-вторых, совершенно ясно видишь и чувствуешь, что молодёжь понуждает писать её насыщенность «впечатлениями бытия». Я прочитал, вероятно, сотни две книг, написанных молодыми литераторами, и полагаю, что это даёт мне право говорить о них. Но я не принадлежу к тем людям, которые, не умея плавать, пробуют учить других искусству плавания.

Меня занимает вопрос об отношении молодой литературы к герою всех драм, романов и рассказов, к «хозяину жизни» – человеку, врагу природы, окружающей его, создателю «второй природы» на основе познанных и поработанных им сил первой, врагу и «ветхого Адама» в себе самом. Мне кажется, что «ветхий Адам» более понятен и более интересен молодой литературе, чем Прометей, похититель небесного огня и враг богов. Во всех книгах действует – а чаще, бездействует, только говорит – человек вчерашнего дня, засорённый и запачканный мелкими грешками, осколками великих и дерзновенных смертных грехов.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma. Конечно, и маленький грешник – хороший материал для большого художника, если художник умеет преувеличить его ничтожество так, как умел делать это Ф.М. Достоевский, который хорошо знал, что подлинное искусство вообще и всегда более или менее преувеличивает действительность.

Для молодой литературы человек остаётся всё ещё ничтожеством, хотя многие из авторов на протяжении десяти лет видели его героем, а некоторые и сами, лично, принимали участие в событиях героических. И всё-таки человек остался в их глазах человеком «для того, чтобы», а не человеком «потому, что» он есть источник самой изумительной энергии, преодолевающей все сопротивления.

Приятно видеть, что как будто исчезла тема: правоверный, но наивный сердцем коммунист и соблазняющая его на грешок прелестная, но буржуазная барышня. Но, кажется, тема эта исчезла только потому, что за десять лет барышня, несколько постарев, утратила необоримую соблазнительность свою. Спасибо ей за это! Разумеется, я шучу и вовсе не склонен понижать значение женщины в деле «очеловечивания» нашего брата, но меня несколько смущает тот факт, что в стране, где стремятся создать бесклассовое общество, литераторы продолжают изображать женщину всё ещё с точки зрения классово-классовой, то есть опять-таки, в большинстве случаев, ничтожеством, «вредной штучкой», как сознался мне один храбрый молодой писатель. Другой на вопрос: почему он унижает подругу жизни? – неловко ответил:

– Я – не унижаю, а таков быт.

Короче говоря – и повторяясь – «описывают» всё ещё старого русского человека и таким, как будто бы прожитые трагические годы ничего не изменили в нём. Не верится, что это – правда. Но если даже и правда – жив и немало не изменился старый человек, – разве именно он характерен для нашего времени? В большинстве своём люди этого типа – Лазари, которых не воскресит даже чудесная сила искусства. Затем – в кулачных боях есть прекрасное правило, обязательное для каждого честного бойца: «лежачего – не бить», если он и шевелится.

Фотографировать судороги агонии, может быть, и полезно в интересах медицины, но это занятие не имеет отношения к искусству. Духовное умирание даже и неприятного нам человека всё-таки скверное зрелище, точно так же, как и зрелище физической смерти, о преодолении которой ныне столь дерзко и упрямо мечтает наша, человеческая наука.

Фотографии успешно служат для уловления преступников, но чаще для порчи стен снимками с «красивых уголков природы», симпатичных барышень, знаменитых артистов и прочих редкостей. В литературе фотографии ещё более неуместны.

Человек-товарищ изображается в таком ослепительном освещении, что его уже совсем не видишь; человека-врага принято изображать одноцветно чёрным и почти всегда дураком. Не думаю, чтоб это было правильно.

Где два врага, там – два героя. Писатель, который хочет быть художником, должен быть немного историком и знать, что враг – очень хороший учитель в деле борьбы, хотя его уроки и дорого стоят. И всегда полезнее видеть врага более сильным, чем он есть на самом деле.

Возможно, что это будет не совсем кстати, но всё-таки я расскажу кое-что о враге.

Когда мне было лет девять-десять, у меня был враг Васька Ключарев, ровесник мой, сын чиновника, замечательно храбрый кулачный боец, сухонький, но гибкий, как стальной прут. Я с ним дрался при каждой встрече, мы бились до крови, до слёз, но плакали не столько от боли, как от горя: ни тому, ни другому не давалась победа. Изобьём друг друга и, обессиленные, разойдёмся, обливаясь постыдными слезами, а при новой встрече – снова бой, и снова нет победы! Целую зиму жил я мечтой поколотить Ключарева так, чтоб он признал меня победителем; он, конечно, жил такой же мечтой, и оба мы ненавидели друг друга жестоко, как дети.

На пасхальной неделе я встретил Ключарева в Пряйдильном переулке, знаменитом не просыхавшей в нём всё лето грязной трясиной, в которой, говорили, лошадь

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта утонула.

По одной стороне переулка во всю длину его тянулись заборы садов, на другой стояли неказистые домики, перед ними проложены были деревянные мостки, и вот по мосткам наступает на меня празднично одетый Ключарев.

Бросился он, но, поскользнувшись, упал, и руки его, почти до локтей, воткнулись в грязь. Я помог ему встать на ноги, он отшатнулся от меня и, глядя на запачканные рукавчики рубахи, сказал с кривенькой усмешкой:

– Высекут.

– Ну?

– Высекут, – повторил он, вздохнув, и спросил: – Тебя кто сечёт?

– Дед.

– Меня – отец.

Я подумал, что и отец тоже, наверное, больно сечёт, и мне захотелось утешить врага.

– Пасха, – сказал я. – Может, не высекут...

Но Ключарев безнадёжно покачал головою. Тогда я предложил ему вымыть рукавчики. Он согласился не сразу и молча. Одним своим концом переулок упирался в неглубокий овраг, на дне его стояла лужа, её именовали: Дюков пруд. Ключарев снял рубашку, я залез по колени в пруд и начал смывать грязь с неё. День был хмуренький, холодный, враг мой вздрагивал и очень грустными глазами смотрел, как смело я терзаю его рубашку. Когда из тёмно-коричневой она вся сделалась жёлтой, он тихонько сказал:

– Всё равно видно, что грязная.

Подумав, решили высушить рубашку. Я в то время уже начинал покуривать замечательные папиросы «Персичан», три копейки десяток, у меня в кармане были серные спички. Вылезли из оврага; на пустыре, в развалинах давно сгоревшей кузницы развели небольшой костёр и занялись сушкой рубахи. Молчали. О чём говорить с врагом?

От дыма рубашка стала чёрной. В двух местах мы её прожгли: немножко – рукав и дыру на спине. Это уж было смешно. Мы и посмеялись, конечно – не очень весело. Ключарев, с трудом наклеив на себя рубашку, всё-таки ещё сырую, вымазал острое лицо своё копотью и хмуро сказал:

– Я пойду домой. Драться сегодня уж не будем.

Ушёл. Жалко мне было его. И, честное слово, в тот день я бы с удовольствием подставил свою спину под розги его отца.

Через несколько дней я, снова встретив врага, спросил:

– Пороли?

– Не твоё дело, – сказал он, сжимая кулаки. – Становись, давай!

Дрались, кажется, более ожесточённо, чем раньше, а всё-таки безуспешно. Прислонясь к забору, высмаркивая кровь из разбитого носа, враг сказал мне:

– Ты стал сильнее.

– Ты – тоже, – ответил я, сидя на тумбе; у меня затёк глаз и была разбита губа.

Мы разошлись, обменявшись этими словами, в которых прозвучала не только горестная зависть, но, может быть, было скрыто взаимное уважение, смутное сознание того, что мы не только враги, но и учителя друг другу.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua
После этого мы ещё дрались раза два-три, но так и не узнали, кто из нас победитель, кто побеждённый, ибо мы никогда не рассуждали о том, кому досталось больше и больней.

В августе, после двухдневного ливня, я застиг Ключарева в овраге, на задворках Полевой улицы, он сидел на повалившемся заборе, подпирая челюсти ладонями, и, когда он поднял лицо, стало видно, что веки его смелых глаз красны и опухли.

– Я не хочу драться, – сказал он.

– Боишься? – спросил я, чтоб раздражить его, но он ответил:

– У меня сестра умерла. Это бы – ничего, она маленькая, младенец, а есть хуже: меня в кадетский корпус отдадут.

Для меня кадетский корпус, огромное здание в Кремле, только тем отличался от арестантских рот, тоже огромных, что корпус был белый, а роты окрашены в неприятно жёлтую краску. Все большие дома казались враждебными мне, маленькому человеку, я подозревал, что в них пряталась скука, от которой могут лопнуть глаза.

Мне стало жалко врага за то, что его хотят загнать в скуку. Я присел рядом с ним и сказал:

– А ты убеги.

Но он встал и первый раз миролюбиво протянул мне боевую ручонку свою, силу которой моё тело многократно испытало.

– Прощай, брат, – сказал он негромко, глядя не на меня, а в сторону, но я видел, что губы его дрожали.

Очень не хотелось мне сказать ему:

«Прощай!»

Но, разумеется, сказал. Долго, с грустью смотрел, как медленно, нехотя, любимый враг мой поднимается из оврага по размокшей, скользкой тропе.

И долго после того скучно и пусто было мне жить без врага.

Рассказец, конечно, детский, наивный. Но наивность – мой горб, его, несомненно, исправит могила, люди же не исправят, даже те двуногие верблюды, которые особенно усердно стараются исправлять чужие горбы.

Кстати – вот одна из наивностей моих: если люди, рождённые и воспитанные в атмосфере, насквозь анархизированной и отравленной разлагающими ядами множества дрянненьких соблазнов, если, вопреки вполне «естественным» условиям, искажающим их, люди всё-таки могут быть неутомимыми, активными врагами этих «естественных условий» – это значит, что они могут быть какими хотят быть.

Продолжаю наивности.

Воткнуть штык в живот человека или всадить пулю в голову его, должно быть, очень просто, если судить по тому, как упрощённо и грубо пишут об этом. В частых описаниях убийств чувствуется всё то же «бытовое» отношение к человеку как ничтожеству и дешёвке.

И как будто уже есть люди, которые, привыкнув драться, не находят себе места в жизни, сравнительно мирной, хотя она требует неизмеримо большего и продолжительного напряжения всех сил, всей воли, чем этого требует драка с оружием в руках.

Героев на час и героев на день у нас было много, но они не оставили особенно яркого следа в жизни и, несмотря на бесспорное мужество подвигов, не могли заметно изменить её тягостных условий.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Но вот условия изменены, требуется напряжённая работа для дальнейшего развития их в сторону более широкой свободы творчества, требуется героизм не на час, а на всю жизнь.

Мне кажется, что молодая литература не совсем ясно чувствует глубокое различие героизма на час от героизма на всю жизнь, что ею всё ещё не понята необходимость поэтизации труда и что гораздо труднее, чем убить человека, вкоренить в его сознание, затемнённое и отягчённое различными предрассудками, мысль, непривычную ему: человек – не ничтожество.

К сему – небольшая иллюстрация. В «доброе» старое время не удивлялись тому, что существуют дети-воры, а устраивали для них «колонии малолетних преступников», где свободно действовал «метод взаимного обучения» и откуда подростки выходили вполне зрелыми и опытными ворами.

В Советской России тоже существуют колонии для «социально опасных». Я довольно хорошо Осведомлён о жизни некоторых и особенно одной из них, под Харьковом; я знаю, что бывшие «социально опасные» выходят из неё в рабфаки и агрономические школы. Можно бы рассказать немало удивительного о людях этой колонии, но, к сожалению, лично мне сделать это неудобно. Но вот на днях я прочитал замечательную книгу «Республика Шкид». Её написали два подростка, бывшие воры, воспитанники «Школы имени Достоевского для трудно воспитуемых». В этой книге авторы отлично, а порою блестяще рассказывают о том, что было пережито ими лично и товарищами их за время пребывания в школе. Они сумели нарисовать изумительно живо ряд характеров и почти монументальную фигуру «Викниксора», заведующего школой. Значение этой книги не может быть преувеличено, и она ещё раз говорит о том, что в России существуют условия, создающие действительно новых людей. Возможно, что скажут: всё это – исключения. Я добавлю: которые стремятся быть правилом.

В юности, когда я ненасытно читал все книги, какие попадали в руки мои, я заметил на ларьке старьевщика одну, растрёпанную, в скучной серой обложке, в рыжих пятнах сырости, сквозь пятна проступали чёрные, значительные слова титула:

Книга мудрости и лжи

Хотя денег у меня не было, но я приобрёл эту книгу в собственность. Впоследствии я был сторицею наказан за это: у меня раскрали десятки книг.

«Книга мудрости» оказалась сборником грузинских сказок, читать её было скучно, и я не нашёл в ней ничего, что осталось бы в памяти моей.

Несколько месяцев тому назад эта книга снова попала в руки мне. Её составил Савва Сулхан Орбелиани, напечатана в Петербурге, в 1878 году, по распоряжению факультета восточных языков. Прочитал я её с наслаждением, и вот самое мудрое, что нашёл в ней:

«Визирь рассказал царю о рае и много врал, преувеличивая действительную красоту его».

Представляю всё, что могут сказать люди здравого смысла о визире и как они ловко обратят выписанную мной цитату против меня, против этой статьи!

А всё-таки восхищает меня мудрая дерзость визиря, преувеличивающего «действительную» красоту несуществующего! Это меня гораздо более восхищает, чем преувеличенные описания действительного ада, созданного на земле дружными усилиями различных людей.

Именно вот этой безумнейшей дерзостью человека, силою воображения, интуиции осуществлено всё то, чего не было на земле, – чудеса науки, волшебство искусства, всё, чем великий Муж Земли может гордиться.

И этой же дерзостью воображения, интуиции, упорной, неутомимой работой осуществится всё то, чего нет ещё, но. что будет, если хорошо пожелать.

Человек уже тысячи раз доказал, что он может быть тем, каким хочет быть.

Двадцатого марта исполнилось двести лет со дня смерти Исаака Ньютона, одного из гениальных людей мира нашего.

В Лондоне, в Вестминстере, на гробнице Ньютона написано:

«Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого».

Прекрасно сказано. Человек есть украшение мира, и он имеет все основания удивляться себе самому.

Десять лет

В Советскую Россию приезжают из Европы иностранные визитёры. Прожив среди русских две, три недели, они возвращаются домой рассказывают о том, что видели. Рассказывают как люди исключительно проницательные, – люди, которым вполне достаточно двух десятков дней для того, чтобы всесторонне и совершенно понять смысл культурного процесса, происходящего в стране с населением в 160 миллионов, в стране, прошлое которой плохо им знакомо, а настоящее – эмоционально враждебно. Так как история воспитала в людях способность и делать и видеть с большим усердием и удовольствием, чем хорошее, – вполне естественно, что господа визитёры любят подчеркнуть «ошибки» и «недостатки» Советской власти, подчеркнуть «некультурность» русских и вообще адские их пороки.

Кроме этой причины, на суждения о России влияет застарелая болезнь европейцев – уродливо преувеличенное и до смешного напыщенное сознание их превосходства над русскими. Основой этой болезни является глубокое невежество господ европейцев во всём, что касается русского народа. И, разумеется, эта замечательная способность представителей культурной Европы не понимать Россию вообще, а современную – в особенности, усиливается и тем ещё, что господа Биро, Лондоны и прочие исполняют «волю пославшего». Готов допустить, что некоторые из них делают это, насилуя свою личную волю.

По всем этим основаниям исследователи русской действительности сознательно, по невежеству, по легкомыслию, а прежде всего, конечно, по силе классовой психики, рассказывая не очень злые анекдоты, забывают о тяжёлой сложности условий, в которых идёт работа Советской власти по восстановлению разрушенного европейской и гражданской войнами хозяйства и в которых развивается процесс создания новой культуры. Молчат о деятельном участии «интервентов» в грабеже и разрушении России.

Молчат и о том, что из десяти лет только шесть падает на созидательную работу, а четыре года были заняты гражданской войной, которая ещё более разоряла страну, хотя, рядом с этим, она же, отрезвляя народ от различных иллюзий, создавала и создала в нём новую психику.

Гражданская война, вероятно, продолжалась бы и до сего дня, если бы Владимир Ленин и его товарищи, рискуя совершенно распылить и уничтожить незначительную численно партию большевиков-рабочих в массе анархизированного войною крестьянства, не двинули эту партию на передовые посты, возглавив ею крестьянство. Этим Ленин спас Россию от окончательного разрушения и порабощения капиталистами Европы, – история не может не признать за ним эту заслугу.

Известно, что русская буржуазия всемерно содействовала порабощению страны Англией и Францией, да и до сего дня не утратила надежды вызвать вторжение иностранцев в Россию.

Какое наследство получила партия большевиков, взяв в свои руки власть, и при каких условиях она работала эти шесть, семь лет?

Несколько миллионов наиболее здоровых и работоспособных людей погибло на войне. Значительная часть «революционной» интеллигенции перебросилась на сторону врагов народа. Часть её забастовала, не желая помочь новой власти в её борьбе за свободу русского трудового народа, а затем бывшие враги самодержавия превратились во «внутренних врагов» своего народа. Полуразрушенное сельское хозяйство продолжало разрушаться под ударами «белых» армий. На фабриках, вообще плохо оборудованных, – изработанные за время войны машины. Гражданская война

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma уничтожила значительное количество политически и культурно воспитанных рабочих. Вместо этого она наградила Советскую власть тяжёлым наследием разрушенного строя, вызвав к жизни людей дегенеративных, каких так много создал капиталистический строй во всех государствах Европы. Люди этого типа сознательно и механически всосались в организации Советов, мы видим, что власть и до сего дня ещё не может освободиться от выродившихся людей, как о том свидетельствует недавний процесс рязанских бандитов. Правительства Европы всеми средствами стараются затруднить работу Советской власти по хозяйственной и культурной реорганизации страны. Русская эмиграция, при помощи европейской буржуазии, ведёт против своего народа партизанскую борьбу, воспитывая и посылая в Россию шпионов и наёмных убийц. Ко всему этому надобно прибавить ещё голодный год.

Вот краткий и, разумеется, не полный перечень тех условий, в которых начала и продолжает работать Советская власть. Казалось бы, что, рассуждая о современной России, всё это следует помнить.

Чего достигла Советская власть за эти шесть лет?

Русский рабочий и крестьянин действительно учатся управлять государством, они начинают чувствовать, что государство – это их дело, что единственный путь к свободе – дружный труд всех сил страны, объединённых сознанием величия и трудности задач, решить которые они мужественно взялись. Трудовой народ мира, хотя и медленно, однако всё быстрее начинает понимать колоссальное значение этого факта.

Европейская интеллигенция, в большинстве равнодушная к судьбе своего народа, могла бы многому позавидовать, будь она лучше осведомлена о том, что уже достигнуто в России. Важнейший для жизни труд работников науки в Союзе Советов оценён по достоинству, как о том свидетельствуют сами представители русской науки, развившие за десять лет изумительно плодотворную деятельность. У них есть свои Дома учёных и Дома отдыха, чего в Европе нет. Русский учёный – активный и влиятельный сотрудник власти, как о том говорят почтенные имена крупнейших учёных. Забота о них поставлена на высоту, какая только могла быть достигнута в стране, живущей в условиях, пока ещё экономически трудных. В то время как Европа, после войны, значительно сократила ассигновки на содержание и оборудование научных учреждений, в России организован целый ряд исследовательских институтов, организовано несколько новых университетов, широко поставлено изучение недр земли, открыто немало новых месторождений различных руд, сделан ряд ценнейших научных открытий, технических изобретений, применяются новые методы борьбы с вредителями хлебных злаков и с полевыми грызунами, осушают болота, улучшаются породы скота и т. д. Непрерывно идёт электрификация страны, строятся новые фабрики, постепенно возникают новые производства.

Создана совершенно своеобразная пресса, до пустяковых мелочей быта внимательная к жизни рабочих и крестьян. Может быть, не меньшее культурное и политическое значение, чем большие газеты столиц, имеют бесчисленные маленькие газетки, которые издаются рабочими фабрик, типографий, трамваев, все эти «Челноки», «Верстаки», «Молотилки», «Искры трамваев», – газетки, в которых сами рабочие учатся писать по вопросам быта, вопросам развития продуктивности труда и где самокритика рабочих красноречиво говорит о повышении их чувства собственного достоинства, о росте их культурных запросов, о стремлении к знанию.

В Стране Советов работает армия «рабкоров», «селькоров», мужчин и женщин, армия «делегаток» и т. д. – это значит, что народ учат и он учится свободно говорить о себе самом, о своих нуждах и желаниях. Растёт армия комсомольцев, а за ними уже стоят «пионеры» – дети, которых учат думать государственно.

Для деревни издаются сотни тысяч газет, иллюстрированных журналов, брошюр по всем вопросам сельского хозяйства. И существует «Радиогазета», которая уже имеет до пяти миллионов слушателей.

В массе крестьянства растёт жажда знания, а это и есть признак роста культуры. С каждым годом всё шире и глубже становится участие женщин в политической жизни страны, раскрепощаются женщины-мусульманки, инородческие племена вовлечены в общий поток культурной работы, каждое племя хочет иметь свою столицу, – это значит, что возникнут новые города. Казань быстро превращается в столицу республики татар.

Заметят: но ведь крестьяне всё-таки ещё малограмотны. Да. Но – школы растут. Но каждый год в деревню уходят десятки тысяч хорошо грамотных красноармейцев, являются тысячи рабочих в отпуска. Это – хорошие учителя. Следует признать и за электрической лампочкой огромное культурное значение: в долгие зимние вечера она освещает уже тысячи крестьянских изб, собирая своими лучами грамотных и неграмотных для бесед о жизни мира.

Меня нельзя упрекнуть в идеализации крестьянства, но я утверждаю, что в Союзе Советов уже образовался значительный слой крестьян, более широко и всесторонне знакомых с жизнью мира, более активно культурных, чем крестьяне любого из государств Европы.

Главное, чего не хотят заметить и не замечают европейские визитёры, – это то, что в Союзе Советов привлекается к жизни масса населения, что народ быстро изживает психологию, воспитанную веками рабства, что он начинает понимать государство как организацию людей единой цели, а не как анархическое и механическое соединение единиц, разбитых на враждебные классы и касты.

Мне скажут: «Это дифирамб!»

Да, дифирамб! всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека.

Большевики стремятся к этому с явным для всех честных и не ослеплённых злобою успехом, с изумительной энергией. Трудящиеся всего мира начинают понимать значение этой работы. Они поймут, что надобно им делать.

Прошло десять лет, а Советская власть существует и укрепляется, огорчая своей живучестью неудачных кандидатов в Масарики.

Укрепляется и действительно создаёт в Союзе Советов основу для построения нового мира. Такой основой я считаю раскрепощение поработанной воли к жизни, то есть воли к деянию, ибо жизнь есть деяние. Свободный труд людей всюду осквернён, изнасилован бессмысленной и цинической эксплуатацией, капиталистическая система государства уничтожила наслаждение создавать вещи, сделала труд проклятием, а не свободным выражением творческих сил человека; это – известно.

В Союзе Советов люди начинают работать, сознавая государственное значение труда, сознавая, что только труд является прямым и кратчайшим путём к свободе и культуре. Русский рабочий зарабатывает для себя не жалкий, нищенский корм, как это было раньше, – он зарабатывает себе государство. Он чувствует, что постепенно становится хозяином своей страны и вождём крестьянства по пути к свободе. Он учится понимать, что и весь мир – для трудящихся, что наука даёт ему этот мир как материал, как сырьё для выработки полезностей, она овладевает силами природы для того, чтобы облегчить тяжесть работы человека. Скоро он должен будет понять, что труд создаёт не только материальные ценности, но нечто значительно большее: уверенность человека в силе своего разума и в своём призвании победить своей разумной волей все и всякие сопротивления ей.

Русский рабочий, помня завет своего вождя – Владимира Ленина, успешно учится править своим государством, – вот факт, значение которого нельзя преувеличить.

Огромной заслугой Советской власти следует признать создание ею прессы, которая умело и широко знакомит население Союза с жизнью всего мира и беспощадно разоблачает ложь и скверну этой жизни.

Русский народ живёт под непрерывным воздействием на него свободного и сурового слова правды обо всём, что творится на земле: о жестоком бесстыдстве, разнузданной воле командующих классов, о том, как они, вырождаясь, безумеют и как на смену им вырастает здоровая воля к жизни поработанных. Это – самое главное, что нужно знать, и советская пресса умеет учить этому.

Прожив шесть десятков лет, чувствуешь себя несколько перенасыщенным «отрицательными» качествами человека, и является потребность отмечать

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
положительные свойства его. Потребность эта не есть результат усталости, нет; она возникает потому, что понимаешь, как много силы нужно современному русскому человеку для того, чтобы преобороть в себе «ветхого Адама» – наследие векового прошлого. Известно и неоспоримо, что капиталистический строй всюду и вообще не приспособлен к воспитанию «хорошего» человека. И когда вспомнишь условия, при которых воспитывался русский человек, имеющий ныне тридцать пять – сорок пять лет от роду, и который в эти дни строит новую жизнь, – удивляешься не тому, конечно, что в нём сохранились некоторые отрицательные качества, а тому, что он не хуже того, каков есть, и – при этом – становится всё лучше. Я не склонен умалять значения плохого, но не склонен и предъявлять к человеку требования, которые он ещё не в силах удовлетворить. На мой взгляд, человек, о котором я говорю, более чем достаточно хорош таким, каков он есть.

Строителя современной русской жизни я знаю со дней его юности. Сначала это был «битый мальчик», пасынок ужасной русской жизни, затем он прошёл сквозь революционное подполье и тюрьму, ссылку, в каторгу, затем сделал величайшую революцию, которая действительно «потрясла мир» и будет потрясать его, доколе не разрушит. Затем он три года вёл победоносную гражданскую войну, а кончив её, взялся за труднейшее дело восстановления разрушенного хозяйства России, за дело, которому он не учился так же, как не учился бить на фронтах высокоучёных генералов. Сейчас он как администратор работает по 12 и 14 часов, живя в тяжёлой бытовой обстановке, не многим лучше чернорабочего, но исполняя работу, которая, не говоря о её историческом значении, отличается крайней сложностью.

Он не имел времени воспитать в себе те качества, которыми хвасталась и хвастается рафинированная русская интеллигенция, так легко отскочившая в стан его врагов, показав этим, что «качества» её – например, социализм, гуманизм – были чисто словесными.

Не краснобай, не «богоискатель», а превосходный, честный работник мира сего, он решительно отверг всю древнюю ложь и смело пошёл своим путём к свободе – единственным путём, ведущим прямо к ней.

Когда-то, в эпоху мрачной реакции 1907–1910 годов, я назвал его «богостроителем», вложив в это слово тот смысл, что человек сам в себе и на земле создаёт и воплощает способность творить чудеса справедливости, красоты и все прочие чудеса, которыми идеалисты наделяют силу, якобы существующую вне человека. Трудом своим человек убеждается, что вне его разума и воли нет никаких чудесных сил, кроме стихийных сил природы, которыми он должен овладеть для того, чтобы они, служа его разуму и воле, облегчили его труд и жизнь. Он верит, что «существует только человек, всё же остальное – его деяние и мнение».

Это человек – человек, какого мир ещё не видел, и человек этот поставил перед собою грандиозную задачу воспитать массу трудящихся «по образу и подобию своему»; задачу эту он разрешает с отличным успехом. В конце концов, он – неоспоримое доказательство обилия творческих сил и талантов в трудовой массе.

Казалось бы, он совершенно достоин удивления и уважения всех, кому противен безобразный, цинический хаос жизни, и особенно заслуживает уважения бывших «народолюбцев», которые так охотно, с таким вкусом оплакивали страдания «меньшого брата».

Бывшие народолюбцы сделали строителя новой жизни мишенью, по которой неумоимо стреляют грязью и клеветой. Порохом для этой бесплодной забавы их снабжает пресса Союза Советов, беспощадно изображая и обличая заражённость своих людей болезнями старого быта. В газетах Союза ежедневно печатается значительное количество материала, рисующего бытовое свинство. Это – дело почтенное и необходимое. Но «свинство» служит вкуснейшей пищей для людей, уже негодных к жизни. Публицисты и фельетонисты эмиграции, смачивая слюною злорадства, пережевывают с маниакальным сласлолюбием это свинство и отрыгают свинство снова в жизнь. Тут, конечно, действует природа и привычка. Это такие люди, которым для наслаждения жизнью необходимо видеть её грязной, только при этом условии они видят себя беленькими. Во дни реакции они любили цитировать стишок: «Чем ночь темней – тем звёзды ярче», полагая, что звёзды – это они и есть. Но они – просто люди, забракованные историей, осуждённые на горестную жизнь в муках бессильной злобы. Кричат они и плюются только потому, что больше им нечего делать. Но история уже сказала им своё властное:

«Цыц!»

Не моё дело говорить о том, что другие скажут лучше меня, – о грандиозной работе, совершённой в России за истекшие десять лет.

Моя радость и гордость – новый русский человек, строитель нового государства.

К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах Севера, – к человеку, иногда очень одинокому, работающему среди людей, которые ещё с трудом понимают его, к работнику своего государства, который скромно делает как-будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело, – к нему я обращаюсь с моим искренним приветом.

Товарищ! Знай и верь, что ты – самый необходимый человек на земле. Делая твоё маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир.

Учись и учи!

Крепко жму руку твою, товарищ!

О новом и старом
Что дали женщине истекшие десять лет?

На этот вопрос внушительно отвечает цифра II съезда: 620 тысяч делегатов [6] Это значит, что в Союзе Советов женщина становится совершенно равноправной мужчине, сознательной государственной единицей, политической силой. Она быстро учится управлять хозяйственной жизнью своей страны и постепенно начинает принимать участие в решении вопросов международной политики. Голоса делегатов, рабкорок, селькорок, избачек – это уже властные голоса жизни, действительно новой. Женщина Союза Советов умеет хорошо говорить о своих нуждах; она действительно ищет путей к раскрепощению своему от каторжной работы по домашнему хозяйству; она уже входит в жизнь как хозяйка всего Советского государства. Этого ещё нет нигде в мире.

Мне кажется, что настало время, когда наши женщины могли бы от своего лица, своим языком рассказать женщинам других стран о том, чего они, женщины Союза, достигли за эти десять лет. Рассказать следует, не скрывая того, что жить всё ещё трудно, что чем больше видишь хорошего в будущем, тем тяжелее кажется сегодняшний день, хотя он уже несравненно лучше вчерашнего. Надобно рассказать и о том, как заедают, забивают женщин проклятые мелочишки жизни – кухня, теснота, старенькие привычки ко всякому мелкому дрянцу, которое будто бы немножко украшает трудовую жизнь, а на самом деле только увеличивает заботы и отводит в сторону от дела коренной ломки всех основ старого быта и от работы по строительству новой жизни.

Такой рассказ женщин Союза имел бы огромное значение для их подруг в других странах, для женщин всего мира, которым тоже пора освобождать себя из плена житейских мелочей для большого дела, так успешно начатого в Союзе Советов.

Если бы женщины других стран поняли и достойно оценили всё то, чего достигли русские, они, вероятно, поняли бы и то, чего ради их правительства готовятся к новому преступлению против трудящихся. Истребив во время 1914–1918 годов около 30 миллионов наиболее здоровых людей, они снова думают начать войну, снова хотят уничтожить миллионы рабочих и крестьян. И это – только для того, чтобы поддержать изгнивший «старый порядок» жизни, – порядок, при котором большинство живёт во власти меньшинства, а женщины служат почти домашними животными государства и семьи.

Женщинам Европы и всего мира пора понять, что война против Союза Советов есть война против всех трудящихся земли нашей, что это – война против их отцов, мужей, братьев, детей, война за утверждение экономического рабства.

Указать на подготовку новой войны и на её значение для трудящихся – прямая обязанность женщины Союза Советов. Обязанность перед государством своим и перед

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma своими детьми, которые растут не для истребления их на новой бойне, желаемой капиталистами, а растут как необходимые всему миру строители новой жизни.

Лет сорок назад мой учитель и друг Михаил Ромась сказал мне: «Вчера, в дождь, когда я чинил печку в бане, в предбаннике мальчишки хвастались друг перед другом: чья мать больше дерётся? Один говорит: «Меня моя мамка молочной крынкой по башкехватила, так я – с ног долой». Другой – не уступил: «А меня – скалкой; скалкой больше!» Затем все согласились, что чаще и злее всех матерей дерётся Иванкина мать. Посмотрел я на Иванку: светловолосый, мохнатенький такой, мордочка умная, глаза – сердитые. Да. Так они хвастались матерями, как злыми собаками. Вот она, какова жизнь, Максимыч! Тут всё так поставлено, что и ребят жалко и баб нельзя винить, – истерзаны они каторжной работой своею до потери души. А с другой стороны – каковы же будут люди из детей, которые рождаются и живут в тяжесть матерям? Из детей, которых некогда любить, а бьют – чем попало? Вот и подумайте: верно ли, что эдакую жизнь надо ломать?»

До этой беседы я уже и сам хорошо видел, что матери бьют детей за то, что отец получку пропил, хлеб плохо испёкся, коршун цыплёнка унёс, куры в огороде грядку изрыли, кошка разбила горшок. Бьют за разорванную рубашку или штаны, за потерянную копейку, за всякий грошовый ущерб нищенскому хозяйству, которое баба ведёт, напрягая все свои силы до одури, до преждевременной старости. Бьют не потому, что дети в чём-то виноваты, а лишь для того, чтобы «зло сорвать». Ужас каторжной бабьей жизни я наблюдал давно и в городах и в деревнях. Знал, что нередко в деревнях матери до того доходят, что, когда у соседей дифтерит убивал ребёнка, мать вела своих детей прощаться с умершим для того, чтобы её ребяташки заразились от покойника и тоже перемерли. Зараза дифтерита прилипчива, передаётся легко, и бывали случаи, когда мать, выпросив рубашку умершего от заразы, надевала её на своих детей. Надо быть замученной до безумия, чтобы так убивать своих детишек, а это, говорю, делалось при старом порядке, при самодержавии, которое, хотя и развалилось, но оставило по себе немало всякого гнилья.

Разумеется, я почувствовал, что Ромась прав: чтобы избавиться от этого ужаса, жизнь надобно безжалостно ломать.

И до сего дня много матерей живут так, что им некогда приласкать ребёнка и слишком часто приходится отталкивать его. Любить детей – это и курица умеет. А вот уметь воспитывать их – это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни. Сказать ребёнку на вопрос его: «Подожди, вырастешь – узнаешь» – значит гасить его стремление к знанию. Толково ответить на вопрос ребёнка – большое искусство, и оно требует осторожности.

Что получают дети в семье, где они с малых лет являются зрителями ссор и споров, где они видят нередко и худшее, чем ссора матери с отцом?

Утомлённые работой, раздражаемые крупными неудачами жизни и разной пустяковой мелочью, отцы и матери делают детей участниками своих настроений, слушателями горьких жалоб, а дети не очень любят жалобщиков и неудачников.

Ребятишек в семье матери и отцы незаметно отравляют тем же ядом, от которого сами страдали и страдают. Детям прививаются все те навыки, привычки, вкусы и мысли, которые сделали людей пленниками жизни, рабами её, а не господами. Но вот уже десять лет прошло с той поры, как матерей и отцов учат, что настоящий господин жизни – рабочий народ и что прошло то время, когда «каждый сверчок» должен был знать только «свой шесток». Человек должен знать всё.

Принято говорить детям: «Вот как жили мы, родители ваши!» В прошлом своём рабочий народ может похвастаться только удивительным терпением, а жил он тяжело и плохо до поры, пока лучшие из рабочих не поняли, что так жить – нельзя, стыдно. Тысячи этих лучших погибли в ссылке, в тюрьмах, в каторге, борясь за свободу товарищей, рабочих и крестьян, тысячами расстреливали их в пятом, шестом годах на улицах Петербурга, Москвы и других городов, десятки тысяч их погибло на фронтах в битве с белыми, а всё-таки они победили. В конце концов всегда побеждает правда, необходимая жизни.

О прошлом, которое теперь уходит, чтобы не возвратиться, книги расскажут детям лучше, умнее, чем отцы и матери. Книга не только расскажет, как плохо жили, но и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma объяснит, почему это было так, а не иначе. Родители далеко не всё умеют объяснить. Особенно теперь, когда жизнь на переломе и ещё много есть людей, которые, неясно представляя будущее, побаиваются завтрашнего дня и всё ещё хватаются за старенькое, за всё то, что десять лет тому назад угнетало и мучило их.

Может быть, встарину щи были иногда жирнее, но люди не были умней теперешних, когда они начинают понимать, что для хорошей жизни необходимо, чтоб все были равноправными и полными хозяевами её.

А для того, чтобы это понимание росло быстрее, матерям нужно освободить себя от каторжного труда на кухне, «по хозяйству», надо сбрасывать цепи мелочей для большого дела, за которое 620 тысяч женщин уже взялись. Дело – не лёгкое. «Привычка» – жестокий хозяин, а крепкая сеть старого быта вся сплетена из привычек: эту сеть сплетали веками, века люди путались в её петлях, прежде чем поняли, что надобно их порвать.

Необходимо детей освободить от дурных влияний семейных дразг, от нездоровой тесноты. Здесь в помощь матерям ясли, детские сады и всё то, что называется общественным воспитанием. Детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира.

Никогда ещё дети не были так дороги, как теперь, когда перед ними – дело мировой важности, дело, удивительно успешно начатое их матерями и отцами, дело, которое постепенно будит среди трудящихся всего мира разум и волю к новой жизни.

[Письмо рабкору Сапелову]

Ваше письмо очень обрадовало меня крепким, бодрым его тоном. Вместе с этим письмом получил книжку рабкора Жиги «Думы рабочих». Живая книжка! Между прочим, в ней группа рабкоров обсуждает очень важный, на мой взгляд, вопрос: о чём же рабкорам следует писать больше – о хорошем или о плохом? Я – за то, чтоб писали больше о хорошем. Почему? Да потому, что плохое-то не стало хуже того, каким оно всегда было, а хорошее у нас так хорошо, каким оно никогда и нигде не было. Тёмное кажется темнее потому, что светлое стало ярче. Я не преувеличиваю действительности, не глух, не слеп, знаю, что у нас много всякого свинства, немало воров, растратчиков, пьяниц и лентяев; вижу, что в большинстве люди, чувствуя себя всё ещё только рабочими, плохо сознают, что они уже полные хозяева своей страны и что всякая их работа, какой бы она незначительной ни показалась им, – она всё-таки государственная работа и работа «на себя», а не «на чужого дядю», да и кроме того, она – урок трудовому народу всего мира. Вы знаете, как урок этот понимается всюду на земле. Медленно понимается. «Хорошо – скоро не бывает». Само собой разумеется, что плохому должна быть объявлена война беспощадная, на уничтожение. На мой взгляд, советская печать делает это отлично и в беспощадности самокритики ей отказать нельзя.

Мне нередко приходится получать письма из разных захолуствий, из медвежьих углов, где одинаково работают изо всех сил хорошие наши люди. Они пишут: «Мало у нас хорошего, а о том, что есть хорошего, не очень толково говорят в газетах; плохое как-то виднее, тяжелее здесь». Это и верно и неверно. Верно потому, что плохое – есть, не верно потому, что люди плохо осведомлены о том хорошем, что сделано за десять лет. А сделано невероятно много; мы видели бы это, если б умели собрать и показать огромную работу, сделанную Советской властью.

Следует издавать популярный журнал, который периодически рассказывал бы о всём новом, что достигнуто наукой, техникой, промышленностью, о всей работе, творимой в стране. Такие «сводки» очень поднимали бы дух захолустных работников-одиночек, давали бы им прекрасный материал, возбуждали бы гордость их трудом – основой всякого труда.

Надо давать не отрывки знаний, а показывать последовательно процессы развития и роста государственной работы во всей её широте, во всех областях – вот что надо. Чтобы люди видели, как из года в год возрастает всюду товарищеская мощь – их творческая мощь. Чтобы они понимали значительность их будто бы мелкой и незначительной работы.

ясно?

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

Ну, вот. Будьте здоровы, товарищ Сапелов! Привет «братве».

А. Пешков (М. Горький)

Анонимам и псевдонимам

В газете «Руль» перепечатан из газеты «Дни» «Ответ Горькому», очевидно, ответ на мою статью по поводу десятилетия Октября. Автор «Ответа» спрашивает меня:

«Что заставляет вас низко льстить нашим злодеям и умалчивать их преступления? Ваши слова (о сознании в советском режиме государственного значения труда) жгут нам мозг, пока мы с красными флагами идём «демонстрацией» нашего энтузиазма, в то время как наши жёны и матери стоят в очередях за молоком, мукой и маслом.»

Дальше он – ругается.

Считаю нужным сообщить автору «Ответа» и единомышленникам его, что такие дрянненькие письма, как его письмо, я получаю давно и весьма часто. Раньше столь же свирепо мне писали «черносотенцы», так же смешно угрожая всяческими кознями, как угрожают теперь люди, которые 15–20 лет тому назад были – я думал – искренними врагами всяческого черносотенства и мракобесия. Литература этого сорта тогда не мешала мне делать моё дело, не мешает и теперь, не помешает и впредь. Бывший птицелов, я, и не видя птицу, знаю, какая поёт. Знаю также, что «реформы», например, реформы Петра Первого, тоже порицались людьми, которым сладко было жить «по старинке».

Но в Союзе Советов ныне работает не Пётр Великий, а Великий Иван – рабочий и крестьянин под одной шапкой, и дело идёт не о «реформах», а о коренном преобразении всех основ старенькой жизни. Поэтому вполне понятна скверна и хула, изрыгаемая любителями уютной старины на рабоче-крестьянскую власть, которая неумолимо ведёт всю трудовую массу к возрождению.

Мне известно, что в России было и есть много плохого; имею основание думать, что это известно мне лучше, чем авторам анонимных писем. Но никогда и нигде ещё хорошее не было так хорошо, как теперь в России. И никогда нигде плохое не было так безжалостно обнаружено, нигде не борются против него так энергично, как в Союзе Советов.

Авторы анонимных писем и вместе с ними господин Дан из «Социалистического вестника» желают знать: почему я теперь говорю не то, что говорил в 1917 году? Отвечаю: в 1917 году я ошибался, искренно боясь, что диктатура пролетариата поведёт к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы, и что гибель их надолго затемнит самую идею социальной революции. Известно, что тогда ошибался в этом не один я, а и ещё многие из большевиков. Тогда же огромное количество интеллигенции поняло, что тоже ошибалось, считая себя революционной силой. С той поры протекло десять лет, и за это время в России – во всех областях труда и творчества – сделана изумительная работа, хотя работе этой всячески мешала и продолжает мешать «культурная» Европа при усердном подуськивании её буржуазии русскими эмигрантами, людьми, которые «ошиблись» и отвратительно озлоблены своими ошибками, а также сознанием своего ничтожества. Я не льщу рабоче-крестьянской власти, а искренно восхищаюсь её работой, её умением вдохновлять людей на труд и творчество. Вам не нравится, что восхищаюсь? Было бы странно, если б вам это нравилось. Должен сказать, что я не помню случая, когда мне хотелось бы «нравиться» кому-нибудь, а особенно – людям вашего умонастроения. Разумеется, я не протестую против тех скверненьких ругательств и угроз, против лжи и клеветы, которыми вы меня награждаете от «нечего делать» и столь усердно. Я ведь знаю, что свобода сквернословия – ваш лозунг и наша забава. И что же бы вы делали, если бы не умели лгать?

Господин Дан в своей статье указал, что я, прежде чем напечатать мой привет рабоче-крестьянской власти и английской газете, «счёл нужным послать его на одобрение начальства». Мало-мальски «приличный», «порядочный» человек не написал бы такую пошлость, господин Дан – написал.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Затем он, в странном единодушии с анонимами, кричит о «жестокости»
рабоче-крестьянской власти, очевидно, забыв о недавнем прошлом, о массовых
расстрелах рабочих, о «случае на Лене», о еврейских погромах 903 года, о 9
Января и о многом прочем в этом духе, об Амурской колёсной дороге, о десятках
тысяч людей на каторге, о гнусной войне 1914–18 годов и, наконец, о том, что
делали в России белые генералы при благосклонном участии некоторых русских
«революционеров» и множества «высококвалифицированных» интеллигентов. Господин
Дан, очевидно, не понимает, что есть жестокость, возникающая в народе из чувства
мести за те бесчисленные и цинические мучения, которые он пережил, и есть
жестокость самозащиты народа, окружённого тайными и явными предателями,
непримиримыми его врагами. Эта жестокость вызвана и – тем самым – оправдана.

Но есть жестокость паразитов, которые, привыкнув жить за счёт энергии
порабощённых, пытаются вновь поработить народ, завоевавший свободу. Эта
жестокость не может найти оправдания.

Напоминаю об этом господину Дану, конечно, не для полемики с ним, а для поучения
его.

[Рабселькорам]

Кое-кто из товарищей поняли меня так, как будто я советую писать только о
хорошем, только о тех достижениях рабоче-крестьянской власти, которыми она может
вполне законно гордиться, только о тех подвигах единиц в области труда,
творчества и организации нового быта, которые должны бы нас удивлять и радовать.

Такое понимание неправильно, и в моём письме товарищу Сапелову данных для него
нет.

Я ведь жизнь и людей знаю довольно прилично и знаю, что если б я посоветовал
писать только о хорошем, так, пожалуй, газетам частенько не хватало бы
материала.

Нет, писать о плохом необходимо, и советская пресса – в частности, зоркая
«Рабочая газета» – делает это отлично, с той беспощадностью, с которой и следует
делать эту важнейшую работу.

Но вот что:

Есть немало людей, которые, подобно свиньям, питаются отбросами. Их радуют
неудачи, ошибки, преступления и всякая грязь. Они жуют её с величайшим
наслаждением и, смочив гниленькой слюной своей, снова отрыгают в жизнь. Для
примера возьмём эмигрантскую прессу. Она питается почти исключительно
перепечатками из советских газет, с радостью выбирая из них всё, что похуже, что
может опорочить крестьян, рабочих и создаваемой ими новой строй жизни.

Жвачкой эмигрантов питаются, в свою очередь, буржуазные газеты Европы, а эти
газеты читает и европейский пролетариат. Классовое сознание – превосходная сила,
но если и мощную машину изо дня в день засорять всякой пылью, грязью, – машина
будет работать хуже.

Отсюда опять-таки не следует, что о плохом нужно молчать, но следует помнить,
что со всех сторон извне, а также изнутри, – всё, что говорится в Союзе Советов,
подслушивают чуткие, непримиримо враждебные уши.

«Чубаровщина» – явление не новое. В девяностых годах самарские «горчичники»,
ростовские «солохи», петербургская организация хулиганов «Роща» и подобные ей
тоже насиловали девиц, но в старое время факты таких насилий не всегда доходили
до суда, – гласность была неудобна для администрации. Европейская пресса
раздувала «чубаровщину» так, как будто это – новое явление, созданное именно вот
вчера, возможное лишь при Советской власти. Половая распущенность и преступность
в городах Европы, бесспорно, шире и глубже, чем в Союзе Советов, но каждый
преступный акт, совершенный у нас, эмигрантская печать рассматривает как нечто
возможное только в среде русского народа, а клевету эмигрантов опять-таки
подхватывают иностранные газеты и знакомят с нею рабочих Европы.

Одичавшая от злости газета «Руль» с великой радостью перепечатывает роман
Малашкина «Луна с правой стороны», но ни «Руль» и ни одна эмигрантская газета не
заметят хороший роман Сергея Семенова «Наталья Тарпова».

Разумеется, я не жду, чтобы пресса эмигрантов знакомила пролетариат Европы с такими фактами, как сообщённый товарищем Судьиным о шестидесятичетырёхлетнем рабочем Орлове, вошедшем в партию; как факт, сообщённый мне ярославским селькором, что село в 142 двора выписывает 52 газеты; как бесчисленное количество мелких фактов, каждый из которых неопровержимо говорит о быстроте культурного роста трудовой массы.

О чём говорит эмиграции армия рабкоров и селькоров обоего пола, будущая интеллигенция от земли и фабрики, будущие журналисты, руководители советской прессы? О чём говорит им раскрепощение женщины, грамотность «инородцев», которых грамота быстро сделает культурными людьми?

Обо всём этом и многом другом буржуазия, конечно, не может сказать «доброего слова», но если рабкор или селькор неграмотно напишут иностранное словцо, она с величайшей радостью и много будет говорить о падении грамотности в Союзе Советов.

В итоге я скажу вот что: чем выше влезешь, тем больше видишь.

В Союзе Советов люди поднимаются вверх по-«хорошему», по тем ступенькам «хорошего», которые они сами создают. Чем заметнее будет подчёркнуто, ярче рассказано «хорошее», – тем яснее будет видно «плохое», тем постыднее покажется оно.

Всё познаётся по сравнению. Товарищ Судьин указывает: «Падаешь духом... Неужели только одно плохое?» – спрашивает он.

Я знаю, что это не одинокий голос. В глухих углах Союза работают тысячи людей, создавая «хорошее», но не зная или плохо зная, что ещё и где ещё делается «хорошее»-то. Вот это незнание и понижает энергию маленьких творцов великого дела.

Товарищ Гурков пишет:

«Плохое привело к тому, что мы свернули голову буржуазному строю».

Это – неверно. Если бы не знали «хорошего», так не почувствовали бы в себе силы «свернуть голову плохому» для того, чтобы «хорошее» стало общим достоянием всей массы трудящихся, к чему и стремится товарищ Гурков.

Товарищ Зайцев:

«Хорошее у нас воспринимается как нечто должное, абсолютно закономерное».

Прекрасный, гордый взгляд на дело! Но я говорю о том, что у нас видят «хорошего» меньше, чем его есть в действительности, а ведь то, чего не видишь, не воспримешь.

Товарищ Гольц:

«Самолюбованием заниматься некогда».

Речь ведётся не о «самолюбовании», а о том, чтоб все работники были широко осведомлены обо всём, что «хорошего» делается в Союзе Советов. Не надо забывать, что есть товарищи, которым любоваться не на что.

На моё, уж не очень значительное, письмо к товарищу Сапелову (см. в этом же томе – ред.) за десять дней отозвалось более 300 товарищей. Я считаю, что это очень хорошо, и очень благодарен всем откликнувшимся.

М. Горький

P.S. И очень рад, что почти всем товарищам понравилась идея издания еженедельника или двухнедельника более или менее полных «сводок» по культурной работе и Союзе Советов. Эти сводки, поднимая творческую энергию строителей новой жизни, дадут им в руки прекрасный материал для пропаганды.

М.Г. Сорренто 30 декабря 1927 г.

[Протест против суда над И. Бехером]

Талантливых людей сейчас очень немного. Европа XX столетия производит их скупое. Иоганнес Бехер – прежде всего талантливый человек. Я не могу судить о красоте и силе его стихов, но думаю, что они не уступают его прозе. «Люизит (единственная справедливая война)» Бехера – превосходное произведение художника, вдохновлённого любовью и ненавистью.

Иоганнеса Бехера ждёт наказание за то, что он страстно любит и страстно ненавидит.

Его будут судить люди, молящиеся Христу, которого убили за то, что он любил и ненавидел.

На мой взгляд, стало быть, на взгляд атеиста, тут маленькое противоречие, господи христиане. Но противоречия – дело настолько обычное у вас, что вы, наверное, не обратите на это особого внимания. Во время суда над Бехером вы будете руководствоваться чувством личной мести по отношению к человеку, дерзнувшему честно, бесстрашно и талантливо показать вам правду.

Я знаю, что европейская буржуазия нисколько не гнушается своих преступлений. Что может устроить её после того, как она принесла в жертву миллионы людей на полях Франции?

Бехер потрясающе хорошо изобразил в своём «Люизите», как лучшие силы рабочих масс заживо сгорают в облаках ядовитого газа единственно для того, чтобы могли появиться на свете военные спекулянты Раффке и другие чудовища. Четыре года гнуснейшей бойни привели к тому, что часть победителей надолго обескровлена, а побеждённые вконец разграблены. Выиграл на этом только Третий, всё более глупеющий от гордости, потому что он уверен, что он умней и сильнее, чем все остальные. Все – тайно или открыто – стремятся к новой войне, которая обещает быть ещё бессмысленней и глупее прежней.

Один из «героев» «Люизита», Брац, с замечательным цинизмом заявляет:

«Война – необходимый фактор для развития культуры, наивысшая сила и проявление жизненности наших культурных народов.»

Вот это действительно чудовище, которому место в тюрьме. Вот кого надо предать суду!

Если Иоганнес Бехер будет осуждён, это будет равносильно оправданию авантюристов и проходимцев типа Браца.

Мне кажется, буржуазии давно уже следовало бы понять, что такие «меры самозащиты», как суд над Бехером, как убийство Сакко и Ванцетти после семи лет мучений, не спасут её от неотвратимой гибели, а только усилят ненависть к ней и приблизят, таким образом, её падение.

Буржуазия уже ничего не может предложить. У неё уже нет тех средств, которые позволяли ей прежде держать и цепях рабочие массы. У неё больше нет никакой религии, никакой идеологии, которая могла бы оправдать её преступления.

Единственным основанием, благодаря которому она ещё держится, является бессовестная эксплуатация научных сил, обогащающих её промышленность и технику.

Но и это, конечно, ненадолго: люди науки отличаются большей проницательностью, чем остальные, и им, конечно, скоро станет ясно, что, работая на паразитов и «шиберов», они работают не для «культуры», а в ущерб народу и собственным интересам.

Я призываю всех честных людей протестовать против суда над Иоганнесом Бехером, виновным единственно в том, что он честен и талантлив.

Рецензия

Пришёл из деревни отличный поэт Сергей Есенин, быстро заставил полюбить его

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта милые стихи; немножко чрезмерно возгордился этой дешёвой любовью; затем почувствовал дешевизну её и был многократно уязвлён завистью к его славе; затосковал: начал отравляться нечестными удовольствиями города, потом стал бунтовать против него детским бунтом и, разбив об город некрепкое сердце своё, погиб.

Драма совершенно законная. Вероятно, и ещё не один талантливый человек погибнет, если не сумеет понять, почувствовать глубокое и всем ходом истории обусловленное значение того, что называется «смычкой» города и деревни. Трудно лирикам жить во время эпическое, в героические будни, я бы сказал.

А вот Госиздат напечатал книжку стихов крестьянина Михаила Исаковского «Провода в соломе». Этот поэт, мне кажется, хорошо понял необходимость и неизбежность «смычки», хорошо видит процесс её и прекрасно чувствует чудеса будних дней. Он пишет такие стихи:

«Радиомост

Каждый день суров и осторожен,
Словно нищий у чужих ворот:
Был наш край от мира отгорожен
Сотней вёрст, десятками болот.
Эта глушь с тоскою неразлучна,
Ветер спал на старом ветряке.
Падал дождь. И было очень скучно,
И дремали мысли в тупике.
Но взметнулись, вспыхнули зарницы.
Чрез болота, пашни и кусты,
К деревням и сёлам из столицы
Протянулись радиомосты.
И в углу прокуренном нардома,
Сбросив груз соломенной тоски,
Вечером доклад из Совнаркома
Слушали, столпившись, мужики.
Грудь полна восторженного гула,
Но кругом немая тишина, –
Будто всех внезапно захлестнула
Голубая радиоволна.
А когда невидимые скрипки
Зазвенели струнами вдали, –
Тёплые, корявые улыбки
На корявых лицах зацвели.
Этот день никто не позабудет,
Этот день деревню поднял в высь.
И впервые неохотно люди
По своим избушкам разбрелись.»

Он рассказывает, как отец его вырубал орешины и дубки для цепов, а затем:

«На вновь отстроенном общественном гумне
Отчётливо стучала молотилка.»
О том, как Ленин, «простой и добрый», приказал возвратить отобранную у бедняка единственную корову. Он, Исаковский, говорит:

«Нынче жизнь расценивает в грош
Разве только лодырь да калека.»
Он знает:

«Есть у нас прекрасная земля,
Остальное вырастим мы сами.»
И – о себе:

«Я потерял крестьянские права,
Но навсегда останусь деревенским.»
Вот это последнее, я думаю, уже неверно.

Михаил Исаковский не деревенский, а тот новый человек, который знает, что город и деревня – две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну, необоримую творческую силу, – слиться так плотно, как до сей поры силы эти никогда и нигде не сливались.

В сущности, именно этот мотив и звучит во всех стихах Исаковского:

«Разбудили сразу, растревожили,
Сердце бьёт во все колокола,
Мы воскресли,
Мы сегодня ожили,
Чтоб творить великие дела.»

Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью.

Впрочем, оговорюсь: я не считаю себя знатоком и тонким ценителем техники современного стиха. Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием.

[Ещё рабселькорам]

Мне приходится повторять то, что я уже сказал в начале моего второго письма к рабкорам, напечатанного в «Рабочей газете»: я не советую рабкорам писать только о «хорошем».

Но вот в первом номере журнала «Рабкор пролетария» редакция журнала поместила ещё пять ответов рабкоров, придав им такой заголовок: «Рабкоры говорят: мы за плохое». И подзаголовок: «Разве можно молчать».

Как будто я или кто другой убеждал рабкоров: молчите о плохом.

Эти пять ответов написаны шестью рабкорами, и четверо из них густо дымят таким пессимизмом, что для меня совершенно ясно: пыль и мусор различных мелочей жизни делают для них невидимыми результаты работы их класса за истекшие десять лет.

Товарищ Ульяновский написал даже нечто совершенно панихидное: «От плохого не уйдёшь».

Но если таково ваше мнение, товарищ, зачем же тогда «огород городить»?

Откуда и как является этот безнадежный пессимизм?

Я уверен, что причиной его является слишком узкий взгляд рабкоров на самих себя и на «свое». На себя они смотрят только как на уборщиков нечистот, а «свое» для них ограничивается пределами той фабрики, того завода, где они работают, откуда выметают сор и пыль. Такой взгляд мне кажется не только узким и неправильным, но – вредным. Вредным потому, что рабкор не является только уборщиком нечистот, хотя его труд по очистке жизни от грязи, хлама, от различных дрянненьких пережитков старины и напоминает именно эту работу. Однако это лишь внешнее сходство, по существу же рабкор – человек класса, который, взяв в свои руки политическую власть, успешно пытается овладеть всей хозяйственной жизнью страны для того, чтобы создать в ней неклассовое государство, государство людей, которые свободно работают на себя и для себя. Эта великая работа простирается дальше границ его страны, она ставит своей целью освобождение трудящихся всего мира.

С такой точки зрения для каждого грамотного и политически сознательного рабочего его труд, как бы он ни был мелок, каким бы ничтожным ни казался, – всё-таки является, по существу своему, великим трудом строения новой жизни. Такая точка зрения должна повышать энергию единиц, усиливать беспощадность в борьбе с грязными привычками людей, с их ленью, неуважением к труду, с бездушным отношением к людям, к пьянству, распутству и ко всяким прочим мерзостям жизни.

«Свое» для рабкора не только та фабрика, где он работает, не только то дело, которое он делает, «свое» для него – вся Страна Союза, всё, созданное и создаваемое в ней. Мрачный пессимизм большинства моих оппонентов тем и объясняется, что они суживают свое внимание на плохом и хорошем в пределах именно своей фабрики, не зная или забывая о всей коллективной работе, творимой в Союзе Советов рабочим классом.

Рабкоры А. и Н. Ефименко приводят такой факт: «У нас, на Макеевском заводе, в прокатном цехе, рабкоры писали только о недостатках. «Ничего хорошего у нас нет», – говорили они. Пошли мы по цеху, посмотрели – неправда. Есть хорошее».

Надобно знать вот что: каждая профессия налагает на человека свой отпечаток, так же как почти каждая профессия вызывает определённые болезни, например: наборщики, ткачи, скорняки предрасположены к туберкулёзу, торфяники, рыбаки – к ревматизму, грузчики – к болезням сердца и так далее. Можно развить в себе и уродующую склонность к подчёркиванию «плохого». У меня был приятель, токарь и резчик по дереву, он превосходно резал из «напльвов» различные мелкие вещи. Иду я с ним сосновым бором, около Мурома, вокруг отличные, стройные мачтовые сосны. И вот приятель говорит мне:

– Красота – деревья, а ни к чёрту для меня.

– Как, почему?

– Да напльва на них нет.

А напльв – болезненное уродство дерева.

Ассенизатор-«золотарь» убеждён, что если б он не чистил выгребных ям, – все люди города задохлись бы в грязи. Он, по-своему, прав, и токарь тоже прав, но исключительная сосредоточенность на таких «правдах» очень мешает правильной и точной оценке великой правды коллективного труда. Человек должен быть выше и шире своей работы, тогда его работа будет лучше. На работу надо смотреть, как на игру оркестра музыкантов: они играют на различных инструментах, а получается превосходная музыка. Вот к такой музыкальности, к такому единодушию в труде и должен стремиться рабочий класс.

Товарищ Рябченко из Днепропетровска играет на большой медной трубе, генерал-басе. Играет он – отлично. Его длиннейшее письмо ко мне, к «дедушке», – чудесное письмо. Мне кажется, что товарищ Рябченко мог бы писать сокрушительные фельетоны, что он – один из тех рабкоров, которые со временем будут мастерами советской прессы. Как видите, я не могу не отметить «хорошее», где бы и в чём бы оно ни мелькнуло. Но я не думаю, что это такая же болезнь, как болезнь тех рабкоров, которые решительно говорят: «Мы – за плохое». Я считаю, что это у меня черта «биологическая», что она – от душевного здоровья, от ненависти к «плохому», от того, наконец, что я слишком много видел, вижу «плохого», и оно мне надоело. И оттого ещё, что я знаю: человек – хорош, а живёт и работает плохо, потому что ему не давали свободы работать хорошо.

Так вот – я говорю: очень хорошо играет товарищ Рябченко на большой медной трубе. Но если все у нас начнут играть только на генерал-басах – какая же это будет музыка, товарищи? Трубы – дудят, барабаны – трещат, а скрипок, виолончелей не слышно. Послушают люди этот свирепый шум и мрачно согласятся с товарищем Ульяновко:

«Да, от плохого – не уйдёшь».

В конце концов – на чём же я настаиваю? А вот на чём: рабкоры и селькоры обоюго пола должны смотреть на себя как на хор, выражающий все тревоги и радости, все ошибки и успехи, все культурные запросы трудовой массы, все уклонения единиц её к старому хламу и сору, которого ещё так много и в человеке и вокруг него. Я знаю, что рабкорство и селькорство делает всё это уже хорошо, но знаю, что это можно бы делать значительно лучше, если рабкоры и селькоры станут расширять свою грамотность – и просто грамотность и социальную грамотность. Под социальной грамотностью я подразумеваю знание того, что достигнуто и достигается рабочим классом, передовой и революционной силой страны, на его путях к созданию новых форм государства, – тут есть чему порадоваться.

Ошибок много, товарищ Рябченко. Ошибки – неизбежны. Критиковать – легко, работать – трудно, это вы знаете. Не мешает помнить, что похвала успешнее лечит людей, чем порицание. А если на человека только орать, как это делали хозяева, человек – обижается. К тому же порицание далеко не всегда – поучение, а ведь нам следует именно учиться и учить друг друга. Мало сказать: не делай так. Надо ещё прибавить: вот так делай.

В нашем отношении к человеку слишком ещё много тех привычек, которыми заразило нас классовое общество. Хозяин опасался хвалить работников, боясь, чтоб работник не зазнался и не потребовал себе кусочка хозяйских барышей. Именно охрана

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma барыша, стремление всеми средствами увеличить его было основной задачей, основным стремлением хозяина, – отсюда и выросли все мерзости жизни, как вы знаете. Человек рассматривался хозяином только как раб, как источник физической силы, которую можно превратить в деньги, в удобства, в радости хозяйской жизни, – это вам тоже известно.

Естественно, что тогда было выгодно рассматривать человека как негодяя, который ничего, кроме жесточайшей критики и порицания, с точки зрения церковной и всякой иной морали, – не заслуживает. Тогда обывательское и казённое «критическое отношение к действительности» было, в сущности, критическим отношением к человеку, которому всячески запрещалось изменять действительность к лучшему для себя.

Теперь отношение к трудящемуся человеку должно быть решительно изменено, теперь «мораль» должна быть построена на уважении к нему и к его работе. Рабкорство должно быть хорошо осведомлено о всей массе и обо всём ходе этой работы. Товарищ Терентьев пишет: «Хорошее мы все знаем». Сомневаюсь, так ли это? Да и мало знать, нужно ещё понимать и помнить. Надо знать, что за неполные 10 лет ваши товарищи создали в Союзе Советов уже не мало такого, чего нигде не было и нет.

Например: для крестьян созданы отличные газеты, журналы, популярно-научная литература по всем вопросам сельского хозяйства и быта; никогда, нигде крестьянство не видело таких забот о нём, как это делается у нас.

Селькор, избач должны знать, что в Соликамском уезде открыты и разрабатываются богатейшие залежи калийных солей – превосходного удобрения; они должны знать всё, что делается для деревни.

Рабкору не следует забывать, что рабочий класс выделил из своей среды десятки изобретателей, механиков, людей с высшим образованием, писателей, поэтов.

Учёными Союза Советов, которые работают – по их словам – так энергично и плодотворно, как им раньше не удавалось работать, – сделан целый ряд важнейших открытий, изобретений, найдено огромное количество ценнейших ископаемых. Превосходно работают краеведы, изучая Страну Советов. Нигде в других странах женщины не принимают такого активного участия в общегосударственной работе, как у нас.

Или – вот факт: в 1905 году племя чувашей пыталось создать газету, она существовала год, имея тысячу подписчиков на миллион чувашей. За последние 10 лет чувашаи создали 5 газет, одна из них имеет уже 10 тысяч подписчиков, выросло до тысячи [число] корреспондентов, существует чувашское книгоиздательство, создан в Чебоксарах национальный музей, библиотека, оркестр, хор. До революции было 30 чувашей с высшим образованием, сейчас их – 600.

Это – факт немалого значения, ведь и все другие племена Союза Советов так же быстро приобщаются к жизни активной, культурной, строят города, уходят от жизни кочевой к осёдлой. На всём пространстве Союза Советов, во всех его медвежьих углах и берлогах у рабочего класса есть – в лице рабкоров и селькоров – свои глаза, свои голоса, и никогда ещё ни в одной стране пресса не давала такой широкой и до ничтожных мелочей освещённой жизни, как это есть у нас.

Во всех областях жизни мы «уходим от плохого», и люди, склонные к мрачному унынию, как, например, товарищ Ульяновко, должны знать это для того, чтоб из потока энергичной коллективной работы черпать бодрость и силу, чтоб не поддаваться настроениям безнадежным, не говорить:

«От плохого не уйдёшь».

Неверно это – уходим. Бодрее, товарищи, учитесь чувствовать себя и на малом деле большими людьми.

Ещё раз повторяю: необходимо издание журнала «Наши достижения», – журнала, который давал бы возможно полную картину всего хода работы по созданию новых форм жизни.

М. Горький

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

8 марта 1928 г. Сорренто.

О пользе грамотности
Грамотность – необходима.

Это я говорю серьёзно: грамотность совершенно необходима для всех людей, а в особенности для тех, которые занимаются литературой.

Я вынужден напомнить об этом по следующей причине: молодой русский литератор, путешествуя «галопом по Европам» и посетив окрестности Неаполя, рассказывает в одной из московских газет: «Рядом – залив Адриатического моря, с другой стороны его отлично виден Везувий». Издревле ведомо, что Неаполь расположен на берегу залива Тирренского моря и залив этот называется Неаполитанским; что же касается моря Адриатического, то оно находится в другом месте, так что молодой писатель, путешествуя «галопом», врёт в карьер. А редактор газеты печатает враньё, не замечая его.

Можно бы и не обращать внимания на этот «анекдот», но мне приходится нередко видеть молодых писателей, и, к сожалению, все они более или менее предрасположены к творчеству именно таких анекдотов. И невольно жалеешь, что они путешествуют галопом, а не пешком, как это делают немецкие студенты.

Современные русские люди вообще приезжают в Европу как будто лишь затем, чтобы посмотреть, как она разваливается, и смекнуть, скоро ли рассыплется в прах и пыль. Спросишь путешествующего галопом:

– Как вам нравится море?

Он гордо отвечает:

– Что у нас своих-то морей нету, что ли!

Эта гордость своими морями и презрение к чужим распространяется и на всё, чем богата европейская суша. Например – музеи. В них многому можно поучиться, многое можно понять. Но «гордый росс», снисходительно шагая по помпейским залам Неаполитанского музея, скучно ворчит:

– Не понимаю. Не понимаю.

Казалось бы, если не понимаешь, попытайся понять; понимание – это очень хорошее человеческое дело. А молодой российский литератор «не понимает» для того, чтобы другим ясно было: все что-то понимают, многие удивляются, а вот он, который из Москвы, – не понимает. Даже не хочет понимать.

Другой, галопирующий по залам Уффици, может ошеломить таким умозаключением:

– Чёрт возьми, какая масса красок истрачена!

Кроме музеев и величественных обломков древности, которые тоже хорошо учат понимать прошлое народа, его творчество, его работу, в Европе и по сей день люди работают очень много, упрямо, разнообразно. Крестьянин юга Италии работает на своей земле круглый год, а не пять-шесть месяцев, как русский крестьянин. Факт интересный и способен навести на размышления весьма поучительные. Не заметно, чтоб этот факт заставил людей размышлять, точно так же, как не заметны для галопирующих путешественников искуснейшие и тяжёлые каменные работы итальянских крестьян. Вообще работа, быт – не возбуждают любопытства молодых россиян. И, когда читаешь очерки их путешествий, удивляешься, как мало люди видели и как плохо видели то, на что взглянули с практической целью – описать. Очень мало обнаруживают интереса молодые путешественники к прошлому и настоящему чужих стран.

Возможно, что есть вещи, не знать которые приятнее, чем знать. Но я – за то, чтобы знать всё. Писатель обязан знать как можно больше.

Молодые писатели мало знают. Очевидно, поэтому они плохо усваивают сходства и различия между вещами, звуками, красками, явлениями природы.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Верней клади ступень ноги», – советует один поэт, не замечая некоторого несходства между ступней ноги и ступенью лестницы.

Другой рассказывает:

«Бренчит пролётка запоздалым цокком», – у этого нет ясного представления о звуках: он не понимает, что бренчать и цокать пролётка не может, что цокают подковы лошади, а не пролётка.

Прозаик пишет:

«Он щёлкнул щиколоткой калитки» вместо – щеколдой.

Другой:

«Мальчишки влезали на крышу по оглоблям бочек», – речь идёт о пожарных бочках, но читатель имеет право думать, что писатель видел бочки, которые были скреплены вместо обручей оглоблями.

Третий пишет:

«Стёпка перестал вертеть задом кадушки».

Четвёртый:

«Собака вертелась вокруг своего хвоста, скусывая репьи».

Пятый:

«Он принял её рассказ многозначительно».

Это напоминает мне фразу из эмигрантской газеты «Руль», тоже очень малограмотной:

«Дожди в Бразилии распределены благоразумно».

Иногда молодые литераторы пишут трогательно: «У него на левом глазу гляделось бельмо. Для своей же матери он был красивей всех детей на свете. Ни за какие бриллианты и золото не рассталась бы она с этим бельмом».

И пишут так прелестно:

«А полночь уже заводила свои звёздные часы гранёным ключиком частого сентябрьского сверчка».

Почти все эти прелести выписаны мною из первых двух книжек журнала «Октябрь» за 1927 год. В журнале этом один из его сотрудников пишет таким языком:

«Это огромный минус, через пару лет он сведёт на нет все наши плюсы».

«Октябрь» редактирует старый, опытный литератор А.С. Серафимович. Он, конечно, может указать мне, что и «зрелые» писатели тоже частенько грешат против русского языка, что в романе М. Шагинян есть: «длинногорлышевая бутылка», «подливки, жареные на сковородках» и много других чудесных вещей, что у Пильняка «рис, так же как и хлеб, может вариться различными способами», что, наконец, Георгий Гребенщиков в журнале «Вольная Сибирь», кн.1, стр.75; пишет так:

«Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одобрявший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, ни Г.Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму его, потанинское, зная, – никто не сделал из меня своего честного последователя» [7].

Можно указать ещё немало различных «описок» из произведений именитых литераторов, но эти описки, ошибки и небрежности никого не оправдывают.

Заметно, что молодые поэты не читают своих товарищей-прозаиков, а прозаики не читают поэтов. Отношения строятся как будто только на знакомстве личном или на

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
чтении рецензий, которые нередко пишутся людьми, не умеющими внимательно читать,
– пишутся небрежно, неубедительно и без сознания ответственности перед
читателем.

Молодой писатель присылает образцы своего творчества, и среди них – рецензия с
недопустимым указанием на инородческое происхождение автора рецензируемой книги.
Когда его спросили письмом: как же он не понимает, что таких штук нельзя делать?
– он ответил: «Я ещё обучаюсь».

Но, обучаясь не понимать, он уже пишет строжайшие рецензии о товарищах, а, мягко
выражаясь, «снисходительные» редакторы печатают их.

Спрашивая литераторов о литераторах, слышишь в ответ не характеристики
творчества, а такие оценки:

«Славный парень». «Весёлый». «Здоровый». «Пьёт». «Бабник».

Это напоминает мне Р.М. Рильке. Когда его спросили: что он думает о Питере
Альтенберге, он сказал:

«Кажется, я с ним однажды завтракал на Пратере».

Сейчас молодая литература является коллективным делом класса, который взял в
свои руки, в свою волю власть над огромнейшей страной и энергично, успешно
создаёт в ней новую культуру, новый быт. Эта работа должна иметь – и она имеет!
– неоспоримое воспитательное значение для трудящихся всего мира. Русский рабочий
класс вправе сказать, что он наполняет понятие «общечеловеческого» действительно
общечеловеческим содержанием, которое осваивается пролетариатом всех стран.
Необходимо, чтобы в каждой отрасли труда и творчества, несмотря на различие
индивидуальностей, была ясно видна и чувствовалась эта дружная, коллективная,
единая сила, творящая новый мир.

От бесед с литераторами и чтения журналов определённо веет затхлостью злейшей
«кружковщины», вредной замкнутостью в тесных квадратах групповых интересов,
стремлением во что бы то ни стало пробиться в «командующие высоты». Это особенно
характерно в таком учреждении, как «Леф», где несколько самохвалов пытаются
смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы.

Если А принадлежит к группе Б, то все другие буквы алфавита для него или
враждебны, или не существуют. Это бывало и раньше, но не так и не в такой мере.
«Реалисты» и «символисты» тоже недолюбливали друг друга, но у них для этого были
более основательные причины. Леонид Андреев в одном из своих писем весьма
неплохо сказал, что символисты «фабрикуют литературу для купцов, пересаживают
Верлена в Замоскворечье Островского, где толстым людям надоело играть в шашки и
в стуколку». «Реалистам» было вполне понятно, почему профессор Е. Аничков
публично радуется исчезновению с книжного рынка «зелёных сборников» «Знания» и
почему на место их являются альманахи другого тона. Но враги читали и знали друг
друга; и если А.А. Блок писал рецензию, скажем, о Горьком, так Горький в этой
рецензии находил кое-что технически полезное для себя. Враг – хороший учитель.
Казалось бы, что и друзьям тоже следует читать и знать друг друга, что друг тоже
должен быть хорошим критиком. Этого не замечаешь.

Например, А.С.Серафимович решительно говорит о Герасимове и Кириллове:
«Погибли». Думаю, что старый писатель слишком торопится вычеркнуть из литературы
этих талантливых поэтов-рабочих. Столь суровое заявление – уже не критика, а
что-то похожее на «смертный приговор». Я нахожу, что так швырять людей нельзя и
что такие приговоры – дурной пример для молодых критиков.

Весьма возможно, что некий Ханин, человек явно и слишком молодой,
руководствовался именно таким примером в заметке «О творчестве Иосифа Уткина»,
напечатанной в журнале «На литературном посту». Обвиняя Уткина в
«мелкобуржуазном уклоне», он говорит: «Нет человека вообще, а есть человек,
принадлежащий к тому или иному классу». Открытие не очень новое. Но я разрешу
себе сделать к нему некоторую еретическую «поправку». В коммунистической партии
есть немало пришельцев из других классов; это Ханину, наверное, известно.
Основоположник и гений партии – не рабочий. Кроме «классового сознания», есть
ещё сознание истинности и творческой силы классового сознания, сознания его
исторической необходимости быть творцом нового государства, новой культуры.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Именно это сознание вовлекло в жизнь рабочих – людей иных классов и дало им силы организовать партию. Коммунизм именно поэтому действительно, единственно и насквозь революционен, что ставит целью своей уничтожение классового общества, классового человека.

Против «общечеловеческого» в старом смысле этого слова писатель и критик – коммунисты – должны бороться, это неоспоримо; но это – борьба против низкой оценки человека, против неуважения к труду, против физической и умственной лени и безразличного отношения к действительности, против самохвальства, против неуважения к женщине и мещанского распутства, которое ошибочно именуется «скотским», ибо скоты не распутны, – борьба против тех гнусных пороков, которые привиты всем нам классовым государством. Все эти мерзости и множество других – «общечеловеческое», но старое и обречённое на гибель.

В мире уже создаётся другое общечеловеческое, старое понятие наполняется новым смыслом. В отношении к этому факту завет «не вливайте вино новое в мехи старые» – неуместен, ибо здесь и вино и мехи одинаково новы. Казалось бы, что в стране, где рабочий становится полным хозяином государства и где среди множества «общечеловеческих» негодников вырастает всё более людей поразительной творческой энергии, душевной чистоты и талантливости, – в этой стране следует очень хорошо помнить о возникновении нового и настоящего общечеловеческого.

Неправилен и протест Ханина против слов Уткина:

Кипит, цветёт отчизна,
Но ты не можешь петь,
А кроме права жизни
Есть право умереть.

У людей, которым «не по душе» «кипение и цветение отчизны», которые сами себя признают негодными для того, чтобы жить и работать, – у этих людей нельзя отнимать права умереть. Эмигрантам Ханин, манерное, не откажет в признании за ними права умереть?

Отношение к молодым и начинающим писателям не бережно, недостаточно заботливо и внимательно. Критика учит их политграмоте, тогда как должна бы учить литературной технике. Для обучения политграмоте есть люди более осведомлённые и талантливые, чем критики и рецензенты. «Леф» убеждает молодёжь не учиться у классиков, это – совершенно напрасно. Литературной технике, языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина. Бояться идеологической заразы – значит не верить в силу классового самосознания.

Литераторы, из рассказов которых я взял малограмотные фразы, не должны обижаться на меня, ибо у меня нет намерения высмеивать их. Я не способен на это, потому что в своё время сам испытал мучительный стыд малограмотности. Через головы молодых писателей я обращаюсь к редакторам журналов, в которых напечатаны рассказы с подчёркнутыми погрешностями против техники дела и против языка.

Как же читаются рукописи, если возможны такие обмолвки, описки, ошибки? Редактор – это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Щедрин Сергея Атаву-Терпигорева, как помогал встать на ноги Осиповичу-Новодворскому и целому ряду других писателей. Так же отлично воспитывали молодёжь В.Г. Короленко и А. Горнфельд, делали эту работу Викт. Острогорский, А. Богданович, Викт. Мироллюбов.

В наше время обязанность редактора – помогать начинающему писателю – особенно ясна, и редактор должен быть ещё более богато технически вооружён, чем названные мною редакторы дореволюционных журналов. Не говоря о том, что редактор должен знать больше писателя, он должен непрерывно учиться своему делу. У нас развивается процесс небывалый никогда и нигде – в литературу идут сотнями люди от сохи и от станка, но это – вовсе не много для страны с населением в полторы сотни миллионов. У многих молодых есть несомненные таланты, почти у всех – огромный жизненный опыт, какого не было у писателей моего поколения, у людей, которые проходили в литературу сквозь гимназию, университет, от хорошей книги, то есть технически вполне подготовленными к делу. Я мог бы назвать среди старых писателей несколько человек, совершенно лишённых таланта и всё-таки сделавших

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma себе почтенное имя и хорошо послуживших русской литературе благодаря только отличному знанию языка. А сейчас существуют десятки крупно даровитых людей, которые почти не могут толково писать по причине своей технической беспомощности. Вполне возможно, что эти таланты погибнут, не сумев сделать того, что они могли бы сделать прекрасно и прочно, надолго.

Необходимо больше внимания к молодым литераторам, больше заботы о них!

[Тульским рабселькорам]

Во-первых, спасибо за товарищеское письмо; приятен его бодрый тон, и молодит меня, старика, ваше сознание важности той работы, которую вы делаете.

За работой вашего брата, рабкоров, я слежу, поскольку могу, внимательно и высоко ценю её. Ваша масса должна выделить для страны прекрасных журналистов, людей, которые не устанут, я думаю, в борьбе с гниленькой старинкой. Я знаю, что она всё ещё ноет, шипит и мешает жить по-новому, знаю, что работа ваша, рабкоров, не легка. Но знаю и то, что рабкору и селькору – будущая крупная сила страны, необходимая для освещения жизни многомиллионного крестьянства. Вы уже становитесь этой силой. Compliments я не говорю. Ну, до свидания. Жму руку.

А. Пешков (Максим Горький)

Ещё о грамотности

Прислал начинающий автор рукопись рассказа и в письме, приложенном к рукописи, сообщает:

«Рассказ понравился самому Фриче и одобрен Государственным учёным советом».

В рассказе 250–300 газетных строк, а суть его в том, что «бабушка, насквозь пропитанная старым режимом», пошла вслед за внуком своим, пионером, на какой-то советский праздник; там рабочие-булочники чудесным образом догадались, что она – мать Семёна, который был «мастером первой руки по французскому тесту», догадались и собрали ей «три червонца и ещё мелочью три рубля семнадцать копеек», после чего бабушка «закапала крупными, радостными слезами».

Автор умолчал о том, на сколько процентов понизилась в «капающей» бабушке пропитанность «старым режимом». Рассказ сочинён с целью прославить внучка, маленького подхалима, который удивительно напоминает читателю благонравнейших мальчиков «детской литературы» восьмидесятых – девяностых годов, когда издавался журнальчик «Ватрушечка» и на каждой его странице изображались именно такие вот отвратительно прелестные мальчики, как этот внучек «капающей» бабушки.

Написан рассказ, одобренный, – по словам автора, – «самим Фриче и Учёным советом», в таком тоне:

Бабушка Анисья насквозь пропитана старым режимом, живёт на «способность» – за сына покойного и на внука каждый месяц получает.

Бабушке Анисье на седьмой десяток, и тяжело ей ходить по божьей земле. Но пожить бы надо – мал ещё внучек Костюшка, всего только девять годков сравнялось.

Сегодня бабушка Анисья Ипполитовна обедню отстояла, сынка родного, Костюшкиного отца, за упокой помянула, и на душе легче стало, только уморилась – крепости нет в ногах, да башмаки тяжёлые, давние они, башмаки-то, у бабушки...

Пугливо озирается бабушка по сторонам, – больно шумно в Москве, потому завтра тоже большой праздник, только не бабушкин, а Костюшкин.

Озирается бабушка Анисья, а сама шепчет о чём-то, должно быть, о Костюшке: умный у ней Костюшка и родни только что он один.

И таким «маслицем», таким паточным языком сделан весь рассказ. Словечки автор подобрал мягкие, «трогающие за душу»: «хлебец», «младенчик», «маслице», «кусочек», «ватка». Но революцию бабушка называет «грехоманией», – это, конечно, выдуманно автором, сама бабушка столь мудрого слова выдумать не могла.

Язык рассказа таков: «Обедали селёдку с луком и уксусом, потом – картофель в мундире», «Отец-то его вроде с ума свихнулся под горячку» и так далее всё в этом

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma роде.

Проклятая эта бабушка, обнаруживая полную беспомощность автора, упоминается по десяти раз в пятнадцати строчках, а всего имя её встречается около двухсот раз на двадцати страничках рукописи. Читаешь – и всё: бабушка, бабушки, бабушку...

Тот факт, что «Учёный совет одобрил» рассказ, конечно, на совести автора. Но боюсь, что автор не погрешил против истины и что комиссия по детской книге при Государственном учёном совете действительно «одобрила» рассказ. Из поданного ленинградским отделом этого Совета заявления в коллегия Наркомпроса явствует, что в комиссии этой сидят люди, суждения которых о литературе совершенно не обоснованны и безответственны, а огонь, воду люди эти считают «абстрактными понятиями».

Каждый раз, когда сталкиваешься с такими удивительными проявлениями анекдотической безграмотности, она кажется не простой безграмотностью, а «нарочной», злостной, она вызывает такое впечатление, как будто люди сознательно стараются скомпрометировать деятельность Советской власти. Я подчёркиваю: именно такое впечатление получаешь, читая отзывы комиссии, бракующей хорошие книги для детей.

«Малохудожественно», «далеко от художественности», «малоинтересно», «неинтересно». А почему «малохудожественно», «далеко от художественности» – комиссия умалчивает. Умолчание – недопустимое. Если комиссия хочет видеть книги для детей «много» художественными, она должна бы объяснить, как «много» и какой художественности она требует от бракуемых ею книг. Мне кажется, что представление о художественности для комиссии – неясно. Меня убеждает в этом факт, что комиссия бракует некоторые книги на том основании, что видит в них «вымысел».

Сказка о «ковре-самолете» – тоже вымысел, так же как древний миф о первых людях, полетевших по воздуху, – Дедале и сыне его Икаре. Этот «вымысел» был вызван к жизни стремлением человека летать. Комиссия, вероятно, знает, что ныне «вымысел» – реальность, осуществляемая на фабриках аэропланов. Подводная лодка Жюль Верна – тоже вымысел. Полёты на луну – безумнейшая фантазия, но в наши дни к ней готовятся совершенно серьёзно. Вымыслом является Архимедов бесконечный винт, ткацкий станок, паровоз, динамомашинка, двигатель внутреннего сгорания. То, что называется культурой, – насквозь человеческий «вымысел». Искусство живёт вымыслами, наука – реализует вымыслы. Именно вымыслы и домыслы поднимают человека над животными. Черви и быки навсегда пребудут такими, каковы они есть, потому что лишены способности мыслить – «вымышлять», «домышлять». «Художественность» без «вымысла» – невозможна, не существует. И, если комиссия по детской книге хочет, чтобы в новой России выросли действительно новые художники, новые творцы культуры, – она не должна отрицать «вымыслы», убивать в детях фантазию, ибо люди уже научились претворять свои фантазии – «вымыслы» в действительность и было бы преступно стремиться погасить в детях это свойство человека – творческое свойство. Пора усвоить простейшую и очевидную истину, создаваемую трудом: чем дальше, тем всё легче современная техника превращает вымыслы и домыслы, фантазии и гипотезы – в реальности, вооружающие человека в его борьбе за жизнь.

О пролетарском писателе

Письмо литкружковцам профтехнической школы города Покровска
Дорогие товарищи! Лично меня не интересуют споры критиков о том, «пролетарский» писатель я или не «пролетарский». В массе юбилейных поздравлений, получаемых мною от рабочих со всех концов Союза, рабочие единодушно именуют меня «нашим», «пролетарским» и «товарищем». Голос рабочих для меня, разумеется, внушительнее голоса критиков. Я очень горжусь тем, что рабочие меня считают своим человеком, своим «товарищем», – это искренняя моя гордость и великая честь для меня.

А термин «пролетарский», на мой взгляд, уже не совсем отвечает действительному положению трудовой массы Союза Советов.

«Пролетариатом» именуется, как вы знаете, класс людей, живущих личным заработком и не имеющих иных средств к существованию. Но приложимо ли это наименование к рабочим и крестьянам Союза Советов, к трудовой массе, которая взяла в свои руки политическую власть в нашей стране и ныне постепенно овладевает всем хозяйством, всеми сокровищами страны? Вопрос этот должны решить вы сами.

Вы спрашиваете: «По каким признакам можно определить действительного пролетарского писателя?» Думаю, что таких признаков немного. К ним относится активная ненависть писателя ко всему, что угнетает человека извне его, а также изнутри, всё, что мешает свободному развитию и росту способностей человека, беспощадная ненависть к лентяям, паразитам, пошлякам, подхалимам и вообще к негодьям всех форм и сортов.

Уважение писателя к человеку как источнику творческой энергии, создателю всех вещей, всех чудес на земле, как борцу против стихийных сил природы и создателю новой, «второй» природы, создаваемой трудами человека, его наукой и техникой для того, чтобы освободить его от бесполезной затраты его физических сил, – затраты, неизбежно глупой и циничной в условиях государства классового.

Поэтизация писателем коллективного труда, цель которого – создание новых форм жизни, таких форм, которые совершенно исключают власть человека над человеком и бессмысленную эксплуатацию его сил.

Оценка писателем женщины не только как источника физиологического наслаждения, а как верного товарища и помощника в трудном деле жизни.

Отношение к детям как к людям, перед которыми все мы ответственны за всё, что делаем.

Стремление писателя всячески повысить активное отношение читателей к жизни, внушить им уверенность в их силе, в их способности победить и в самих себе и вне себя всё то, что препятствует людям понять и почувствовать великий смысл жизни, огромное значение и радость труда.

Вот в краткой форме мой взгляд на писателя, который необходим трудовому миру.

Вы знаете, что в этом мире рабочих людей пробуждается воля к власти, что процесс пробуждения этой воли развивается по всей земле, не только в Европе, но и в Азии, Африке.

И вы, авангард рабочей силы Союза Советов, должны знать, что для трудящейся массы всей нашей планеты вы являетесь примером и уроком, что к вам присматриваются десятки миллионов глаз, прислушиваются десятки миллионов ушей.

История возложила на вас, молодёжь, великий труд – быть проповедниками нового отношения к человеку, учителями строения новой жизни. Это обязывает вас дружно и усердно учиться, прежде всего учиться. Чем больше знает человек, тем он сильнее, это неоспоримо. А когда человек знает, как огромна и величественна цель, поставленная им себе, он становится ещё сильнее.

Тогда для него пошленькие «мелочи жизни», вся старенькая дрянь её, вся её грязь и «пыль веков», – всё то, что создаёт позорную психологию «мещанства», «мелкобуржуазности», – не существует, не может заразить писателя.

Он, писатель, не должен подчинять себя ядовитому хламу «бытовизма», а упорнее бороться против него; не должен скулить и охать, потому что «мелочи жизни» стесняют его, немножко мешают ему; он должен знать, что уродливости быта мешают всем и жалобами не одолеешь их; только смелая борьба, только упорный и радостный труд преодолевают все уродливости нашей жизни.

Писатель должен твердо знать и помнить, что человек по натуре своей не «негодяй», а существо, испорченное отвратительной организацией классового государства, – государства, которое не может существовать не насилуя людей, не возбуждая в них зависти, жадности, злобы, лени, отвращения к подневольному и часто бессмысленному труду, стремления к лёгкой наживе, дешёвеньким и дрянненьким удовольствиям, к распутству, пьянству и всяким пакостям.

Вы, молодёжь, должны знать и помнить, что есть люди, которым выгодно и необходимо утверждать, что «негодяйство» есть «врождённое», как говорят они, свойство человека, что оно коренится в его зоологических, звериных инстинктах, внушено и внушается «дьяволом», что все человеческие поступки – «выражение извечной борьбы дьявола с богом за обладание душой человека».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

В основе этой проповеди скрыто стремление ограничить, убить волю человека к лучшей жизни, к свободе труда и творчества, стремление воспитать его рабом классового государства и общества; эта проповедь рассматривает человека только как сырой материал, как руду, из которой можно делать топоры, цепи, штыки, утюги – вообще орудия, инструменты.

Проповедники этого учения тоже «негодяи», то есть люди, негодные для честной, активной, трудовой жизни, люди, которые не могут да и не хотят представить себе жизни в иных формах, чем те, в которые жизнь цинически и унижительно для трудового народа заключена. Учение о «врождённых» или от внушений дьявола исходящих злых инстинктах очень легко опровергается тем фактом, что так называемые «дикари» – негритянские племена Африки или наши сибирские племена – якуты, буряты, тунгусы – в сущности, очень хорошие люди, как это доказываются учёными этнографами.

Самое лучшее, до чего додумались наиболее совестливые или хитрые из этих проповедников, – «теория эволюции», медленного, постепенного развития форм общественной и государственной жизни.

Но совесть и хитрость – почти одно и то же. Вы уже знаете, что «эволюция» капиталистического общества привела к четырёхлетней кровавой бойне, истребившей десятки миллионов наиболее здоровых людей, вовлекла в эту бойню рабочих, социалистов, поверивших в спасительность «эволюции», вызвала невероятное одичание «культурной» Европы, расплодила бесчисленное количество мошенников, нажившихся на крови, грозит новой войной, ещё более свирепой.

Вы знаете, наконец, что проект всеобщего разоружения, предложенный Союзом Советов, отвергнут культурными людьми, верующими в спасительность теории эволюции.

Вы должны понять и навсегда запомнить, что эта гнусная трусость Лиги Наций есть не что иное, как окончательное банкротство европейской культуры и классового общества, обнажившего истинную, античеловеческую сущность свою до конца.

И, если вы хотите быть честными людьми, вы должны быть революционерами.

О белоэмигрантской литературе

Послесловие к книге Д. Горбова

И объективный тон и обоснованность суждений Д.А. Горбова лишает эмигрантов-литераторов возможности сказать, что несправедлива оценка, данная Горбовым их трудам во славу любимого ими русского народа.

Но если они ознакомятся с очерком Горбова, он, конечно, взбесит старых гуманистов, любителей народа, справедливости, истины, красоты, сотрудников «Освага», вдохновителей, сподвижников, а затем покорных слуг «интервентов» и русских генералов, которые, четыре года усердно разрушая хозяйство России, поливали её кровью народа, излюбленного гуманистами. Жестокость, с которой русские генералы делали это, является – на мой взгляд – неизмеримо большей, чем жестокость иностранных интервентов, посланных обезумевшими от взаимной драки правительствами европейских капиталистов для укрощения «безумства большевиков», а точнее говоря – для того, чтоб починить раны своей кожи, содранной с русского народа. Как известно, неблаговоспитанный и некультурный народ этот признал такую операцию излишней для себя, почувствовал в «безумстве большевиков» здоровый разум, выгнал из своей страны всех врагов и ныне успешно создаёт свою, действительную культуру. Эмигранты не хотят верить в это.

– Ничего не создаёт, а – погибает! – весьма единодушно говорят они. Кто это говорит?

Дмитрий Мережковский – известный боголюбец христианского толка, маленький человек, литературная деятельность которого очень напоминает работу пишущей машинки: шрифт читается легко, но – бездушен и читать его скучно. Россию Мережковский именуется «псицей», то есть сукой. В 1902 году он писал старику А.С.Суворину, выпрашивая у него денег на издание журнала: «Прибегаю к Вам, как Никодим ко Христу». Он знал, конечно, что редактор-издатель «Нового времени» ни внешне, ни внутренне не похож на Христа. А когда Суворин помер, он сопровождал умершего посылкой хулюю, это повело к тому, что «Новое время» опубликовало скверное письмо Мережковского, а Виктор Буренин напечатал четверостишие:

На всё спокойно мы глядим,
Однако – подивимся чуду:
Се – Мережковский–Никодим
Преобразился вдруг в Иуду!
Тот же Мережковский в 15 или 16 году напечатал в «Русском слове» статейку «Не святая Русь» и в конце статейки сболтнул: «Мы не с Толстым, мы с Горьким». Сболтнул он это из страха перед революцией, он вообще человек крайне трусливый. «Мы» – очевидно, «партия» Мережковских – небольшая партия, человек пять-шесть.

Зинаида Гиппиус – христианка, человек замечательно талантливый и столь же замечательно злой. В 1901 году она в концертном зале Петербургского кредитного общества, выйдя на эстраду в белом платье, с крыльями за спиной, объявила публике:

Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете.
Через 20 лет ей захотелось «повесить» большевиков «в молчании», то есть того, чего хотят все негодяи мира нашего. Так и написала:

Повесим их в молчании.
Как странно меняются вкусы!

Третьим в партии – Д.Философов, христианин, сын одной из замечательных русских женщин, друг профессионального террориста – то есть убийцы – Бориса Савинкова и горячий защитник Каверды, убийцы П.Л. Войкова. Четвёртый – Антон Карташев, христианин, профессор богословия. В прошлом году в одном из собраний парижских эмигрантов он истерически кричал, приглашая публику бить, резать, уничтожать большевиков. В том же прошлом году чехословацкое правительство, по сообщению «Последних новостей», объявило, что ему необходим палач. Эту почтенную должность пожелало занять семнадцать кандидатов, один из них – профессор богословия. Не знаю, Карташев ли это, но считаю возможным – он.

Достойным кандидатом в палачи я считаю господина Мельгунова, христианина, человека с холодненькими глазками и автора очень лживой книги «Красный террор».

В предисловии к этой книге он сам заявил, что не может «взять ответственности за каждый факт, мною приводимый», но факты привёл. Он знает, что «белый террор всегда был ужаснее красного», но обличает не белый, а красный. Знает, что «реставрация несла за собой всегда больше жертв, чем революция», но жаждет реставрации. Нет, какие странные вкусы у этих христиан, духовных вождей эмиграции!

Рядом с ними нужно поставить знаменитого черносотенца Маркова, тоже, конечно, христианина, человека с дубовой головой и замечательно невежественного. Если не ошибаюсь – это сын или племянник Евгения Маркова, автора романов «Чернозёмные поля», «Курские порубежники» и хорошей автобиографической книжки «Барчуки». Марков Второй, очевидно, явлен в мир как неоспоримое доказательство интеллектуального вырождения помещного дворянства.

Людей такого густопсового типа в эмиграции немало, и с ними постепенно сливается Пётр Струве, тоже знаменитость, «бывший» человек, которого когда-то называли «Иоанном Крестителем всех наших возрождений». Он был трубадуром развития русской промышленности. Недавно один из деятелей этой промышленности Гукасов по-хозяйски грубо выгнал его из своей газеты, хотя Струве служил хозяину своему честно и усердно. За Струве следует П.Н.Милюков, профессор, историк культуры, один из организаторов «Комиссии по руководству домашним чтением», в прошлом неутомимый просветитель русского общества, «конституционалист-демократ», затем министр и вообще великий грешник. Ныне он организовал «Республиканское демократическое объединение» и в номере 2302 своей газеты 12/VII 1927 года печатает:

«Не требуется, чтобы демос обладал знаниями, необходимыми для того, чтоб разбираться в сложных вопросах законодательства, или был знаком с техникой управления.»

«Не требуется» – напечатано курсивом и, очевидно, для успокоения «объединяемой негодницы». И, должно быть, ей же, негоднице, в угоду он помещает в газете своей множество рассказов о сенсационных убийствах, а также пошлейшие «детективные»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma романы, которым, конечно, не нашлось бы места в «Речи». Так закончил карьеру свою «просветитель».

Далее А.Ф. Керенский – «Александр Четвёртый». Последний раз я видел этого человека в Зимнем дворце, кажется, в комнате Александра Второго. Помню – он вызвал у меня впечатление юноши в квартире кокошки: юноша только что принёс девственность свою в жертву природе, но уже чувствует себя опытным и удалым распутником. Теперь он пишет однообразно истерическим стилем передовые статьи, проклиная людей, которые не позволили ему усидеть на облюбованном месте. Не знаю, помогает ли теперь, но раньше ему помогал в этом занятии Виктор Чернов, человек, сделанный из одних цитат, причем не очень искусно. Он тоже обижен, ему тоже не дали посидеть на хорошем месте. В жизни его были два чрезвычайно удобных момента, которые открывали перед ним возможность уйти от политики и заняться каким-нибудь другим делом, более посильным для него, – например, открыть небольшую торговлю дешёвыми шляпами. Первый момент – разоблачение его друга и провокатора Азефа, второй – изгнание из Учредительного собрания. Но он почему-то пропустил оба и всё ещё кем-то политически руководит, всё ещё «вождь».

Затем следует назвать Далиных, Талиных, Данов и ещё десятка два бывших людей и бывших социалистов, которых в своё время В.И. Ленин беспощадно трепал за уши. Вся перечисленная публика мучительно надоела друг другу, вся духовно обнищала, изъедена мелкой злостью. Год за годом, изо дня в день она упражняется в хуле и поношении большевиков, делая это уже далеко не так умело и даровито, как когда-то критиковала самодержавный строй, бюрократизм и ужасы русской жизни.

Всю её тайно и явно объединяет только одно желание: чтоб исчезли большевики, а русский рабочий народ поклонился им, «страдающим между собою» за него, – поклонился и попросил:

«Придите княжить и володеть нами».

Напрасное ожидание – не поклонится, не попросит!

Я перечислил этих людей для того, чтоб дать читателю представление, в какой атмосфере живёт, какими людьми воспитывается эмигрантская молодёжь и литераторы-эмигранты.

Следует упомянуть, что «блюстителем благочиния» в литературе эмигрантов служит критик-эстет Юлий Айхенвальд, работающий в газетке «Руль», кажется, самой злой и наиболее бесцеремонно лживой газете «фашистского умонастроения». Айхенвальд поддерживает дух старых литераторов, то есть надувает их, уверяя, что они всё ещё зреют и цветут. Делает он это паточным языком, который напоминает довольно тщательно, но совершенно бездушный перевод с иностранного. Впрочем, иногда он вставляет в однотонную, тусклую речь свою два-три ругательства по адресу большевиков, но это не оживляет мёртвеньких слов. Он хвалит литераторов, пасомых им, за такие «образы», как, например, «голосистый гвоздочек» и «Реомюр, с улыбкой играющий на повышение» и прочие штучки в этом духе: он внимательно следит за «направлением» литераторов. Недавно он прочитал в романе М.А. Осоргина «Сивцев Вражек» умные и верные слова:

«Бездарен был бы народ, который в момент решения векового спора не сделал бы опыта полного сокрушения старых и ненавистных идолов, полного пересоздания быта, идеологий, экономических отношений и всего социального уклада. Я презирал бы народ, если бы он не сделал того, что сделал, – остановился бы на полпути и позволил учёным болтунам остричь Россию под английскую гребёнку: парламент, вежливая полиция, причёсанная ложь.»

Критик-эстет тотчас же предупредил автора, что «здесь для многих читателей «Сивцев Вражек» образует непроходимый ров»:

«Может быть, не так ещё непроходим он в этом месте, где в своём стремлении к балансу автор не хочет видеть разницы между прошлым девизом, придуманным для солдат: «за веру, царя и отечество», и новым девизом, придуманным для красных солдат: «за социализм и Советскую власть», – слова – одинаково «непонятные и ненужные».

«Не вражек, не овраг, но ров», – пишет он и этим «но ров» ещё раз утверждает моё мнение о плохом его знакомстве с духом русского языка. Он тоже гуманист,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma христианин, но, работая в человеконенавистнической газетке, не протестует, когда в ней печатаются негодяями «выражения горячего сочувствия горю» матери убийцы П.Л. Войкова и «преклонения пред чистой совестью и благородством» её сына.

Так смердят все эти Лазари, которых уже не воскресит Христос, хотя они и притворяются верующими в его силу воскрешать мёртвых.

Шесть лет я читаю прессу эмигрантов. Сначала читал, спрашивая себя с недоумением – наивным:

Неужели эти разнообразно бездарные публицисты – те самые русские интеллигенты, которые учились и учили «меньшого брата» чувству «священной ненависти» к жизни, от корней до вершины отравленной лицемерием, злобой, ложью? Неужели это они восхищались работой таких разрушителей лжи, как мрачный Свифт, безжалостно глумливый Вольтер, чудовищно огромный Лев Толстой? Они учили детей своих любить изумительно выдуманный образ святого рыцаря из Ламанча?

Героями юности их были Спартак, Фра Дольчино, Уот Тайлер, Томас Мюнцер, Ян Гус и все те люди, которые пытались из крови и плоти своей создать свободу, никогда не жившую на земле, но совершенно необходимую людям.

Любимыми песнями их молодости были песни разбойников, романтические песни протеста, баллады о Разине, гневные стихи Некрасова; казалось, что истинной религией их был «социальный романтизм».

Ныне всё это больше не звучит, онемели души. Очевидно, «материалисты» большевики правы, говоря, что в столкновении с беспощадной действительностью идеология легко уступает место самой злейшей классовой зоопсихологии.

Нигде условия жизни не подвергались столь резкой и всесторонней критике, как в среде русской интеллигенции. Нигде не расточалось столько похвал святым и грешным разрушителям жизни – Христу, Байрону, Ницше и всем, кто вносил в жизнь «не мир, но меч». Русская интеллигенция считала и называла сама себя «передовой интеллигенцией Европы», она была максимально революционна по настроению.

Трудно понять – куда, на что так быстро израсходована вся эта сила: тщательно накопленные знания мучений народа, его попытки свергнуть иго тирании, запас ненависти к жизни, искажающей всех людей, жажда справедливости и «любовь к народу», – любовь, в которой интеллигенты объяснялись друг другу устно и печатно, громко, публично и нескромно.

Я никогда не изъяснялся в «любви к народу», я просто знал и знаю, что для русского крестьянина необходимо создать условия, в которых он быстро научился бы жить и работать более разумно, – условия, которые позволили бы ему развить всю силу его талантливости. Но я искренно верил, что есть люди, которые действительно «любят» народ, – обладают каким-то сверхъестественным чувством, которого у меня нет. Когда-нибудь я расскажу, как революционная интеллигенция вытравила из меня эту веру. Но в 17 году всё-таки мне было очень горестно и больно наблюдать, когда обезумевший народ серой лавиной покатылся с войны в деревню и поднялась над землёй его широкая, возмущённая – наконец – рожа, больно было видеть, как эта рожа реализмом и анархизмом своим тотчас спугнула «любовь» интеллигенции, соловья души её. Упорхнул соловей в кусты забвения, а на место его сел чёрный ворон мещанской мудрости.

И сразу вся сила критического отношения к жизни, вся сила беспощадной, истинной и активной революционности оказались в обладании большевиков.

Я не забыл свою позицию в те дни, помню, что, когда В.А.Базаров, тоже большевик, именовал в печати товарищей своих «головотяпами», это не очень обижало меня за них, хотя в их среде было много людей, которых я искренно любил и уважал. Я был уверен, что «народ» сметёт большевиков вместе со всей иной социалистической интеллигенцией, а главное – вместе с организованными рабочими. Тогда единственная сила, способная спасти страну от анархии и европеизировать Россию, погибла бы. Благодаря нечеловеческой энергии Владимира Ленина и его товарищей этого не случилось.

Но случилось, что почти вся «революционная» интеллигенция отказалась от участия в деле революции и даже от культурной работы, ещё более необходимой в дни бурь,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
чем в «мирное» время, – если таковое вообще существует на земле. А поскольку культурная работа продолжалась, она почти всегда – я хорошо знаю это – принимала характер, враждебный тем людям, которые взяли власть. Я часто видел, что это – вражда по привычке, по традиции, потому что люди умеют «враждовать» только словесно, а кроме этого – ничему не научились.

Разумеется, я знаю, что всё-таки нашлось немало интеллигентов, которые остались на своих местах, честно, упрямо продолжая свою работу в условиях голода, холода, враждебной подозрительности и бессмысленных издевательств со стороны околоточных и жандармов новой власти – со стороны «меньшего брата», в котором враждебное отношение к интеллигенции воспитывал не один Акимов-Махновец, – как вы знаете, в этом повинны более крупные люди.

Интеллигенты, оставшиеся в России, и по сей день продолжают там свою героическую работу. Это не они пишут в газеты эмигрантов письма «из России», «из Москвы», «из провинции», – письма, которые так неумело и бездарно сочиняются, очевидно, где-то вне пределов России. Я лично знаю, что в некоторых случаях слова «из Москвы» должны бы читаться «из-под Берлина».

Наивное недоумение, которое возбуждала у меня эмигрантская пресса, превратилось за время болезни Ленина в отвращение к ней.

Прожив с лишком полвека на сей земле, я много видел гнусностей и о многих читал. Но я не помню ничего подобного той мерзкой травле, тому бешеному хрюканью, тому потоку лжи и клеветы, который хлынул из среды «культурных» эмигрантов, вызванный болезнью и смертью человека, надорвавшегося в работе для возрождения России, разрушенной глупейшим самодержавием, позорнейшей войной и диким хулиганством бездарнейших генералов, которые «спасали Россию», разрушая города, избивая народ, «любимый» нами.

Бесстыдство, цинизм и лживость прессы эмигрантов вообще не с чем сравнить, разве только с её лицемерием. Я не поклонник литературных приёмов тех публицистов, которые не различают свободу мнения от бесшабашности выражений, и если в этой статье я тоже выражаюсь резко, так это объясняется отнюдь не моим желанием подражать хулиганам эмигрантской прессы, а лишь тем, что я не имею слов более точных для того, чтоб включить в них моё презрение и отвращение.

Совершеннейшее бесстыдство – говорить о «кровожадности» большевиков при жизни устроителей четырёхлетней всемирной бойни народов, при жизни всех тех господ, которые ныне столь усердно душат и режут людей, заботясь «о мире всего мира».

Гнуснейшее лицемерие – кричать только о жестокости красных, умалчивая о тех фактах садической расправы с красными, о которых так хвастливо рассказывают белые в своих мемуарах. Почему бы иногда не перепечатать в своих газетах такой, например, поучительный рассказ Денисова из «Свободных мыслей»:

«У освободителя Кубани, ген. Покровского, зарубившего в Майкопе (осень 1918 года) две тысячи пленных, с тех пор не взявшего вообще ни одного пленного, – глубокие чёрные глаза, мягкие, пристальные, лучащиеся глаза ребёнка или мечтательной женщины. «Ну, чем вас ещё развлечь, – говорит он лениво, разводя руками. – Посмотрите, разве, мой альбом с камышинскими видами...» Протягивает розового атласа с уголками альбомчик, объёмистый, удлинённый. На первой странице карточка: небольшой домик с георгиевским флагом командующего на крыше, перед домиком сидит генерал с адъютантами, перед домом висят четверо... На другой странице – на обрывистом берегу Волги качаются двое. У всех на руках значки красных офицеров... На третьей странице – площадь, висят штатские. Адъютант объясняет: «Взяли в плен несколько убеждённых. Говорили генералу – так и так, что делать? – попались пленные». Он отвечает: «Голова! Идеиных-то и надо вешать. Не идейного выпорол, дал водки и погнал драться. А с идейным что сделаешь?..» На четвёртой странице – просто дерево, на нём что-то висит... «Природа требует человека, – мягко улыбается генерал одними глазами. – Я, как Пуссен, не выношу мёртвой природы...» Все мы смеёмся и идём в соседний вагон ужинать. После шампанского два молодых армянина (балалайка и мандолина) долго играют цыганские романсы и народные песни.»

Таких рассказов много, и я очень рекомендую их вниманию господина Мельгунова, он мог бы сделать из них ещё одну книгу.

Как странно легко забыты такие, казалось бы, памятные и поучительные акты жестокости, каковы 9 Января в Петербурге, 13-е в Риге, истребление латышей генералом Бекманом и остзейскими баронами, расправы Ренненкампа и Меллер-Закомельского с сибиряками, расправа с грузинами и все прочие кровавые подвиги «усмирителей» 1906–7 годов; еврейские погромы, массовые убийства рабочих на Лене, в Златоусте и – всюду, орловская и другие каторжные тюрьмы, Амурская колёсная дорога и бесчисленное количество других кровавых уроков, данных самодержавной властью русскому народу, и без того склонному к жестокости, как я утверждаю. В утешение народопоклонникам могу сказать, что русский человек и в жестокости исключительно талантлив. В этой форме талантливости я не могу отказать даже и вам, господа, хотя ваша жестокость выражается пока только на словах. Но я думаю, что если бы.. много вы перережете людей!

Само собой разумеется, что я не имею желаний оправдывать чью-либо жестокость. Но – надо же признать неоспоримым тот факт, что ни один из народов Европы не обучался в таком страшном университете крови, пыток, циничнейших массовых убийств так наглядно и заботливо, как обучали этому русский народ. Известно, что, начиная с 1905 года, русские матросы испытывали невероятные мучения. Известно, как невыносимо тяжела была жизнь русского солдата и как нещадно, сладострастно пороли мужика. Русский народ стал неприятно для вас красен потому, что его с головы до ног облили его же кровью.

Меня хотят уверить, что всё это зверство прошло бесследно и народ будто бы сохранил какую-то добрую, мягкую, особенную русскую душу, которая не чувствует, не помнит боли, оскорбления, чужда мести и всё прощает.

Но Осоргин прав: ведь эта душа была бы поистине мёртвой душой! На счастье будущей, великолепной России такой души в ней больше нет, если даже и признать, что она когда-то была. Теперь полумёртвый сон её нарушен, она возмущена, возмущается и, постепенно проявляя свою волю к жизни, всё более умнеет, крепнет.

Проявляет она свою волю не ласково, не великодушно, жутковато. Всё-таки это ещё не здоровая душа, она слишком хорошо помнит недавнее, страшное, боится возврата его, она отравлена ядом мести. Согласитесь, что она имеет право ненавидеть и у неё есть за что мстить. И, в сущности, кровавая русская революция была значительно менее кровава, чем следовало ждать. Она была бы ещё менее кровавой, если бы вы, господа, вели себя скромно, более сообразно с вашими талантами и способностями, не путались в авантюры генералов, не вызывали интервенцию. Она развивалась бы спокойней и успешней, если бы вы умели забывать ошибки смело действующих людей, «неудобства», испытанные вами, и обиды, нанесённые лично вам. Но ни забыть, ни понять вы не способны по малодушию вашему. В сущности, вы – так же тупо мстительны, как и тёмное русское крестьянство, одетое в армяки, свитки, шинели солдат и бушлаты моряков. По крайней мере на словах вы такое же зверье, но, разумеется, более жалкое.

Мне рассказывали, что после убийства Урицкого один матрос, расстреливая каких-то, быть может, ни в чём не повинных людей, командовал: «По негодьям – пальба взводом».

После этого он сошёл с ума.

Милостивые государи! Я – не садист; будучи вынужден сказать вам то, что говорю, я не испытываю наслаждения причинять людям боль, – наслаждения, которое чувствуется в каждом слове ваших газет, направленном против России и большевиков.

Мне кажется, что все вы тоже сошли с ума, но не от ужаса казней, вызванных чувством мести, как сошёл с ума этот несчастный матрос, нет, вы обезумели от злобы, от мелкой злобы честолюбивых людей, потерявших навсегда своё место в жизни.

Люди столь же самолюбивые, как и бездарные, вы так же самонадеянны, как и бессильны. Бессилие ваше – факт истории, факт неоспоримый, бессилию этому не помогли ни белые генералы, ни «интервенция». Вспомните, как легко генералы заставили вас служить их простейшим, явно бандитским целям.

С той поры основным чувством, руководящим вами до сего дня, является только

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
чувство личного оскорбления. Место этому чувству есть: вы действительно играли значительную роль в процессе развития русской культуры, вы были достаточно энергичными рядовыми работниками её. Но эта работа ещё не оправдывает вашего самомнения и не может оправдать вашей дикой злобы к тем людям, которые не побоялись взять власть и ныне правят Россией. Правят – хотя вы употребляете все усилия, чтоб не видеть успехов Советской власти и не верить в них.

Да, в России правят жестоко, но ведь это страна, где каждый околоточный чувствовал себя Иваном Грозным и каждый интеллигент – вершителем судеб мира. Константин Леонтьев и Нечаев родственны по духу, так же как Достоевский и Победоносцев, а это – очень русские люди.

Вам, призывавшим против русского народа «двенадцать языков», не следовало бы говорить о жестокости. Особенно теперь, когда вы совершенно обезумели от злости, как видно из вашего позорного отношения к работе и смерти Ленина, человека, имя которого навсегда останется гордостью России и всего мира, человека, о котором величайший идеалист наших дней, прекрасная душа, Ромэн Роллан сказал:

«Ленин – самый великий человек нашего века и самый бескорыстный».

Ленин на века останется в истории России, а вы, измученные бездельем, злобой и тоской, скоро ляжете в ваши могилы. И – пора сделать это, чтоб избежать возможности ещё раз переменить фронт и вехи. Ибо – хотя вы сегодня враждуете с большевиками, но – разве можно сказать, чьим лакеем будет завтра сегодняшний «порядочный» русский человек? Вы сами знаете, как легко и просто люди вашего стана переходят в стан ваших врагов. И, вероятно, вы не ошибаетесь, подозревая многих ваших друзей в своекорыстии мотивов их ренегатства.

Вы уже скоро уйдёте из мира, где никому, кроме вас, не нужна, да и для вас, вероятно, мучительна ваша гнилая злость. Большевики останутся. Отступая от цели своей и снова подвигаясь к ней, работая в атмосфере непонимания, клеветы, лжи, звериного воя и хрюканья, они всё-таки идут вперёд и поднимают за собой русское крестьянство. Дети ваши уйдут от вас к ним. Незаметно для себя вы учите детей понимать ваше бессилие и постепенно внушаете им презрение к отцам, моральным банкротам.

Но – представьте себе, что большевики ушли и вот перед вами свободный путь в Россию. Подумайте же остатком совести: что теперь могли бы вы принести с собой русскому народу? Ведь у вас ничего нет за душой, да уже нет и «народа», который вы всегда плохо знали и уже совершенно не знаете теперь. Лично я уверен, что вы только увеличили бы в России число – остаток – нищих духом и количество извращённо злых.

Вы совершенно напрасно говорите о любви к России, о гуманизме и прочем в этом духе. Продолжая – по привычке, механически – считать себя гуманистами, вы ещё помните, что, например, юдофобство – пакость, но о латыше и вообще об «иноплеменнике» вы говорите тоном антисемитов о евреях. Кто поверит вашему гуманизму, читая и чувствуя, с каким сладострастием отмечаете вы ошибки и неудачи России и как искренно огорчают вас успехи её?

Что бы вы ни говорили о большевиках, но ими взято на себя бремя воистину грандиозной тяжести, поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чём мечтали мудрейшие и наиболее искренно человеколюбивые люди мира. Среди этих людей вам нет места. Ваша игра проиграна. Это была жестокая и кровавая игра. Повторяю: вы напрасно говорите о гуманизме. Ваша злость – собака слепого – сама обличает позорное уродство вашей нетерпимости.

Никто в Европе не жаловался на жизнь так громко, как русская интеллигенция. Вся она была прикована к различным тачкам на каторге капиталистической государственности, омертвевшей, гниющей, отравляющей людей. Учителя её, Гоголь, Достоевский, Толстой, справедливо утверждали, что жизнь отвратительна своею ложью, лицемерием, животностью, циническим эгоизмом.

Жизнь становится всё более отвратительна обнажённым цинизмом своим. Человеку нечем дышать в атмосфере ненависти, злобы, мести. Атмосфера, всё сгущаясь, грозит разразиться последней бурей, которая разрушит и сметёт все культурные

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
достижения человечества; против этой возможности работает только Россия. Союз
Социалистических Советов идеологически организует трудящихся всей земли.

Выпутаться из цепкой паутины уродливых взаимоотношений классов, партий, групп –
нельзя иначе, как разорвав всю паутину сразу.

Именно в России начато необходимейшее «дело нашего века», совершается попытка
переместить жизнь с трёх китов – глупости, зависти, жадности – на основы разума,
справедливости, красоты. Эта работа возбуждает искреннее внимание и симпатии
всех честных людей мира, возбуждает мысль миллионов людей. У «бывших героев» эта
работа явно будит только злобу. Я сказал – явно, потому что уверен: тайно они не
чужды зависти к большевикам. Ведь вот живут люди, работают и будут жить и твёрдо
уверены, что, кроме них, никакая иная власть в России невозможна.

Психология каторжников им совершенно чужда, фетишистическое отношение к цепям и
тачкам государственности – чуждо. Они предерзко не считаются с «судьбами
истории», хотя, на словах, будто бы и признают её законы. Но на деле они
уверены, что:

«Не нам судьба – судья, а мы судьбе хозяева».

Эмигранты нередко упрекают большевиков в том что они «искажают Маркса», не «по
Марксу» живут. Это разумеется, не совсем так, но что – Маркс! Они ещё грешнее,
они и «по Дарвину» жить не хотят, дерзновенно стремясь уничтожить борьбу за
существование между людьми, чтоб перенести всю массу сил, поглощаемую этой,
потерявшей смысл, борьбою, на борьбу человека с природой, ради подчинения её
стихийных энергий разумным интересам человечества.

А зарубежные интеллигенты изнывают в тоске и безделье, быстро изживая остатки
сил и сожалея, в сущности, об одном – о тех «милых сердцу вечерах», когда, идя
за самоваром, они упражнялись в красноречии на тему о тирании самодержавия, о
любви к народу и о неудобном устройстве вселенной в её целом.

И возможно, что если б сам Прометей, похитив ещё какой-то новый огонь,
освещающий тайны жизни, явился к ним и помешал чай пить, – так они бы и Прометея
прокляли.

О музыке толстых
О МУЗЫКЕ ТОЛСТЫХ

Ночь.

А всё-таки неловко назвать ночным это удивительное небо юга Италии, этот воздух,
насыщенный голубым светом и душистым теплом ласковой земли. Свет исходит как
будто не от солнца, отражённого золотом луны, а от этой неутомимо плодородной
земли, трудолюбиво, искусно обработанной руками людей. Светом бесшумно дышит
среброкованная листва олив, каменная кладка стен по скатам гор; эти стены
предупреждают оползни, образуют по горам плоскости, на которых посеян хлеб,
посажены бобы, картофель и капуста, разбиты виноградники и рощи апельсиновых,
лимонных деревьев. Сколько затрачено здесь упорного умного труда! Оранжевые и
жёлтые плоды тоже светятся сквозь прозрачный, серебристый туман, придавая земле
странное сходство с небом, цветущим звёздами. Можно думать, что земля заботливо
украшена работниками её для великого праздника, что они, отдохнув в эту ночь,
завтра, с восходом солнца, «возрадуются и возвеселятся».

Совершенно непоколебимая тишина. Всё на земле так неподвижно, что кажется
вырезанным на ней рукою искуснейшего художника, отлитым из бронзы и голубоватого
серебра. Совершенство покоя и красоты внушает торжественные мысли о
неисчерпаемой силе труда людей, – труда, создающего все чудеса в нашем мире,
внушает уверенность в том, что эта победоносная сила заставит со временем и
землю далекого Севера работать на человека двенадцать месяцев в году,
выдрессирует её, как дрессирует животных. Радостно и – уж «пропустите мне
слово!» – как говорят французы, – молитвенно думаешь о великом
чудотворце-человеке, о прекрасном будущем, которое он готовит детям своим.

В памяти встают фигуры и лица работников науки: по Абиссинии ходит профессор
Н.И. Вавилов, отыскивая центры происхождения питательных злаков, заботясь

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
расплодить на своей родине такие из них, которые не боялись бы засухи; вспоминается, как Д.Н. Прянишников рассказывал о залежах калийных солей в верховьях Камы, встают пред глазами все, кого удалось видеть: великий человек И.П. Павлов; Резерфорд в его лаборатории в Монреале в 1906 году; один за другим встают десятки русских творцов науки; вспоминаются их книги, и возникает картина изумительно плодотворной, всё более активной деятельности научных работников мира. Мы живём в эпоху, когда расстояние от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращается с невероятной быстротой.

Недавно один из наших краеведов, товарищ Андрей Бахарев из Козлова, напомнил мне письмом о двух чудотворцах – о Лютере Бербанке, американце-самоучке, и о нашем гениальном Иване Владимировиче Мичурине. Я разрешу себе опубликовать часть письма товарища Бахарева, надеюсь, что он не посетует на меня за это.

«Лютер Бербанк открыл, как известно, ряд тайн в междувидовой гибридизации плодовых растений, в результате чего получил не только изумительные, но прямо чудовищные сорта растений по своей продуктивности, приспособляемости, вкусовым качествам, неподвергаемости вредителям и болезням, чем обогатил весь материк Южной Америки. Достаточно указать на его съедобные, потерявшие свои колючки «кактусы», на орехи, твердокаменная скорлупа которых превращена Бербанком в тонкую, как лист, оболочку, чтобы представить себе этого великана пловодства.

У нас в СССР, под городом Козловом, Тамбовской губернии, на тощей почве речного наноса, утопая в зелени дико растущих ветел, тополей и клёнов, раскинулся крохотный по площади, но ещё более изумительный питомник гибридизатора-оргинатора Ивана Владимировича Мичурина.

Лютер Бербанк работал для благодатного климата субтропической Калифорнии, Мичурин – для сурового климата средней полосы России.

Лютер Бербанк создал много новых сортов плодовых растений, идущих на потребление богатых, Мичурин создал свыше 100 сортов плодовых деревьев, среди которых есть груши, поспевающие только под «рождество» (в подвалах, в ящиках) и хранящиеся в самых примитивных условиях до апреля.

Затем в суровой Тамбовщине у Мичурина растут и великолепно плодоносят абрикосы, виноград (4 сорта), миндаль, грецкий орех, тутовое дерево, масляничная роза, айва, рис, кенаф и пр. и пр., – всё это для трудящихся, всё это для нашей деревни, для малоопытного с ограниченными познаниями крестьянина-садовода.

Лютер Бербанк холил своих питомцев, Мичурин воспитывал их в спартанских условиях, с тем чтобы его сорт мог быть брошен в любые условия и дал бы нужный экономический эффект.

Лютер Бербанк, когда начинал работать, был беден, но с тех пор, как стал творцом, – располагал пышными условиями американской культуры. Мичурин, – принимая во внимание печальные условия былой русской действительности, – жил в бедности, граничащей с нищетой. В долгую жизнь, полную борьбы, тревог, неудач и разочарований, поражений и побед, Мичурин всё же создал то, что может обогатить не только среднюю полосу России, но и умеренный пояс земного шара. Иначе говоря, Мичурин переносит юг на север.

Лютер Бербанк и Иван Владимирович Мичурин – два противоположные полюса садоводства, но в облике их много общего.

Оба приступили к творчеству в ранней юности, оба были бедны, оба великие мыслители, художники и изобретатели. Оба сделали величайшие открытия в области растениеводства.

В частности, Мичурину принадлежит грандиознейшее открытие в деле применения в пловодстве таких методов, при помощи которых в недалёком будущем, весьма вероятно, человек будет создавать уже не только новые сорта, но и новые виды плодовых растений, полнее соответствующих потребностям его жизни и лучше приспособляющихся к неминуемым изменениям климатических условий.

Работы Мичурина ещё за 18 лет до последней войны были известны в Северо-Американских Соединённых Штатах, где культивировались его сорта и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma знаменитый ботаник Вашингтонского с.-х. института проф. Мейер посещал Мичурина в течение нескольких лет; в 1924 г. работы Мичурина получили глубокое научное обоснование в Германии. Мичурин состоит почётным членом Ассоциации натуралистов при Главнауке Наркомпроса и пр., и пр.

Мичурин – глубокий старец. Ему семьдесят два года, но он ещё творит, он продолжает ещё срывать один за другим покровы с тайн растительного мира».

Тишина этой ночи, помогая разуму отдохнуть от разнообразных, хотя и ничтожных огорчений рабочего дня, как бы нашёптывает сердцу торжественную музыку всемирного труда великих и маленьких людей, прекрасную песнь новой истории, – песнь, которую начал так смело трудовой народ моей родины.

Но вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек – раз, два, три, десять, двадцать ударов, и вслед за ними, точно кусок грязи в чистейшую, прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, вой, рёв, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаётся хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом.

Это – радио, одно из величайших открытий науки, одна из тайн, вырванная ею у притворно безгласной природы. Это – радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это – музыка для толстых. Под её ритм во всех великолепных кабаках «культурных» стран толстые люди, цинически двигая бёдрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины.

Издравле великие поэты всех народов, всех эпох вдохновенно тратили творческие силы свои на то, чтоб облагородить этот акт, украсить его достойно человека, чтоб не равнялся в этом человек с козлом, быком, боровом. Созданы сотни и тысячи прекрасных поэм, воспевающих любовь. Это чувство играло роль возбудителя творческих сил мужчины и женщины. Силою любви человек стал существом неизмеримо более социальным, чем самые умные из животных. Поэзия земного, здорового, активного романтизма в отношении полов имела огромное социально-воспитательное значение.

«Любовь и голод правят миром», – сказал Шиллер. В основе культуры – любовь, в основе цивилизации – голод.

Пришёл толстый хищник, паразит, живущий чужим трудом, получеловек с лозунгом: «После меня – хоть потоп», – пришёл и жирными ногами топчет всё, что создано из самой тонкой нервной ткани великих художников, просветителей трудового народа.

Ему, толстому, женщина не нужна как друг и человек, она для него – только забава, если она не такая же хищница, как сам он. Не нужна ему женщина и как мать, потому что хотя он и любит власть, но дети уже стесняют его. Да и власть нужна ему как бы лишь для фокстрота, а фокстрот стал необходим потому, что толстый – уже плохой самец. Любовь для него – распутство и становится всё более развратом воображения, а не буйством распущенной плоти, чем была раньше. В мире толстых эпидемически разрастается «однополая» любовь. «Эволюция», которую переживают толстые, есть вырождение.

Это – эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят всё дальше.

«Погибает культура!» – вопят защитники власти толстых над рабочим миром. «Пролетариат грозит погубить культуру!» – вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей вытаптывает культуру, не могут не понимать, что пролетариат – единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить её.

Нечеловеческий бас ревёт английские слова, оглушает какая-то дикая труба,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma напоминая крики обозлённого верблюда, грохочет барабан, верещит сквернённая дудочка, раздирая уши, крякает и гнусаво гудит саксофон. Раскачивая жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног.

Наконец, музыка для толстых разрешается оглушительным грохотом, как будто с небес на землю бросили ящик посуды. Снова светлая тишина, и мысли возвращаются домой, откуда селькор Василий Кучерявенко пишет мне:

«Раньше в нашем хуторе Россошинском на триста дворов была одна только школа, а теперь имеются три, кооперация, три красных уголка, клуб, изба-читальня, библиотека, ячейка партии и комсомола, отряд ЮП, кружки: сельскохозяйственный, селькоровский, имеется своя стенная газета, выписывается много журналов, газет, книг. Вечером клуб полон, начиная от седобородых стариков и кончая краснопегими пионерами. Крестьяне с охотой покупают заём, даже маленькие ученики и те. У нас недавно умерла семидесятидвухлетняя старуха, которая ещё при жизни говорила: «Записалась бы в комсомолки, да только беда, что стара. И почему это всё так поздно стало». А перед смертью говорила, что хоронить её по-советски, со знаменем. Эта бабушка за несколько вёрст регулярно посещала собрания сельсовета, клуб, читальню и была, как девка.

Недавно американский журнал «Азия» написал про нас насчёт этого самого статью с фотографиями».

Замечательно курьёзна эта смешная бабушка. Разумеется, «одна бабушка культуры не делает», но сколько знаю я таких – скажем, забавных случаев «омоложения» древнего деревенского человека, и все они говорят об одном: молодеет русский народ. Очень хорошо работать и жить в наше время.

[Письмо курским красноармейцам]
Товарищи!

Вы спрашиваете: «Почему в пьесе «На дне» нет сигнала к восстанию?»

Сигнал этот можно услышать в словах Сатина, в его оценке человека. В то время – в 1901 году, – когда я писал эту пьесу, я уже знал, что «народ» не есть нечто целое, – как учили «народники», – а разбит, раздроблен классовым устройством государства на враждебные «сословия», группы.

Зрелище жизни, разделённой на «героев и толпу», тоже не могло удовлетворить меня. Я хотел – и хочу – видеть всех людей героями труда и творчества, строителями новых, свободных форм жизни. Мы должны жить так, чтобы каждый из нас, несмотря на различие индивидуальностей, чувствовал себя человеком, равноценным всем другим и всякому другому. Это достижимо лишь после того, как люди уничтожат частную собственность – источник вражды между ними, источник всех несчастий и уродств.

Иными словами: это достижимо лишь при социализме.

Само собою разумеется, что проповедь социализма я не мог вложить в уста людей, разбитых жизнью, неспособных к труду, готовых поддаться всякому утешению. Утешители, проповедники примирения с жизнью, враждебны мне, кто бы они ни были: люди, верующие в бога, или писатели, вроде американца О'Генри. Пока существует частная собственность, должно существовать и классовое государство, стало быть: неизбежна эксплуатация человека человеком, вражда и всяческие преступления.

С наибольшей ясностью и силой эту мысль выразил, как вам известно, В.И. Ленин.

Почему я взял именно «бывших» людей и заставил именно их говорить то, что они говорят в пьесе?

Потому, что эти люди оторвались от класса своего, свободны от мещанских предрассудков, им уже ничего не жалко, но – в этом и всё их лучшее. К восстанию ради свободы труда они органически не способны. Ничего нового внести в жизнь не могут, как не могут этого и наши эмигранты, тоже «бывшие» люди.

Но из утешений хитрого Луки Сатин сделал свой вывод – о ценности всякого человека.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Привет.

М. Горький

О возвеличенных и «начинающих»

Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня: рабочих, старых товарищей большевиков, комсомольцев, литераторов, учёных, рабкоров, селькоров и прочих людей, родных мне по духу, по работе. Особенными и необыкновенными словами хотел бы поблагодарить детей-школьников, но таких слов не могу найти. Скажу просто: спасибо вам, ребята, спасибо! Знаю, что из вас вырастут сотни людей, более значительных, чем я.

В эти дни мной получено более двухсот телеграмм и, вероятно, столько же писем. Это – много, и этого я, конечно, не ожидал. Горжусь тем, что рабочий народ, партия коммунистов и советская интеллигенция признают работу мою полезной. Это «омолаживает». Некоторые поздравители именуют меня «великим». Не сомневаюсь, что это – искренно, но должен сказать, что это – лишнее слово в песне. Я – человек совершенно нормального роста и никакого величия в фигуре моей не чувствую. Могу, пожалуй, признать, что я неплохой работник, потому что люблю свой и всякий труд. Но и в этом я – человек, каких не мало есть, много растёт и таким должен быть всякий рабочий. Чин рабочего считаю высоким чином, выше его только чин «научного работника».

Писатель я тоже не «великий», а такой, каким должен быть каждый из начинающих писателей в наши дни. Сейчас ещё рано говорить о великих художниках слова. Они были в прошлом, у них молодёжь должна учиться; я совершенно убеждён, что рабоче-крестьянская масса создаст и выдвинет их в близком будущем, а до того можно говорить только о хороших и плохих литераторах.

Я вообще не боязлив, но «величие» пугает меня. Старый воробей, я хорошо знаю вкус мякины и к тому же не мало видел и вижу людей, склонных величаться. Склонность – пагубная для величаемого и величающегося и, разумеется, очень неприятная для тех, кто окружает его. Боюсь, что чрезмерность похвал заразит и меня этой болезнью, а она разовьётся до «мании величия», после чего меня посадят в дом умалишённых. Хорошенький конец «карьеру»!

Наверное, эта воркотня кое-кого рассмешит, и многие заподозрят меня в рисовке, в неискренности. Пускай смеются и пусть подозревают в чём хотят, но – выслушают.

Я получаю десятки писем от рабселькоров, от провинциальных литкружков, от «начинающих» писателей. Они единогласно требуют: «Поделитесь вашим опытом, научите писать художественно». Они имеют законнейшее право требовать от старого писателя ознакомления их с техникой работы. К сожалению, я не умею учить, а могу только рассказать, как сам учился, о чём – в скором времени – и расскажу молодёжи. Серьёзность её требований неоспорима, об этом лучше всего говорит сознание молодыми литераторами своей технической слабости, сознание ими трудности и важности дела, за которое они хотят взяться. Людям этим есть что сказать, они – люди «нового опыта», люди, для которых многое из проклятой мещанской старинки уже непонятно, а кое-что уже органически чуждо и враждебно. Не удовлетворяясь писанием корреспонденции и заметок в газеты, «чёрной» работой обличения дрянненьких житейских мелочишек, молодёжь инстинктивно понимает необходимость осветить именно «художественным» словом засорённую почву, на которой произрастает бытовая дрянь и плесень. Однако из этого не следует, что они уклоняются от «чёрной» газетной работы, что им непонятна важность этой работы.

«Вы, товарищ, назвали нас «ассенизаторами», – пишет мне один из рабкоров. – Словечко как будто обидное, но, подумав, понимаешь: правильно. Мы – чернорабочие, новые мётлы, которые обязаны чисто вымести из жизни всё плохое. Конечно, на этом деле быстро ошаркаешься, отреплешься, да, но – всё-таки делать его надобно.»

Другой сообщает:

«Ясно, что ногтями коросту грязи не соскребёшь, тут требуются горячий пар и кипяток, тут надобно действовать, как Щедрин. Недавно прочёл я две его книги, изд. Госиздата; эх, думаю, вот бы этак научиться писать, хотя у него не всё

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
понятно и язык тяжёлый, а история города Глухова и сказки – замечательно
написано.»

Третьему рекомендовали учиться писать у Неверова, и он совершенно правильно
говорит:

«По-моему, этот писатель вялый и скушный, учиться у него нечему, всё известно, и
факты и язык тоже. Мне больше нравится Сергей Семенов и Мамин-Сибиряк, особенно
этот, у него книга – как яичко, вред капитализма он понимает насквозь, и красоты
достаточно.»

Таких мнений я мог бы привести не три, а десятки, и все они говорят о том, что
рабоче-крестьянская масса – как и следовало ожидать – выдвигает из среды своей
интеллектуальную силу, которая через десяток лет должна будет взять в свои руки
прессу и литературу Союза Советов.

Мне хорошо известно, что среди «начинающих» есть недоумки; они полагают, что уже
достаточно учёны и даже гениальны; есть ребята, ошибочно думающие, что
«сочинительство» – лёгкий труд; есть уже больные «графоманией»; есть, наконец,
парни, которые пишут только красными чернилами, и притом такое:

«Вы разрушили мою знаменитую формулу: все люди – свиньи.»

Или пишут:

«Вы говорите, что я плохо наблюдаю. О, как я ненавижу этого Тургенева! Он
«изволил» тратить своё время на изучение природы.»

Или:

«Я знаю, что неуч, но боюсь заразиться буржуазной культурой.»

Есть уже ребята, заявляющие, что могли бы «несколько исправить теорию
относительности Эйнштейна», «внести в физическую науку выпрямляющие линии», и
вообще есть немало скороспелых учёных, философов и различных пустобрёхов.
Большинство их – осколки «общества», разрушенного революцией; человек, который
боится «буржуазной» культуры, – сын кожевенного заводчика, поправки к теории
Эйнштейна желает внести сын банковского чиновника и т. д. Уродцы такого типа
всегда были, основным их качеством является желание поскорее выскочить вперёд,
быть заметными во что бы то ни стало. Они, на мой взгляд, не характерны для
общей массы тех ребят, которые, по примеру одного философа древности, требуют:

«Бей, но выучи!»

Эти люди заслуживают глубочайшего внимания и всяческой помощи, ибо, повторяю,
они – интеллектуальная сила трудового народа, будущие «хорошие» журналисты,
писатели, люди революционно-культурного дела и оплот против вновь начинающих
квакать лягушек и жаб мещанства.

Бить их – бьют охотно, но учат – плохо и почти всегда – жестоко. Это – один
порядок моих впечатлений.

Другой – таков:

Литератор, немолодой, признанный и достаточно возвеличенный, обиженно пишет
другому литератору:

«Вы рекомендуете какого-то...»

Книгу «какого-то» писатель не читал и, очевидно, не знает, что о ней были
опубликованы положительные отзывы рабочих. Думать надо, что отзывы эти
печатались не по соображениям издательским, рекламным. Не читал, но уже с высоты
своего величия пренебрежительно именуется незнакомому ему «начинающего» –
«каким-то».

Факт – ничтожный, будь он единичным. Но, к сожалению, факты этого сорта
многочисленны. В них совершенно определённо чувствуется аристократическое
отношение признанных и возвеличенных к «начинающим». Лично я считаю этот

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«аристократизм» мещанством и подозреваю в нём замену литературной совести профессиональной завистью. Чувствуется тут и явное самомнение обласканного мещанина и даже, может быть, его страхок не удержаться на позиции, куда его поставили неосторожные и торопливые критики, убеждённые, что это именно они фабрикуют талантливых и «гениальных» литераторов. Не находя другого слова, я называю «литературной совестью» чувство удовлетворения, возникающее каждый раз, когда масса трудящихся родит и выдвигает ещё одного младенца с признаками таланта в той или иной области труда.

Этого удовлетворения, этой радости о том, что «нашего полку прибыло», я не замечаю в отношении ославленных писателей к «начинающим». Мне кажется, что – как всякий труд в Союзе Советов – литература должна быть тоже трудом коллективным, дружеским, трудом, для успешности которого необходима взаимная, товарищеская поддержка трудящихся.

Почтенные «собратья по перу», на мой взгляд, слишком быстро упиваются славой и слишком густо подчёркивают величие своих «я». К сведению «начинающих» должен сказать, что слава – жидкость мутного цвета, кисловатого вкуса и что в большом количестве она действует на слабые головы плохо, вызывая у принимающих её тяжёлое опьянение, подобное «пивному». Принимать эту микстуру следует осторожно, не более одной чайной ложки в год; усиленные дозы вызывают ожирение сердца, опухоли чванства, заносчивости, самомнения, нетерпимости и вообще всякие болезненные уродства.

«Без драки не проживёшь», – говорил В.И. Ленин. Он всегда говорил то, «что надо», – прекрасная привычка была у него!

«Мы не отрицаем наследства», – сказал он лет тридцать пять тому назад и всю жизнь своей, всю свою работу доказал, что действительно не отрицает ничего ценного в буржуазной культуре. Мне кажется, что самым ценным в ней он считал технику, «мастерство» во всех областях труда и в области литературы тоже.

Да, «без драки не проживёшь». Поэтому разногласия, существующие между литературными группами, вполне естественны. Они были бы гораздо более поучительны и полезны, если б «признанные таланты» и литературные пастыри не заостряли их своими самолюбиями, своим чванством и не вносили в них тот страхок потерять свои позиции, о котором я говорил выше. Известно, что «тон делает музыку». Представители отдельных литературных групп ведут прения между собою в тоне, не достойном товарищей, людей, которые делают единое, коллективное дело. Если бы литературные споры велись в тоне, более строгом идеологически, более серьёзно и спокойно, менее форсисто и без грубых личных выпадов, – провинциальные литературные кружки не писали бы таких вот справедливых заявлений:

«Одним из препятствий к нашей учёбе является резкая борьба литературных групп и направлений. Очень трудно писать да ещё учиться писать в непрерывных драках и подсиживаниях.»

Таких жалоб я знаю много, и все они определённо говорят, что благодаря тону спора смысл его молодёжи не ясен, а вот взаимное «подсиживание» молодёжь отлично чувствует. И это – естественно, потому что личное начало в спорах звучит слишком ясно и настолько противно, что один рабкор пишет прямо: «... честной пролетарской душе хорошо слышен в этом шуме базар, торговлишка».

Если мы действительно хотим создать новые, более «человечные» взаимоотношения среди людей, мы, очевидно, должны начать создание «новой культуры» в своей среде. Новая культура начинается с уважения к трудовому человеку, с уважения к труду.

Не всякая ошибка и обмолвка уже ересь. Но вот, цитированные Бухариным, стихи Маяковского:

И когда мне говорят, что труд ещё и ещё,
Будто хрен натирают на заржавленной тёрке,
Я ласково спрашиваю, взяв за плечо:

«А вы прикупаете к пятёрке?»

Вот это действительно злейшая ересь, потому что это – мещанский анархизм. А

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
когда Безыменский мечет деревянные молнии в человека и говорит ему:

Ты, братец, грома не достоин
И не достоин кулака...
– это, на мой взгляд, хулиганство.

[Обращение к немецким писателям]

Всех собратьев по перу, которые поздравили меня с 35 годами литературной работы, я прошу принять моё сердечное, искреннее спасибо. Я должен признать, что совершенно неожиданный и чрезвычайно лестный интерес к моей персоне крайне поразил меня, и я чувствую потребность сказать по этому поводу несколько слов. Мне известно, что популярность Горького вне пределов России объясняется его жизнью, сложившейся не совсем обычно. Если бы в Европе были более близко знакомы с русским народом, то знали бы, что «история Горького» – не единичный случай и не представляет собою особого исключения. Из низов русского народа весьма часто выходили способные, талантливые и даже гениальные люди, точно так же, как и в Западной Европе из трудящихся классов выходили такие люди, как Фарадей и другие. Но, само собой разумеется, путь снизу вверх был в России гораздо уже и круче, а потому и тяжелее.

Ныне этот путь стал более широк и более лёгок. Сотни русской молодёжи быстро продвигаются к создающейся новой культуре, и я нисколько не преувеличиваю, утверждая, что «история Горького» представляет собою теперь повседневное явление. Каждый год наука, искусство и техника получают из деревни и с фабрики дюжины свежих, молодых сил. Эти молодые силы содействуют укреплению власти рабочих и крестьян. Подкреплённая их помощью, власть может облегчить молодёжи путь к свободному труду и творчеству.

Этот процесс возрождения народа настолько очевиден, что его может оспаривать только тот, кто ослеплён ненавистью к трудящимся массам, а ненависть эта, как бы она ни рядилась в философские и эстетические одежды, остаётся чисто животной, классовой ненавистью.

Вот что я хотел бы сказать тем из моих собратьев вне России, которые вместе со мною способны радоваться возрождению русского народа.

Ещё раз благодарю всех вас самым сердечным, искренним образом за проявляемый вами интерес к моей личности, – к личности человека, который всем лучшим, что ему дала жизнь, обязан своему народу.

[Речь на заседании пленума Московского Совета]

Речь на заседании пленума Московского Совета совместно с профессиональными и партийными организациями, посвящённом общественно-политической и литературно-художественной деятельности М. Горького

Дорогие товарищи, я начну с возражения Анатолию Васильевичу [8]. Дело в том, что уже нельзя рассматривать как нечто исключительнейшее тот факт, что Алексей Пешков, преодолев малограмотность и кое-какие «внешние препятствия», стал литератором сравнительно таким же искусным, как литераторы, проходившие гимназию, университет. Нельзя считать исключительным этот факт потому, что, если до Горького фактов такого объёма не было, то теперь, здесь, где сидят 2500 отличнейших строителей новой жизни, новой культуры, – здесь таких фактов найдётся, вероятно, не одна сотня. И таких биографий, как моя, найдётся, вероятно, не одна сотня, а в России, наверное, тысячи.

Я немножко знаком с людьми, живущими в разных уголках огромного нашего Союза Советов. Я знаю десятки биографий более тяжёлых, несравненно более. Товарищи, о биографии не стоит больше говорить, это – дело прошлое, и это надоело. Суть не в том, каков человек был в прошлом, а в том, какой он сейчас, вот в этот день. И вообще дело не в бабушках и дедушках, а во внуках. (Смех. Аплодисменты.)

Когда я вижу внуков в бывшем императорском [Большом] театре, сидящих, как у себя дома, – это вещь! Это – хорошо! (Аплодисменты.) Это дорого стоит. За это дорого и заплачено, но я думаю, что это стоит ещё дороже. Вот я целовался публично с этим товарищем (показывает на товарища Рыбакову), этот товарищ, знаете ли, факт огромного значения. За то, чтоб явились такие товарищи, заплачено дорого, но это – оправдано. Товарищи, ваши страдания, страдания отцов ваших вы уже оправдали!

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Мне к этому вечеру дали краткий очерк той работы, которая сделана здесь вами, строителями, хозяевами новой жизни, вот за эти шесть-семь лет, – краткий очерк, но в нём двадцать страниц и множество цифр. Цифры красноречиво говорят о том, что вами сделано. Рассказывать об этом вам я не буду – сами знаете. За цифрами для меня лежит другое. Что? А вот что:

Милые товарищи, я сегодня был в гостях у Владимира Ильича Ленина... Этого человека я любил, как никого, и я тоже пользовался его вниманием и его любовью... Я уехал, когда он был ещё здоров... Каждый из вас прекрасно знает, что значит потерять этого великого и прекрасного человека. Само собой разумеется, что сегодняшняя визит меня взволновал глубоко, это и сейчас сказывается: я не могу говорить. (Пауза.) Но представьте, товарищи, что произошло: после этого визита я поехал в Институт Маркса и Энгельса, и, когда там посмотрел на гигантскую работу товарищей, я вдруг со стыдом вспомнил, что то глубокое потрясение, которое я испытывал несколько минут тому назад, я утратил.

<Почему? В этом виноваты вы, потому что вами создана такая атмосфера – атмосфера напряжённого драматизма, атмосфера больших трагедий; но, товарищи, это в то же время атмосфера изумительной энергии, атмосфера, которая прямо насыщает человека.>

Мне шестьдесят лет, и я видел многое, и я приехал сюда гораздо более больным, чем я сейчас. Почему? Во-первых, потому что я не узнал этого города: я узнал дома, но люди другие, молодые люди, сытые люди, нет бессмысленных противоречий, которые я вижу на каждом шагу на Западе, со всеми лохмотьями, которые рядом с роскошью, – этого нет, и это большой шаг. Но не в этом дело. Дело не в том, что имеются хорошие вещи и улицы, а дело в том, что люди спуют всё время и всё строится. То, что сделано за это время в Москве вами, товарищи, – это удивительно, удивительно. Денег нет, люди тоже не совсем всегда занимались столь крупным делом и тем не менее делают. Я мог бы, конечно, очень много рассказывать о том, что я знаю, но вы, вероятно, знаете это лучше меня, знаете лучше обо всех тех достижениях, которые имеются за это время во всех областях и в области мне наиболее близкой – в области искусства. Создать за десять лет такую литературу, которая имеется сейчас, – этого никогда не было, и каждый год выдвигает всё новых и новых людей во всех областях.

Я вижу и изобретателей, я вижу и певцов. Вот приехал ко мне певец, его и жгли белые, его калёным железом штамповали, а он поёт, и, говорят, лучше Шаляпина. Вот пожалуйста. Таких фактов – без числа. Семнадцатилетний мальчишка послан учиться... мужиков заставил признать себя вождём. Всё это действует совершенно оглушительно. Вам, может быть, это и не видать, вы обращаетесь в своей среде, более или менее в ограниченном круге. А я человек, который немножко смотрит сверху, хотя я вовсе не верхогляд и поле зрения [у меня] немножко шире.

И почему, товарищи, иногда бывает горько читать в газетах, когда вы в газетах друг друга слишком резко, слишком задорно и беспощадно царапаете. (Смех.)

Товарищи, не надо. Надо как-нибудь подружелюбнее делать, надо помягче. Каждый из вас – нужный человек. Каждый из вас – хороший работник. Если бы каждый из вас не был хорошим работником, то вы не сделали того, что вы сделали. Это несомненно. Я не знаю, но надо как-то лучше подходить.

Вот вы находите возможность относиться ко мне хорошо, а почему вы относитесь друг к другу хуже? (Смех.) Это не смешной вопрос, это естественный вопрос. Что из того, что я написал двадцать книг? Литература есть такой же труд, как всякий другой труд. Хороший труд, но ведь производство хирургических инструментов [тоже] очень хорошее [дело] и очень трудная штука. В чём тут дело? Нет, относиться друг к другу надо мягче.

Вам нужно иметь перед собой какое-то зеркало, вам нужно иметь перед собой то, глядя на что вы лучше могли бы видеть, что вами сделано, что вами делается и что вы должны сделать. И не в одной области, а во всех областях. Вы должны создать орган, который всегда смог бы охватить, что делается во всех областях каждой данной точки нашей страны. Что делается в музыке, в прядильном деле – и всюду, в науке и т. д., – одним словом, всюду.

Видите ли, несомненно, что случилось какое-то удивительное совпадение. Несомненно, что одна из величайших, единственно великих идей – идея коммунизма –

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma упала на какую-то чрезвычайно плодотворную почву. Очевидно, [что] при тех условиях, в которых вы жили, в такой короткий срок объять и поднять столь великую тягу, которую поднял рабочий класс, – это можно только при какой-то удивительной талантливости.

Вообще хочется чего? Я там жил вдали от России, слушал, читал газеты, книги, письма, я воображал себе, правда, смутное представление было о том, что есть сейчас в России. А вот теперь это представление ясное. Я уже поговорил со многими, многих видел, ко многому присмотрелся. Это – другой народ. Это – не тот народ. Это не тот народ, который я знал, не тот, о котором я писал, – другой. Этот народ должен и может создать своих писателей и создаст. Он должен и может сделать всё, что он хочет, он сделает.

Дорогие товарищи, на Красной площади лежит Владимир Ильич Ленин. Здесь сидит коллективный Ленин. Этот Ленин должен как-то углубиться, он должен создать много Лениных, таких огромных, таких великих, таких настоящих, массовых, громадных Лениных. Должен создать, – вот что я вам скажу, товарищи.

И вот то, что вы должны создать и что вы можете создать, – это должно заставить вас относиться друг к другу лучше, чем вы относитесь. Цените выше друг друга. Вы достойны высокой оценки. Вы поверьте мне, я не преувеличиваю. Это вам говорит не художник и не литератор, вам говорит простой рабочий русский человек. (Бурные аплодисменты.) Это всё, товарищи. (Громкие аплодисменты, переходящие в овацию, оркестр играет «Интернационал».)

Письмо в редакцию газеты «Рабочая Москва»
Уважаемый т. редактор!

Будьте добры напечатать в «Рабочей Москве» прилагаемое письмо, не внося в него никаких изменений и поправок. Прошу Вас напечатать и мой ответ автору письма.

«Дорогой Алексей Максимович Женщина пролетарка к тому ж сейчас нахожусь безработной просит тебя не уезжать в Италию откажись от своей виллы будь настоящим пролетарским писателем и настоящим другом пролетариям всего мира если тебя щятают сейчас за границей что ты заболел большевизмом то болезнь большевизма самая здоровая в мире через болезнь большевизма человек делается самым здоровым сильным и новым человеком мы пролетари советской страны через большевизм идем к новой и светлой жизни и тебя дорогой наш друг завем итти понашему по пути пролетариев всего мира ибо этот истенний путь Гниль буржуазного прошлого на чисто мы еще не смели надеюсь Алексей Максимович ты останишься снами и поможеш нам domesti оставявшею буржаазией вонючею нечесть и тогда пролетариат всего мира вздохнет свободной грудью Дорогой Алексей Максимович не обейайся на откровенность женщины пролетарки я также люблю тебя как брата и человека всем своим сердцем как любят тебя пролетариат всего мира Дорогой Алексей Максимович убедительно прошу как искренно любящая тебя сестра удели менутку ответа в рабочей Москве останишься ты с нами или нет, будь снами искренним и откровенным как мы больные большевизмом умеем каждому сказать правду в глаза но правду мы говорим тогда когда унечтожено бревно из своего глаза ибо з бревном в глазе показывать на сучек другога глаза это есть неправда и так дорогой брат Алексей еще стобой хотелось бы побеседовать но довольно если будиш мне отвечать то пиши в рабочю Москву безработной женщине, желаю тебе быть сильным здоровым любящая тебя безработная.»

Товарищ Безработная!

Сердечно благодарю за Ваше письмо, в котором я хорошо чувствую силу духа настоящей пролетарки-большевички. Получить такое письмо – большая радость. За эти дни я видел много прекрасной, творческой работы, много достижений, которые удивили и взволновали меня. Да, русский пролетариат может и умеет работать, да, он хорошо понимает, как надобно строить социалистическое государство, и строит его вопреки усилиям внешних и внутренних врагов повредить, помешать ему. Только люди, ослеплённые злобой, не видят этой чудесной работы. Но, товарищ, вижу я и теневые стороны жизни, чувствую и усталость работников и уныние, которое овладевает некоторыми из них, чувствую и холодные мешанские струйки в горячей атмосфере труда и творчества пролетариата. И если для борьбы с отрицательными явлениями жизни мои силы признаются Вами и подобными Вам нужными в Стране Советов, я, разумеется, останусь с такими, как Вы. Однако на зиму я, вероятно, уеду в Италию, где мною не кончена литературная работа, кончить которую здесь я

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma не могу. Кстати: у меня там нет своей виллы. У меня никогда не было и не будет своих домов, своей «недвижимой собственности».

Ещё раз – спасибо Вам, товарищ, за дружеское письмо.

Ответное слово [на торжественном заседании ЦБК]

Прежде всего, уважаемые товарищи, благодарю вас за честь, что вы выбрали меня членом вашей огромной краеведческой семьи. Благодарю вас. Я всё-таки думаю, что основной моей работой, работой всей моей жизни, было не краеведение, а человековедение. (Аплодисменты.) Отнюдь не значит, что этим я умаляю значение краеведения, я только хочу сказать, что я начал жизнь среди людей, которые очень быстро заставили меня догадаться о том, что эти люди не могут написать книг, которые я читал, и что в книгах, которые я читал, нет этих людей. Отсюда явился совершенно естественный логический вывод – где-то есть какие-то другие люди, которые пишут книги и о которых пишут книги. Земляки мои не должны обижаться за это на меня, так как это было в ту пору, когда земляков, которые здесь присутствуют, не было ещё на земле, не было. Те мои земляки были очень скучны... Однажды один из квартирантов дома, где я жил, полковой священник Соловьев на жалобу одного гимназиста, покушавшегося на самоубийство, ответил таким утешением: «Живи, как зерно в мешке зерна». Вот. Так я думаю, что такие люди внушили мне очень рано догадку, что где-то есть другие люди, которые пишут книги, форсунки делают. В нашем городе ходил по улице человек с рыжей лисьей бородкой и в криво надетом картузе, и все говорили, что он делает форсунки, и это сделало то, что этот человек чем-то отличается от всех других. Звали его Василий Иванович Калашников. И многое намекало мне, что возможны другие люди; и вот я начал присматриваться, искать, как их найти? И таким Диогеном без фонаря я ходил лет пять, от двенадцати до семнадцати лет, потом – Казань, потом я стал встречать людей, которые действительно были – другие люди, у них были какие-то другие мечты, они говорили о другом, они думали о неизвестном мне – о народе, что они видят его – как на ладони, сколько земли ему не хватает, сколько лошадей надо. Они заботились не о пирогах, к обедне не ходили и так далее и так далее. О том, как я жил, много уже писали, мне, собственно, не о чем говорить; я читал, читаю и думаю, понимаете, что, пожалуй, это не я (Аплодисменты), очень похоже, но как будто – о моём брате.

А если говорить о настоящей серьёзной дороге, то надо перейти к текущим дням: десять – двенадцать дней, которые я прожил в Москве. Я уже не раз говорил о том, что здесь совершается большая работа, а за работой стоит сила, которая творит, – это меня очень волнует и радует, я вижу много теневого, они неизбежны, но это делает ещё ярче то, что здесь делается, ещё резче просвечивает, – я говорю о работе, о строительстве. Здесь такая сила, и – что особенно с каждым днём меня так удивляет и радует и как-то особенно всё более глубоко волнует, право, я не преувеличиваю, буквально меня физически оздоравливает, – это та атмосфера, в которой я живу, то обилие действительно работающих людей, – людей, работающих не на себя, а для огромного дела, – вы знаете, как оно называется. Масса рабочих, культурная сила, сейчас везде и всюду развивается, начиная с четырнадцатилетних ребят. Вы можете себе представить, как я был удивлён сегодня утром, когда ко мне пришли трое мальчишек, которые приехали из Харькова, где семь лет существует колония моего имени. Это – колония социально опасных, там 400 человек. И вот трое из них приехали ко мне. Один – довольно крупный вор-рецидивист, судившийся три раза и приговорённый в общей сложности на семь лет, теперь – студент харьковского университета, живёт в Харькове и всё свободное время проводит в колонии. Рядом с ним – четырнадцатилетний мальчик, беспризорный, сирота и тоже воришка-карманник. Ему четырнадцать лет, он маленький, плотный, веснушчатый, немного рябой, с очень быстрым взглядом, очень милый, он командует отрядом в 70 человек таких же, как сам. Третий мальчик – музыкант, играет на чём-то. Вот такие вещи меня прямо поражают: встретить воришку, у которого – 70 человек подчинённых? Вся колония разделяется на 24 отряда, и я каждые три месяца получаю 24 письма, и вот три месяца тому назад они писали хуже, теперь пишут грамотнее и лучше. Или то, что я увидел в колонии ГПУ, это можно сделать только в такой стране невероятно дерзких и страшно талантливых людей, – это чёрт знает какая нация! Талантливая нация! Я не знаю ни одной страны, где в области искусства, – о театре и говорить нечего, – и в литературе так много сделано, продвинуто, – это что-то фантастическое. Даже вот сейчас, когда я вижу перед собой несколько сот человек работников науки, я думаю: явь ли это? Шесть лет – ничтожный срок, каким образом всё это случилось, я не усваиваю этого, понимаю, но не усваиваю. Отсюда моё восхищение и, я бы сказал, некоторая восторженность этой работой, но я не понимаю того процесса и энергии людей, живших в таких тяжёлых условиях,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma переживших великие драмы, как они могут вершить это великое дело. Нельзя понять это как моё стремление хвалить, нет, право, не в этом дело, просто хотелось бы всё усвоить, чтобы этот процесс скорее преобразовался в какие-то формы, какие-то образы, усвоить это – а нет, не усваиваю!

Вы знаете, я кончу, потому что я, кажется, не то говорю. (Аплодисменты, крики: «Просим!», «Просим!») Довольно, довольно. Если бы у меня была длинная рука, я протянул бы её вам, каждому из вас, чтобы крепко пожать ваши и передать вам, ну хотя бы десятую часть того чувства, которое я испытываю. Прекрасные люди живут в России, прекрасные люди вы!..

О займе индустриализации

Один из журналистов спросил меня: как я отношусь к займу индустриализации народного хозяйства?

Мне кажется, что подписка на этот заём – прямая обязанность каждого мало-мальски сознательного гражданина Союза Советов. Ведь ясно, что для того, чтобы создать свободное и справедливое социалистическое государство рабочих, необходимо вооружиться совершеннейшей техникой, необходимо построить сеть заводов и фабрик, которые дали бы населению страны всё, в чём оно нуждается. Население само и должно дать денег на производство всего, что ему необходимо. Капиталисты Европы на это дело денег не дадут. Им кажется, что русский рабочий народ истощает в труде восстановления промышленности в своей стране последние свои силы. Они не знают, как велик запас этих сил и как талантлив народ, который они хотели бы экономически поработить, так же как встарину им удалось поработить индусов и китайцев.

Наш крестьянин и рабочий не может попасть в тяжкий плен европейского капитала, наши труженики города и деревни уже понимают, что денежные излишки необходимо отдавать взаём государству для того, чтобы оно тратило эти излишки для дальнейшего развития народного хозяйства в интересах трудящихся. У Советской власти нет других интересов, кроме интересов трудового народа. Это – единственная в мире действительно народная власть, и она действительно стремится создать для трудящихся более лёгкие условия жизни, создать справедливое, социалистическое государство. Что трудовой народ наш понимает цель своей власти, об этом говорит тот факт, что народ охотно отдаёт свои сбережения на развитие государственного хозяйства. Всякий, кто участвует в займе, участвует в деле укрепления свободы, завоеванной народом ценою своей крови.

Вот что я могу сказать по поводу займа индустриализации. Я говорю это не как политик, а как гражданин своей страны, как человек, для которого счастье его родного народа – его счастье и радость, как человек, который всю жизнь своей доказал и доказывает, что «воля и труд – всё перетрут».

Владимир Ильич Ленин так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего. Это не выдуманно мною «для красного словца», это утверждается всей работой его, всеми статьями, особенно после Октября. Неизбежность и близость Октябрьской победы рабочих и крестьян он предвидел уже в 1907 году на Лондонском съезде. Он вообще, как никто до него, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это – мне кажется – потому, что половиною великой души своей жил в будущем; железная, но гибкая логика его показывала ему отдалённое будущее в формах совершенно конкретных, реальных. Этим, на мой взгляд, и объясняется его изумительная стойкость в отношении к действительности, которая никогда не смущала его – как бы она ни была трудна и сложна, – никогда не колебала его твёрдой веры в то, что наступит момент, когда рабочий класс и крестьянство должны быть и будут хозяевами во всём мире.

Буржуазные философы, инстинктивно чувствуя враждебность знания для старого, привычного им «порядка», любили и любят показывать непримиримость разума и веры. Владимир Ленин был верующим человеком, он непоколебимо верил, потому что хорошо знал. Его силою была поражающая ясность его разума. Обширнейшие знания, которыми он насытил свой разум, вооружили его способностью пророчески предвидеть всё, что может и должно дать сегодня завтрашнему дню. Сегодняшняя действительность была для него только материалом для построения будущего и, повторяю, никогда ничем не пугала его. Он видел, чувствовал вокруг себя тысячи творцов новой истории – передовые отряды рабочего класса, воспитанные его мыслью, его верой и способные вести за собою всю рабочую массу, способные вырвать из земли крепко вросшее в

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
неё бедняцкое крестьянство, поставить его на широкий свободный путь к
социалистической культуре. До Владимира Ленина трудовой народ наш и всего мира
не имел вождя.

Каждый рядовой боец армии Ленина должен усвоить знания и веру своего вождя. Усвоить это – значит вооружиться непоколебимой, победоносной силой. Насколько эта сила усвоена – она уже дала и даёт изумительные факты творчества, смело и мощно закладывая фундамент первого в мире рабоче-крестьянского социалистического государства, успешно воспитывая во всём мире товарищей и соратников себе.

Воспитывает ли? На этот вопрос отвечает нам всё растущая ненависть капиталистов всего мира к Союзу Социалистических Советов, учителю рабочих всей земли.

Хозяева Страны Советов, рабочие и крестьяне, уже двенадцать лет живут в напряжённом состоянии самообороны против внешних и внутренних врагов, против хищников, паразитов и подлецов всех систем. Живут в борьбе со своею собственной некультурностью и малограмотностью, с дрянными, крепко вросшими в плоть и кровь бытовыми навыками, которые они унаследовали от буржуазии, которыми заразил их проклятый, рабский, старый мир.

При всех этих и многих иных невероятно тяжёлых условиях, при непрерывных помехах спокойному строительству своего государства, рабочий класс и передовое крестьянство всё-таки достигли в работе своей невиданных, небывалых успехов. Это – неоспоримое свидетельство творческой силы рабоче-крестьянской массы, свидетельство богатейших, неисчерпаемых запасов её энергии.

Мне кажется, что энергия рабочей массы ещё более повысилась бы и дала ещё более поразительные результаты, если б каждый из нас глубже усвоил, чего требует от человека, от каждой единицы необходимость самозащиты нашего государства, необходимость «социалистического отношения к хозяйственному переустройству нашей страны».

Самозащита рабоче-крестьянской массы от врагов извне и изнутри требует, прежде всего, крепкого сознания каждым человеком, что именно рабочие и крестьяне – единственные законные хозяева Союза Советов и что это – навсегда!

Требует сознания, что хозяйство наше, в его существующих технических формах, всё ещё не может вполне удовлетворить всех потребностей рабочих и крестьян и что хотя вина в этом объясняется нашим нищенским прошлым, но частью лежит она на самих же рабочих и крестьянах, на их неправильном понимании значения труда, который преодолевает все препятствия по пути к новой жизни. Только труд и только знания могут преодолеть их.

Нужно знать, что чем дальше, тем более будут развиваться потребности 160-миллионного населения нашей страны и что рост этих потребностей есть, в существе своём, рост культуры, рост силы и власти рабоче-крестьянского массива, хозяина страны, учителя трудового мира. Но, вместе с этим, нужно понимать, что истинная, новая культура, которую должен создать, которую уже создаёт передовой, сознательный рабочий и крестьянин, не должна и не может выражаться в единоличном, индивидуальном накоплении потребных человеку вещей, а – в освобождении человека от власти излишка вещей.

Буржуазная культура погибает именно от излишка вещей, от пресыщения ими. От пресыщения вещами исчезает вкус к жизни и воля к жизни.

Нам, разумеется, преждевременно говорить об излишке вещей, у нас ещё не хватает необходимого. Но уже следует говорить о возрождении мещанской страсти к накоплению мелочей, без которых можно обойтись, о жадности к мещанскому, «уютному», пошленькому житию, не совсем уместному и даже смешному в стране, окружённой врагами, существующей в состоянии самообороны.

Самооборона – это, прежде всего, накопление точного знания действительности, вооружение разума, воли и логически вытекающая отсюда необходимость усиленного вооружения страны нашей индустрией.

Каждая новая фабрика, новый завод, новый колхоз, новая коммуна – это более или

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
менее мощный кусок гранита в ту непоколебимую стену, которой рабочий и крестьянин должен окружить и окружает своё государство от нападения врагов. Только накопление индустриального богатства в масштабе государственном может удовлетворить полностью все потребности едиличные. Только индустрия и вместе с нею механизация крестьянского хозяйства укрепит наши силы, нашу самооборону против врагов, – укрепит так, что никто из них не решится, не посмеет поднять подлую и жадную руку свою на государство наше.

Надобно крепко понять, что каждый час, каждый день труда – наш выигрыш в той борьбе, которую мы ведём против старого мира, каждый рубль, который мы влагаем в хозяйство страны, – это маленький шаг к победе.

На социалистическое соревнование, введённое нами в работу строительства новой жизни, враги ответили нам разбойничьим налётом иа Дальнем Востоке.

Мы отвечаем ускоренной подпиской на заём индустриализации. Этот заём, не говоря о его мощном экономическом значении, указывает на политический рост рабочих и крестьян. Этот ответ разбойникам – прекрасный и умный ответ действительных хозяев страны. Он убедительно и неоспоримо говорит о том, что жив и велик дух Владимира Ленина и что рабоче-крестьянская масса всё более глубоко осваивает этот дух.

О Елене Новиковой

Хорош милой простотой своей рассказ Елены Новиковой о том, как Октябрь омолодил её и заставил писать о горестной бабьей жизни. Не плохи и пять книжек, изданных Госиздатом. Но лучше всего, что сделано ею, – сама она, шестидесятилетняя женщина, «омоложенная» Октябрьской революцией.

Алёнушка Новикова, до [19]17 года, пятьдесят восемь лет жила «обыкновенной», мучительно тяжёлой, убивающей душу жизнью русской крестьянки, русской работницы. Миллионы женщин, таких, как она, оплодотворив землю трудом своим и детьми своими, ложились в могилы, оставляя на память о себе только тоскливые песни о своей злой доле, о загубленной жизни без любви, без радости.

Но вот живительная сила революции коснулась усталого сердца Новиковой, и это сердце, не испытывшее в жизни своей ничего хорошего, вдруг вспыхнуло огнём желания писать людям о том хорошем, что оно, наконец, почувствовало.

Когда старая графиня Клейнмихель пишет свои воспоминания о том, как её обижали большевики, – графиней руководит желание посчитаться с врагами. Ей, графине, легко писать, она человек образованный, вооружённый множеством отличных слов.

Алёнушка Новикова – малограмотна, и ей работать пером труднее, чем топором. Она пишет не для того, чтобы посчитаться с прошлым, а для того, чтобы рассказать, как хорошо настоящее.

Тот факт, что она, в преклонных годах, почувствовала великий смысл трудовой жизни и загорелась желанием, – говорит о том, что наша русская жизнь взволнована до глубины, что забытые тяжёлым прошлым люди оживают и готовы внести остаток сил своих в общую работу по созданию нового, свободного государства.

Сотни тысяч женщин, 10 лет тому назад умиравших с голода, женщин, которые за эти 10 лет потеряли мужей, братьев, детей на фронтах гражданской войны против паразитов, – сотни тысяч этих женщин теперь участвуют в великой работе строения новой жизни. Нигде, кроме Союза Советов, нет ничего подобного тому, что творится у нас, нигде ещё женщина трудовых классов не играет такой активной роли в жизни, как у нас.

И не только сама русская женщина быстро выходит на широкую дорогу свободного труда, не только она постепенно начинает чувствовать себя хозяйкой государства, – она ведёт за собой и женщин всех национальных меньшинств: татарок, калмычек, мордочек и других, чья жизнь была ещё больше мучительно тяжёлой, чем жизнь русских рабочих женщин.

К тому, как живёт и что делает теперь русская работница, присматриваются, прислушиваются рабочие женщины всего мира.

И не так уже далёк от нас день, когда иноземные работницы последуют примеру

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma русских товаров.

Это обязывает наших женщин крепко учиться для того, чтобы уметь учить борьбе и работе тех, кто потребует их уроков, тех, которые отстали от них на пути к свободе. Наши женщины должны твёрдо помнить, что их веками держали в рабстве люди, которые только потому были сильнее рабочего народа, что они были намного грамотнее его.

Нет оружия более сильного, чем знание.

Мой привет милой Елене Новиковой.

О наших достижениях

Необходимость издавать журнал «Наши достижения» внушается следующими соображениями.

Пишущему эти строки всё чаще за последние два–три года приходится слышать от массовых работников, рассеянных по необъятному пространству Союза Советов, заявления, общий смысл которых сводится к такой фразе: «Работаем впустую, суеты много, а дела – не видать».

На мой взгляд – заявления такого тона являются результатам убого ограниченного знания действительности, результатом недостаточно широкой и потому неверной оценки всего потока творческой работы, совершённой и совершаемой в Союзе Советов теми же самыми работниками, которые жалуется, что «дела не видать».

Лишь в редких случаях эти жалобы можно понять как выражение усталости, в большинстве же они выражают несоответствие между тем огромным, чего активный человек хочет, и тем, сравнительно немногим, что уже осуществлено. Далеко не всеми понято, что «немногое», осуществлённое в краткий срок шести лет, кажется «немногим» лишь по сравнению с той грандиозной задачей, которая поставлена к разрешению рабоче–крестьянской властью, но по существу своему, как первые шаги к великой цели, это «немногое» – солиднейший фундамент нового государства, заложен он глубоко, и трудно представить силу, которая могла бы взорвать его. Эта совершенно удивительная, хотя и «черновая» работа не должна бы вызывать пониженных настроений, однако такие настроения существуют и, мне кажется, растут.

Совершенно ясно, что росту их способствует целый ряд глубоко важных причин, затрудняющих большую успешность творческой работы, – например, подленькая вражда международной буржуазии к народу, который не хочет работать на неё; способствуют росту унылых настроений и те «бытовые» условия, в которых живёт и работает активный советский человек, весь тот мелкий житейский хлам и сор, та пыль, которые неизбежны при разрушении привычной и любезной многим старинки, та засорённость социальной почвы, которую веками создавал мещанин мира сего.

Эта масса древней пыли, поднимаясь над жизнью серой тучей, мешает многим строителям нового государства ясно видеть их мужественную и даже героическую работу. Затем, есть немало людей, которых я назвал бы профессиональными зрителями, – они воспринимают жизнь только глазами, для них она только зрелище, а не творчество; к людям такого типа я отношу литераторов – «бытовиков», которые более или менее любовно и усердно изображают, как непобедим старенький быт и как его болото засасывает человека. Для них бытовая пыль является как бы космической, и они сквозь её пелену не видят нового человека, не замечают его работы. Есть также люди, которые очень желали бы повеселиться на празднике, не принимая участия в тяжёлой работе будничных дней. Эти люди, среди которых немало мещан, временно загримированных под «коммунистов», – эти люди, тоже усердно подчёркивая неустройство и беспорядок бурно текущей жизни, засоряют светлый трудовой день хламом критических словечек, тревожными воплями, паническим шёпотом. Всё это ещё более сгущает тучу дрянненькой житейской пыли, ослепляя строителей нового.

Сюда же необходимо присоединить и оглушающую метелицу самокритики. Разумеется, самокритика необходима, но не до истерики, не до покаянного тона интеллигенции семидесятых годов прошлого столетия. Порой кажется, что «самокритика» затеяна не ради успеха дела, не из чувства уверенности в его величии, а из сомнения в правильности самого существа дела – на радость господ эмигрантов и других врагов Союза. Тонем своим «самокритика» зачастую совершенно сливается с критикой

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
злейших врагов наших. Упражняясь в самокритике, необходимо – на мой взгляд – помнить, что её слушает вся молодёжь Союза Советов и не только слушает, а и усердно подражает резкости тона, и, усвоив тон старших товарищей, она вносит этот тон в свою среду, расправляется друг с другом недопустимо жестоко и, вызывая различные обиды, увеличивает этим количество мелких дрызг, густоту житейской пыли. Повторяю ещё раз, во избежание недоразумений: деловая самокритика неизбежна, но надобно помнить, что очень трудно объединить гармонически в одном лице и критика и творца, силу действующую и противодействующую. Только мозг Владимира Ленина умел гармонически объединять эти две силы, заставить их работать параллельно в направлении к цели. У него и надо бы учиться этому искусству нарушения законов физики, да и вообще всяких законов старины.

Из всего сказанного создаётся картина, которую недавно один умный мужичок характеризовал такими словами: «Свят сосуд, да его черти несут». Красиво сказано, а неверно. Известно: «Было бы болото – черти найдутся». Болото есть, осушение его ведётся, но не с той быстротой, как хотелось бы, и черти, вслух критикуя, втайне ликуют. Но сосуд-то всё-таки «свят», потому что он до краёв наполнен творческой энергией богатого ею рабочего класса, который всё более и более выдвигает из среды своей талантов и дарований. Достижения его неоспоримы; первейшее и самое главное из них – та возбуждающая волю атмосфера всяческих дерзновений и даже безумств, которые укрепляются в жизнь Страны Советов, быстро изменяя её лицо и характер её народов. В Союзе растёт хозяин – не хищник, а творец, новая историческая сила – человек, который хочет и может построить не домишко, а государство для себя, человек – пример для трудящихся всего мира.

Возвращаясь к началу этой статьи. Зачем нужен журнал «Наши достижения»? Вот зачем: каждый активный работник в колоссальном процессе творчества революции и культуры всецело поглощён своим ежедневным делом, и поле его зрения ограничено пределами той работы, в которой он непосредственно участвует. По отношению к общей массе работы, творимой в Союзе Советов, единица-работник находится в позиции каменщика, которому не всегда достаточно ясен общий план постройки, возводимой архитектором – классом и партией – мозгом класса. Часто каменщик не совсем верно представляет себе своевременность, успехи и значение работы землекопов, плотников, столяров и других рабочих групп, делающих плечо в плечо рядом с ним одно и то же его классовое дело. Посредством статей, разбросанных в газетах, нет физической возможности, нет времени для того, чтобы создать себе вполне ясное представление о ходе и об итоге всей работы, сделанной за истекший месяц, за год во всех областях труда и творчества.

Журнал ставит себе целью давать именно такие подсчеты, итоги, обзоры, но не в сухих цифрах, а в живых фактах, изложенных простым языком, вполне доступным пониманию массового работника. Совершенно необходимо, чтоб этот работник имел представление, до мелочей полное, обо всём, что сделано, делается и нужно делать, чтоб пред ним вставала яркая картина его борьбы, его работы, его успехов. Необходимо, чтоб он чувствовал себя одной из тех живых сил, которые строят новое государство, и понимал бы, что это государство не может быть построено без крепкого, дружеского слияния всех единоличных сил в один поток коллективной, творческой энергии. Необходимо, чтоб он видел: «святой» сосуд этой энергии не «черти несут», а он сам и товарищи его.

Журнал должен повысить его силы, придать ему бодрости, поднять его самооценку, показать ему, как значительна его будто бы мелкая будничная работа, показать, что в нашей стране уже нет «мелких» дел, всё, что в ней делается, делается ради всестороннего, универсального освобождения людей от всего, что мешало и мешает им изнутри, а также и извне, быть свободными творцами своей судьбы, своей истории.

Действительность наша тяжела, противоречива, запутана – всё это так. Но вся действительность должна быть героизирована, и наша действительность уже вполне заслуживает этого. Чем героизируется действительность? Только трудовым подвигом, только работой по очищению жизни от мерзостей её, только борьбой против зла, против рабства и за свободу. На этом начале, на трудовом подвиге, построены все прекрасные легенды и сказки о Геркулесах, о богатырях всех народов и эпох. Даже «святых», – поскольку «жития» перешли в область народных легенд и сказаний, – даже и «святых» народ почтил своей любовью – не тех, которые уходили из мира, от жизни «спасения своего ради», а только тех, которые боролись против зла жизни в мире, среди людей.

Действительность может быть изменена только революционной силой труда, и чем разумнее труд, тем более он революционен. То, что делается в Союзе Советов, – превышает фантастические подвиги всех сказочных героев и богатырей. Работа простых людей от станка, от сохи, – людей, которые живут в тягостных условиях, поистине героична, но сами герои не понимают этого. Они плохо видят себя и поэтому низко ценят друг друга. В нашей действительности родился и растёт подлинный герой – он должен знать это. Он будет это знать, если пред ним поставить зеркало; таким зеркалом и должен быть журнал, который показывал бы активному работнику революции и культуры его достижения во всех областях науки, техники, искусства, быта.

[Рабочим Баку]

Миновала пора создания человеком прекрасных сказок и фантазий, и многие люди жалеют о том, что миновала эта пора.

Вы, рабочие люди, не пожалеете об этом, потому что вы создаёте сказочную действительность, вы начали строить жизнь, которая будет прекраснее, величественней всех древних сказок и фантазий.

В этой маленькой стране, в крепкой рабочей дружбе с её древним талантливым народом вы уже начали строить великое дело, радостное дело освобождения человека от каторжного труда на чужого вам по духу эксплуататора, для свободного, великого труда рабочего – хозяина всей земли.

Привет вам, творцы новой жизни!

[Речь на торжественном заседании пленума Бакинского Совета]

Вы зовёте меня работать с вами – прекрасно: это моё дело, и я буду его делать, пока жив. Но я возражаю против того, что вы приглашаете меня к обличению ваших недостатков – это уже ваше дело, и тут должна действовать ваша рабочая самокритика.

Я, очевидно, создан природой для охоты за хорошим и положительным, а не отрицательным. Смолоду ещё, вращаясь в среде того класса, который создал вас, я видел людей, которые пьянствовали, били своих жён, воровали, жили грязной жизнью. Но ни одного слова осуждения для них вы у меня не найдёте, потому что в каждом из них я видел то хорошее и человеческое, что сейчас выявилось в прекраснейших, энергичнейших формах. Задачей моей деятельности я считал необходимость подмечать в человеке его хорошее, его настоящее человеческое, а не зоологическое, не животное. Ибо животное изживает, а человеческое растёт. Я не ошибся – оно выросло, и в вашем лице я вижу именно тех людей, о которых мечтал.

Мы созданы природой, нам враждебной, – и она создала нас зверьми, животными. Но это животное, видя плавающую по реке яичную скорлупу, создало судоходство, видя летающих птиц – с древности ощутило желание летать. И летает. В природе были прекрасные цветы, но ведь большинство лучших цветов мира культивировано самим человеком, и таких прекрасных роз и тюльпанов, которые вырастил человек, в природе не было. Вот я вижу вашу нефтедобычу – и вижу, как стихия работает на вас, как сидит да подрёмывает какой-то смазчик, а эта качалка-богомолочка кланяется и качает нефть. Всё, что в мире есть ценнейшего, всё, что действительно ставит нас на ноги, делает нас настоящими людьми, открывает и открыло уже перед нами великую широкую дорогу к будущему, – всё это создано человеком.

Всё, чему вы служите, – это настоящее человеческое, а культура, которую вы хотите создать, – и вы создадите её, вы её создаёте уже, – это есть воплощение ваших лучших человеческих мечтаний, ваших надежд. Вы являетесь сейчас лучшими воплотителями человеческого стремления к лучшему.

Вы сами не представляете себе, до какой степени грандиозна та работа, которую вы совершили за этот короткий срок, за какие-то ничтожные десять лет. Находясь каждый день в этом потоке, вы просто не видите этого. Как будто бы маленькое дело, но это не маленькое дело, – это часть огромного, великого дела, которому пролетариат всего мира учится у вас. Не технике он учится, а этой поэзии труда, которая вам уже стала доступна, этому пафосу труда, которого раньше человек, работая на чужое дело, не испытывал никогда, как сейчас. Хотя я попутно хочу отметить – не обижайтесь на меня – тот факт, что на класс паразитов, на

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma буржуа, рабочий работал лучше, чем он работает на себя: продукция по качеству была выше, а сейчас она ниже, и с этим нужно бороться, на это нужно направить оружие самокритики. Это – отступление в сторону, вы его запомните, а меня извините. (Аплодисменты.) Из песни слова не выкинешь.

Но хорошее стало лучше, а плохого стало меньше, оно не так плохо, как было раньше, – и это тоже факт, служащий к вашей чести. Хорошее – это та работа, которая творится сейчас во всех областях, в том числе в области той молодой литературы, которую начинает рабочий класс, который уже нельзя назвать пролетарским классом. Он уже хозяин, он владеет всеми орудиями производства, в его руках политическое влияние – какой же он пролетариат? Вы хозяева, да, настоящие хозяева, которых давно ждал мир. (Аплодисменты.) Это так, и трудящиеся мира, несомненно, будут учиться у вас, как быть хозяином жизни. Вы уже учителя, учителя.

Вот в краткой схеме тот основной поток моих воззрений на современность. Современность для меня – это вы, это ваша работа. Я не вижу ни одного угла в жизни, который не был бы пропитан той удивительной атмосферой, тем кислородом, которым обладаете вы, той интеллектуальной силой, неоформленной, быть может, грубой, – не важно, – которую источаете вы. Сто лет назад мы были грубы, пятьдесят лет назад – меньше, двадцать пять лет назад – ещё меньше, теперь и того меньше, а со временем мы выйдем из тех мозолей, которые натёрло нам классовое общество, и вылечим их. В прошлом году мы пропили на водке 700 миллионов рублей, но было бы лучше, если бы пропили 350 миллионов, а остальное пустили бы на народное образование. Это было бы лучше, но не всё же сразу, не всё сразу. Через ту пропасть, которая вырыта между вами и старым миром, между вами и культурой, сразу не перешагнёшь. Вы идёте, на мой взгляд, в достаточной мере быстро, вы заполняете пропасть телами своими, плотью своей и силой. Вы живёте – я это знаю – в тяжёлое время, но что же из этого? Вы призваны строить мир, и поэтому вы начинаете смотреть на всякое дело как на своё собственное. В этом кроется залог того, что вы поборете все трудности.

В каждом из нас заложено ещё много от старины, от многого вы ещё не вылечились. Это – стремление к дешёвенькому благополучию, которое в наше время непрочно. У нас не может быть прочным дешёвенькое мещанское благополучие, точно так же, как оно становится всё менее благополучно на Западе, ржавеет, разлагается.

Одна из революционнейших выдумок человека – это техника, и она как раз-то обратилась против тех, кто путём этой силы эксплуатировал силу рабочего человека. Она на Западе является теперь революционной разлагающей силой, и, когда вы говорите о стабилизации капитала, это вы понимаете как явление инерционное, ибо западный пролетариат во многом ещё уступает вам: уступает в ясности понимания задач, уступает в той энергии, которой наградила вас ваша трудная жизнь, старая ваша история. Лет двадцать пять назад старик Каутский написал статью о русском и американском рабочем, где он подметил, что русский рабочий – идеалист. Да, у него идеализм особого типа, который не свойственен рабочему Западу – социальный идеализм, который он оправдал тысячу раз после Октябрьской революции. Отмеченная Каутским в русском рабочем склонность к анархизму якобы и антиобщественному началу есть не что иное, как чувство критики, внутреннее индивидуальное несогласие с буржуазным миром, со структурой эксплуататорского общества, в особенности русского, в котором – это рабочие просто чувствовали – жить было нельзя. Отсюда возникали у нас и явления отрицательные – много хулиганства и всякого анархизма, много действительных проявлений антиобщественного.

Бессмысленное накопление эксплуататорами миллионов и миллиардов является не чем иным, как вытяжкой вашей силы и воплощением в каждом рубле огромнейшей вашей энергии. Можно ли быть согласным с этим? никоим образом! Это инстинктивно чувствовалось вами лучше, чем это чувствуют рабочие Западу ещё и по сию пору. Здесь нет комплимента вам, потому что, с моей точки зрения, это совершенно естественно, это человеческое свойство быть недовольным действительностью.

Я не согласен с мыслью одного из ораторов, что мы дойдём до какого-то пункта и остановимся на нём. Человек создан затем, чтобы идти вперёд и выше. И так будут делать ваши дети и внуки. Не может быть какого-то благополучия, когда все лягут под прекрасными деревьями и больше ничего не будут желать. Этого не будет, люди ползут ещё на Марс, будут переливать моря с одного места на другое, выльют море в пустыню и оросят её, поставят себе дерзновенные задачи, вроде того, как вы

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma здесь отняли у моря часть его и превратили её в сушу. Игра с огромнейшими стихийными силами природы, которые раньше возбуждали у человека страх и ужас, ныне становится, благодаря вашей коллективной спайке, обычным делом. На Днепре поднимают воду

– это на Днепре, который якобы «реве та стогне», а на самом деле не знает, куда деваться. Пятьдесят лет назад никому и в голову не могло придти, что можно взять да поднять реку на пятьдесят метров.

Весело, страшно весело стало жить. Я жил отшельником в Сорренто, получал газеты, получал ежедневно штук 30 писем от рабкоров, селькоров и начинающих писателей и чувствовал себя просто физически помолодевшим. Я не преувеличиваю. Какие-то токи идут отсюда – от этой страны, которую культурное человечество считало дикой, невежественной и всячески потерянной. Считали и считают. Теперь-то они прекраснейшим образом понимают, что мы им довольно нащёлкали и в ближайшем будущем нащёлкаем ещё больше. (Аплодисменты.)

Сейчас вами создана атмосфера омолаживающая, возбуждающая творческие силы. Если бы молодые писатели чаще были в вашем кругу в таком тесном окружении, в каком нахожусь сейчас я, человек изрядно изработавшийся за тридцать пять лет, если бы они чаще бывали на ваших заводах и в ваших шахтах, – уверяю вас, что через пять лет у вас была бы изумительная литература.

Если взять область, наиболее мне знакомую, – область литературы, то можно сказать, что не было за всю историю человечества такой эпохи, когда в течение 8–10 лет была бы создана

такая удивительная литература людьми, не прошедшими школы и университета, людьми от сохи и станка. И это не только на русском языке, но и на украинском, на языках национальных меньшинств. Маленький чувашский народ имел в 1905 году только одну газету на всё племя, которую, конечно, немедленно закрыли, а сейчас у него 10 газет, 600 окончивших высшую школу и тысяча селькоров, – маленький народ в 1 400 000 человек! Я нарочно взял этот маленький пример на забытом народе, имя которого у русских было ругательством. И так везде.

Это сделал русский пролетариат, который 9 января расстреливали в Петербурге, расстреливали и на Ленских промыслах, и в Златоусте, и везде, где можно. Сколько погибло матросов после 1906 года! Я не буду говорить о событиях Октября, о гражданской войне, – я говорю о временах, о которых ваша молодёжь не может представить себе, что делали с людьми. Вы прошли страшную школу, и то, что было в России, того не было на Западе, где ни в одной стране так не школили пролетариат, как у нас. Все это мы прошли, и что же?

В конце концов мне, оптимисту, приходится сказать, что нет худа без добра, потому что выковали народ, создали каких-то несокрушимых людей. И люди эти в небольшом числе, в очень небольшом числе, сумели очень быстро организовать в армию анархизированную войной массу крестьянства и вышвырнуть вон всех своих врагов. Бывало ли в другие времена что-нибудь подобное? Было ли это во время Великой французской революции? Не было! Кто это сделал? Пролетариат, вот эти вышколенные рабочие, этот битый человек, эти выкованные пролетарии. Так я кончу тем, что низко поклонюсь этому человеку в вашем лице. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в длительную овацию. Крики: «Ура!», «Да здравствует наш Горький!»)

[Речь на торжественном заседании пленума Тбилисского Совета]
Товарищи, меня сегодня называли счастливым человеком. Это правильно, перед вами действительно счастливый человек – человек, в жизни которого осуществились лучшие его мечтания, лучшие его надежды. Смутные мечтания, может быть, неясные надежды, может быть, но это именно те надежды, те мечтания, которыми я жил.

Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что та сила, которая сделала Горького тем, что он есть, каким он стоит перед вами, тем [писателем], которого вы так преувеличенно чтите, которого так любите, [заключается в том, товарищи], что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, – труда, образующего всё ценнейшее, всё прекрасное, всё великое в этом мире.

Здесь было сказано также, что природа наделила меня каким-то особенным

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma свойством. Я не думаю этого. Я думаю, что я родился таким же точно, как каждый из вас. Я полагаю, что это так. Я думаю, что той природы, в которой очень много красоты, природы, которой мы восхищаемся, которую изображаем словами, красками, в музыке, в культуре, – этой природы в моих мечтах нет. Эта природа мучает нас то зноем, то холодом, то голодом, то наводнениями, то землетрясениями, то болезнями. Вы подумайте, сколько в этой природе врагов наших, всевозможных её стихийных сил! Если вы вдумаетесь в это, вы согласитесь со мной. Ведь хлеб, который сеет крестьянин, он сплошь порастает паразитами, вроде красивых васильков, которые пьют соки, должны питать ячменное зерно.

Я, товарищи, как и вы все, конечно, восхищаюсь этой природой, но для меня роднее этой природы та природа, которую я чту и уважаю и, скажу даже ныне отвергнутым словом, – свято чту и уважаю. Это та природа, которая создана руками человека. Это та вторая природа, которую мы, люди, творим на земле против первой природы.

Товарищи, я каким-то образом понял это очень рано и не из книг. В своё время, лет так до 23–24 или 25, я жил такой же трудовой жизнью, как все рабочие люди моей эпохи, моего поколения. Мне приходилось испытывать то же самое, что и вам, бороться с теми же самыми паразитами в природе, с тем же голодом и холодом, и тогда же мне казалось, что в социальной области тоже существуют паразиты, как и в других областях.

Это было мною понято раньше, чем я познакомился с учением Маркса. Это вообще понимается человеком раньше, чем он прочтёт Маркса и другие подобные книги. Он понимает это интуитивно. Так понял интуитивно это и я.

Товарищи, то, что делает человек, значительнее всего того, что делает природа, которой мы обязаны только тем, что она производит нас на свет, – да, она нас производит, а всё остальное от нас. Всё, что мы делаем для нашего удобства, все материальные ценности, которые помогают нам жить, все машины, которые облегчают труд рабочего, – всё это делается руками человека.

Это – труд человека, это наше создание, это мы – творцы второй природы.

И вот мы, творцы второй природы, теперь, когда рабочий класс в Союзе Советских Социалистических Республик взял власть в свои руки, когда он взял в свои руки орудия производства, стали полными хозяевами страны.

Теперь рабочий класс, умевший побеждать столь многое, вне всякого сомнения, бесспорно сумеет устроить ту идеальную, справедливую, красивую жизнь, которую он давным-давно заслужил, на которую он имеет право. Он это заслужил ценой гибели старшего поколения.

Вот, товарищи, те думы, то настроение, та сила, которые держали меня на ногах. Держали, держат и будут держать до конца моих дней.

Я говорю, товарищи, что вовсе не важен тот факт, что Алексей Пешков стал вследствие каких-то особенных причин Максимом Горьким. Это не важно. Важна, товарищи, одна воля человека, направленная к цели.

Важно желание быть тем, чем хочет стать человек, свободно делать то, что хочет он. Как раз эти условия нам даны.

Я настойчиво повторяю ещё раз, что не родился с какими-то особенными задатками. Я говорю искренне и говорю это не первый раз. В среде вашей, в лице вас есть много людей с гораздо более тяжёлым прошлым, чем моё. В среде тех людей, которые строят сейчас новую культурную жизнь в Союзе Советских Республик, таких людей очень много, их уже тысячи, их уже десятки и сотни тысяч. Это старая гвардия большевиков, которая подняла этот величайший бунт, который когда-либо знал мир. Эти люди не хуже меня, они не родились, по-моему мнению, с какими-то особенными способностями, данными им от природы, но они приобрели их в работе.

Товарищи, очень важно усвоить эту мысль. Человек может сделать для себя всё, что он захочет, если он действительно только захочет, если вся воля его направлена к этой цели. Тогда он сможет, он сделает, он победит.

У вас, товарищи, совершенно другие условия, чем те, в которых жили люди моего поколения. Вами взяты основные силы, вы разорвали тяжёлые цепи политического и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
экономического рабства. Вы уже свободные люди. Вам легко сейчас, товарищи, – и на вас лежит прямая обязанность, которая в то же время является вашим правом, – продолжать делать то, что вы делаете. Продолжайте делать это дружно, смело, не разбрасывайтесь, подальше от старинки, этого маленького, такого злого, тяготеющего к душевному благополучию.

Прошло, товарищи, то время, когда единицы могли быть противопоставлены массам. Прошло это и на Западе, и если это держится ещё на Западе, то, в сущности, оно идёт под уклон.

Рушится старый мир, и рушится он всюду, во всех областях. У западной буржуазии осталась в руках только рабочая сила, которую она может эксплуатировать. Но вы прекрасно знаете, что пролетариат Запада ведь это не тот пролетариат, что вы, но тем не менее он прислушивается к тому, что вы делаете, и то, что вы делаете, он будет, он должен, он обязан делать так, как это диктует ему история, а история – это такая сила, против которой не попрёшь.

Мне хочется, товарищи, в этих неуклюжих, может быть, словах передать вам хотя бы часть той силы, той энергии, которыми вы, именно вы, заряжаете меня на протяжении тех двух месяцев, что я уже с вами. Вот за весь этот путь от Москвы до Эривани и обратно я живу вашей энергией, и вы это должны знать, должны это учесть. Вы должны понимать, что вы творите новых людей, вы сами те люди, создающие ту атмосферу, которая возбуждает и волю к жизни, и радость жизни, желание работать. Это создаёт какое-то праздничное настроение, воплощает в жизнь наши мечты. В эти великие дни вы творите великое дело, и ваша работа имеет огромное значение не только для нас, но и для всего мира. От Арарата до Мурмана и от Востока до Ленинграда, на этом поле, на этом огромном пространстве сейчас родился новый народ. Этот новый народ, эта великая сила – вы. Всё, что сейчас творится, – творится вами. Цель ваша ясна. На вас смотрит весь мир, к вам прислушиваются, у вас учатся.

Вы победили, и вы зовёте к победам всех трудящихся мира.

Вот, товарищи, что вы такое! Вот, товарищи, ваша цель, вот та прекрасная жизнь, которую вы имеете перед собой!

Я могу, товарищи, только поздравить вас с тем, что вы таковы, каковы вы есть, и пожаловаться вам на вас за то, что вы друг друга мало цените и мало цените самих себя.

Я от всей души желаю вам, товарищи, пересмотреть ваше отношение друг к другу, жить дружнее, внимательно вдумываться в работу каждого из вас, глубже её ценить, помнить каждый момент, что вы творите великое, огромное дело, которого ещё никто не делал. Удалять из вашей жизни всё то, что мешает вам строить новую, счастливую, радостную жизнь.

История с вами, товарищи! История за вас, потому что вы её творцы.

Вот что, товарищи, я хотел вам сказать.

Будьте бодры, будьте счастливы и здоровы и верьте друг другу, более, чем вы верили до сих пор!

[Речь на митинге у сормовичей]

Товарищи, каждый раз, когда я вижу эти ваши тысячи голов, мне представляется одна голова – голова рабочего класса. Я знаю, товарищи, что между вами ещё «всяк молодец на свой образец». Но – что же поделаешь? Это, товарищи, ваш большой недостаток. Недостаток потому, что различаетесь и дробитесь вы между собой из-за каких-нибудь пустяков, а на самом-то деле живёте вы не пустяками, а величайшей работой, которая в мире никогда ещё не была делается. Это работа не только та, которую вы делаете в Сормове. Её делают в Баку и в Донбассе, и повсюду в Союзе. Тут и сказывается ваша единая голова, единая мысль рабочего класса. Вот что усвоить следует вам.

Огромнейшее дело, которое творится сейчас в Союзе Советов, – ваше дело. Вы уже не пролетарии, вы хозяева страны, и полные её хозяева. Вы творцы нового государства, и это следовало бы вам крепко помнить.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Товарищи, многие из вас начинают увлекаться построениями индивидуального своего житьишка. Если каждый будет заботиться только о себе, тогда мы придём опять к тому, от чего ушли, придём к той старой рабской жизни, которую мы покинули. Мы опять наживём себе хозяев. Вот чего надо бояться! Скажу просто: мещанства много у нас, товарищи, много ещё из старого мира осталось в нас такого, с чем мы должны усиленно бороться. Жизнь требует от нас больших знаний и большой грамотности. Из этого следует, что лучших своих людей, наиболее талантливых и способных, вы должны решительно выдвигать вперёд, чтобы они хранили и продолжали завоевания, которые вами сделаны.

Товарищи, много значит ваша работа! И часто вы не понимаете, как великолепно всё, что вами достигнуто, вами – рабочим классом Союза Советов. А достижения огромные!

Товарищи, может быть, неясно вам то, что я говорю, но ясней я не умею. Мне всё кажется, повторяю, что вы недостаточно внимательно и недостаточно доверчиво относитесь к тем людям, которые научили рабочий класс лучшему, чему следовало научить его, – взять в свои руки политическую власть в стране. Я говорю о партии. Я не партийный человек, не коммунист, но я не могу, по совести, не сказать вам, что партия – это действительно ваш мозг, ваша сила, действительно ваш вождь, такой вождь, какого у западного пролетариата – к сожалению и к его горю – ещё нет.

Вот, товарищи, что я хотел сказать вам и что вы должны усвоить. Большое дело делает партия, большое дело делают коммунисты. Многому хорошему они научили, многому учат, увеличивают влияние на пролетариат Западной Европы, который живёт в гораздо худших условиях, чем вы. Если вы видели, что из-за границы приезжают рабочие, одетые чище вас, и если они не говорят, что им живётся хуже, чем вам, это не говорится из-за страха, а не из-за нежелания сказать правду. Но им хуже, чем вам. У них хозяин такой, какого, пожалуй, не было у вас, – построже, посильней и пожестче. И вы понимаете, какое огромное значение имеет ваша работа для всего пролетариата Европы? Вам это следовало бы знать. К вам прислушиваются, и несомненно, что вашим путём пойдёт весь европейский пролетариат, весь рабочий класс всего мира.

Вот всё, что я хотел сказать.

[Ответное слово на митинге у сормовичей]

Спасибо за честь, товарищи, спасибо! Тут все говорили о том, чтобы я что-то написал, чтобы я работал с вами, – об этом меня просить не надо! Это моё дело, моя профессия, моя специальность. Я вот уже около двадцати пяти лет, а может быть, и больше, живу с русским трудящимся народом, а главным образом и больше всего – с русским рабочим классом, родным мне по духу. Я имею дерзость считать себя революционером вместе с рабочим классом, который является наиболее революционным и на который история человечества возложила великую честь, великую задачу – преобразовать мир. Вы, товарищи, начинаете это делать. То, что говорили предыдущие ораторы о работе «Красного Сормова», также могут сказать бакинские рабочие, могут сказать рабочие Донбасса и всех заводов и фабрик Союза Советов, которые все будут расти и расти для того, чтобы обогатить нашу страну знанием, культурой, деятельными людьми, которые поведут за собой весь европейский рабочий народ. Вот, товарищи, задача, к которой вы идёте, вот задача, которую вам «внушила история». На этом пути я до конца своих дней с вами, товарищи!

(Реплика из массы: «Так ли бы сказал Лука сейчас: Если веришь, бог есть, не веришь – нет»?)

Наверное, так, потому что он – жулик.

Все люди, которые пытаются утешить и примирить непримиримое, – жулики, не верьте им, не верьте!

[Ответ редактору французского журнала «Европа»]
Милостивый государь!

От всего сердца благодарю вас за ваше чувство ко мне, так живо выраженное в вашем письме.

В статье господина Левинсона я не вижу ничего для себя оскорбительного. Он

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma только повторяет мнение, часто высказываемое в эмигрантских газетах, – будто я «продался дьяволу». На этот счёт я могу сказать только одно: если дьявол существует и вводит меня в искушение, то это – во всяком случае не «мелкий бес» эгоизма и тщеславия, а Абадонна, восставший против творца, равнодушного к людям и лишённого таланта. К тому же я думаю, что было бы лучше не говорить о дьяволе, когда люди изобрели и поддерживают кое-что бесконечно более гнусное, чем ад. Я говорю о позорной организации современного государства.

Работаю ли я с большевиками, отрицающими свободу? Да, работаю, потому что я – за свободу всех честных тружеников и против свободы паразитов и болтунов. Я считаю себя большевиком с 1903 года, хотя я никогда не принадлежал ни к какой партии. На вопрос, почему я на стороне большевиков, я отвечал много раз и повторю это ещё раз в брошюре, которую я пишу для сотен молодых рабочих и крестьян, желающих стать писателями. Я воевал с большевиками и спорил с ними в 1918 году, когда мне казалось, что они не справятся с крестьянской стихией, приведённой войной в состояние анархии, и в борьбе с нею пожертвуют рабочей партией. Потом я увидел, что я ошибался, и теперь я убеждён, что русский народ, несмотря на войну, которую вели с ним европейские государства, и несмотря на экономические затруднения, которые явились результатом этого, вступил в эпоху своего возрождения.

Мне только кажется странным, как это господин Левинсон, человек культурный, может повторять пошлый взгляд на Феликса Дзержинского как на «фанатика террора». Это – несправедливо и неверно. Дзержинский только исполнял свой долг и, к несчастью, преждевременно пал под его тяжестью.

Ещё раз примите уверение в моей искренней признательности.

Максим Горький

О культуре

Мне кажется, что для рабочего класса было бы полезно усвоить такой взгляд на культуру.

Всё, что именуется культурой, возникло из инстинкта самозащиты и создано трудом человека в процессе его борьбы против мачехи-природы; культура – это результат стремления человека создать силами своей воли, своего разума – «вторую природу».

Первая природа – хаос неорганизованных, стихийных сил, которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом. Первая природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов – бацилл, на создание вреднейших насекомых – комаров, мух, вшей, которые переносят в кровь человека яды тифа, лихорадок и так далее; она создаёт бесчисленное количество вредных или бесполезных растений и трав, истощая на размножение паразитов здоровые соки, потребные для произрастания питающих человека злаков и плодов. Можно думать, что природа вообще не создавала полезных организму человека злаков, а к тем, которыми теперь питаемся мы, первобытные люди приучили свой организм постепенно, путём длительных страданий и гибели множества людей. На это намекает тот факт, что употребление в пищу картофеля на первых порах вызывало у европейцев мучительные заболевания, и это было свойственно не только одному картофелю. Между всей этой враждебной или бесполезной человеку паразитивной дрянью природа создала и его, но создала таким же зверем, как все другие звери.

Этот зверь оказался наиболее чувствительным к страданиям тела и потому развил в себе способность самозащиты быстрее, тоньше, разнообразнее, чем все другие звери. Инстинкт самозащиты научил его отличать среди растений и трав полезные ему злаки, плоды, лекарственные травы, приручать животных, одеваться в шкуры, жить в пещерах, выдумать оружие для охоты, самозащиты и каменные орудия для облегчения труда.

Вся и всякая мудрость слагается из маленьких, очень простых истин, выработанных наблюдением, изучением. Но в беспощадной борьбе и в страхе за жизнь, за «свою индивидуальность» инстинкт самосохранения принудил человека «мудрствовать лукаво», и поэтому люди затемнили свет простых истин сором и пылью хитреньких слов. Отсюда возникает необходимость очищать истины от засорения, напоминая о том, как произошли все и всякие истины.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Человеческая культура – явление биологического порядка, она выражает, осмысливает, изоцирует волю человека к жизни, – слепую волю, которая свойственна всему живому: растениям, насекомым, птицам и зверям. Человек начал создавать свою культуру с той поры, когда он почувствовал себя более слабым животным, чем все другие звери. Ощущение этой слабости принудило его инстинкт самосохранения развиваться более быстро и успешно. Именно на почве инстинкта самозащиты у человека развивалась его ценнейшая способность – способность наблюдать. Этой способностью обладает и муравей, и ворона, и тигр, но человек, наблюдая, сравнивая, изоцирил способность наблюдать до ещё более ценной – до стремления к познанию всех явлений жизни. В дальнейшем познание достигло высоты точных наук, а в наше время оно уже постепенно превращается в инстинкт, в такую же биологическую, органическую особенность человека, как его членораздельная речь и его смех.

Раньше говорилось: «Любовь и голод правят миром», – под любовью подразумевалось стремление к продолжению рода, под голодом – голод физиологический, но в наши дни мы уже имеем право говорить о третьем инстинкте – инстинкте познания, об интеллектуальном голоде.

Наблюдение по существу своему и результатам есть главное орудие и верный способ самозащиты человека в его борьбе с природой, главная основа его культурного роста.

Огонь – греет; было легко почувствовать его пользу, гораздо трудней – научиться добывать огонь. Человек научился делать это, заметив, что трение дерева о дерево тоже создаёт теплоту. Человек стал добывать огонь трением – приём, которым мы пользуемся до сего дня, зажигая спички. Как изобретён был светильник и далее масляная лампа? Человек свеживал тушу убитого им животного и, застигнутый темнотой ночи, воткнул кусок дерева в мясо, там, где было много жира. Человек заметил, что, втягивая в себя нагретый и растопленный жир, дерево горит ярче, сгорает медленней. С таким светильником человек прожил несколько тысячелетий и пользуется им даже теперь, когда уже овладел электричеством.

Человек изобрёл лодку, наблюдая, как плывёт по воде скорлупа ореха или птичьего яйца. Затем он достиг того, что по воде плавают огромные суда, построенные из железа и стали. Значение рычага, основу будущих машин, человек понял, видя, что корни дерева, которое вырвано ветром, поднимают куски земли и камни. Ткать человек научился у пауков, наблюдая за их работой. Весьма вероятно, что сшивать звериные кожи для защиты тела своего от холода человек научился у птиц, – некоторые из них шьют гнёзда из листьев. Так открыто было всё, чем ныне могуче вооружён человек.

Наука является основой культуры, главной силою, творящей «вторую природу», которая и есть – культура.

Религию и умозрительную философию – на мой взгляд – следует отнести к художественному творчеству, к искусству человека воплощать свой опыт, свои чувства и мечты в образы, формулировать свои впечатления в мысли. В образе бога человек воплощал свои лучшие желания, свои мечты о всеведении, всемогуществе, своё стремление преодолеть стихийные силы первой природы, враждебной ему. Есть много оснований думать, что первобытные люди создавали богов «по образу и подобию» мастеров культуры: кузнецов – Вулкан, Тор, стряпух – Геба, Фрейя, охотников, мореходов и так далее.

Рабочему классу должно быть особенно близко и понятно убеждение, что всё на земле создаётся силами разума, воображения и воли человека и что иных сил, творящих культуру, – нет.

Из грубых кусков обожжённой глины – кирпичей – рабочий строит великолепные здания, «дворцы культуры», города. Из бесформенных кусков руды он создал и создаёт всё, чего не было и нет в «первой природе», – карманные часы, железнодорожные мосты, хирургические инструменты, двигатели внутреннего сгорания, типографские машины и так далее – разумом своим он одухотворяет железо и сталь.

Учёный, наблюдая, исследуя всё существующее в первой природе, учит человека создавать вторую за счёт сил первой, заботится о его здоровье, о продлении его жизни. Художник, наблюдая внутренний мир людей – психику, показывает человеку

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ru величие и низость его, силу его разума и силу его звериных свойств.

Три человека строят культуру: учёный, художник и рабочий. Передовой рабочий класс, каким является наш, советский, должен знать, что нет труда, который не имел бы культурного значения, что чем сильнее любовь к труду – тем выше культура, и что к полной, всеобщей победе над старым миром он придёт скорее, если хорошо поймёт решающее значение науки, искусства, труда.

Мне кажется, что в таком понимании культуры заложены основы той, новой морали, которая должна вооружить рабочего на упорную борьбу против всего, что в нём, рабочем, живёт как позорное наследие старого мира, – на борьбу против лени, пьянства, жестокости, против его стремленьишка поскорее устроить для себя спокойненькое, мещанское житьишко в ущерб великим, героическим задачам его класса.

О журнале «Наши достижения»

В Союзе Социалистических Республик начата и быстро, всесторонне развивается работа по строительству новой культуры. Поток этой работы становится всё шире, всё более мощным, творческая энергия активных людей – всё более своеобразной и богатой результатами, положительный характер которых решаются отрицать только люди, доведённые их классово-ненавистью к рабоче-крестьянской власти до состояния идиотизма.

Советы Республик работают в условиях безденежья, в атмосфере дикой вражды капиталистических государств, в стране, хозяйство которой и до войны империалистской было технически слабо развито, а гражданской войной почти совершенно разрушено.

Советская власть работает в среде огромного народа, который испытал столько нужды и горя, столько бессмысленных и жестоких издевательств со стороны самодержавно-помещичьей власти; этот народ имеет слишком много оснований для того, чтоб относиться к силе разума не очень доверчиво, он слишком торопится сытно поесть, спокойно отдохнуть и гораздо больше обращает внимания на недостатки и ошибки своей новой власти, чем на её достоинства и заслуги.

Но, несмотря на всё это и многое другое, власть Советов, работая в условиях фантастически сложных и трудных, достигла за шесть лет изумительных результатов в деле восстановления и обновления хозяйства страны, а также и в деле организации рабоче-крестьянской массы, в деле воспитания в ней социалистического сознания. Не преувеличивая, можно сказать, что трудовая масса уже достаточно сильно заражена стремлением к знанию, культуре, к созданию новых форм жизни. Не будем говорить о героической работе рабочих коллективов, скажем только, что рабочий класс показал себя в эти годы великолепнейшим хозяином, героическим строителем государства и что его работа изумит будущего историка русской революции, – изумит именно своим сказочным мужеством.

Масса, быстро усваивая цели и намерения своей власти, выделяет из недр своих всё более и более активных работников культуры, строителей нового быта: 634 тысячи женщин-делегаток, армия рабкоров и селькоров, десятки тысяч рабфактовцев и так далее. Это – новое сокровище страны, её живое золото, её творческая энергия, возникающая из почвы. Один селькор очень хорошо сказал мне: «Я так думаю, товарищ, что скоро весь народ пойдёт на наше дело, до последнего пойдёт».

В Стране Советов разрастается вихрь творчества, идёт огромная работа, но о грандиозном размахе этой работы у работников нет целостного представления, никто до сей поры не позаботился дать полную и широкую картину этой бешеной работы.

Пред массовым, партийным и беспартийным работником необходимо развернуть широкую и полную картину всей текущей государственной работы в Союзе Советов, всех начинаний, опытов, успехов и достижений в области науки, техники, сельского хозяйства, изобретательства, кустарных промыслов и так далее. Знание этого неизбежно должно повысить ещё более энергию работников и дать им прекрасный материал для просвещения масс.

С такой целью Госиздат предпринимает издание журнала «Наши достижения».

Журнал не является сборником отчётов различных наркоматов и совучреждений и не

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma должен заполнять страницы свои цифрами. Он рассказывает в живой полубеллетристической форме о новых фактах, изменяющих действительность к лучшему. Изображая то или иное достижение науки исследующей, он должен понятно рассказать, каких применений в практике – в технике – мы должны ожидать от этой или иной научной догадки, от того или другого открытия. Он отвечает на вопрос: что выигрывает трудовая масса экономически и культурно от данного открытия, изобретения? Каждый творческий факт показывается как логический вывод из данных прошлого и как посылка в будущее. В общем – журнал должен явиться историей текущей культуры.

Необходимо уделять широкое внимание личной инициативе, направленной в сторону интересов коллектива. Каждый человек, сделавший нечто социально полезное, должен найти свое имя на страницах журнала. В наши дни, в наших условиях всякое «маленькое» дело – государственное дело, работа «на себя», «для себя», и развитие этого сознания журнал должен особенно подчеркивать. Рабоче-крестьянская масса должна усвоить, что государство – это она и что засоренный хлеб, скверная продукция, небрежная работа – самограбёж, преступление.

К журналу необходимо привлечь рабкоров и селькоров. Рабкоровы и селькоровы дадут журналу огромный материал по вопросу об изменениях быта, о ростках новой культуры в деревне и на фабрике. Разумеется, в журнале должны сотрудничать и женщины-селькорки, рабкорки, делегатки. Одним словом, журнал должен охватить всю работу в Союзе Советов, все завоевания разума, давать итоги всем положительным явлениям нашей действительности; отрицательные явления отмечаются общей прессой с полнотою, совершенно исчерпывающей их, и даже с некоторым сладострастием.

Думается, что цели и характер журнала намечены с достаточной полнотою. Госиздат надеется, что культурные работники республик и автономных областей не откажутся от активного участия в работе, социально-воспитательное значение которой неоспоримо. Всем нам пора знать, много ли хорошего сделано и делается нами, – знать это надо не затем, чтоб гордиться и хвастаться, а для того, чтоб учиться и учить. Есть люди, утверждающие, что учиться следует на плохом, хотя сами они учились, несомненно, на хорошем.

О начинающих писателях

Недавно в газете «Читатель и писатель» было сообщено, что у нас, «по самым скромным подсчётам, людей, именуемых себя писателями, пятнадцать тысяч человек». Разумеется, это не очень много для страны с населением в сто пятьдесят миллионов, но нельзя не сказать вместе с автором сообщения товарищем Белецким:

«Лучше поменьше, да – получше».

Усердно наблюдая за работой этой массы потребителей бумаги и чернил, я, с великим сожалением, должен признать, что основными качествами большинства их являются два: малая грамотность и великое самомнение. Вот несколько иллюстраций грамотности, беру их по одной из различных книг:

«Вавилонская башня, у которой смешались языки».

«Отец умер, когда ему было девять лет».

«Она ему нравилась с головы до кончика ножек»,

– если она – не инвалид, так у её ножек два «кончика».

«Он отказал рабочему, у которого умирал ребёнок, в незначительном авансе».

«Бывало бы, когда ещё бабы домотканые сарафаны носили, а мужики штаны и рубахи посконные, туда сюда, а теперь обойди всё Синеборье наредь в какой избе стан увидишь, ситцем да миткалем обходились, а как пришла нужда и о нём вспомнили».

Очевидно, литератор этот убеждён, что пишет «народным» языком. Но что значит «бывало бы»? Почему не сказать вместо «наредь» простое – редко? «Наредью» именуется крупнопетельная сеть, а также половики. «Станом» в некоторых губерниях зовутся четыре колеса телеги.

Знание русского языка у нас отчаянно плохо. Молодой поэт пишет: «Может быть, вы будете смеяться около моих стихов».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

Увы! Даже признанные поэты пишут стихи так, что можно смеяться, например:

«О вещи! Дано вам могущество власти,
дано вам отталкивать, радовать, сечь».
Должно быть, поэт мало секли, и он не знает, что стулом, шкафом или сундуком –
не секут.

Рецензент упрекает стихотворца в том, что стихотворец, «нагоняя» лишние строчки,
«рубит» стихи.

...Товарищ писатель,
как-никак,
как ни кричи
и ни хныкай,
на наших заводах
и рудниках
имеется ваша
книга...
Итого восемь строк!

Зачем это? Гораздо проще было бы написать и для удобочитаемости и, наконец,
просто из этических и эстетических побуждений:

Товарищ писатель, как-никак,
Как ни кричи и ни хныкай,
На наших заводах и рудниках
Имеется ваша книга.
Кто станет доказывать, что в содержании, музыкальности, красоте расположения и
так далее «рванные строки» выигрывают?

Но критик не замечает, не слышит, что «как ни» не только в повелительном
наклонении, но и фонетически не «музыкально». Могут указать: в первых строках
«Воскресения» Лев Толстой трижды в одной фразе допустил «как ни». Но в этом
случае даже и Толстому не следует подражать.

Молодые писатели ничего, кроме газет, не читают и, оглушённые сухим треском
языка статей газетных, совершенно не слышат звуковых капризов языка живой речи.

Указывая одному литератору, автору большого романа, на то, как из двух слов,
неосторожно поставленных рядом, образуется ненужное и, часто, смешное третье, я
напомнил ему поговорку: «Кишка кишке кукиш кажет». Он опубликовал беседу со мною
и повторил поговорку в таком виде: «Кишка кишке кажет кукиш», не заметив, что из
двух последних слов поговорки в третий раз образована «кишка-же», – игра языка,
которая и делает поговорку интересной помимо её образности. Такая глухота весьма
обычна у молодых писателей. В одной рукописи читаю:

«Сняв комнату на день раньше её»...

В другой:

«Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами», –
автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает «мыло».

Третий пишет:

«Сквозь чащу кустарника продирался мокрый Василий и истощно кричал: «Братцы,
щуку пымал, ей-богу!»

Первая щука – явно лишняя. Признаки такой глухоты неисчислимы в «творчестве»
начинающих писателей.

Социальная их малограмотность кажется ещё ниже литературной. Историю литературы
они не знают, классиков читают мало, действительность изучается ими по газетам и
как будто лишь для того, чтобы выудить из газетной статьи тему для стишков «на
злобу дня». Их письма ко мне и записки, которые они подают на собеседованиях со
мною, поразительно анекдотичны. Так, например, один из них жалуется:

Я написал:

Шумит весной зелёный бор,

Гудит зелёный бор весной,

а редактор сказал: это из Некрасова, которого я не читал ещё.

Как реагировать на ошибку редактора?

Можно бы посоветовать: прочитайте Некрасова, но на записки такого рода обыкновенно не отвечаешь, не желая, чтоб стихотворца осмеяли. Довольно часто спрашивают:

«Неужели для писателя необходимо иметь дарование или талант?»

Или так:

Что же должен делать каждый писатель, чтобы дойти до конечного оформления? Неужели нужно изучать математику, астрономию и ещё нечто в этом роде?

Есть и такие вопросы:

Каков ваш взгляд на женщин-писателей, действительно ли они писатели?

Записки, которые подавались мне на собраниях в разных городах, делятся на две группы. В одной преобладают интересы, так сказать, ремесленного, «цехового» характера: заявления обид на редакторов, на соседствующие литературные группы, на недостаток в «советской общественности» внимания к молодой литературе. Спрашивают:

«Как вы смотрите на успех Ф., не рано ли его хвалят?»,

«Почему не напишете в защиту Есенина против идиотских нападок на его поэзию?»,

«Правда ли, что Ан. Франс псевдоним Жореса?»,

«Считаете ли вы Короленко классиком?»,

«Кто был вашим учителем, кроме Толстого?»,

«Верите ли вы в бога?»,

«С чего вы начали писать – с желания заработать или это ваше призвание?»,

«Трудно учиться писать, когда тебя писатели не подпускают на десять шагов»,

«Одемянили литературу. У нас в Грузии искусственно создают, а потом поощряют бездарных «пролетписателей», которых мы не читаем. Заговорите об этом где следует. Рабочий».

Невольно думается: «Какой... странный рабочий!»

Записки второй группы гораздо интереснее, в них преобладают вопросы о литературной технике:

«У кого из классиков следует учиться рабселькорам?»,

«Как надо писать, длинными или короткими фразами?»,

«Как стать хорошим и верным писателем?»,

«Что бы вы предложили для улучшения работы селькоров?»,

«Верите ли вы, что из рабселькоров могут выйти художественные писатели?»,

«Чего вы ждёте от рабселькоров? Просим написать об этом. Группа раб. сельк.»,

«Не гонятся ли писатели за новыми формами в ущерб интересу масс читателей?»,
«Напишите книгу о том, как надо писать».

Много спрашивают о положении рабочих в Италии. В Харькове спросили: «Как вы теперь смотрите на опасность для рабочего класса быть захлестнутым крестьянской стихией?» Вопрос этот был повторён в Тифлисе и Казани, но, к сожалению, я потерял записки и не помню формы вопросов.

Сопоставляя эти две группы записок, я получаю вывод неожиданный, даже как будто парадоксальный: записки рабселькоров внутренне культурнее, а по интересам – шире, чем записки людей, которые, очевидно, уже считают себя «цеховыми литературного цеха».

Люди этого «цехового порядка» обладают, кроме узости социальных интересов, непомерно высоким самомнением и болезненно повышенной чувствительностью худосочных барышень. Написав маленький рассказец или напечатав два-три прилично рифмованных стихика, они уже прегордо говорят о своём творчестве и, если редактор отказывается печатать «творчество», истерически жалуется:

И я ушёл, ушёл, как побитый пёс, ошпаренный кипятком.

Пёс – плохо выдуман. Если его побили, он не уйдёт, а убежит, не ожидая, когда его ещё и ошпарят; если же его ошпарили, он тоже не станет ждать, когда его ещё и побьют.

Другой юноша, тоже уязвлённый равнодушием редактора, кричит: «Я взывал о человеческом подходе отнюдь не ко мне, а к своей вещи, которую я писал кровью. Вот и толкуйте, А.М., о качестве социалистического человека. Какой же это, к чёрту, социализм!» Указав одному писателю, что журналов у нас мало и редакторы перегружены сотнями рукописей, не успевают их читать, я получил такой ответ:

«Это меня не касается. Их посадили на работу, и они должны работать, а не доводить людей до мысли о самоубийстве». Самоубийством угрожают довольно часто. Редакторы, в изображении начинающих писателей, – ехиднейшие люди и жесточайшие ненавистники литературы. Высота самомнения молодых писателей очень хорошо выражается нижеприведёнными цитатами из двух писем с разных концов Союза:

Будучи одарён природою талантом, я требую обратить на меня исключительное внимание. Зная, что вы не жалеете времени на возню с бездарностями вроде... и т. д.

Я писатель из крестьян, представитель самой густой массы населения и значит имею право на преимущество. Рассмотрите рукопись мою немедленно.

Таких изъявлений испанской гордости – немало, но, хотя они и забавны по форме, выписывать их всё-таки скучно.

Один из оскорблённых испанцев, утверждая, что его очерки печатались в провинциальной прессе и даже будто бы в «Комсомольской правде», рассердился на издательства, которые не хотят купить очерки его, и пишет мне нечто весьма характерное:

Из сотни начинающих и подающих надежды сотня и выскочила бы в люди, если б к этим начинающим и подающим надежды не было отвратительного, хамского и высокомерного со стороны многих редакторов и равнодушного отношения писателей с именами.

Необходимо отметить, что чем более культурно малограмотен писатель, тем напряжённее и откровеннее его стремление «выскочить в люди». Вот молодой человек просит указать ему: «Каким образом можно узнать как можно скорее всё, что надо знать писателю?» Эта просьба точно формулирует стремление очень многих писателей, – поскорей узнать нечто, потребное для того, чтоб «выскочить в люди».

Казалось бы, что пора знать: в люди «не выскакивают», а выходят по пути наблюдения, сравнения, изучения. Человек десятки тысяч лет ходил на четвереньках до поры, пока не взял в передние лапы крепкий посох знания. Но, встав на задние

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
ноги, он невероятно быстро – в сравнении с его доисторическим прошлым – создал
Гомеров, Шекспиров, Бальзаков, Ломоносовых, Пастеров, Менделеевых, Лениных.

Очень заметно, что стремление к знанию слабо развито в среде начинающих писателей. Читают они мало. Поэты находят излишним читать прозу, прозаики не читают стихов, но и те и другие одинаково торопятся писать малотолковые рецензии друг о друге. Указание на необходимость изучать историю культуры встречает зазорные отклики: «Это нам не нужно, мы строим свою» или: «У нас есть своя», – точно им предлагают чужую корову доить. Нередко бывает так: пришлёт поэт стишки с предложением прочитать их. Прочитаешь, напишешь ему своё мнение о его «творчестве» и получаешь в ответ письмоцо в таком роде:

В ответ на полученную почтой аттестацию стихов могу реагировать доводами здравой логики и убеждённости в своей правоте, а именно: стихи, написанные мною, картинно отвечают духу настроения и действительности, ритм некоторых стихотворений – лермонтовский, а прочих – душа русских поэтов-народников. О музыке говорить не приходится, так как в них вложена душа человека, страдающего по настроению в жизни русского народа, как в общем, а равно в частности. Простота и наивность взгляда на жизнь и поэзию присуща всякому творчеству. Технику в передаче мысли и порывов души не признаю. Писать стихи буду продолжать в выработанном духе своей нравственности, думаю, что не ошибусь, а раскаиваться, заранее скажу, что не придётся.

А «творчество» у него такое: он сочиняет стишки «с натуры»:

К цветку ромашки на барже
На барже ты уют, уют нашла.
Твои, знать, сомон а по воле рока ветром буря занесла.
Растёшь, хилая, в наносной грязи у кормы.
Есть у него столь же прелестное послание – «К вереску, купленному на базаре за 3 копейки».

Другой «творец» пишет:

Да, признаю, у меня нет таланта, а привязанность к этому делу есть и успех есть, напечатан один стишок в газете.

Печальная юмористика, очень печальная! А хуже всего то, что молодёжь настолько плохо понимает действительность, как будто она, стремясь «выскочить в люди», уже совершенно выскочила из действительности и не чувствует, что живёт она в эпоху величайшей революции, накануне трагических, великих катастроф.

Развелось немало пустозвонов, которые читают только для того, чтоб «возразить», прокричать о своей революционности и выскочить вперёд более скромных, более серьёзных товарищей. В одной статье («Письма друзьям», 1928) я спросил: «Почему бы «начинающим» поэтам не придвинуться поближе к действительности, не выступать на эстрадах пивных, не послушать критику той, в большинстве тоже молодой, публики, которая, может быть, ходит в пивные не только для того, чтоб пить, а потому, что ей уже надоели серые, немые тени кино?»

Два поэта из Ялты возражают:

Мы считаем ваш совет глубоко ошибочным и вредным, потакающим росту есенинщины. Вы объективно оправдываете есенинщину, легализуете её, толкаете советскую общественность на путь отказа от борьбы с нею.

Возразили, обнаружив, что читать внимательно они ещё не научились и не поняли, что в пивных, так же как в рабочих клубах, можно не только пиво пить, но и читать стихи. Рабочие клубы посещаются молодыми поэтами тоже не очень охотно. Крикливая расписка двух поэтов в своём правоте покрывается заявлением «Инициативной группы поэтов Москвы», – они пишут в «Известия»:

Мы призываем к предложению А.М. внимание молодых поэтов и советской общественности. Это один из путей оздоровления эстрады. Довольно сидеть на шее Наркомпроса! Необходимо организовать «Секцию поэтов при открытой эстраде».

Но, кажется, и эти благие намерения остались только громкими выкриками. Мне

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma рассказывали такой случай: предложили молодым писателям приехать месяца на два в колхозы, посмотреть на работу. Предложено было шестнадцать лицам. Тотчас же между литературными группами началась борьба «за места», возник спор: сколько человек имеет право послать та или эта группа? В результате спора в колхозы поехало двое или трое. Говорили мне ещё: Мосздравотдел предложил писателям вести культурно-просветительную работу в «домах отдыха», где соединяются, как известно, очень разнообразные люди и открыто широкое поле для наблюдений. Это тоже не осуществилось почему-то. Рабочие клубы редко посещаются молодыми прозаиками и поэтами.

Интерес к действительности у начинающих писателей явно понижен, умение наблюдать развито слабо. Люди вообще и всегда несколько торопятся сделать «конечный вывод», этот недостаток особенно свойственен молодёжи. Торопливость понуждает отмечать факты количественно преобладающие, а у нас пока ещё преобладают – как везде в мире – факты отрицательного характера. Разумеется, необходима борьба против этих фактов, необходимо беспощадное освещение их. Это могла бы сделать сатира, но среди наших поэтов и прозаиков сатирики отсутствуют, – признак, что у наших писателей нет пафоса ненависти к «преобладающим» фактам.

Затем: в нашей действительности настоятельно необходимо отмечать, освещать, изображать всё то качественно важное, новое, «положительное», что в ней неуклонно растёт. Это новое плохо чувствуется начинающими писателями, очевидно, потому, что они не знают старого и гораздо усерднее прислушиваются к словам, вместо того чтоб учиться подмечать новое в делах – в драматической борьбе прошлого и отжившего с настоящим, возникающим к жизни. Они подметили бы это новое, если б следили за работой науки и за жизнью рабочих, которые ведь не только водку пьют, а действительно героически, в условиях сказочно трудных строят своё государство. Когда читаешь стихи современных поэтов – эти стихи поражают обилием холодной, брюсовской риторики или малокровной «революционной лирики», но в них совершенно отсутствует жанр, факт, отсутствует действующий человек. А ведь пора понять, что наш мир создан не словом, а деянием, трудом.

Вот один уродливый признак плохого знания прошлого: недавно я получил открытку от одного «члена ассоциации писателей»:

А.М.! У нас сейчас идёт горячая дискуссия на тему, «что стало с босяками Горького?» Спорят все: рабочие, комсомол, учащиеся, словом все, но до сути так и не докопаемся, что с ними стало: то ли они все «комиссары», то ли слились с рабочим классом. Ответьте обязательно нам, а мы ещё поспорим. (Подчёркнуто автором открытки.)

Возможно, что это шутка. Но тогда это одна из тех шуток, за которые шутникам треплют уши. Мне хочется думать, что «открытка» просто – результат безграмотности автора её, очевидно, не знакомого с биографиями комиссаров, с их героическим прошлым, а кроме того, этот «член ассоциации писателей» по своей духовной слепоте не видит работы, которая сделана и делается вождями рабочего класса.

Заметно плодятся паразиты, способные вызвать у рабочего класса различные кожные болезни. Всё громче шипит обиженный историей мещанин, жаждущий «комфорта» и «упорядочения жизни как-нибудь». Есть люди, которые прикрывают своё желание «как-нибудь» «упорядочить» жизнь лозунгом культурной революции.

Всё это вызывает у рабочих, социально чутких, невесёлые мысли. Товарищ из Донбасса пишет мне:

Тяжело сознавать, что в среде наших молодых писателей процветает тенденция эгоистического славостяжания, грубой ревности и зависти друг к другу, склочничества.

Уралец, прочитав книги Мамина-Сибиряка, пишет:

Как хорошо писал Мамин! А наши цыплята? Возьмёшь газету, прочитаешь критику, выпишешь книжку, глядь – критику-то куманёк писал. Книжка – ни к чёрту, скучно, понять ничего нельзя, как будто не по-русски писано. Что-то надо сделать с этим бараклом, надо что-то сказать писателям, научить их писать человечески.

Товарищ из города Кадникова:

Конечно, всего не перевоспитаешь за 10 лет, а всё-таки новые наши силы теорию усваивают быстро, а в практике очень неопытны и в опыт жизни старых товарищей не вдумываются. Плохо это, опасно. Что же будет делать наша молодежь, когда наши вожди изработаются?

Вопрос серьёзнейший, потому что возможно: часть молодёжи, различные «шутники» – иначе хулиганы – будут равнодушно или даже любострастно наблюдать, как мещанин пытается изнасиловать историю. Будут наблюдать так же, как два комсомольца и «малограмотная молодёжь, недавно пришедшая в город из деревни», – наблюдала на дворе общежития рабочих Трёхгорной мануфактуры гнусное насилие двух мерзавцев над четырнадцатилетней девочкой.

Всё это сказано для того, чтобы возбудить внимание к жизни многотысячной армии начинающих писателей. Само собой разумеется, что я далёк от огульных обвинений в малограмотности всей этой массы. Я хорошо знаю, что, несмотря на обилие людей малограмотных и некультурных, среди начинающих писателей есть много даровитых, искренно желающих учиться. Есть среди них и крупные таланты. Но всем им необходимо учиться технике дела, в подавляющем большинстве они технически безоружны, и это неизбежно погубит многих из них, не даст развиваться их дарованиям со всею красотой и силой. Для них необходимо организовать «Курсы литературной техники». Рабселькоров тоже следует привлечь на эти курсы, что будет взаимно полезно для обеих групп. Полагаю, что нет надобности доказывать явную пользу такого соединения. На курсах должно читать лекции по русскому литературному языку в связи с так называемым «народным» языком и лекции по истории русской литературы в связи с историей литературы западной. Никаких «теорий творчества» и прочих премудростей не нужно, а нужно дать ясное представление о работе, что всего лучше достигается не философией, а фактами.

Такие курсы, несомненно, привлекут лишь ту часть молодёжи и рабселькоров, которая действительно и серьёзно хочет учиться, а все те, кто смотрит на литературу как на якобы лёгкий заработок и как на возможность «выскочить в люди», все эти «цыплята» отойдут прочь. И вот тогда Союз Советов будет иметь литераторов «поменьше», но «получше». При данном же отношении к ним – отношении беззаботном и равнодушном – мы способствуем росту очень вредного явления – фабрикации недобровольных. Рабочий класс должен понять, что социальное, культурное воспитание литераторов – его дело, его кровное, очень важное, не менее важное, чем строительство дорого стоящих «Дворцов труда», «Дворцов культуры». Рабочий класс должен понять, что в жизни страны, где он – хозяин, не должно быть ничего, что создавалось бы вне его внимания и без его активнейшего участия.

Литературное творчество народов СССР

Государственное издательство приступает к выпуску альманахов художественной литературы, которая растёт и развивается во всех союзных республиках, красноречиво и убедительно свидетельствуя об их культурном росте.

Необходимость такого издания совершенно ясна: искусство слова – художественная литература – содействует взаимному пониманию людьми друг друга; рабочие и крестьяне Союза Социалистических Советов должны хорошо знать своих соседей иного языка, к этому их обязывает единство цели: создание новых форм государственной жизни. Чем лучше будут знать психику – «душу» – друг друга люди различных племён, тем единоклубнее, быстрее, успешней будет их движение к намеченной великой цели.

Время, когда бесчеловечное капиталистическое общество, возглавляемое бездарной и цинической династией Романовых, угнетало племена и национальности, входившие в состав империи, – это время прошло и не воротится. Но ещё можно думать, что отвратительная «внутренняя политика» русских титулованных мещан-империалистов оставила в сердцах людей тяжкое воспоминание о национальном гнёте и кровавой травле иноплемённых – «инородцев», – воспоминание о том мерзком приёме укрепления власти паразитов, который выражается словами «разделяя – властвуй!» и который одинаково любезен, одинаково необходим всем капиталистическим государствам.

Травля «инородцев» – это особенно позорные страницы русской истории XIX века и начала XX. Русская самодержавная власть умела искусно пользоваться умственной слепотой народных масс и тем раздражением, которое вызывали в массах нищета,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
бесправие, произвол полиции, поучения «воинствующей церкви» и прочие условия
воспитания народа в духе «православия, самодержавия, национализма».

Для рабоче-крестьянской власти нет и не может быть «ни эллина, ни иудея», для неё нет «инородцев», есть только трудовой народ – единственная сила, достойная обладать всею полнотою власти, единственная сила, которая органически не способна употреблять свою власть во зло иноплеменным трудящимся массам. Она ставит перед собой великую цель объединения всего трудового мира в одну дружную рабочую семью. Только эта сила способна осуществить мечту лучших людей всех племён и народов – политическое равенство, экономическую справедливость и свободу деятельности «духа» – мысли.

Процесс объединения всех разноплеменных рабочих начат и развивается по фабрикам, заводам, на полях и всюду, во всех областях труда. Но этот процесс пойдёт быстрее, успешнее, когда художественное слово, изображая «дух» народа – бытовые и национальные особенности племён, вызванные к жизни многовековой, тяжкой историей, – покажет нам друг друга «изнутри» во весь рост. В наше время всестороннего, критического пересмотра всей «старины», время борьбы с навязанным нам и невольно принятым нами наследством «старого мира», художественная литература приобретает особенно глубокое, социально-воспитательное значение. Хорошо знать друг друга теперь нам необходимо более, чем когда-либо раньше, потому что, повторим, все мы идём к одной цели, призваны делать одно и то же дело.

То обстоятельство, что издание альманахов будет сконцентрировано в Госиздате РСФСР, подсказывает целесообразность создания при госиздатах республик Союза редакционных групп с привлечением писательских организаций, которые, выбирая наиболее художественно ценные произведения национальной поэзии и прозы, посылали бы рукописи в адрес Госиздата РСФСР для альманахов художественной литературы СССР. Надо надеяться, что предложение его будет принято и что рукописи будут поступать немедленно. Вопрос о переводах на русский язык решается на местах. В тех случаях, когда на месте не окажется достаточно искусного переводчика, рукописи можно посылать в подлинниках и переводы будут организованы в Москве.

Альманахи «Литература народов и племён Союза Советов», объединяя уже издаваемые альманахи «Страна Советов», «Тайга и тундра», ставят целью своей дать читателю более широкую и полную картину иноплеменного творчества, чем та картина, которую дают названные два издания каждое отдельно и взятые вместе. Целесообразность этого мероприятия нашла своё подтверждение в принятых на днях постановлениях ВЦИК и ЦИК СССР.

Организаторы новых альманахов ожидают, что, встречая в одной книге произведения народов Востока и Севера, русский читатель более ясно увидит разнообразие творчества друзей, живущих рядом с ним, ярче увидит сходство и различия между ними, а также между ними и собою.

С другой стороны, и для читателей, которые говорят и пишут на различных языках, легче будет ознакомиться с творчеством друг друга в переводах на русский язык, а это должно ускорить взаимное понимание единства интересов, единства путей к цели, поставленной перед нами историей и нашей волей. Знание о человеке должно возбуждать уважение к человеку и трудам его.

Закljučаем это обращение уверенностью, что социальная, общественная важность нашего начинания будет понята, одобрена и вызовет единодушный отклик.

Рабкорам депо имени Ильича
(Московско-Белорусская железная дорога)
Товарищи!

Вы хотите знать моё мнение «по поводу трудно разрешимого вопроса о взаимном отношении рабкоров и хозяйственников». Вы совершенно правильно пишете мне:

«Это – основной вопрос рабкоровской работы. Мы хотим работать с хозяйственниками рука об руку. Мы понимаем, что враждуя – работать вместе трудно, но работать вместе мы должны в интересах нашего строительства.»

Да, товарищи, вы должны работать с хозяйственниками дружно и планомерно, как единая сила, направленная к одной и той же великой цели, – к созданию

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma образцового социалистического государства рабочих. И вот, стремясь к этой цели, вы сами признаёте, что между хозяйственником и рабкором уже появилась вражда, которая, как видно, вспыхнула на почве «самокритики». В существовании этой вражды убеждают меня и отзывы хозяйственников. А ещё более убедительны десятки писем, которые я получаю из разных городов Союза от партийных и беспартийных людей. Вот, например, что говорит один из орехово-зуевских товарищей:

«Слишком много пессимизма проявляет население при оценке теперешней жизни, и это настроение мешает народу видеть наши действительные достижения и успехи в деле строительства новых форм жизни.»

Это письмо дополняет беспартийный рабочий из Брянска:

«А кроме всего, что сказано, оглушает нас вой этой самокритики, ничего понять нельзя, точно народилась ещё партия или ещё новая оппозиция, что ли.»

Из Керчи, тоже рабочий, начинающий писатель:

«Конечно, вы-то правы, самокритика, как она у нас развивается, – корм для свиней и [для] негодяев радость. Очень плохо, что рабочий класс выбрасывает сор из своей избы на враждебную ему улицу. В силу рабочего класса я, конечно, верю, но ведь ясно же, что он обессиливает себя, открывая перед врагами свои язвы.»

Из Нижнего:

«Я третий год рабкор, вижу, что не всё у нас ладно, и надо работать честно, товарищески. Ну, напишешь заметку в газету, так переделают, что стыдно читать. А на заводе ребята сердятся: «Ты что же, говорят, наврал: разве так было?»

А вот пишет «кандидат в партию»:

«Как прикинешь разумом, сколько пред нами дела, да поглядишь на всю эту склоку в газетах, травлю, ерундищу – руки опускаются. Много в этом молодого самолюбьшика и задора, бестолочи много.»

Пишут и более резкие отзывы о действительности, пишут немало преувеличенно мрачного, но на всё это обижаться вам, товарищи, не следует, это ведь тоже самокритика.

Самокритика, обращённая рабочим классом на самого себя, – дело серьёзнейшее и необходимое – это неоспоримо. Но в то же время самокритика должна быть критикой, обращённой каждым рабочим на самого себя. Многие рабкоры, увлекаясь профессией критиков, забывают о том, что и самих себя надобно критиковать так же беспощадно, как они критикуют других. Профессия часто делает человека кривым: тот глаз, которым он смотрит на товарищей, – острый, зоркий глаз, а другой, которым критик на себя смотрит, – почти или совсем слепой. Это – обычное явление, его давным-давно отметила пословица: «В своём глазу соломинку не видишь, а в чужом соломинка – бревно».

Вот я, товарищи, старый и, казалось бы, опытный критик действительности, а тоже нередко ошибаюсь, преувеличивая чужие ошибки. Вы ошибаетесь чаще меня. Такие ошибки, разумеется, понятны: искренно и жарко хочется, чтобы всё шло гладко, хорошо, «без сучка, без задоринки», и, когда видишь сучок да задоринку, – чувствуешь раздражающую боль.

Но, товарищи, вам не надо забывать, что ведь вы не чужих людей критикуете, а своих, людей вашего класса, каких ещё нигде нет, каких рабочий класс Европы ещё не создал. Там, в Европе, Либкнехты погибли, а среди социалистов остались строители броненосцев, защитники интересов буржуазии, там рабочим классом командуют люди, которых у нас именуют предателями рабочего класса.

У нас хозяйствует в большинстве старый партиец, подпольщик, человек, который работал для освобождения рабочего класса, годами воспитывался в тюрьмах, в сибирской ссылке, в каторге. Это – человек испытанной и непоколебимой верности своему классу, он вполне заслужил право на уважение к нему, и необходимо очень внимательно ценить его работу.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Как бы и что бы ни говорили и ни писали вы – работа хорошая, достойная высокой оценки. Этих рабочих, ныне директоров заводов и фабрик, заведующих шоссейными дорогами, транспортом, «хозяйственников», строящих без денег огромные промышленные и торговые предприятия, я знал молодыми ребятами, когда они только что начинали вникать в революционную литературу и понимать, что «дело освобождения рабочих – есть дело самих рабочих». Видел я их в 1917–21 годах, когда они с винтовками в руках делали это своё и ваше великое дело. Знаю, как их мучили, пытали, уничтожали вожди белых банд, как пороли их шомполами, как, обвязав черепа верёвкой, закручивали верёвку до того, что лопался черепной шов, как привязывали к буферам тендера и влчили по рельсам, разрывая на куски. Эти люди командовали армиями и побеждали высокоучёных царских генералов.

Героизм вообще и всюду привычен рабочему классу, это я тоже знаю, но наши рабочие–революционеры – герои, каких ещё нигде не было, и это вот, товарищи, тоже надо знать, этому надо учить молодёжь, которая очень плохо знает прошлое, плохо понимает его.

«Как нам лучше сговориться, спеться» с хозяйственниками, спрашиваете вы. На мой взгляд, это очень просто: надобно хорошо понять, что «хозяйственники» – свои люди, что это такие же рабочие–революционеры, как вы, что дело, которое они делают, ваше кровное дело и дело отчаянно трудное, оно ведётся в условиях вражды к вам со стороны всего буржуазного мира, да и внутри Союза Советов у вас ещё немало врагов.

Надобно понять, что каждый хозяйственник–коммунист – одновременно и архиерей и губернатор. Как архиерей, он должен следить, чтоб идеология его класса не нарушалась, а как губернатору – ему нередко и самому приходится нарушать эту идеологию. Это – его вина? Нет, товарищи, это результат той экономической блокады, тех угроз войною, той тревожной напряжённости, в которых вас держит чудовище капитализма, это результат общего положения дел – нашей изолированности в Европе и пассивности европейского пролетариата, слишком слабо помогающего вам, его авангарду, делать общее пролетарское дело – его дело.

Может быть, товарищи, не всегда следует «выносить сор из избы» на враждебную вам улицу? Может быть, не всё нужно тащить в газету, многое разрешать в фабрично–заводских комитетах? Не вредите ли вы великому делу строительства, засоряя его мелким хламом придиричливой и поверхностной самокритики, в которой часто слышишь не защиту интересов дела, а крик раздражённого самолюбия и зазорное желание командовать товарищами?

Вам надо помнить, что каждая распря среди рабочих, каждое неосторожное слово, сказанное вами, с величайшей радостью подхватывается врагами внутри и вне Союза Советов. Вам не следует закрывать глаза на то, что внутренний враг – растёт, мещанство – усиливается и что если «население слишком много проявляет пессимизма», так росту этого пессимизма вы сами помогаете. И помогаете потому, что, живя в тесном круге интересов той или иной фабрики, увлекаясь обличением мелких недостатков и ошибок, вы плохо знаете общую массу работы по строительству новой жизни.

Хозяйственники – сила, которую рабочий класс накопил за двадцать пять лет, это – ваша сила, её надобно расходовать бережно, потому что носители её сходят со сцены жизни довольно быстро, а смена им растёт медленно и крупных талантов из своей среды выдвигает мало. Надо подумать и о том, что при столь буйном развитии самокритики у нас в скором времени критикующих будет больше, чем полезно работающих.

Повторяю ещё раз: не возражаю я против солидной и грамотной самокритики классом его классовой работы, но я против той самокритики, которая, принимая характер грубой травли, вызывает в среде рабочего класса вражду, отмеченную вами в письме ко мне.

«Механическим гражданам» СССР

Ответ корреспондентам

За четыре месяца, прожитых мною в Союзе Советов, я получил свыше тысячи писем и, среди них, сотни две посланий от граждан противосоветского умонастроения. Многие из авторов писем требуют ответа, но я физически не могу ответить каждому и отвечаю всем сразу. Чтобы направление ответа не возбудило вопроса: кому же именно? – называю некоторых корреспондентов:

Это – «обыватель, который механически стал гражданином СССР»; затем – «группа русских»; автор письма о «Вавилонской башне»; человек, который «в МГУ слушал лекции Бухарина, Луначарского и др. строителей социализма», но – «передайте им это – требует он – вышел из университета самым крайним индивидуалистом»; затем – «поэт из крестьян», антисемит; «пролетарский поэт», у которого украли пальто и галоши; «бывший меламед»; «бывшие поклонники»; «убеждённый защитник мещанства» и десятки других «механических граждан».

Послания этих граждан, различные по степеням малограмотности и хамоватости, вполне объединяются скверненькой злостью против Советской власти, против коммунистов, рабочего класса и против автора этой статьи, «предателя родины», «ослепленного царскими почестями, оглушенного славословиями», которого «водят за нос», «показывая ему несуществующие нигде достижения».

В высокой степени характерно для «механических граждан» именно то, что их особенно злобно раздражают именно достижения Советской власти и рабочего класса, – наличность достижений весьма единодушно и свирепо отрицается.

В подавляющем большинстве корреспонденты заявляют: у них нет надежд, что письма дойдут до меня. Спешу успокоить: дошли. И не только закрытые, но дошли открытки, на которых чётко написаны различные ругательства; почта Москвы работает отлично, и это я считаю одним из достижений [9]

Следует отметить ещё одно: злость, наполняющая письма корреспондентов моих, свидетельствует о том, что Советская власть за одно десятилетие сумела раздражить духовно полумёртвого, безразличного к действительности обывателя так, как этого не мог достичь режим самодержавия на протяжении многих десятилетий.

Теперь «механические граждане» раздражаются не «накожно», как это было раньше, когда накожное раздражение обманчиво заставляло многих из них воображать себя народолюбцами и революционерами, – теперь раздражение проникло глубоко в «тайные тайных» обывательской души, вызвало там процесс окисления, тления, и – вот несколько образцов чёрного словесного дыма, исходящего из глубины обывательских душ:

«Где ваши, Горький, доказательства того, что человечество вечно и уцелеет в то время, когда земля потеряет атмосферу, то есть когда не будет воздуха для дыхания? А если таких доказательств у вас нет, зачем же я буду поддерживать своей деятельностью то, что обречено погибнуть?»

Второй философ упрощает вопросы первого:

«Не является ли напрасной и совершенно бесцельной жертвой с нашей стороны всякое ограничение самих себя и других путём создания каких-либо законов, правительственных учреждений и верований во имя какого бы то ни было ближайшего и отдалённого будущего, – примерно хотя бы во имя коммунистического будущего?»

Третий ещё более решительно упрощает и конкретизирует:

«Наплевать мне, – пишет он, – на всякую общественность, на все призывы к труду, творчеству, я не честолюбив, я хочу жить просто для самого себя, для семьи...»

И, наконец, четвёртый, как говорится, «ставит точку над «і» – которое, напомним, уже выкинуто из алфавита, – четвёртый пишет:

«Русский народ не понимает свободу, ему нужны казак и плеть.»

Нельзя отрицать, что познание «механическими гражданами» скрытой сути своей явилось результатом благотворной деятельности Советской власти, и результат этот – весьма крупное достижение, на мой взгляд.

Есть у меня, разумеется, и письма иного типа, и часть одного из них очень уместно привести в противовес философии обывателей.

Автор письма – «человек от земли, называемый прежде мужик, а тепериче гражданин, как все». Он – «это письмо писал две недели как грамота навчился от племяша члена красной Армии». Он пишет:

«Ежели бы раньше знать чего знай от советской власти, ну так не было бы никаких воин и сукиных сынов которы затевают и деньга была бы на хозяйство деревням на фабрики и дай Господь добиться товарищам разрушения всех тогда пойдем широко у вперед всех.»

Писем такого тона у меня тоже не мало, и они иногда внушают нелепую мысль о вреде грамоты для «механических граждан».

Граждане! Вы убеждаете меня, что я «ослеплён», «оглушён», «продался», «кривлю душой» и так далее в этом духе. Хотя далее уже – некуда! Впрочем, один из вас идёт далее, спрашивая меня: «Неужели вы не видите, что 99/100 всего народа ненавидит и боится вас?» Испортит мне «психологию» этот неосторожный статистик! Подумал бы он: сколь чудовищно великим существом должен почувствовать себя человек, которого ненавидят 148500 тысяч людей ему подобных! В мире, за всю его историю, ещё не существовало человека, ненавидимого такой массой людей.

Совершенно неверно, граждане, что я не вижу в Союзе Советов ничего плохого, тёмного. Вот, например, вас вижу я, а ведь – кротко говоря – нельзя же вас признать хорошенькими. Всё, что вы пишете мне, не может вызвать у меня ничего, кроме жалостливого презрения к вам. Совершенно искренно говорю вам: ваши ругательства, клевета, ложь, всё направленное вами лично против меня – нимало не задевает, нисколько не злит, ко всякой клевете, ко всякой лжи и всем ругательствам я давно привык, «от молодых ногтей моих».

Единственно правильное, на что указываете вы, – это на шумиху, устроенную по поводу моего шестидесятилетнего юбилея, на «встречу». Верно – шумиха излишняя, и хотя от неё я не оглох, однако она отняла у меня массу ценнейшего времени. В.И. Ленин был – как всегда и во всём – сугубо прав, говоря, что юбилеи – «смешная нелепость». Но, кроме этого указания, о чём и как вы пишете мне? Посмотрите: «фабрик у нас нет» – это когда восстановлены почти все старые фабрики и затрачена не одна сотня миллионов на построение новых.

«В каждом городе тысяч 50, 100, а то и больше безработных», – конечно, это ужасно, и особенно ужасно для тех городов, в которых всё население исчисляется в 100, в 50 тысяч. А каково живётся городам, население коих 30, 40 тысяч. Это уже невозможно представить.

«75 процентов населения России болеет сифилисом», – сообщаете вы. «Каждый коммунист имеет 10 жён». «Девочки с восьми лет начинают жить половой жизнью». «Фабрики стоят и разрушаются, транспорт – тоже». Что – «тоже»? Стоит и разрушается? «Ряды комсомольцев пополняются сыновьями бывших урядников и волостных писарей». Литератор, которого, казалось бы, профессия обязывает быть грамотным, сообщает: «У нас, при общем взгляде на литературу, как будто и нет талантов. Печатаются евреи, кричат о них, редактируют они. Просто тошно».

И мне тошно, гражданин, от вашего дикого невежества. Ибо кричат у нас о Шолохове, Фадееве, Панферове, И. Вольном, С. Семенове, Ф. Гладкове, Олеше и т. д., всё о «православных», о русских. «Известия» редактируют И.И. Скворцов-Степанов и Гронский, «Правду» – М.И. Ульянова и Бухарин, «Рабочую газету» – Мальцев и Смирнов, «Комсомольскую правду» – Костров, «Красную новь» – Раскольников, «Новый мир» – Луначарский и так далее, тоже все русские. Но – если бы и евреи? Вы, гражданин-поэт, думаете, что, например, Бабель и другие талантливые евреи хуже такого христианского гуся, как вы? Ошибаетесь, гражданин, ошибаетесь по малограмотности вашей!

Малограмотность у вас, граждане, ужасающая. Один из вас пишет, что «коммунисты заткнули» мне «уши для того, чтоб я не слышал, как народ безмолвствует». Но – сами посудите: если народ безмолвствует, на кой же чёрт уши-то мне затыкать? И – как можно говорить «народ безмолвствует» в те дни, когда столь яростно и бурно кипит «самокритика», когда огромная армия рабселькоров, беспощадно обличая все, даже самые мелочные ошибки и непорядки управления хозяйством страны, всё более активно втягивает рабочую массу в дело жизни – её дело? Как можно утверждать, что «основной массе наплевать, кто и как ею управляет»? Ведь вы сами же указываете: «Газеты переполнены фактами отрицательного характера» – верно! Но, создавая эти факты, масса сама же и обличает их, потому что рабселькоры – голос масс. Согласитесь, что пресса Европы ещё не дождала до такого явления, как

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma «самокритика» рабочей массой своей же работы, не дожила, несмотря на «свободу печати», «свободу слова». Выступая в печати против тона, против формы «самокритики», я делаю это потому, что, вытаскивая в газеты различные, неизбежные «мелочи жизни», рабселькоры «льют воду на вашу мельницу».

А кто вы?

Вы – враги трудового народа. Тот гражданин, который учился в МГУ и вышел оттуда «крайним индивидуалистом», пишет мне: «Масса русских людей – дрянные люди, трусливые, лживые, не способные к совместной работе, стоящие на низком нравственном уровне».

В оценке массы этот молодой пессимист врёт, но его оценка вполне правильна по отношению к вашей массе, «механические граждане».

Все те «факты», о которых вы сообщаете мне, я знаю, читал о них в эмигрантской прессе. Эмигранты лгут тоже не очень грамотно, но всё-таки они уже не всегда пишут столь изумительную ерунду, какую пишете вы.

«Предсказанный Иоанном Богословом антихрист явился, это – Ленин». «Старый строй – недостижимая звезда для современности». «Святое имя – Витте». «Большевики – немецкие шпионы, Горький, друг Ленина, тоже шпион».

Послушайте, – ну, как вам не стыдно? Ведь такие глупости писал Вл. Бурцев одиннадцать лет назад, а теперь даже слабоумные от старческой дряхлости эмигранты стыдятся писать такое.

«Бывшие поклонники из Нижнего и Сормова» пишут мне, что мною «владеют большевики, люди с тёмным прошлым, с тюрьмой назади», пишут и – прощаются: «Прощай, наш Горький». Ведь вот как опоздали проститься! Давно бы пора, граждане! Кстати: вашим я никогда не был. Большевики «владеют» мною уже лет двадцать пять. Отличаюсь я от них ещё и тем, что, к сожалению моему, в 17 году переоценил революционное значение интеллигенции и её «духовную культуру» и недооценил силу воли, смелость большевиков, силу классового сознания передовых рабочих. Об этой моей ошибке я уже говорил. Никто, граждане, не застрахован на всю жизнь от ошибок, вероятно, и некоторые из вас ошибаются в своём враждебном отношении к Советской власти, к рабочему классу и в оценке текущей действительности.

Для тех граждан, которые спрашивают, почему я «продался», «примазался» к большевикам, замечу: всякий человек, конечно, волен и должен говорить то, что думает, и всегда полезнее выразить свою глупость, чем носить её в себе, как боль или тошноту. С глупостью высказанной – как с кожной болезнью – легче бороться, а когда она скрыта в мыслях, это уже болезнь «внутреннего органа», лечить её трудней. И, наконец, высказанная глупость самому глупцу видна.

Отвечаю на вопрос. Юношей, живя в Казани, Царицыне, Борисоглебске, Нижнем, я познакомился с революционерами народнического толка. Это было для меня случайностью счастливой, – впервые увидел я людей, жизненные интересы которых простирались дальше забот о личной сытости, об устройстве личной, спокойной жизни, – людей, которые прекрасно, с полным знанием каторжной жизни трудового народа, говорили о необходимости и верили в возможность изменить эту жизнь.

И не только говорили – делали. Железнодорожный рабочий, смазчик Михаил Ромась, уже отбывший десять лет суровой якутской ссылки, прикрываясь ненавистным ему делом лавочника, пытался поставить пропаганду среди крестьян Казанского и Симбирского Поволжья. Он говорил молодым пропагандистам Викторину Арефьеву и Павлу Ситникову:

«Когда берётесь за революционное дело, то уже не можно брезговать никаким тяжёлым трудом, и надо помнить: корень слова – дело».

Преодо мною мелькали удивительные люди: Гусев, пропагандист среди саратовских сектантов, который прожил двадцать лет в ссылке где-то около Ташкента, высох там, полусгорел, питался какими-то порошками, но тотчас же по приезде в Нижний начал крепко ругаться, упрекая всех в том, что забыли о революционной работе. Высохший, как мощи, он, казалось, готов был рассыпаться в пыль, а говорил так,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
что, когда я слушал его, мне было стыдно за то, что я ничего не делаю для освобождения народа. Стало ещё стыдней, когда этот человек уехал в Саратов, немедленно начал там свою работу и через семь месяцев, преданный кем-то, умер в тюрьме.

Такие люди, как Гусев, встречались, конечно, не часто, но они падали в болотце «томительно бедной жизни», точно камни с неба, и я видел, что после них остаются среди людей два круга волнений: люди постарше, «бывшие» революционеры, конфузливо улыбаясь, разводили руками, а молодёжь относилась к людям типа Гусева насмешливо, даже раздражённо. Кружок высланных в Нижний студентов ярославского лицея восхищался «мужеством» Льва Тихомирова, бывшего члена исполнительного комитета «Народной воли», ренегата, который написал книжку: «Почему я перестал быть революционером?»

Для меня старые революционеры, побывавшие в тюрьмах, ссылке, на каторге, являлись героями, полусвятыми; я смотрел на них как на живое воплощение «правды-справедливости», как на людей, способных разрубить все туго завязанные узлы жизни.

В 91–92 годах в Тифлисе я встретил особенно много людей, судившихся по процессам начала восьмидесятых годов, отбывших каторгу и ссылку. И вот на вечеринке один из них, некто Маркозов, выслушав рассказ о холерном бунте в Астрахани, сказал, вздохнув:

– Очевидно, для управления народом всё ещё необходимы кнут и штык.

Я ждал, что бывшие «борцы за свободу народа» возразят ему, но – не дождался. На слова его, которые я часто слышал среди обывателей, никто не обратил внимания, как будто были сказаны слова самые обыкновенные, привычные слуху. Меня они сначала оглушили, а затем развили мой слух, сделали его более чутким. И вскоре меня уже не удивляли такие заявления бывших революционеров, как, например, заявление старика «нечаевца», человека исключительной образованности, переводчика флопера и Леопарди.

– Друг мой, – сказал он, – оставьте эти красные бредни, русский народ никогда не удовлетворится никакой иной формой правления, кроме самодержавной, деспотической.

Эти «мысли» я записывал, и в 97 году, в Метехском замке Тифлиса, жандармский офицер Конисский показал мне бумажку, на которой, между прочим, было написано:

«Когда я был таким, как вы, молокососом, я тоже хотел делать революцию, но, прожив три года в Мезени, вылезился».

– Чьи это слова? – с явным удовольствием спросил Конисский.

Много слышал я таких слов, а в 1907 году в сборнике «Вехи» прочитал:

«Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной».

Как известно, «Вехи» выдумал бывший «марксист» Струве, человек беспризорный, кочевой, ныне он перекочевал от марксизма уже к монархизму. В 1901 году я наблюдал, как курсистки и студенты почти молились на него, он был тогда «вождём» молодёжи. Думаю, что эти воспоминания достаточно красноречивы. Заключу их словами одного знаменитого анархиста:

«В молодости все мы очень храбро размахиваем революционными дубинками, а под старость они бьют нас по головам».

Всё это, не умаляя высокой оценки культурной работы, которую вела интеллигенция, заставило меня усомниться в её «любви к народу» и в её революционности.

Подлинную революционность я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и «примазался» ещё в 1903 году. В партию – не входил, оставаясь «партизаном», искренно и навсегда преданным великому делу рабочего класса, и в окончательной победе его над «старым миром» – не сомневаюсь.

Я знаю, граждане: всё, что говорится мною здесь, – для вас не убедительно, знаю, что бесполезно указывать вам на огромные достижения Советской власти на пути строительства рабочего государства. Понимаю, что другой на моём месте не стал бы отвечать на ваши грязненькие, визгливые письма. Но у меня есть своё отношение к людям, – отношение, воспитанное моим опытом, моим знанием, как трудна жизнь, как много в людях животного, подлого, и знанием, что люди-то не очень виноваты в своих подлостях, ибо творят они их по внушению необходимости, по слабоволию, потому что строй жизни основан на жадности, зависти, на гнуснейшей жестокости человека к человеку. Угнетает, уродует людей проклятое прошлое и будет угнетать, будет уродовать до поры, пока мы не изменим самые основы жизни, её экономику.

Если я бываю груб, если употребляю резкие слова, – это не значит, что я оскорблён или хочу оскорбить, это не значит, что я забываю о том, как несчастны люди, как трудно им жить, как мало виноваты они в том, что глупы и жадны. Я не зол, но ненавижу прошлое, и ненависть моя часто не находит достаточно ёмких, твёрдых слов.

Я видел и вижу очень много мерзостей, но не очень люблю говорить о них. Не они меня интересуют, и не они – на мой взгляд – характерны для людей. Меня в юности глубоко задел за душу вопрос: как это случилось, как возможно, чтоб отвратительная наша жизнь создавала хороших людей? Не легко и не по книжкам только изучал я его.

Я твёрдо знаю, что основное качество человека – стремление к лучшему. Качеством этим обладают и другие животные, но человек развил его до степени основной своей силы, разумной силы. Это он создал и создаёт культуру. Умение находить, сравнивать, изучать полезное и вредное, красивое и уродливое вне себя и в самом себе – вот основная сила человека. Она толкала его создавать все условия для дальнейшего развития его способностей, и она победит всё, что мешает росту человека. Победит.

Вы, граждане, – люди с органическим пороком, с каким-то тёмным пятном в мозгах. Это пятно обладает способностью втягивать в себя и затем отражать явления, факты и мысли только отрицательного характера. В вашем мозгу непрерывно происходит процесс гниения, разложения впечатлений. Это уродство возникло на почве, конечно, классовой психики, на почве паразитивного стремления к власти над людьми, к жизни за счёт чужих соков, к личному покою, благоденствию, благосостоянию, вообще – к тому, что всегда было преступным и становится всё более преступным в наши дни, когда трудовой народ понял своё право на свободный труд для себя. Вы – индивидуалисты, а история нуждается в сильных, гениальных индивидуумах для создания новых форм жизни, более достойных разумного человека, чем те формы, которые навязаны ему прошлым. Жизнь требует героев, паразиты уже отжили свой век.

Древний еврейский мудрец Гилель очень хорошо сказал:

«Если я не за себя, то – кто же за меня? Но если только за себя – зачем я?»

Это – самая лучшая заповедь из всех, которые навязывались людям. Я руководствовался ею. Вся работа моей жизни была «игрою на повышение», цель у меня всегда была и остаётся одна: повышение в людях воли к жизни, повышение активной ненависти к действительности, унаследованной нами от прошлого.

Людям необходима иная действительность, не та, в которой они привыкли жить. Я вижу, что процесс создания новой действительности у нас, в Союзе Советов, развивается с удивительной быстротой, вижу, как хорошо, творчески вливается в жизнь новая энергия – энергия рабочего класса, и я верую в его победу.

Верую, потому что – знаю.

О Красной Армии

Одним из крупнейших и бесспорных достижений Советской власти является организация Красной Армии. Интересно было бы подсчитать: сколько грамотных людей дала деревне Красная Армия за эти годы? Сколько бойцов воспитано председателем волостных и сельских комитетов? Сколько бойцов ушло и уходит на рабфаки, в вузы, сколько их работает в красноармейской прессе, сколько создано

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
из них высококвалифицированных рабочих, и вообще – какова цифра культурных людей, воспитанных первой, за всю трагическую историю Европы, действительно народной армией, созданной не для нападения, а для самозащиты?

Когда я осматривал великолепный московский Дом Красной Армии, когда прислушивался в лагерях к обучению бойцов грамоте, смотрел на их занятия в поле, – память воскрешала мрачные картины рекрутских наборов старого времени, картины казарменной жизни солдат, грубость и жестокость учёбы и весь этот дикий ужас фабрикации «пушечного мяса». Далеко ушла Красная Армия от прошлого, и уже никогда, никому не позволят наши бойцы повернуть их назад, потому что всякий поворот назад был бы поворотом к их борьбе против себя, а не за себя, не за то, что завоёвано отцами и старшими братьями. Вспомнилось также и о том, что в час, когда я свободно беседую с красными бойцами, – лагеря и казармы Европы наполнены крестьянами и рабочими, которых усердно готовят к позорному делу взаимного истребления, к новой бойне, которая будет ещё более ужасной, чем бойня 1914–18 годов, наградит мир новыми миллионами трупов, десятками тысяч изуродованных людей, тысячами обезумевших от страха, миллионами вдов и сирот. Снова станут разрушать города, деревни, вытаптывать поля, портить плодородную землю и всячески уничтожать плоды прекрасного человеческого труда – уничтожать культуру.

Вспомнилось, что сейчас десятки и сотни тысяч рабочих на фабриках Европы делают пушки, ружья, взрывчатые вещества и ядовитые газы – всё это для того, чтоб убивать друг друга. Для кого, для чего необходимо взаимное истребление рабочим народом самого себя? Для нескольких десятков тысяч очень богатых и совершенно безответственных людей, которые «правят миром», то есть живут чужим трудом, чужой кровью, заражая трудовой народ – как вши тифом – болезнями жадности, зависти и вражды.

Этой кучке морально тупых, выродившихся людей, которые, опираясь на безволие и слепоту рабочей массы, правят миром, Советская власть предложила два плана разоружения. В первом плане говорилось о полном разоружении армии, предлагалось закрыть все фабрики, изготовляющие всё необходимое для массового убийства людей, – убийства, которое, почему-то, не считается преступлением. Если б это предложение было принято правительствами Европы, оно освободило бы миллиарды золота, которые затрачиваются на истребление рабочих людей, вооружённых друг против друга. Сотни миллиардов пошли бы на облегчение труда, на создание более лёгких условий жизни, на развитие культуры, на сельское хозяйство. Люди, командующие отвратительной действительностью, люди, создавшие эту тяжёлую, позорную жизнь, полную непримиримых противоречий, вражды, злобы, преступлений, – люди эти, конечно, отказались разоружиться.

Отказались они и от второго предложения – разоружиться не вполне, а частично. Этим отказом они признали, что без войны, без массового убийства они не могут существовать. Этим отказом они признали, что основой их власти служат сотни тысяч вооружённых рабочих и крестьян, физическая сила которых – единственный источник власти и богатства буржуазии. Она грабит рабочих людей и заставляет ограбленных ею защищать её. Вот как просто основано господство буржуазии. Надо сказать, что те люди, которые, позволяя грабить себя, защищают грабителей с оружием в руках и не щадя себя, – тоже... простачки. Вообще – всё изумительно просто, вполне понятно, непонятно только одно: почему трудовые массы народа так медленно понимают мерзость этой простоты?

Представьте себе такую сцену: пойман привычный убийца, его поймали добродушные люди и говорят ему:

«Брось нож, перестань убивать людей, нехорошо это!»

«Не могу, – отвечает он. – Если я перестану убивать, – мне жить нечем будет».

Этот простецкий ответ и есть ответ правительств Европы на предложение Советской власти, сделанное М.М. Литвиновым. И, ответив так просто, ясно, буржуазия Европы усердно и непрерывно натачивает ножи против рабоче-крестьянской власти Союза Советов.

Строительство новой жизни в Союзе Советов развивается в условиях трудных, а всё-таки успешно, и успехи, достигнутые в разных областях труда, изумительны, если не забывать о всей сложности условий, в которых живёт и работает наш трудовой народ. Нет сомнения в том, что успехи были бы ещё более значительны,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
если б народ не был поставлен в необходимость тратить огромные средства на свою самозащиту, на армию своих бойцов. Враг жаден, хитёр и богат, ему есть где и есть на что купить достаточное количество «пушечного мяса». Он может купить румын,

поляков и – мало ли на земле слепых людей, которые ещё не доросли до сознания своих действительных интересов! Наш трудовой народ должен это знать, но он может смотреть в будущее без страха, – защита у него прекрасна – не только потому, что у неё хорошие штыки, но, главное, потому, что её вооружили непобедимой правдой, её научили понимать бесчеловечную «простоту» капиталистического государства. Красная Армия не только боевая сила, она – культурная сила. Она является мощной организацией, которая втягивает огромные массы трудового населения Союза Советов в общественную и государственную культурную работу. Она очень хорошо способствует росту культурной революции, внося в деревню грамотность, а культура – это та сила, которая только одна может помочь Союзу Советов опередить капиталистические страны в деле развития своих производительных сил, в быстроте хозяйственного роста. Готовясь к обороне страны, Красная Армия уже перешла в наступление на хозяйственную и политическую косность массы, на её древние предрассудки и предубеждения.

Что это так – об этом красноречиво говорит факт отношения крестьянской молодёжи к службе в армии. Едва ли где-либо возможно такое отношение к армии, как в Союзе Советов, где молодёжь смотрит на армию как на культурно-воспитательное учреждение. Мне известен ряд случаев, когда группы крестьянской молодёжи призывного возраста настойчиво требовали зачисления в бойцы сверх комплекта. Это было в текущем октябре. Никто не скажет, что это случилось и при старом порядке, когда рекрута шли в казармы с песней:

Во казармах жить тошнѣхонько,
Погибай наши головушки!
В Союзе Советов боец Красной Армии воспитывается как строитель новой культуры, он не только защитник своего народа, но – во многом и всё более – становится учителем его.

Люди, потерявшие возможность жить за счёт чужой силы, стонут и кричат: «Россия погибает!» Но это они сами погибают, и страх пред неизбежной гибелью внушает им, что вместе с ними погибает 150 миллионов талантливого народа, который почти голыми руками всё-таки успешно строит государство для себя.

Много ещё осталось в этой великой и прекрасной стране «неограниченных возможностей» отвратительных пережитков проклятой, грязной, позорной старины, но в ней уже достигнуто самое главное: её трудовой народ хорошо почувствовал несокрушимость силы знания, и, почувствовав это, он учится хорошо работать, по-новому жить. Школы, университеты, рабфаки переполнены здоровой, умной молодёжью, и её стремление учиться так велико, что хотя 70 тысяч юношей принуждены учиться по лекциям «Университета на дому», всё-таки десятки тысяч остаются за дверями высших учебных заведений. Это – плохо, но – как всё плохое – это временно. Красная Армия тоже служит школой, культурно воспитывающей молодёжь, и бойцы Красной Армии хорошо понимают, что они не только защитники страны против внешнего врага, но и должны быть борцами против внутреннего врага – против старинной глупости, дрянных привычек, суеверий и – за новую культуру.

Ещё о механических гражданах

Судя по количеству откликов справа и слева, заметка «Механическим гражданам» имела успех «лекарства по недугу». «Механические граждане» рассердились, неистово ругаются, грозят мне «судом народа», а некоторые из них, заграничные, считая себя хитрецами, притворяются, будто бы они страшно обрадованы фактом бытия «механических граждан» в Союзе Советов. Один заграничный даже напечатал на эту тему статейку, озаглавив её «Благая весть», хотя какая же благодать в том, что существуют люди, которые сами говорят о себе: «Да, вы правы, – мы безвольны, мы слабы, мы рабы от рождения, терпели татарское иго, терпели самодержавие, терпим большевиков», – как пишет мне некая дама, одновременно хвастаясь тем, что она «тоже сидела за народ». Не имею права сомневаться в том, что корреспондентка эта вполне искренно «сидела за народ», но не могу не напомнить ей, что очень многие «сидели» за него лишь потому, что надеялись сменить сидевших на шею народа и самим сесть на это место. И не только «сидели», а, как сказал дон Аминадо, поэт белоэмигрантов, «до изнеможения ходили в народ и обратно». Радость, вызванная тем, что «механические граждане» ещё живы и скрипят, вполне

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
естественна у людей, которые хотели бы видеть весь трудовой народ механически
безвольно и безропотно исполняющим их волю.

Другой обрадованный пишет так: «Вспомните, что сказано у Ефрема Сирина, – писатель IV века, не марксист: «И возвеселится враг, егда узрит разрушение трудов твоих рукою его, и насытит сердце свое горем твоим». Едва ли это сказано у Ефрема Сирина, но это знакомая цитата, помнится, я её читал в письмах Святогорца, и кажется мне, что из неё выпало одно слово о сердце – «злое» сердце. Человек этот убеждает меня «сказать правду». С удовольствием, вот она: власть должна принадлежать трудящимся, и, хотя это неприятно хищникам, бездельникам и всем, «иже с ними», это неизбежно будет.

«Скептик» убеждает меня: «Чего вы горячитесь? Всё идёт своим порядком, «рак пятится назад», «щука тянет в воду», хорошо зная, что она затем и существует, «чтоб карась не дремал», а безграмотные ваши рабочие скоро очутятся у «разбитого корыта», так же, как у этого корыта оказалась вся наша интеллигенция – лебедь, который «рвётся в небеса». Вот я тоже «горел любовью к народу...» Ох, не верю я цитатам и пословицам! Ну, как, например, можно повторять, что «чёрного кобеля не вымоешь добела» после того, как бывшие черносотенцы превратились в «белых», а розовые идеалисты густо почернели, видя, что возлюбленный ими «народ» решительно не желает жить механической жизнью раба? К тому же: горение есть окисление, а так как гниение тоже окисление, то многие, изгнивая, думают, что они сгорают ярким и красивым огнём.

«От какой-то незаметной точки между революцией и культурой начинается трещина, – пишет «Скептик». – Начинается, ползёт дальше, становится глубже и приводит к тому, что лозунг «культурной революции» служит источником «уклона вправо», а понятия «пролетарской революции», «диктатуры пролетариата» приобретают характер, враждебный культуре». О чём, о какой культуре идёт здесь речь? О той, которая признаёт за меньшинством право воспитывать – в своих интересах – разум и волю большинства и бессмысленно эксплуатировать его энергию? О культуре «духа»? Чёрт его возьми, этот «дух», если для роста его необходимо существование господ и рабов, необходимо угнетение человека, необходимы кровавые бойни!

«Скептик», по его словам, смотрит «на действительность с высоты той башни, на которой человечеством зажжён маяк единой и вечной истины». Лично мне ничего не известно ни о месте, где стоит «башня», ни о «единой и вечной истине». Я думаю, что истины творятся только опытной наукой. Кто-то очень хорошо сказал, что «истина – это орудие познания», а известно, что каждое орудие изнашивается. В наши дни наука опытная выработала новое орудие познания, новую истину: электронную теорию материи, а наука о развитии человеческого общества установила как истину неизбежность классовой борьбы и необходимость для рабочего класса взять в свои руки политическую власть. Эта неизбежность и эта необходимость доказываются и оправдываются ужасающими преступлениями капиталистического строя. Ни один честный человек не может, не имеет права назвать разумной и культурной жизнь, в которой возможны такие факты, как война 1914–1918 годов. В годы этой войны было уничтожено несколько десятков миллионов рабочих и крестьян, разрушено только в одной Франции 300 тысяч домов и только одна Германия истратила на уничтожение людей свыше 40 миллионов тонн металла [10]. Если б в 1913 году политическая власть была в руках рабочих и крестьян, миллиарды рублей, истраченные капиталистами России на убийство своих и немецких рабочих людей, на разорение Восточной Пруссии, были бы истрачены так, как они тратятся теперь: на развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, на культурное развитие трудового народа. Чего ради начата была эта гнуснейшая война? Ради интересов небольшой кучки тупоголовых миллионеров, ради удовлетворения их жадности, их ненасытного стремления к роскоши. И вот – ссора небольшой кучки хищников и паразитов приводит ко взаимному истреблению рабочих людей, одинаково несчастных во всех странах, – людей, у которых всюду один и тот же враг – капиталист.

Разумеется, это всем понятно, это – «азбучные истины», но я не виноват в том, что их надобно напоминать, А напоминать их надо потому, что капиталисты снова хотят заработать на крови трудового народа, снова готовятся послать миллионы рабочих и крестьян на взаимное истребление. Эта новая война будет ещё более кровавой и разрушительной. Снова будут превращать города в груды мусора, снова испортят, разорят, отравят трупами сотни и тысячи квадратных километров плодородной земли, вырубят и выжгут леса. А ведь всё, что построено на земле, принадлежит тем, кто строил, а не тем, кто заплатил за работу построения деньгами, нажитыми на труде рабочих и крестьян. Всё на земле создаётся их

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma трудом, и главное несчастье мира, источник всех его страданий, преступлений и горя трудовых людей в том, что крестьяне и рабочие в массе своей всё ещё слепы, всё ещё не понимают по слепоте своей, что, если они крепко, дружески объединятся, – им легко будет сбросить со своей шеи капиталистов, которые давно уже перестали быть людьми, а становятся всё более хищными и кровожадными животными.

Разумеется, всё это я говорю не для «Скептика», а для той молодёжи, которая в городе и деревне идёт на смену старой гвардии большевиков – людей, которые приставили огромному телу рабочих и крестьян Союза Советов хорошую голову – партию.

«Скептик» – это «лебедь», чёрный лебедь, он «рвётся в небеса». Он, в сущности, не столько «скептик», как романтик. Он – весь в чужих словах, среди них немало старинных, когда-то «мудрых» и до сего дня очень красивых слов. Но «мудрость» его внешняя, она наклеена на нём, как обрывки старых афиш на столбе или заборе. Он пишет: «Рабочие, которым вы служите если не из выгоды, то по недоразумению, никогда не воссоздадут той духовной культуры, той красивой жизни, которую они разрушили». Он – пассивный романтик. Пассивный романтизм – это романтизм усталых мещан, он всегда является на сцену жизни после бурных общественных трагедий и на смену активному романтизму, который обычно предшествует революциям. Пассивный романтизм является под ручку с богом, одним из главных козырей его политической игры. В нём есть некая лирическая и соблазняющая юношество «красота», вернее, красивость словесных узоров, и он весьма похож на плесень, хотя плесень относится не к политике, а к микологии, науке о грибах. Но пассивный романтизм всё-таки политика, – мы живём всё ещё в условиях классового общества, а в этих условиях, как известно, нет ничего, что было бы «вне политики».

Приятно зелёная плесень пассивного романтизма имеет целью своей реставрацию, проще говоря – ремонт личности, разрушенной в самом корне, раздвоенной в самой основе своего «я» даже тогда, когда эта личность, столь грандиозна, как Лев Толстой. Пассивный романтизм полагает, что если вытолкнуть личность из сферы задач и вопросов социальных, погрузить и углубить её в капризную игру её чувствований и мыслей о себе самой, то этим самым в стороне от жизни личность обретёт утраченную цельность, «внутреннюю гармонию». Но, отводя личность к себе самой, пассивный романтизм только углубляет процесс раздвоения и разрушения личности.

Наивно думать, что возможна гармоническая «красивая жизнь» при отвратительных и неустранимых условиях классового общества, при условии всеобщей анархической борьбы, при наличии зависти, жадности, подневольного и – часто – бессмысленного труда. Нелепо и бесстыдно думать, что кто-то – кто бы он ни был – имеет право строить себе уютное гнёздышко для красивой личной жизни в те дни, когда социальная жизнь становится всё более откровенно цинической, грязной, отравленной многообразными преступлениями против человека.

Мещанское содержание того пассивного романтизма, который сейчас постепенно, осторожно развивается в Союзе Советов, совершенно ясно. Романтизм этот ползёт по двум параллельным путям: по одному – к самоуглублению личности в свой мирок, в своё микроскопическое «я», по другому – к идеализации труда серпа и плуга, к идеализации труда, который ставит целью себе возрождение и развитие дешёвенькой, уютненькой, индивидуальной собственности. Тут – не только поэзия, но и соображения удобства, потому что на шее крестьянина безопаснее, удобней сидеть, чем на шее рабочего. Героический труд молота, который куёт действительно новую, коллективную жизнь, органически чужд и даже враждебен пассивному романтизму мещан, любителей «красивой жизни» и «духовной культуры».

Один из «культурных» наших людей, раньше – когда это было в моде – причислявший себя к революционерам, а впоследствии черносотенец, сказал в минуту откровенности:

– В сущности, какая у нас духовная культура? У нас – кабацкая культура: цыганские песни, венгерские скрипки и вообще – кабацкий романтизм. Существует небольшая группка людей, которые о чём-то философствуют, но еврей Гершензон чувствует подлинную Русь лучше русского.

На мой взгляд, в этих словах есть значительная доля правды. О «кабацком

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
романтизме» сказано хорошо, он – что-то специфически русское. Чем сентиментальней «романтический» вой, тем оглушительнее действует он на людей ресторанной культуры. И невольно думаешь, что главным содержанием «красивой жизни», которую эти люди ныне оплакивают, наиболее вкусной духовной пищей их была именно пёстренькая, слащавая грязышка дорогих кабаков, – грязышка, которую люди эти сами же восторженно и творили. И, эмигрировав, они оказались наиболее способными к ресторанной деятельности, к песням с «тоской» и пляскам с удалью.

Романтизм людей этого типа ещё ниже, ещё жалобнее романтизма моего нижегородского сокавартиранта Николая Пряхина, почтово-телеграфного чиновника. Сей рыжий юноша, скромный и всегда чисто вымытый, аккуратно одетый, насмотрелся потрясающих и бездарных драм Невежина, Шпажинского, вообразил себя безнадежно влюблённым в актрису и решил прервать свою рыженькую жизнь.

Он пожелал сделать это «красиво». Достал бутылку из-под шампанского «Клико», наполнил её пивом, вынул из киота бумажные цветы, украшавшие икону, разбросал их перед собой по столу, выпил стакан пива, выстрелил в правый висок свой из револьвера Лefоше и, ослепнув на оба глаза, остался жить.

Рассказывая об этом своём геройстве, он добавлял:

– Вот какая насмешка коварной судьбы.

И осторожно щупал палочкой землю вокруг себя, глядя прямо на солнце, невидимое ему.

Некоторые из «механических граждан» упрекают меня в том, что будто бы я искусственно подбираю цитаты из глупых писем, а мудрые «обхожу молчанием». Это – неверно, граждане! Я очень внимательно читаю все письма и усердно ищу в каждом «признаков объективной истины». Но – или её нет, или я действительно так «плохо воспитан», что мне «истина химически несродна».

Вот предо мною огромное письмо – десять страниц не почтовой, а писчей бумаги, исписанной мелким почерком; на чтение такого письма нужно затратить по меньшей мере двадцать минут. Оно подписано: «Сибиряки», значит – «коллективное». Это усиливает его значение и моё внимание к нему. Однако речь его ведётся от первого лица, – от «я», а не от «мы».

«Пишу вам совершенно честно, не в целях обрызгать рвотной слюной колоссальную, героическую работу СССР. Не знаю сам, кто я – механический гражданин или какой-то другой квалификации. Сейчас я на советской работе. Но подошёл я к ней после отрицания её.»

Прочитал я это и подумал: «Наконец что-то серьёзное!» Но – увы! Дальше следует знакомое и надоевшее:

«Народные массы шли за большевиками благодаря провокации в тылу Колчака таких героев, как пресловутый Анненков. Ему бы большевики должны поставить памятник, так как он и ему подобные завоевали Сибирь для большевизма. Эти мародёры клики Пуришкевича мечтали сразу свалить и большевиков и другие революционные партии, чтобы восстановить самодержавный сапог, и в этом духе работали, как только где-нибудь дорывались до власти.»

Если допустить, что это «истина», так это будет истина только эсеровской фабрикации, а эсеры, кажется, даже и сами убедились, что они хотя и обильно, а всё-таки плохо фабрикут «истину».

Далее «Сибиряки» сообщают, что «большевизм выполняет волю и желания Керзонов», затем идёт критика советского строительства, переписанная довольно подробно из эмигрантской прессы, затем грустные размышления о судьбе интеллигенции, которая «в огромном большинстве своём против СССР не потому только, что она – интеллигенция – продажна и служит тому, кто больше заплатит, – это огульное обвинение – глупость, которую, конечно, понимают большевики, – а, очевидно, потому, что есть что-то в СССР, что никак не даёт ей примириться с этим строем, хотя в конце концов советское правительство начинает платить интеллигенции сравнительно неплохо».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Это пишет интеллигент, точно указавший свою принадлежность к определённому политико-литературному органу. На мой взгляд, нехорошо он пишет. И едва ли советская интеллигенция скажет ему спасибо за эти – мягко говоря – неумные строки.

«Гибнет Россия по вине большевиков, – вот о чём вы должны писать», – рекомендует мне другой «печальник о горе народном». «Железа не хватает, угля не хватает», – кричит он.

Говорят, что в Европе железа осталось на шестьдесят лет, угля – на семьдесят пять и что европейская промышленность очень встревожена этим. Мне кажется, что большевики не повинны в том, что капиталистические государства тратят сотни миллионов тонн угля и металла на броненосцы, пушки, снаряды, на самозащиту и что благодаря войнам земля наша становится всё более нищей. Это распыление драгоценного металла и сжигание топлива кучкой капиталистов-анархистов, в сущности, одно из самых отвратительных преступлений против трудового народа. Был у нас замечательный, но мало известный – потому что был своеобразен – мыслитель Н.Ф.Федоров. Среди множества его оригинальных домыслов и афоризмов есть такой:

«Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли». Это, на мой взгляд, неоспоримо.

Капиталистический строй добивается власти над силами природы только для того, чтобы укрепить свою власть над источником живой силы – над физической силой трудового народа.

Рабоче-крестьянская власть Союза Советов ставит перед собой иную цель: переработать возможно большее количество физической силы рабочих и крестьян в разумную, интеллектуальную силу и влиянием этой силы ускорить процесс подчинения всех энергий природы интересам трудовой массы, освобождения её от бессмысленного, каторжного труда на капиталистов. Разграблено железо, разграблен и сожжён чёрный уголь, во вред трудящимся тратится жидкий уголь – нефть – и белый – электричество, серый – торф, зелёный – дрова, солома; но остаётся ещё много углей, пользоваться которыми капиталистический строй не научился: это голубой уголь – ветер, синий уголь – морские приливы и отливы, красный уголь – энергия солнца. Всё это – источники энергии, которых хватит на тысячелетия. Необходимо, чтобы пользование этими энергиями было изъято из-под власти хищников, которые рассматривают физическую силу рабочих тоже как уголь и сжигают её для укрепления своей преступной деятельности, – эта деятельность преступна потому, что истощает сокровища земли – сжигает, распыляет их только ради укрепления своей власти над рабочими, крестьянами, а также над технической, научной и над всякой иной рабочей интеллигенцией.

Я вижу, что рабоче-крестьянская власть хорошо понимает всё это, вижу, что она смело работает в этом направлении.

Письмо селькорам
Товарищи!

Редакция «Крестьянской газеты» передала мне 19 писем селькоров, присланных на моё имя за июль месяц из губерний: Воронежской, Ярославской, Рязанской, Калужской, Нижегородской, Брянской; из Усманского, Мелитопольского, Кременчугского округов УССР, Бобруйского и Оршанского округов БССР, Бурят-Монгольской ССР и Марийской автономной области.

Спасибо, товарищи, за эти ценнейшие письма и сердечное спасибо за ваши пожелания здоровья мне, – пожелание, сказанное очень хорошими словами:

«Будь здоров, как – за малое время – здорово стало наше государство».

Это – гордые слова духовно здоровых, смелых людей, которые дружно работают по оздоровлению жизни, но надо сказать, что в этих словах есть преувеличение. Правильно, что в Союзе Советов трудовой народ улучшает своё положение и становится разумнее. А всё-таки он ещё нездоров, не успел излечиться от заразы прошлого – от безграмотности, жестокости, пьянства и от всякой ядовитой дряни, которую отравляла разум и чувства его на протяжении столетий каторжная, рабская жизнь.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Медленно вылечивается крестьянство и от своего отношения к государству, – к созданию нового, социалистического государства, – как к делу чужому для него, и всё ещё смотрит на государственное имущество как на «казённое», чужое, думая только о том, чтоб оторвать от него побольше кусок для себя, для своего личного хозяйства.

А ведь пора понять, что теперь в Союзе Советов крестьянин не чужой человек, не бесправная «платёжная единица», какою он был при царе и помещиках; надо понять, что хозяйство его не ограничено стенами избы, плетнём его двора и огорода, межою поля, – теперь его хозяйство – вся земля и все её богатства. Вместе с рабочим крестьянин является единственным хозяином государства, – именно это сознание старался внушить ему великий человек В.И. Ленин, именно это сознание развивает в трудовом народе всего мира партия большевиков, созданная Лениным.

Задача партии и рабоче-крестьянской власти сводится к тому, чтобы навсегда укрепить в плоть и кровь рабочего и крестьянина простую, ясную истину: творцом новой, справедливой жизни, основанной на экономическом и политическом равенстве, должны быть и могут быть только люди труда, а не паразиты, не хищники, живущие грабежом чужой силы, как это всегда было и покамест существует везде, кроме Союза Советов.

Мне кажется, что крестьянство да и рабочие в массе ещё плохо понимают эту великую идею, эту, конечно, трудную задачу. Каждую ошибку центральной власти – своей власти – они встречают почти враждебно, забывая, что «ошибка в фальшь не ставится» и что рабоче-крестьянской власти фальшивить незачем. Всё, что за шесть-семь лет сделано властью Советов для развития и улучшения крестьянского хозяйства, все эти тысячи тракторов и сельскохозяйственных машин, опытные поля, выработка химических удобрений, печатание миллионов газет и книжек для деревни и многое другое – всё это делается у нас «за свой счёт», денег у нас мало, и иностранная буржуазия взаём не даёт, ожидая, что мы разоримся и что трудовой народ Союза Советских Республик поклонится хищникам чужой силы, позовёт их: «Идите, владейте нами, грабьте, как грабили и мучили нас наши помещики и купцы».

Разумеется, паразитам не дожидаться этого праздника, потому что крестьянство всё-таки уже начинает понимать, как много делается в Союзе Советов, понимает, что налоги теперь идут не на кормёжку бесчисленного количества бездельников и дармоедов, а на развитие сельскохозяйственной культуры и скотоводства, на вооружение деревни грамотностью и машинами, на построение фабрик и заводов, на выработку своих дешёвых товаров, на то, чтобы освободить трудовой народ от необходимости покупать товары за границей.

Я знаю, товарищи селькоры, что всё это известно вам, все эти мысли сквозят в ваших письмах ко мне; я повторяю их только для того, чтоб полюбоваться ростом вашего сознания, вашим хорошим пониманием действительности. Для того, чтоб и все грамотные люди – одни тоже порадовались, а другие бессильно озлились, слушая ваши голоса, я приведу здесь несколько выдержек из ваших писем, – ваши оценки значения «Крестьянской газеты», оценку своей работы и вообще всей жизни.

«...Теперь, дружно сплотясь вокруг компартии, пойдём вперёд всей селькоровской армией, дружно будем переустраивать деревню на новые начала, бороться с темнотою и организовывать культурные очаги...»

Селькор Чесалкин Дер. Ст. Мармазовка, Людниковской волости, Бежицкого уезда, Брянской губернии.

«...«Крестьянская газета» проникла во все уголки нашего Союза. Её читает каждый крестьянский двор. Селькоровская армия с каждым днём увеличивается благодаря её авторитету среди масс. Кадр деревенских общественников-селькоров растёт не по дням, а по часам. Тесную связь с ней держат миллионы трудящихся. Я приведу вам один небольшой примерчик из достижений «Крестьянской газеты».

...В моём селении насчитывается 98 дворов. До революции не было грамотного человека у нас, не было ни селькоров, ни кружков. Теперь у нас совсем другое. Неграмотных совсем мало стало. У нас крестьяне зажили теперь по-новому, по-культурному. В нашем селении почти уничтожена трёхполка. Крестьяне сеют клевер, травы, сеют очищенным зерном. У нас теперь каждый двор выписывает газету. На 98 дворов выписывается 115 экземпляров газет, из которых 56 экз. «Крестьянской газеты». Имеются селькоровская организация, кружок «друзей газеты» и другие организации...»

Селькор Н.В. Евтушевский Х. Осечино, Заборский с/с., Черейского района, Оршанского округа, Белоруссия.

«...Мы боремся за наше светлое будущее, за выведение нашей деревни из невежества и темноты. За время нашего селькорства мы можем гордиться своими достижениями. Наш район до 1924 года считался первым по хулиганству, теперь же является первым по своим достижениям...

...Наш район переходит на многополье и посеvy клевера, работа в полном разгаре. Также благодаря специально поднятой кампании – объединение в артель – у нас создана лесопромысловая артель, которой придают громадное значение [в] области лесопромышленности. Благодаря долгой и упорной борьбе у нас поставлен четырёхламповый громкоговоритель. Наш район кооперирован на 97 процентов, а населения в районе 3 600 человек...

...«Крестьянская газета» всё более и более завоевывает бедняцкие и середняцкие слои деревни...»

Селькор И. Глебов С. Троицкий посад, Козьмодемьянского кантона, Марийская авт. обл.

«...Созданная на разорённом фундаменте экономической базы СССР, армия пера селькоров твёрдо держит своё оружие, направленное против наших внутренних, в первую очередь, врагов, каковыми являются разгильдяйство, хулиганство, пьянство, извращение советского законодательства, некультурность, неграмотность и т. д....

...Не обращая внимания на выстрелы, направленные против нас, наша селькоровская армия, хотя и медленными шагами, под руководством коммунистической партии идёт вперёд...

...Но самое трудное и самое опасное препятствие на нашем пути – это наша некультурность, наша неграмотность, это то, что мы зачастую не можем выразить того, что думаем...

...Стенгазетой поднят вопрос о засорении ручья отбросами, единственного источника питьевой воды...»

Ф. Давыдов Деревня Подберезье, Окуловский район, Боровичский округ, Ленинградская область.

«...Привет ЦИК и ВЦИК СССР и ВКП(б) как руководительнице международным пролетариатом рабочих и крестьян, которая всецело старается переустроить наше сельское хозяйство, сменить соху и серп на трактор и другие машины, перестроить убогое единоличное хозяйство на образцовое коллективное хозяйство, которое сможет дать отпор – толчок главным врагам, препятствующим пролетариату СССР успешно продолжать переустройку всего хозяйства и жизни страны...

...Это международный капитализм, кулачество, изменники и саботажники – наследство, оставленное нам старым царским чиновничеством, до сих пор процветает, так как трудящиеся массы ещё отстали и малокультурны, ещё недостаточно втянуты в управление страны...»

Писал крестьянин села Полтавки Крухмылев

«...Конечно, тёмным силам не нравится, что Советская власть крепнет с каждым днём. Не так давно кулаки мне грозили, что отомстят мне за мою разоблачительную работу, и вскоре после этого хулиган на гулянке набросился на меня с ножом, недавно убили моего друга – селькора-общественника тов. Красавцева. Конечно, кулаки нас не остановят. Победа несомненно будет за нами...

...Работа для меня – высшее наслаждение. Работаю днём и ночью. И впрямь отрадno подумать, что вчера я проводил комсомольское собрание и собрание бедноты, сейчас еду пахать, а вечером буду читать, писать стихи и заметки.

Разве такой творческий труд не высшая гордость человека?..»

А.Титов П/о Бежаницы, дер. Климово, Луговской с/с., Псковского округа.

«...Я счастлив потому, что благодаря соввласти и ВКП(б) из одикарелого бурята вышел сознательным гражданином Союза...

...Ни один крестьянин из культурной страны Европы не живёт так свободно и красиво,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma как мы, бурято-монголы. Мы этим высоко гордимся и будем гордиться перед лицом всего мира. Мне так хочется сложить все факты и жизненные действительности из нашей быстро мчащейся вперёд бурятской жизни в одно целое и изобразить всё в художественном произведении...

...Говорят, что талантливые люди рождаются веками. Верно ли всё это, тов. Горький?..

...Тов. Горький, я по-русски излагать свои мысли научился совершенно недавно и оттого скуп я русскими словами. Написал бы лучше по-русски, если бы я был из русской нации. Я научился понемножку правильно излагать свои мысли только благодаря селькорству в «Крестьянской газете»...

...Буду всеми силами продвигать «Крестьянскую газету» в гущу массы улуса...

...Жить без «Крестьянской газеты» – это значит жить без пищи...»

Селькор П.Г. Майоров Ст. Черемхово, п/о Бохан, ул. Шунта, Бурято-Монгольск. АССР.

«...Хвалиться нельзя, но можно сказать, что наше хозяйство с каждым годом крепнет и крепнет. В деревне появляется трактор, только в нашей волости продано кредитным товариществом сеялок и веялок 1 000 штук. А сколько по всему СССР? не сочтёшь!..»

Иван Овчинников П/о Бутурлино, Нижегородской губ., Сергач. уезда, Бутурлинской волости.

«...«Крестьянская газета» первая берётся в руки политпросветчиками при беседе с крестьянами-бородачами по сельскохозяйственным вопросам. Она первая защищает от тёмных сил своих корреспондентов, только «К.г.» понятно и конкретно знакомит многотысячную армию, армию своих читателей, с международным положением вещей и внутренним социалистическим строительством...»

Шахов П/о Стенькино, д. Глазково, Рязанской вол., уезда, губ.

«...Вообще на «Крестьянскую газету» и вообще на газеты смотрят как на правдивого и зоркого защитника, который уже не укроет ни взяточника, ни пьяницу и никого другого...»

А. Анпилов Сл. Серебрянка, Старо-оскольского уезда, Курской губ.

«...Буржуазные воротилы пророчествовали, что варвары-большевики ни к чему не годны и не способны, а выходит наоборот, что мы шли, идём и будем идти вперёд и вперёд. А какое наслаждение, дорогой Алексей Максимович, доставляет чувство сознания, что мы таких успехов добились своими усилиями, усилиями рабочего и крестьянина...»

Селькор П.С. Сергеев П/о Тума, Тумской вол., Рязанского уезда и губернии, дер. Верещугино.

«...Организовали мы кружок селькоров и друзей газеты, и в 1926 году у нас в селе было на 209 дворов 226 газет...»

Селькор Жаковский, В. С. Дмитровка, В.Покровского района, Мелитопольского округа, п/о Ботнево, УССР.

«...Рассказываем тебе, Алексей Максимович, о нашей селькоровской работе. В кружке у нас 20 человек. Из них: 7 женщин, 50 процентов из бедноты и батрачества. Воспитательная работа в кружке ведётся через устройство регулярных (один раз в две недели) занятий, где прорабатываем такие вопросы, как: «очередные задачи селькора в настоящий момент», «селькоры и общественно-полезная работа», «стенгазета как экран и зеркало местной жизни», «роль селькоров в культурной революции», «как нужно изучать пролетарских поэтов и писателей?», «основы литературной грамоты и селькоровская работа» и др.

Издаваемая стенгазета «Луч деревни» объявила беспощадную борьбу тому, что мешает ей идти вперёд, что держит её в лапах старого, через отделы: «Как улучшить наш быт», «В мусорную яму», «Следую примеру», «Слушай советы» и др.

...Наша стенновка получила уже 2 первые премии: одну на волостном конкурсе, а другую на уездном...

...В общем наша пролетарская печать творит великое дело: она заново перестраивает

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта деревню, помогает крестьянам стряхнуть старую идеологию, внедрить новый быт...»

Коллектив селькоров С. Давыдовка, Ярославской губ. и уезда, с. Никольское.
«...Сагитировали село перейти на многополье. Уже переходим, имеем два коллектива, и вновь организовали ещё 17!..»

...Но главное, вы понимаете, это – общественность, организации работают для крестьян, – это тоже школа.

А литературы сколько выписываем! До революции крестьяне газет не знали, а теперь выписываем 619 экз. газет и журналов..

...В 1925 году организовали кружок друзей газеты, который теперь насчитывает 47 крестьян. Вот это связь с газетой, самая тесная, крепкая, дружеская, какой не найдёте ни в одной буржуазной стране.»

Руденко, Иван Михайлович П/о Звенигородка, с. Казяцкое, Уманский округ, УССР.
«...С тех пор, как «Крестьянская газета» стала высылать мне научные инструкции, с тех пор я стал читать «Крестьянскую газету», сперва читал по слогам, потом стал лучше. В 1927 году я вступил в комсомол, ныне стал редактором, организовал кружок селькоров, стал нести всякие нагрузки, стал я инструктором волостного селькоровского движения, был уже на губернском рабселькоровском совещании. Стенгазета нашего кружка признана одной из лучших сельских газет в губернии. Наш кружок селькоров стал сеять травы, и граждане, глядя на селькоров, тоже стали сеять кормовые травы. Много нового построила «Крестьянская газета» в деревне...»

Селькор А.М. Павличенко Заречное село, Бутурлиновской волости, Бобровского уезда, Воронежской губ.
Вот как говорит молодая советская деревня. Для меня ваши бодрые голоса – одно из важнейших достижений в работе партии. Создается мощная, культурная сила, родились люди, которые, зорко видя всю сложность действительности, понимают, как много, как упорно нужно работать для того, чтоб до основания разрушить остатки старого мира. Три года я слежу за вашим ростом, товарищи, и вижу, как всё более расширяется вами охват отрицательных сторон жизни. Очень характерно сообщение тов. Давыдова: «Стенгазетой поднят вопрос о засорённости ручья питьевой воды». Это значит, что селькорство принимается и за борьбу против антисанитарного состояния деревни.

Странно видеть, товарищи, в богатом селе клуб с антенной на крыше, а помещение клуба стоит на берегу непросыхающей, загнившей, огромной лужи, над нею реют тучи комаров, в ней пачкаются дети. Улица – месиво глубокой грязи, по бокам улицы канавы, но вода в них – тоже застоялась, канавы засорены. Уничтожить всё это – очистить канавы, спустить лужу под горку – два-три часа работать десятку людей. Это мелочь? Нет, товарищи, эта грязь служит причиной многих заболеваний, – причиной, легко устранимой. В то же время это один из многих признаков вреднейшего деревенского индивидуализма. Деревня всё ещё не может отвыкнуть от лозунга: «Каждый сам за себя», а вы люди великой идеи: «Все за всех и за каждого».

Вот другой факт: в Крыму, в Ливадии, в бывшем дворце Романовых устроили дом отдыха для крестьян; в июле там отдыхало 250 человек. Я пришёл в столовую тотчас после завтрака отдыхающих. На двух огромных столах валялись большие куски надломленного и надкушенного пшеничного хлеба, уборщица сметала их со столов в грязную корзину. Заглянув в кухню, куда уборщица снесла хлеб, я убедился, что в корзине более пуда кусков, и узнал, что это отдаётся на корм скоту. Это в те дни, когда во многих городах люди стояли очередями за хлебом. У себя дома крестьянин не оставил бы на столе таких кусков, а даже крошки собрал бы в горсть да отправил в рот. В доме отдыха он не считает нужным бережное отношение к хлебу, это для него – «казённый хлеб».

Тоже мелочной факт? Да, не крупен. Но он говорит нам о печальном непонимании людьми того, что в Союзе Советов нет «казённого», а всё, что есть у нас, является общегосударственным имуществом трудового народа, рабочих и крестьян, и что к этому имуществу надобно относиться бережно. Мы небогаты, мы живём в стране, разорённой семилетней войной, это надобно помнить. Надобно хорошо знать, какое страшное разрушение хозяйства страны вызвано было войной рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов. Деревенская, да и городская, молодёжь плохо знает, плохо понимает, чем была для их дедов и отцов власть помещиков и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma фабрикантов, власть царя, полиции и церкви. А это надобно знать не только для того, чтобы правильно ценить всё то, чего достигла рабоче-крестьянская власть с Октября до сего дня.

Вам, товарищи, надобно требовать, чтоб для вас была написана «История гражданской войны». Знание этой истории необходимо. Она развернёт перед вами широкую картину той кровавой бойни, того безжалостного разорения хозяйства вашего, всего, что создано было каторжным трудом ваших предков. Эта история покажет вам, как жестоко истребляли рабочий народ люди, привыкшие жить его трудом, покажет, как бесчеловечен ваш враг, с какой жестокостью он отстаивал свою привычку смотреть на рабочих и крестьян, как на рабочий скот.

Очень советую вам, товарищи, читать книгу писателя Зазубрина – «Два мира», в этой книге он удивительно правдиво изобразил дикую расправу белогвардейцев с крестьянами Сибири.

Вам надобно всему учиться, всё знать для того, чтоб хорошо вооружить себя на борьбу против всяких мерзостей, оставленных вам в наследство «старым миром» – миром крепостников и хищников. Это они воспитали в трудовом народе хищническое отношение к государственному имуществу и жестокость людей друг к другу.

Много работы накопила для вас история прошлого, много сил и знаний нужно для того, чтоб расчистить и уничтожить мусор прошлого. Отраднo читать, что вы это понимаете и что работа не страшит вас, а только возбуждает ваши силы. Эти силы будут расти вместе с ростом знания – самой мощной силой, которой обладает человек. Необходимо знать вам и свою работу – культурную работу всей коллективной армии селькоров. Нужно, чтоб каждый селькор и рабкор имел отчётливое представление обо всём, что делается в Союзе Советов.

Для того, чтоб вам были хорошо видны все успехи рабоче-крестьянской власти, а также видно и ваше участие в строении социалистического государства, в борьбе за новую жизнь, Государственное издательство выпускает журнал «Наши достижения». Задача этого журнала – дать

полную картину всей культурной работы, которую ведут наши учёные, наши техники, хозяйственники, изобретатели, агрономы, скотоводы, рабочие, крестьяне. Вы, селькоры, также должны сообщать журналу о ваших успехах на культурном фронте, о победах в борьбе с тяжёлым и вредным наследием прошлого.

Широкая картина этой работы повысит вашу энергию и даст вам много фактов положительного характера – прекрасный материал для культурного воспитания деревни. Факт – сильнее слова. Будем надеяться, что этот журнал дойдёт до рабочих Европы и познакомит их с нашими достижениями в работе по организации социалистического государства. Рабочие Европы мало знают о том, что мы делаем. Мы тоже плохо видим положительные результаты нашего труда, а это недопустимо.

Критиковать друг друга мы научились, а вот оценить по достоинству работу товарища всё ещё не умеем, да и общий поток коллективной работы культурного актива рабочих и крестьян недостаточно оценён нами. Это должно быть исправлено.

Ещё раз – спасибо вам, товарищи, за хорошие, бодрые ваши письма!

О том, как я учился писать
Товарищи!

Во всех городах, где удалось мне побеседовать с вами, многие из вас спрашивали устно и записками: как я научился писать? Спрашивали меня об этом письмами со всех концов СССР рабселькоры, военкоры и вообще начинающая литературную работу молодежь. Многие предлагали мне «написать книгу о том, как надо сочинять художественные рассказы», «выработать теорию литературы», «издать учебник литературы». Такой учебник я не могу, не сумею сделать, да к тому же такие учебники – хотя и не очень хорошие, но все-таки полезные – уже есть.

Необходимо для начинающих писать знание истории литературы, для этого полезна книга В. Келтуяла «История литературы», изданная Госиздатом; в ней хорошо изображен процесс развития устного – «народного» – творчества и письменного – «литературного». В каждом деле нужно знать историю его развития. Если бы рабочие каждой отрасли производства, а еще лучше – каждой фабрики, знали, как она

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
возникла, как постепенно развивалась, совершенствовалась производством, – рабочие
работали бы лучше, чем они работают, с более глубоким пониманием
культурно-исторического значения их труда, с большим увлечением.

Нужно знать также историю иностранной литературы, потому что литературное творчество, в существе своем, одинаково во всех странах, у всех народов. Тут дело не только в формальной, внешней связи, не в том, что Пушкин дал Гоголю тему книги «Мертвые души», а сам Пушкин взял эту тему, вероятно, у английского писателя Стерна, из книги «Сентиментальное путешествие»; не важно и тематическое единство «Мертвых душ» с «Записками Пиквикского клуба» Диккенса, – важно убедиться в том, что издавна, всюду плелась и всюду плетется сеть «для уловления человеческой души», что всегда, всюду были, везде есть люди, которые ставили и ставят целью работы своей освободить человека от суеверий, предрассудков, предубеждений. Важно знать, что всюду хотели и хотят успокоить человека в приятных ему пустяках и везде, всегда были и есть мятежники, которые стремились, стремятся поднять бунт против грязной и подлой действительности. И очень важно знать, что, в конце концов, мятежники, указывая людям путь вперед, толкая их на этот путь, все-таки преодолевают работу проповедников успокоения и примирения с мерзостями действительности, созданной классовым государством, буржуазным обществом, которое заразило и заражает трудовой народ подлейшими пороками жадности, зависти, лени, отвращения к труду.

История человеческого труда и творчества гораздо интереснее и значительнее истории человека, – человек умирает, не прожив и сотни лет, а дело его живет века. Сказочные успехи науки, быстрота ее роста объясняются именно тем, что ученый знает историю развития своей специальности. Между наукой и художественной литературой есть много общего: и там и тут основную роль играют наблюдение, сравнение, изучение; художнику, так же как ученому, необходимо обладать воображением и догадкой – «интуицией».

Воображение, догадка дополняют недостающие, еще не найденные звенья в цепи фактов, позволяя ученому создавать «гипотезы» и теории, направляющие более или менее безошибочно и успешно поиски разума, который изучает силы и явления природы и, постепенно подчиняя их разуму и воле человека, создает культуру, которая есть наша, нашей волей, нашим разумом творимая «вторая природа».

Это всего лучше подтверждается двумя фактами: знаменитый химик Дмитрий Менделеев создал на основании изучения всем известных элементов – железа, свинца, серы, ртути и т. д. – «Периодическую систему элементов», которая утверждала, что в природе должно существовать множество других элементов, никем еще не найденных, не открытых; он указал и признаки – удельный вес – каждого из этих элементов, никому не известных. Ныне все они открыты, а кроме их, методом Менделеева, найдены и еще некоторые, существования которых и он не предполагал.

Другой факт: Гонорий Бальзак, один из величайших художников, француз, романист, наблюдая психологию людей, указал в одном из своих романов, что в организме человека, наверное, действуют какие-то мощные, неизвестные науке соки, которыми и объясняются различные психофизические свойства организма. Прошло несколько десятков лет, наука открыла в организме человека несколько ранее неизвестных желез, вырабатывающих эти соки – «гормоны» – и создала глубоко важное учение о «внутренней секреции». Таких совпадений между творческой работой ученых и крупных литераторов – немало. Ломоносов, Гёте были одновременно поэтами и учеными, так же как романист Стриндберг, – он первый в своем романе «Капитан Коль» заговорил о возможности добывать азот из воздуха.

Искусство словесного творчества, искусство создания характеров и «типов», требует воображения, догадки, «выдумки». Описав одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, литератор сделает более или менее удачную фотографию именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишенная социально-воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни.

Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из двадцати – пятидесяти, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д., – отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приемом писатель создаст «тип», – это будет искусство. Широта наблюдений, богатство житейского опыта нередко вооружают художника силою, которая преодолевает его личное отношение к фактам, его

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma субъективизм. Бальзак субъективно был приверженцем буржуазного строя, но в своих романах он изобразил пошлость и подлость мещанства с поразительной, беспощадной ясностью. Есть много примеров, когда художник является объективным историком своего класса, своей эпохи. В этих случаях значение работы художника равноценно с работой ученого–естественника, который исследует условия существования и питания животных, причины размножения и вымирания, изображает картины их ожесточенной борьбы за жизнь.

В борьбе за жизнь инстинкт самозащиты развил в человеке две мощные творческие силы: познание и воображение. Познание – это способность наблюдать, сравнивать, изучать явления природы и факты социальной жизни, короче говоря: познание – есть мышление. Воображение тоже, в сущности своей, мышление о мире, но мышление по преимуществу образами, «художественное»; можно сказать, что воображение – это способность придавать стихийным явлениям природы и вещам человеческие качества, чувствования, даже намерения.

Мы читаем и слышим: «ветер плачет», «стонет», «задумчиво светит луна», «река нашептывала старые былины», «лес нахмурился», «волна хотела сдвинуть камень, он морщился под ее ударами, но не уступал ей», «стул крякнул, точно селезень», «сапог не хотел влезать на ногу», «стекла запотели», – хотя у стекол нет потовых желез.

Все это делает явления природы как бы более понятными для нас и называется «антропоморфизмом», от греческих слов: антропос – человек и морфе – форма, образ. Тут мы замечаем, что человек придает всему, что видит, свои человеческие качества, – воображает, вносит их всюду – во все явления природы, во все созданные его трудом, его разумом вещи. Есть люди, которым кажется, что антропоморфизм неуместен и даже вреден в искусстве словесном, но люди эти сами говорят: «мороз щипал уши», «солнце улыбалось», «наступил май», они не могут не говорить: «дождь идет», хотя дождь не обладает ногами, «погода подлая», хотя явления природы не подлежат нашим моральным оценкам.

Один из древнегреческих философов – Ксенофан – утверждал, что если бы животные обладали способностью воображения, то львы представили бы себе бога огромным и непобедимым львом, крысы – крысой и т. д. Вероятно, комариный бог был бы комаром, а бог туберкулезной бациллы – бациллой. Человек вообразил бога своего всеведущим, всемогущим, всетворящим, то есть наделил его лучшими своими стремлениями. Бог – только человеческая «выдумка», вызванная «томительно бедной жизнью» и смутным стремлением человека сделать своей силой жизнь более богатой, легкой, справедливой, красивой. Бог вознесен людьми над жизнью, потому что лучшим качествам и желаниям людей, зародившимся в процессе их труда, не было места в действительности, где идет тяжелая борьба за кусок хлеба.

Мы видим, что, когда передовые люди рабочего класса осознали, как следует перестроить жизнь для того, чтобы их лучшее получило свободу развития, – бог стал не нужен им как выдумка уже пережитая. Исчезла необходимость прятать свое хорошее в бога, потому что понято, каким путем воплотить это хорошее в живую земную действительность.

Бог создан так же, как создаются литературные «типы», по законам абстракции и конкретизации. «Абстрагируются» – выделяются – характерные подвиги многих героев, затем эти черты «конкретизируются» – обобщаются в виде одного героя, скажем – Геркулеса или рязанского мужика Ильи Муромца; выделяются черты, наиболее естественные в каждом купце, дворянине, мужике, и обобщаются в лице одного купца, дворянина, мужика, таким образом получаем «литературный тип». Этим приемом созданы типы Фауста, Гамлета, Дон-Кихота, и так же Лев Толстой написал кроткого, «богом убитого» Платона Каратаева, Достоевский – различных Карамазовых и Свидригайловых, Гончаров – Обломова и так далее.

Таких людей, каковы перечисленные, в жизни не было; были и есть подобные им, гораздо более мелкие, менее цельные, и вот из них, мелких, как башни или колокольни из кирпичей, художники слова додумали, «вымыслили» обобщающие «типы» людей – нарицательные типы. Всякого лгуна мы уже называем – Хлестаков, подхалима – Молчалин, лицемера – Тартюф, ревнивца – Отелло и т. д.

Основными «течениями» или направлениями в литературе считаются два: романтизм и реализм. Реализмом именуется правдивое, неприкрашенное изображение людей и условий их жизни. Формул романтизма дано несколько, но точной, совершенно

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
исчерпывающей формулы, с которой согласились бы все историки литературы, пока еще нет, она не выработана. В романтизме необходимо различать тоже два, резко различных направления: пассивный романтизм, – он пытается или примирить человека с действительностью, прикрашивая ее, или же отвлечь от действительности к бесплодному углублению в свой внутренний мир, к мыслям о «роковых загадках жизни», о любви, о смерти, – к загадкам, которые не разрешимы путем «умозрения», созерцания, а могут быть разрешены только наукой. Активный романтизм стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее.

Но по отношению к таким писателям-классикам, каковы Бальзак, Тургенев, Толстой, Гоголь, Лесков, Чехов, трудно сказать с достаточной точностью – кто они, романтики или реалисты? В крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены. Бальзак – реалист, но он писал и такие романы, как «Шагреневая кожа» – произведение очень далекое от реализма. Тургенев тоже писал вещи в романтическом духе, так же как и все другие крупнейшие наши писатели, от Гоголя до Чехова и Бунина. Это слияние романтизма и реализма особенно характерно для нашей большой литературы, оно и придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира.

Взаимное отношение реализма и романтизма будет для вас, товарищи, яснее, если вы остановите внимание ваше на вопросе: «Почему возникает желание писать?» На этот вопрос есть два ответа, один из них дает моя корреспондентка, дочь рабочего, девушка пятнадцати лет. Она говорит в письме своем:

Мне 15 лет, но в такой ранней молодости во мне появился писательский талант, причиной которого послужила томительно бедная жизнь.

Было бы, конечно, правильней, если бы она сказала не «писательский талант», а – желание писать, для того, чтобы украсить своей «выдумкой», обогатить ею «томительно бедную жизнь». Тут возникает вопрос: о чем же можно писать, живя «бедной жизнью»?

На него отвечают народности Поволжья, Приуралья, Сибири. Многие из них еще вчера не имели письменности, но уже за десятки веков до наших дней они обогащали и украшали свою «томительно бедную жизнь» в глухих лесах, на болотах, в пустынных степях Востока и тундрах Севера песнями, сказками, легендами о героях, вымыслами о богах; вымыслы эти именуется «религиозным творчеством», но в существе своем они тоже художественное творчество.

Если бы у моей пятнадцатилетней корреспондентки действительно появился бы талант, – чего я, разумеется, от всей души желаю, – она, вероятно, писала бы так называемые «романтические» вещи, старалась бы обогатить «томительно бедную жизнь» красивыми выдумками, изображала бы людей лучшими, чем они есть. Гоголь написал «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Старосветских помещиков», «Мертвые души», он же написал и «Тараса Буль-бу». В первых трех вещах им изображены люди с «мертвыми душами» и это – жуткая правда; такие люди жили и живут еще до сего дня; изображая их, Гоголь писал как «реалист».

В повести «Тарас Бульба» он изобразил запорожцев боголюбивыми рыцарями и силачами, которые поднимают врага на пике, хотя древко пики не может выдержать пятипудовую тяжесть, переломится. Вообще таких запорожцев не было, и рассказ Гоголя о них – красивая неправда. Тут, как во всех рассказах «Рудого Панька» и во многих других, Гоголь – романтик и, вероятно, потому романтик, что устал наблюдать «томительно бедную» жизнь «мертвых душ».

Товарищ Буденный охаял «Конармию» Бабеля, – мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев.

Человек все еще во многом зверь, но вместе с этим он – культурно – все еще подросток, и приукрасить его, похвалить – весьма полезно: это поднимает его уважение к себе, это способствует развитию в нем доверия к своим творческим силам. К тому же похвалить человека есть за что – все хорошее, общественно ценное творится его силою, его волей.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Значит ли, что тем, что сказано выше, я утверждаю необходимость романтизма в литературе? Да, защищаю, но при условии весьма существенного дополнения к «романтизму».

Другой корреспондент мой, семнадцати лет, рабочий, кричит мне: «У меня так много впечатлений, что не писать я не могу».

В этом случае стремление писать объясняется уже не «бедностью» жизни, а богатством ее, перегруженностью впечатлений, внутренним позывом рассказать о них. Подавляющее большинство моих молодых корреспондентов хотят писать именно потому, что они богаты впечатлениями бытия, «не могут молчать» о том, что они видели, испытали. Из них выработается, вероятно, немало «реалистов», но я думаю, что в их реализме будут и некоторые признаки романтизма, который неизбежен и законен в эпоху здорового духовного подъема, а мы переживаем именно такой подъем.

Итак, на вопрос: почему я стал писать? – отвечаю: по силе давления на меня «томительно бедной жизни» и потому, что у меня было так много впечатлений, что «не писать я не мог». Первая причина заставила меня попытаться внести в «бедную» жизнь такие вымыслы, «выдумки», как «Сказка о соколе и уже», «Легенда о горящем сердце», «Буревестник», а по силе второй причины я стал писать рассказы «реалистического» характера – «Двадцать шесть и одна», «Супруги Орловы», «Озорник».

По вопросам о нашем «романтизме» необходимо знать еще следующее. До Чехова – рассказы «Мужики», «В овраге» – и Бунина – «Деревня», все его рассказы о крестьянах – дворянская наша литература любила и прекрасно умела изображать крестьянина человеком кротким, терпеливым, влюбленным в какую-то надземную «Христову правду», которой нет места в действительности, но о которой всю жизнь мечтают мужики, подобные Калинычу Тургенева из рассказа «Хорь и Калиныч» и Платону Каратаеву из «Войны и мира» Толстого. Таким кротким и выносливым мечтателем о «божеской правде» ндчали изображать крестьянина лет за двадцать до отмены крепостного права, хотя в то время крепостная деревня уже обильно выдвигала из своей темной среды талантливых организаторов промышленности: Кокоревых, Губониных, Морозовых, Кол-чиных, Журавлевых и т. д. Вместе с этим процессом все чаще в журналистике вспоминалась колоссальная легендарная фигура выходца из «мужиков» – Ломоносова, поэта и одного из крупнейших ученых.

Фабриканты, судостроители, торговцы, еще вчера бесправные, смело занимали в жизни место рядом с дворянством и, подобно древнеримским рабам-«вольнот-пухценникам», садились за один стол со своими владыками. Крестьянская масса, выдвигая таких людей, как бы демонстрировала этим силу и талантливость, скрытую в ней, массе. Но дворянская литература как будто не видела, не чувствовала этого и не изображала героем эпохи волевого, жадного до жизни, реальнейшего человека – строителя, стяжателя, «хозяина», продолжая любовно изображать кроткого раба, совестливого Поли-кушку. В 1852 году Лев Толстой пишет очень грустный очерк «Утро помещика», прекрасно рассказывая о том, как рабы не верят доброму, либеральному владыке, с 1862 года Толстой начинает воспитывать крестьянских детей, отрицать «прогресс» и науку, убеждает: учитеесь хорошо жить у мужика, а с семидесятих годов пишет рассказы для «народа», изображая в них христоролюбивых, романтизированных мужиков, учит, что самая праведная и блаженная жизнь – в деревне, самый святой труд – мужицкий труд «на земле». А затем, в рассказе «Много ли человеку земли нужно», он говорит, что земли надобно человеку всего три аршина, только на могилу.

Жизнь уже создавала из кротчайших христоролюбцев строителей новых форм экономической жизни, талантливых крупных и мелких «буржуа», хищников Разуваевых и Колупаевых, изображенных Салтыковым-Щедриным и Глебом Успенским, а рядом с хищниками – и мятежников, революционеров. Но все эти люди не замечались литературой дворян. Гончаров в романе «Обломов», – одном из самых лучших романов нашей литературы, – противопоставил русскому обленившемуся до слабоумия барину – немца, а не одного из «бывших» русских мужиков, среди которых он, Гончаров, жил и которые уже начинали командовать экономической жизнью страны. Если писатели-дворяне изображали революционера, так это был или чужеземец-болгарин или бунтовщик на словах – Рудин. Волевой, активный русский человек как герой эпохи оставался в стороне от литературы, где-то «за пределами поля зрения» литераторов, хотя он заявлял о себе довольно шумно – бомбами. Можно привести очень много доказательств того, что активный, призывающий к жизни, к деянию

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma романтизм был чужд русской дворянской литературе. Шиллера она не смогла создать и вместо «Разбойников» превосходно изображала «Мертвые души», «Живой труп», «Мертвые дома», «Живые мощи», «Три смерти» и еще множество смертей. «Преступление и наказание» Достоевским написано как будто тоже в противовес «Разбойникам» Шиллера, а «Бесы» Достоевского – самая талантливая и самая злая из всех бесчисленных попыток опорочить революционное движение семидесятых годов.

Литературе разночинцев-интеллигентов активный социально-революционный романтизм тоже был чужд. Разночинец был слишком занят своей личной судьбой, поисками своей роли в драме жизни. Разночинец жил «между молотом и наковальней», молот – самодержавие, наковальня – «народ».

Повести Слепцова «Трудное время» и Осиповича-Новодворского «Записки ни павы, ни вороны» – очень правдивые, сильные произведения – рисуют трагическое положение умных людей, которые не имеют прочной опоры в жизни и живут «ни павами, ни воронами» или же становятся благополучными мещанами, как об этом рассказал Куцевский и замечательно талантливый, умный, недостаточно ценимый Помяловский в своих повестях «Молотов» и «Мещанское счастье». Кстати, обе его повести весьма современны и очень полезны для наших дней, когда оживающий мещанин довольно успешно начинает строить для себя дешевенькое благополучие в стране, где рабочий класс заплатил потоками крови своей за свое право строить социалистическую культуру.

Так называемые писатели-народники – Златоврат-ский, Засодимский, Вологдин, Левитов, Нефедов, Бажин, Николай Успенский, Эртель, отчасти Станюкович, Каронин-Петропавловский и много других – усердно и в тон дворянской литературе занимались идеализацией деревни, крестьянина, который представлялся народникам социалистом по натуре, не знающим иной правды, кроме правды «общины», «мира» – коллектива Первым, кто внушил такой взгляд на крестьянство, был блестяще талантливый барин А. И. Герцен, его проповедь продолжал Н. К. Михайловский, изобретатель двух правд: «правды-истины» и «правды-справедливости». Влияние этой группы литераторов на «общество» было непрочно и кратковременно, их «романтизм» отличался от романтизма дворян только слабой талантливостью, их мечтатели – мужички Минаи, Митяи – плохие копии с портретов Поликушки, Калиныча, Каратаева и прочих преподобных мужичков.

Примыкая к этой группе, но будучи более зоркими социально и талантливее всех, даже вместе взятых, народников, работали два очень крупных литератора: Д. Н. Мамин-Сибиряк и Глеб Успенский. Они первые почувствовали и отметили разноречие деревни и города, рабочего и крестьянина. Особенно ясно было это Успенскому, автору двух замечательных книг: «Нравы Расте-ряевой улицы» и «Власть земли». Социальная ценность этих книг не утрачена и для наших дней, да и вообще рассказы Успенского не потеряли своего воспитательного значения; литературная молодежь может хорошо поучиться у этого писателя уменью наблюдать и широте знания действительности.

Выразителем резко отрицательного отношения к идеализации деревни является А. П. Чехов в его упомянутых рассказах «Мужики», «В овраге» и в рассказе «Новая дача», а особенно резко это отношение выражено И. Буниным в повести «Деревня» и во всех его рассказах о крестьянстве. Крайне характерен тот факт, что так же беспощадно изображают деревню писатели-крестьяне Семен Подъячев и Иван Вольнов, очень талантливый, все более заметно растущий писатель. Темы – жизнь деревни, психика крестьянина – живые темы наших дней, крайне важные, это начинающие литераторы должны хорошо понять.

Из всего сказанного достаточно ясно следует, что в нашей литературе не было и нет еще «романтизма» как проповеди активного отношения к действительности, как проповеди труда и воспитания воли к жизни, как пафоса строительства новых ее форм и как ненависти к старому миру, злое наследие которого изживается нами с таким трудом и так мучительно. А проповедь эта необходима, если мы действительно не хотим возвратиться к мещанству, и далее – через мещанство – к возрождению классового государства, к эксплуатации крестьян и рабочих паразитами и хищниками. Именно такого «возрождения» ждут, о нем мечтают все враги Союза Советов, именно ради того, чтобы понудить рабочий класс к восстановлению старого, классового государства, они экономически блокируют Союз. Литератор-рабочий должен ясно понимать, что противоречие между рабочим классом и буржуазией – непримиримо, что разрешит его только полная победа или же гибель. Вот из этого трагического противоречия, из трудности задач, которые повелительно

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
возложены историей на рабочий класс, и должен возникнуть тот активный «романтизм», тот пафос творчества, та дерзость воли и разума и все те революционные качества, которыми богат русский рабочий-революционер.

Разумеется, мне известно, что путь к свободе очень труден и не пришло еще время всю жизнь спокойно пить чай в приятной компании с красивыми девушками или сидеть сложа руки перед зеркалом и «любоваться своей красотой», к чему склонны очень многие молодые люди. Действительность все более настойчиво внушает, что при современных условиях спокойненькой жизни не устроишь, счастлив не будешь ни вдвоем, ни в одиночку, что мещанско-кулацкое благополучие не может быть прочным, – основы этого благополучия всюду в мире сгнили. Об этом убедительно говорят озлобление, уныние и тревога мещан всего мира, панихидные стоны европейской литературы, отчаянное веселье, которым богатый мещанин пытается заглушить свой страх перед завтрашним днем, болезненная жажда дешевых радостей, развитие половых извращений, рост преступности и самоубийств. «Старый мир» поистине смертельно болен, и необходимо очень торопиться «отрясти его прах с наших ног», чтобы гнилостное разложение его не заражало нас.

В то время как в Европе идет процесс внутреннего распада человека, у нас, в трудовой массе, развивается крепкая уверенность в своей силе и в силе коллектива. Вам, молодежи, необходимо знать, что уверенность эта всегда возникает в процессе преодоления препятствий на пути к лучшему и что эта уверенность – самая могучая творческая сила. Надобно знать, что в «старом мире» человечна, – а потому и неоспоримо ценна, – только наука; все же «идеи» старого мира – за исключением идеи социализма – не человечны, потому что так или иначе пытаются установить и оправдать законность «счастья» и власти единиц в ущерб культуре и свободе трудовой массы.

Не помню, чтобы я, в юности, жаловался на жизнь; люди, среди которых я начал жить, очень любили жаловаться, но, заметив, что они это делают из хитрости, для того, чтобы скрыть в жалобах свое нежелание помочь друг другу, – я старался не подражать им. Затем я довольно скоро убедился, что больше всего любят жаловаться люди, не способные к сопротивлению, не умеющие или не желающие работать, и вообще люди со вкусом к «легкой жизни» за счет ближних.

Страх перед жизнью был хорошо испытан мною; теперь я называю этот страх – страхом слепого. Живя – как об этом рассказано мною – в обстановке весьма тяжелой, я с детства видел бессмысленную жестокость и непонятную мне вражду людей, был поражен тяжестью труда одних и животным благополучием других; рано понял, что чем «ближе к богу» считают себя люди религиозные, чем дальше они от тех, кто работает на них, тем более беспощадна их требовательность к рабочим людям; вообще видел всякой мерзости житейской гораздо больше, чем ее видите вы. Кроме того, я ее видел в формах более отвратительных, потому что перед вами болтается мещанин, испуганный революцией и уже не очень уверенный в своем праве быть таким, каков он есть по природе своей; а я видел мещанство совершенно уверенным, что оно живет хорошо и что эта его хорошая, спокойненькая жизнь установилась прочно, навсегда.

В ту пору я уже читал переводы иностранных романов, среди которых мне попадались и книги таких великолепных писателей, как Диккенс и Бальзак, а также исторические романы Энсворта, Бульвер-Литтона, Дюма. Эти книги рассказывали мне о людях сильной воли, резко очерченного характера; о людях, которые живут иными радостями, страдают иначе, враждуют из-за несогласий крупных. А вокруг меня мелкие людишки жадничали, завидовали, озлоблялись, дрались и судились из-за того, что сын соседа перебил камнем ногу курице или разбил стекло в окне; из-за того, что пригорел пирог, переварилось мясо во щах, скисло молоко. Они могли целыми часами сокрушаться о том, что лавочник накинул еще копейку на фунт сахара, а торговец мануфактурой – на аршин ситца. Маленькие несчастья соседей вызывали у них искреннюю радость, они прятали ее за фальшивым сочувствием. Я хорошо видел, что именно копейка служит солнцем в небесах мещанства и что это она зажигает в людях мелкую и грязную вражду. Горшки, самовары, морковь, курицы, блины, обедни, именины, похороны, сытость до ушей и выпивка до свинства, до рвоты – вот что было содержанием жизни людей, среди которых я начал жить. Эта отвратительная жизнь вызывала у меня то снотворную, притупляющую скуку, то желание озорничать, чтобы разбудить себя. Вероятно, о такой же скуке недавно писал мне один из моих корреспондентов, человек девятнадцати лет:

Всем своим трепетом ненавижу эту скуку с примусами, сплетнями, собачьим визгом,
Страница 222

И вот иногда эта скука взрывалась бешеным озорством; ночью, взлезая на крышу, я затыкал печные трубы тряпками и мусором; подбрасывал в кипевшие щи соль, вдувал из бумажной трубки пыль в механизм стенных часов, вообще делал много такого, что называется хулиганством; делал это потому, что, желая почувствовать себя живым человеком, я не знал, не находил иных способов убедиться в этом. Казалось, что я заблудился в лесу, в густом буреломе, перепутанном цепким кустарником, в перегнутое, куда нога уходит по колено.

Помню такой случай: улицей, на которой я жил, везли арестантов из тюрьмы на пароход, который по Волге и Каме отвозил их в Сибирь; эти серые люди всегда вызывали у меня странное тяготение к ним; может быть, я завидовал тому, что вот они под конвоем, а некоторые – в кандалах, но все-таки идут куда-то, тогда как я должен жить, точно одинокая крыса в подвале, в грязной кухне с кирпичным полом. Однажды шла большая партия, побрякивая кандалами, шагали каторжники; крайними, к панели, шли двое скованных по руке и по ноге; один из них большой, черноротый, с лошадиными глазами, с глубоким, красным шрамом на лбу, с изуродованным ухом, – был страшен. Разглядывая его, я пошел по панели, а он вдруг весело и громко крикнул мне:

– Аида, парнишка, прогуляйся с нами!

Он этими словами как будто за руку взял меня.

Я тотчас подбежал к нему, – конвойный, обругав меня, оттолкнул. А если бы не оттолкнул, я пошел бы, как во сне, за этим страшным человеком, пошел бы именно потому, что он – необыкновенен, не похож на людей, которых я знал; пусть он страшен и в кандалах, только бы уйти в другую жизнь. Я долго помнил этого человека и веселый, добрый голос его. С его фигурой у меня связано другое, тоже очень сильное впечатление: в руки мне попала толстая книга с оторванным началом; я стал читать ее и ничего не понял, кроме рассказа на одной странице о короле, который предложил простому стрелку звание дворянина, на что стрелок ответил королю стихами:

Ах, дай мне жить и кончить жизнь свободным селянином,
Отец мой был мужик простой – мужик мне будет сыном.
Ведь славы больше в том, когда наш брат, простолюдин,
Окажется крупней в делах, чем знатный господин.
Я списал тяжелые эти стихи в тетрадь, и они много лет служили мне чем-то вроде посоха страннику, а может быть, и щитом, который защищал меня от соблазнов и скверненьких поучений мещан – «знатных господ» той поры. Вероятно, в жизни многих юношей встречаются слова, которые наполняют молодое воображение двигающей силой, как попутный ветер наполняет парус.

Лет через десять я узнал, что это стихи из «Комедии о веселом стрелке Джордже Грине и о Робин Гуде», комедии, написанной в XVI веке предшественником Шекспира – Робертом Грином. Очень обрадовался, узнав это, и еще больше полюбил литературу, издревле верного друга и помощника людям в их трудной жизни.

Да, товарищи, страх перед пошлостью и жестокостью жизни был хорошо испытан мною; дошел я и до попытки убить себя, а затем на протяжении многих лет, вспоминая эту глупость, чувствовал жгучий стыд и презрение к себе.

Я избавился от этого страха после того, как понял, что люди не так злы, как невежественны, и что не они и не жизнь пугает меня, а испуган я моей социальной и всяческой малограмотностью, моей беззащитностью, без-оружностью пред жизнью. Именно так. И мне кажется, что вам следует особенно хорошо подумать над этим, потому что страхи, стоны и жалобы кое-кого из вашей среды тоже не что иное, как результат ощущаемой жалобщиками безоружности пред жизнью и их недоверия к своей способности бороться против всего, чем извне, – а также изнутри, – угнетает человека «старый мир».

Вы должны знать, что люди, подобные мне, были одиночками и пасынками «общества», а вас – уже сотни, и вы – родные дети трудового класса, который осознал свои силы, обладает властью и быстро учится ценить по заслугам полезную работу единиц. Вы имеете в лице рабоче-крестьянской власти – власть, которая должна и может помочь вам развить свои способности до совершенства, что она постепенно и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma делает. И делала бы гораздо более успешно, если бы ей не мешала жить и работать буржуазия, ее и ваш кровный враг.

Вам нужно запастись верою в себя, в свои силы, а эта вера достигается преодолением препятствий, воспитанием воли, «тренировкой» ее. Необходимо учиться побеждать в себе и вне себя дрянненькое наследие прошлого, а иначе – как же вы «отречетесь от старого мира»? Эту песню не стоит петь, если нет сил, нет желаний делать то, чему она учит. Уже и маленькая победа над собою делает человека намного сильнее. Вы знаете, что, тренируя свое тело, человек становится здоровым, выносливым, ловким, – так же следует тренировать свой разум, свою волю.

Вот одно из замечательных достижений такой тренировки: недавно в Берлине демонстрировалась женщина, которая, держа в каждой руке по два карандаша, а пятый в зубах, могла одновременно писать пять различных слов на пяти разных языках. Это казалось бы совершенно невероятным и не потому, что физически трудно, а потому, что требует неестественного раздробления мысли, однако – это факт. С другой стороны, факт этот указывает, как, в сущности, бесплодно тратит человек свои блестящие способности в хаотическом буржуазном обществе, где для того, чтобы обратить на себя внимание, нужно ходить по улицам вверх ногами, устанавливать – едва ли практически полезные – рекорды скоростей движения, играть в шахматы одновременно с двадцатью противниками, достигать невероятнейших «трюков» в акробатике и стихосложении, вообще героически и головоломно фокусничать для развлечения скуки пресыщенных людей.

Вам, молодежь, надобно знать, что все действительно ценное, навсегда полезное и прекрасное, чего достигло человечество в областях науки, искусства, техники, – создано единицами, которые работали в условиях невыразимо трудных, при глубоком невежестве «общества», враждебном сопротивлении церкви, своекорыстии капиталистов, при капризных требованиях «меценатов», – «покровителей науки, искусства». Надо помнить также, что среди творцов культуры много простых рабочих, каким был знаменитый физик Фарадей, каков Эдисон; что прядильный станок изобрел цирюльник Аркрайт; одним из лучших художников-гонимых был кузнец Бернар Палией; величайший драматург мира Шекспир – простой актер, так же как великий Мольер, – таких примеров успешной «тренировки» людьми своих способностей можно насчитать сотни.

Всё это оказалось возможным для единиц, работавших, не имея того огромного запаса научных знаний, технических удобств, которыми обладает наша современность. Подумайте же, насколько облегчены задачи культурной работы у нас, в государстве, где поставлено целью полное раскрепощение людей от бессмысленного труда, от цинической эксплуатации рабочей силы, – от эксплуатации, которая создает быстро вырождающихся богачей и грозит вырождением трудовому классу.

Перед вами стоит совершенно ясное и великое дело «отречения от старого мира» и создания нового. Дело это начато. И, по примеру нашего рабочего класса, всюду растет. И какие бы препятствия ни ставил этому делу старый мир, – оно будет развиваться. К нему постепенно готовится рабочий народ всей земли. Создается атмосфера сочувствия работе единиц, которые теперь являются уже не осколками коллектива, а передовыми выразителями творческой воли его.

Перед такой целью, впервые смело поставленной во всей ее широте, вопрос «что делать?» не должен бы иметь места. «Трудно жить»? Да так ли уж трудно? И не потому ли трудно, что возросли потребности, что хочется много такого, о чем отцы ваши и не думали, чего они и не видели? И не стали ли вы излишне требовательны?

Я знаю, разумеется, что среди вас есть уже немало таких, которым понятна радость и поэзия коллективного Труда, – труда, который стремится не к тому, чтобы накопить миллионы копеек, а к тому, чтобы уничтожить пакостную власть копейки над человеком, самым великим чудом мира и творцом всех чудес на земле.

Отвечаю на вопрос: как я учился писать?

Впечатления я получал и непосредственно от жизни и от книг. Первый порядок впечатлений можно сравнить с сырьем, а второй – с полуфабрикатом, или, – говоря грубо, чтобы сказать яснее, – в первом случае передо мной был скот, а во втором – снятая с него и отлично обработанная кожа. Я очень многим обязан иностранной

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
литературе, особенно – французской.

Мой дед был жесток и скуп, но – я не видел, не понимал его так хорошо, как увидел и понял, прочитав роман Бальзака «Евгения Гранде». Отец Евгении, старик Гранде, тоже скуп, жесток и вообще похож на деда моего, но он – глупее и не так интересен, как мой дед. От сравнения с французом русский старик, не любимый мною, выиграл, вырос. Это не заставило меня изменить мое отношение к деду, но это было большим открытием – книга обладает способностью доказывать мне о человеке то, чего я не вижу, не знаю в нем.

Скучная книга Джорджа Эллиота «Мидльмарч», книги Ауэрбаха, Шпильгагена показали мне, что в английской и немецкой провинции люди живут не совсем так, как в Нижнем-Новгороде, на Звездинской улице, но – не многим лучше. Говорят о том же, о своих английских и немецких копейках, о необходимости страха перед богом и любви к нему; однако они, так же как люди моей улицы, – не любят друг друга, а особенно не любят своеобразных людей, которые тем или иным не похожи на большинство окружающих. Сходства между иностранцами и русскими я не искал, нет, я искал различий, но находил сходство.

Приятели деда, разорившиеся купцы Иван Щуров, Яков Котельников, рассуждали о том же и так же, как люди в знаменитом романе Теккерея «Базар житейской суеты». Я учился грамоте по псалтирю и очень любил эту книгу, – она говорит прекрасным музыкальным языком. Когда Яков Котельников, мой дед и вообще старики жаловались друг другу на своих детей, я вспоминал жалобы царя Давида богу на сына своего, бунтовщика Авессалома, и мне казалось, что старики говорят неправду, доказывая один другому, что люди вообще, а молодые в особенности, живут всё хуже, становятся глупее, ленивее, строптивы, не богобоязненны. Точно то же говорили лицемерные герои Диккенса.

Внимательно прислушиваясь к спорам сектантских начетчиков с попами, я замечал, что и те и другие так же крепко держатся за слово, как церковники других стран, что для всех церковников слово – узда человеку и что есть писатели, очень похожие на церковников. В этом сходстве я скоро почувствовал что-то подозрительное, хотя – интересное.

Никакой системы и последовательности в моем чтении, конечно, не было, все совершалось случайно. Брат моего хозяина Виктор Сергеев любил читать французские «бульварные» романы Ксавье де Монтепена, Габорио, Законнэ, Бувье, а прочитав этих авторов, наткнулся на русские книги, в которых насмешливо и враждебно описывались «нигилисты»–революционеры. Я тоже прочитал «Панургово стадо» Вс. Крестовского, «Некуда» и «На ножах» Стебницкого-Лескова, «Марево» Клюшникова, «Взбаламученное море» Писемского. Интересно было читать о людях, почти ничем не похожих на людей, среди которых я жил, а скорее родственников каторжника, приглашавшего меня «прогуляться» с ним. «Революционность» этих людей осталась, конечно, не понятой мною, что и входило в задачи авторов, которые писали «революционеров» одной сажой.

Случайно попались в мои руки рассказы Помяловского «Молотов» и «Мещанское счастье». И вот, когда Помяловский показал мне «томительную бедность» мещанской жизни, нищенство мещанского счастья, я, хотя и смутно, а все-таки почувствовал, что мрачные «нигилисты» чем-то лучше благополучного Молотова. А вскоре за Помяловским мною была прочитана скучнейшая книга Зарубина «Темные и светлые стороны русской жизни», светлых сторон я в ней не нашел, а темные стороны стали для меня понятней и противней.

Плохих книг я прочитал бесчисленное количество, но и они были полезны мне. Плохое в жизни надо знать так же хорошо и точно, как хорошее. Знать надо как можно больше. Чем разнообразнее опыт, тем выше он поднимает человека, тем шире становится поле зрения.

Иностранная литература, давая мне обильный материал для сравнения, удивляла меня своим замечательным мастерством. Она рисовала людей так живо, пластично, что они казались мне физически ощутимыми, и притом я их видел всегда более активными, чем русские, – они меньше говорили, больше делали.

Настоящее и глубокое воспитательное влияние на меня как писателя оказала «большая» французская литература – Стендаль, Бальзак, Флобер; этих авторов я очень советовал бы читать «начинающим». Это действительно гениальные художники,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma величайшие мастера формы, таких художников русская литература еще не имеет. Я читал их по-русски, но это не мешало мне чувствовать силу словесного искусства французов. После множества «бульварных» романов, после Майн-Рида, Купера, Густава Эмара, Понсон дю-Террайля, – рассказы великих художников вызвали у меня впечатление чуда.

Помню, «Простое сердце» Флобера я читал в троицын день, вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлен рассказом, точно оглох, ослеп, – шумный весенний праздник заслонила предо мной фигура обыкновеннейшей бабы, кухарки, которая не совершила никаких подвигов, никаких преступлений. Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о «неинтересной» жизни кухарки, так взволновали меня? В этом был скрыт непостижимый фокус, и – я не выдумываю – несколько раз, машинально и как дикарь, я рассматривал страницы на свет, точно пытаюсь найти между строк разгадку фокуса.

Мне знакомы были десятки книг, в которых описывались таинственные и кровавые преступления. Но вот я читаю «Итальянские хроники» Стендаля и снова не могу понять – как же это сделано? Человек описывает жестоких людей, мстительных убийц, а я читаю его рассказы, точно «жития святых», или слышу «Сон богородицы» – повесть о ее «хождении по мукам» людей в аду.

И уже совершенно поражен был я, когда в романе Бальзака «Шагреновая кожа» прочитал те страницы, где изображен пир у банкира и где одновременно говорят десятка два людей, создавая хаотический шум, много-гласие которого я как будто слышу. Но главное – в том, что я не только слышу, а и вижу, кто как говорит, вижу глаза, улыбки, жесты людей, хотя Бальзак не изобразил ни лиц, ни фигур гостей банкира.

Вообще искусство изображения людей словами, искусство делать их речь живой и слышной, совершеннейшее мастерство диалога всегда изумляло меня у Бальзака и французов. Книги Бальзака написаны как бы масляными красками, и, когда я впервые увидел картины Рубенса, я вспомнил именно Бальзака. Читая безумные книги Достоевского, я не могу не думать, что он весьма многим обязан именно этому великому мастеру романа. Нравились мне и сухие, четкие, как рисунки пером, книги Гонкуров и угрюмая, темными красками, живопись Золя. Романы Гюго не увлекали, даже «Девяносто третий год» я прочитал равнодушно; причина этого равнодушия стала мне понятна после того, как я познакомился с романом Анатоля Франса «Боги жаждут». Романы Стендаля я читал уже после того, как научился многое ненавидеть, и спокойная речь, скептическая усмешка его очень утвердили мою ненависть.

Из всего сказанного о книгах следует, что я учился писать у французов. Вышло это случайно, однако я думаю, что вышло неплохо, и потому очень советую молодым писателям изучать французский язык, чтобы читать великих мастеров в подлиннике и у них учиться искусству слова.

«Большую» русскую литературу – Гоголя, Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Лескова – я читал значительно позднее. Лесков несомненно влиял на меня поразительным знанием и богатством языка. Это вообще отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель, все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой. А. П. Чехов говорил, что очень многим обязан ему. То же, я думаю, мог бы сказать и А. Ремизов.

Указываю на эти взаимные связи и влияния для того, чтобы повторить: знание истории развития иностранной и русской литературы необходимо писателю.

Лет двадцати я начал понимать, что видел, пережил, слышал много такого, о чем следует и даже необходимо рассказать людям. Мне казалось, что я знаю и чувствую кое-что не так, как другие; это смущало и настраивало меня беспокойно, говорливо. Даже читая книги таких мастеров, как Тургенев, я думал иногда, что, пожалуй, мог бы рассказать, например, о героях «Записок охотника» иначе, не так, как это сделано Тургеневым. В эти годы я уже считался интересным рассказчиком, меня внимательно слушали грузчики, булочники, «босяки», плотники, железнодорожные рабочие, «странники по святым местам» и вообще люди, среди которых я жил. Рассказывая о прочитанных книгах, я все чаще ловил себя на том, что рассказывал неверно, искажая прочитанное, добавляя к нему что-то от себя, из своего опыта. Это происходило потому, что факты жизни и литература сливались у

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
меня в единое целое. Книга – такое же явление жизни, как человек, она – тоже факт живой, говорящий, и она менее «вещь», чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком.

Слушали меня интеллигенты и советовали:

– Пишите! Попробуйте писать!

Нередко я чувствовал себя точно пьяным и переживал припадки многоречивости, словесного буйства от желания выговорить все, что тяготило и радовало меня, хотел рассказать, чтоб «разгрузиться». Бывали моменты столь мучительного напряжения, когда у меня, точно у истерика, стоял «ком в горле» и мне хотелось кричать, что стекольник Анатолии – мой друг, талантливейший парень – погибнет, если не помочь ему; что проститутка Тереза – хороший человек и несправедливо, что она – проститутка, а студенты, пользуясь ею, не видят этого, так же как не видят, что Матица, старуха-нищая, – умнее, чем молодая, начитанная акушерка Яковлева.

Втайне даже от близкого моего друга, студента Гурия Плетнева, я писал стихи о Терезе, Анатолии, о том, что снег весной тает не для того, чтобы стекать грязной водой с улицы в подвал, где работают булочники, что Волга – красивая река, крендельщик Кузин – Иуда Предатель, а жизнь – сплошное свинство и тоска, убивающая душу.

Стихи писал я легко, но видел, что они – отвратительны, и презирал себя за неумение, за бездарность. Я читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, переводы Курочкина из Беранже и очень хорошо видел, что ни на одного из этих поэтов я ничем не похож. Писать прозу – не решался, она казалась мне труднее стихов, она требовала особенно изощренного зрения, прозорливой способности видеть и отмечать невидимое другими и какой-то необыкновенно плотной, крепкой кладки слов. Но все-таки стал пробовать себя и в прозе, избрав однако стиль прозы «ритмической», находя простую – непосильной мне. Попытки писать просто приводили к результатам печальным и смешным. Ритмической прозой я написал огромную «поэму» «Песнь старого дуба». В. Г. Короленко десятком слов разрушил до основания эту деревянную вещь, в которой я, кажется, изложил свои размышления по поводу статьи «Круговорот жизни», напечатанной, если не ошибаюсь, в научном журнале «Знание», – статья говорила о теории эволюции. Из нее в памяти моей осталась только одна фраза:

«Я в мир пришел, чтобы не соглашаться», – и, кажется, действительно не соглашался с теорией эволюции.

Но Короленко не вылечил меня от пристрастия к «ритмической» прозе и, спустя еще лет пять, похвалив мой рассказ «Дед Архип», сказал, что напрасно я сдобрил рассказ «чем-то похожим на стихи». Я ему не поверил, но дома, просмотрев рассказ, горестно убедился, что целая страница – описание ливня в степи – написана мною именно этой проклятой «ритмической». Она долго преследовала меня, незаметно и неуместно просачиваясь в рассказы. Я начинал рассказы какими-то поющими фразами, например, так: «Лучи луны прошли сквозь ветви кизилия и цепкие кусты держидерева», и потом, в печати, мне было стыдно убедиться, что «лучи луны» читаются, как лучины, а «прошли» – не то слово, какое следовало поставить. В другом рассказе у меня «извозчик извлек из кармана кисет» – эти три «из» рядом не очень украшали «томительно бедную жизнь». Вообще я старался писать «красиво».

«Пьяный, прижавшись к столбу фонаря, смотрел, улыбаясь, на тень свою, она вздрагивала», – а ночь – по моим же словам – была тихая, лунная, такими ночами фонарей не зажигали, тень не могла вздрагивать, если нет ветра и огонь горит спокойно. Такие «описки» и «обмолвки» встречались почти в каждом моем рассказе, и я жестоко ругал себя за это.

«Море смеялось», – писал я и долго верил, что это – хорошо. В погоне за красотой я постоянно грешил против точности описаний, неправильно ставил вещи, неверно освещал людей.

«А печь стоит у вас не так», – заметил мне Л. Н. Толстой, говоря о рассказе «Двадцать шесть и одна». Оказалось, что огонь крендельной печи не мог освещать рабочих так, как было написано у меня. А. П. Чехов сказал мне о Мединской в «фоме Гордееве»:

«У нее, батенька, три уха, одно – на подбородке, смотрите!» Это было верно, – так неудачно я посадил женщину к свету.

Такие, будто мелкие, ошибки имеют большое значение, потому что они нарушают правду искусства. Вообще крайне трудно найти точные слова и поставить их так, чтобы немногими было сказано много, «чтобы словам было тесно, мыслям – просторно», чтобы слова дали живую картину, кратко отметили основную черту фигуры, укрепили сразу в памяти читателя движения, ход и тон речи изображаемого лица. Одно дело – «окрашивать» словами людей и вещи, другое – изобразить их так «пластично», живо, что изображенное хочется тронуть рукой, как, часто, хочется потрогать героев «Войны и мира» у Толстого.

Мне нужно было написать несколькими словами внешний вид уездного городка средней полосы России. Вероятно, я сидел часа три, прежде чем удалось подобрать и расположить слова в таком порядке:

«Волнистая равнина вся исхлестана серыми дорогами, и пестрый городок Окуров посреди ее – как затейливая игрушка на широкой сморщенной ладони».

Мне показалось, что я написал хорошо, но, когда рассказ был напечатан, я увидел, что мною сделано нечто похожее на расписной пряник или красивенькую коробку для конфет.

Вообще – слова необходимо употреблять с точностью самой строгой. Вот пример из другой области: было сказано: «Религия – опиум».

Но врачи дают опиум больным как средство, утоляющее боль, значит – опиум полезен человеку. А о том, что опиум курят, как табак, и что от курения опиума люди погибают, что опиум – яд, значительно более вредный, чем водка-алкоголь, – широким массам неизвестно.

Мои неудачи всегда заставляют меня вспоминать горестные слова поэта:

«Нет на свете мук сильнее муки слова».

Но об этом гораздо лучше, чем я, говорит А. Г. Горнфельд в книжке «Муки слова», изданной Госиздатом в 1927 году.

Очень хорошую книжку эту я усиленно рекомендую вниманию «молодых товарищей по перу».

«Холоден и жалок нищий наш язык», – сказал, кажется, Надсон, и редкий из поэтов не жаловался на «нищету» языка.

Я думаю, что это – жалобы на «нищету» не русского, а вообще человеческого языка, и вызывает их то, что есть чувствования и мысли неуловимые, невыразимые словом. Именно об этом прекрасно говорит книжка Горнфельда. Но, минуя «неуловимое словом», русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей. Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов – лексиконы – Гоголя и Чехова, Тургенева и, например, Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова. Последний сам в печати заявил, что он идет от Достоевского, он мог бы сказать, что в некоторых отношениях – укажу на оценку разума – он зависим и от Льва Толстого. Но обе эти зависимости таковы, что свидетельствуют лишь о значительности молодого писателя и отнюдь не скрывают своеобразия его. В романе «Вор» он совершенно неоспоримо обнаружил, что языковое богатство его удивительно; он уже дал целый ряд своих, очень метких слов, не говоря о том, что построение его романа изумляет своей трудной и затейливой конструкцией. Мне кажется, что Леонов – человек какой-то «своей песни», очень оригинальной, он только что начал петь ее, и ему не может помешать ни Достоевский, ни кто иной.

Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его.

Художник – чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он – голос своей эпохи. Он обязан знать как можно больше, и чем лучше будет знать прошлое, тем более понятным явится для него настоящее время, тем сильнее, глубже почувствует он универсальную революционность нашего времени и широту его задач. Обязательно необходимо знать историю народа, и так же необходимо знать его социально-политическое мышление. Ученые – историки культуры, этнографы – указывают, что это мышление выражается в сказках, легендах, пословицах и поговорках. Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной, и начинающим писателям крайне полезно знакомиться с этим материалом не только потому, что он превосходно учит экономии слова, речевой сжатости и образности, а вот почему: количественно преобладающим населением Страны Советов является крестьянство, та глина, из которой история создавала рабочих, мещан, купцов, попов, чиновников, дворян, ученых и художников. Мышление крестьянства наиболее усердно воспитывалось церковниками государственной церкви и отколовшимися от нее сектантами. Оно издавна приучено думать в готовых окостеневших формах, какими и являются пословицы и поговорки, большинство которых не что иное, как сжатые поучения церковников. «Сильную руку – богу судить», «Подумаешь – горе, раздумаешь – божья воля», «Где смерд подумал, там бог не был», «Ты богу угоди, а сам думать – погоди!», «Тише едешь – дальше будешь», «Не в свои сани не садись», «Всяк сверчок знай свой шесток» – существуют сотни таких пословиц, и в любой из них легко можно открыть спрятанные за словами поучения библейских пророков, «отцов церкви» – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского и других.

Когда я читал книги «консерваторов», «охранителей и защитников самодержавного строя», в книгах этих я не находил ничего нового для себя именно потому, что каждая страница их повторяла в развернутой форме – в расширенном толковании – ту или другую из пословиц, с детства знакомых мне. Было совершенно ясно, что вся премудрость консерваторов – К. Леонтьева, К. Победоносцева и других – пропитана той «народной мудростью», в которой наиболее крепко сжата церков-гость.

Есть, разумеется, значительное количество пословиц другого смысла, например: «Нам – жить в кротости, а нас палкой по кости», «Богом барину – телятинка жарена, а мужику – хлебушка краюха да – в ухо», «Живем – не тужим, бар не хуже, они – на охоту, мы – на работу, они – спать, а мы – опять, они выспятся да – за чай, а мы – цепами качай».

Вообще пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и развертывать слова, крепко сжатые другими, развертывать их так, чтобы было обнажено спрятанное в них, враждебное задачам эпохи, мертвое.

Я очень много учился на пословицах, иначе – на мышлении афоризмами. Помню такой случай: мой приятель, балагур Яков Солдатов, дворник, метет улицу. Метла новенькая и не омызгана. Посмотрел Яков на меня, подмигнул веселым глазом и сказал:

– Хороша метла, а сорье – не вымести дотла, я его подмету, а соседи поднесут.

Мне стало ясно: дворник верно сказал. Если даже и соседи подметут участки свои, ветер нагонит сору с других улиц; если и все улицы города почистятся, пыль прилетит с поля, с дорог, из других городов. Работа около собственного дома, конечно, необходима, но она будет богаче результатами, если ее расширить на всю свою улицу, на весь город, на всю землю.

Так можно развернуть поговорку, а вот пример того, как она создается: в Нижнем-Новгороде начались заболевания холерой и какой-то мещанин стал рассказывать, что доктор мортят больных. Губернатор Баранов приказал арестовать его и отправить на работу санитаром в холерный барак. Но, проработав некоторое время, мещанин будто бы благодарил губернатора за урок, а Баранов сказал ему:

– Окунувшись башкой в правду – врать не станешь!

Баранов был человек грубый, но не глупый, я думаю, что он мог сказать такие слова. А впрочем, все равно, кто сказал их.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Вот на таких живых мыслях я учился думать и писать. Эти мысли дворников, адвокатов, «бывших» и всяких других людей я находил в книгах одетыми в другие слова, таким образом факты жизни и литературы взаимно дополняли друг друга.

О том, как создаются мастерами слова «типы» и характеры, я уже говорил выше, но, может быть, следует указать два интересных примера.

«Фауст» Гёте – один из превосходнейших продуктов художественного творчества, которое всегда «выдумка», вымысел или, вернее, «домысел» и – воплощение мысли в образ. «Фауста» я прочитал, когда мне было лет двадцать, а через некоторое время узнал, что лет за двести до немца Гёте о Фаусте писал англичанин Кристофер Марлоу, что польский «лубочный» роман «Пан Твардовский» – тоже «Фауст», так же как роман француза Поля Мюссе «Искатель счастья», и что основой всех книг о «Фаусте» служит средневековое народное сказание о человеке, который в жажде личного счастья и власти над тайнами природы, над людьми продал душу свою чёрту. Сказание это выросло из наблюдений над жизнью и работой средневековых ученых «алхимиков», которые стремились делать золото, выработать эликсир бессмертия. Среди этих людей были честные мечтатели, «фанатики идеи», но были и шарлатаны, обманщики. Вот бесплодность усилий этих единиц достичь «вышей власти» и была осмеяна в истории приключений средневекового доктора Фауста, которому и сам чёрт не помог достичь всезнания, бессмертия.

А рядом с несчастной фигурой Фауста была создана фигура, тоже известная всем народам: в Италии это – Пульчинелло, в Англии – Понч, в Турции – Карапет, у нас – Петрушка. Это – непобедимый герой народной кукольной комедии, он побеждает всех и все: полицию, попов, даже чёрта и смерть, сам же остается бессмертен. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что в конце концов именно он преодолет все и всех.

Эти два примера еще раз подтверждают сказанное выше: «анонимное» творчество, то есть творчество каких-то неизвестных нам людей[11], тоже подчиняется законам абстракции, отвлечения характерных черт той или иной общественной группы, и конкретизации, обобщения этих черт в одном лице этой группы. Строгое подчинение художника этим законам и помогает ему создавать «типы». Так Шарль де-Костер сделал «Тилья Уленшпигеля» – национальный тип фламандца, Ромэн Рол-лан – бургундца «Кола Брюньона», Альфонс Додэ – провансальца «Тартарена». Создавать такие яркие портреты «типичных» людей возможно только при условии хорошо развитой наблюдательности, умения находить сходства, видеть различия, только при условии учиться, учиться и учиться. Где отсутствует точное знание, там действуют догадки, а из десяти догадок девять – ошибки.

Я не считаю себя мастером, способным создавать характеры и типы, художественно равноценные типам и характерам Обломова, Рудина, Рязанова[12] и т. д. Но все же для того, чтобы написать «Фому Гордеева», я должен был видеть не один десяток купеческих сыновей, не удовлетворенных жизнью и работой своих отцов, они смутно чувствовали, что в этой однотонной, «томительно бедной жизни» – мало смысла. Из таких, как Фома, осужденных на скучную жизнь и оскорбленных скукой, задумавшихся людей, в одну сторону выходили пьяницы, «прожигатели жизни», хулиганы, а в другую – отлетали «белые вороны», как Савва Морозов, на средства которого издавалась ленинская «Искра», как пермский пароходчик Н. А. Мешков, снабжавший средствами партию эсеров, калужский заводчик Гончаров, москвич Н. Шмит и еще многие. Отсюда же выходили и такие культурные деятели, как череповецкий городской голова Милютин и целый ряд московских, а также провинциальных купцов, весьма умело и много поработавших в области науки, искусства и т. д. Крестный отец Фомы Гордеева, Маякин, тоже сделан из мелких черточек, из «пословиц», и я не ошибся: после 1905 года – после того, как рабочие и крестьяне вымостили для Маякиных дорогу к власти своими телами, – Маякины, как известно, играли немалую роль в борьбе против рабочего класса, да и теперь еще мечтают вернуться на старые гнезда.

Молодежь ставит мне вопрос: почему я писал о «боссяках»?

Потому, что, живя в среде мелкого мещанства, видя пред собою людей, единственным стремлением которых было стремление жульнически высасывать кровь человека, сгущать ее в копейки, а из копеек лепить рубли, я тоже, как девятнадцатилетний корреспондент мой, «всем своим трепетом» возненавидел эту комариную жизнь обыкновенных людей, похожих друг на друга, как медные пятаки чекана одного года.

Босяки явились для меня «необыкновенными людьми». Необыкновенно в них было то, что они, люди «деклассированные», – оторвавшиеся от своего класса, отвергнутые им, – утратили наиболее характерные черты своего классового облика. В Нижнем, в «Миллионке», среди «золотой роты», дружно уживались бывшие зажиточные мещане с моим двоюродным братом Александром Кашириным, кротким мечтателем, с художником-итальянцем Тонтини, учителем гимназии Гладковым, бароном Б., с помощником полицейского пристава, долго сидевшим в тюрьме за грабеж, и со знаменитым вором «Николкой-генералом», настоящая фамилия которого была Фандер-Флит.

В Казани, на «Стекланном заводе», жило человек двадцать таких же разношерстных людей. «Студент» Радлов или Радунов; старик-тряпичник, отбывший десять лет каторги; бывший лакей губернатора Андреевского Васька Грачик; машинист Родзиевич, сын священника, белорус; ветеринар Давыдов. В большинстве своем люди эти были нездоровы, алкоголики, жили они не без драк между собою, но у них хорошо было развито чувство товарищеской взаимопомощи, все, что им удавалось заработать или украсть, – пропивалось и проедалось вместе. Я видел, что хотя они живут хуже «обыкновенных людей», но чувствуют и сознают себя лучше их, и это потому, что они не жадны, не душат друг друга, не копят денег. А некоторые из них могли бы копить, в них еще остались признаки «хозяйственности» и любовь к «порядочной» жизни. Копить они могли бы потому, что Васька Грачик, ловкий и удачливый вор, приносил им нередко свою добычу и сдавал ее «казначее» Родзиевичу, который распоряжался «хозяйством» завода бесконтрольно и был удивительно мягкий, безвольный человек.

Помню несколько сцен такого рода: кто-то украл и принес хорошие охотничьи сапоги, решено было пропить их. Но Родзиевич, больной, за несколько дней перед этим избитый полицией, сказал, что пропить следует только голенища, а головки отрезать и дать «Студенту», он ходит в развалившихся опорках.

– Застудит ноги – сдохнет, а человек хороший.

Головки отрезали, но старый каторжанин предложил сшить из голенищ две пары лаптей, одну – для себя, другую – для Родзиевича. Так и не пропили сапоги. Грачик объяснял свою дружбу с этими людьми и щедрую помощь им своей любовью к «образованным».

– Я, брат, образованного человека люблю пуще красивейшей женщины, – говорил он мне. Это был странный человек, черноволосый, с тонким красивым лицом, с хорошей улыбкой; всегда задумчивый, малословный, он вдруг взрывался буйным, почти бешеным весельем, плясал, пел, рассказывал о своих удачах, обнимался со всеми, точно уходил на войну, на смерть. На его средства в Задней Мокрой улице, – где теперь Московский вокзал, – в подвале трактира Бутова, кормилось человек восемь каких-то нищих, стариков и старух, а среди них молодая сумасшедшая женщина с годовалым ребенком. Вором он стал так: будучи лакеем губернатора, провел ночь со своей возлюбленной, а утром, возвращаясь домой, похмельный, выхватил у бабы-молочницы стойку молока и начал пить; его схватили, стал драться; строгий мировой судья Колонтаев, великий либерал, посадил его в тюрьму. Васька, отсидев срок наказания, залез в кабинет Колонтаева, изорвал у него бумаги, стащил будильник, бинокль и снова попал в тюрьму. Я познакомился с ним, когда его после неудачной кражи в Татарской слободе преследовали ночные сторожа, одному из них я подставил ногу, этим помог Василию убежать, и сам побежал с ним.

Странные были люди среди босяков, и многого я не понимал в них, но меня очень подкупало в их пользу то, что они не жаловались на жизнь, а о благополучной жизни «обывателей» говорили насмешливо, иронически, но не из чувства скрытой зависти, не потому что «видит око, да зуб неймет», а как будто из гордости, из сознания, что живут они – плохо, а сами по себе лучше тех, кто живет «хорошо».

Изображенного мною в «бывших людях» содержателя ночлежки Кувалду я увидел впервые в камере мирового судьи Колонтаева. Меня поразило чувство собственного достоинства, с которым этот человек в лохмотьях отвечал на вопросы судьи, презрение, с которым он возражал полицейскому, обвинителю, и потерпевшему – трактирщику, избитому Кувалдой. Также изумлен был я беззлой насмешливостью одесского босяка, рассказавшего мне случай, описанный мною в рассказе «Челкаш». С этим чело веком я лежал в больнице города Николаева (Херсонского). Хорошо помню его улыбку, обнажавшую его великолепные белые зубы, – улыбку, которой он

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma заключил повесть о предательском поступке парня, нанятого им на работу: «Так и пустил я его с деньгами; иди, болван, ешь кашу!».

Он мне напомнил «благородных» героев Дюма. Из больницы мы вышли вместе и, сидя со мною в люнетах лагеря за городом, угощая меня дыней, он предложил:

«Может – займешься со мною хорошим делом? С тебя, думаю, толк будет».

Я был очень польщен этим предложением, но в ту пору я уже знал, что есть дело более полезное, чем контрабанда и воровство.

Так вот чем объясняется мое пристрастие к «босякам» – желанием изображать людей «необыкновенных», а не людей нищеватого, мещанского типа. Тут, конечно, сказалося и влияние иностранной и прежде других французской литературы, более красочной и яркой, чем русская. Но главным образом тут действовало желание прикрасить за свой счет – «вымыслом» – «томительно бедную жизнь», о которой говорит пятнадцатилетняя девушка.

Это желание, как я уже сказал, называется «романтизмом». Некоторые критики считали мой романтизм отражением философского идеализма. Я думаю, что это неправильно.

Философский идеализм учит, что над человеком, животными и над всеми вещами, которые человек создает, существуют и главенствуют «идеи»; они служат совершеннейшими образцами всего, творимого людьми, и человек, в деятельности своей, вполне зависит от них, вся его работа сводится к подражанию образцам, «идеям», бытие которых он якобы смутно чувствует. Сэтой точки зрения, где-то над нами существует идея кандалов и двигателя внутреннего сгорания, идея туберкулезной бациллы и скорострельного оружия, идея жабы, мещанина, крысы и вообще всего, что существует на земле и что создается человеком. Совершенно ясно, что отсюда вытекает неизбежность признать бытие творца всех идей, Какое-то существо, зачем-то создающее орла и вошь, слона и лягушку.

Для меня не существует идеи вне человека, для меня именно он является творцом всех вещей и всех идей, именно он – чудотворец и в будущем владыка всех сил природы. Самое прекрасное в мире нашем то, что создано трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса, в чем убеждает нас история развития искусства, науки, техники. Мысль приходит после факта. Пред человеком я потому «преклоняюсь», что, кроме воплощений его разума, его воображения, его домысла, – не чувствую и не вижу ничего в нашем мире. Бог есть такая же человеческая выдумка, как, например, – «светопись», с той разницей, что «фотография» фиксирует действительно сущее, а бог – снимок с выдумки человека о себе самом как о существе, которое хочет – и может – быть всезнающим, всемогущим и совершенно справедливым.

И если уж надобно говорить о «священном», – так священо только недовольство человека самим собою и его стремление быть лучше, чем он есть; священна его ненависть ко всякому житейскому хламу, созданному им же самим; священно его желание уничтожить на земле зависть, жадность, преступления, болезни, войны и всякую вражду среди людей, священ его труд.

1928 г.

О разных разностях

Сотрудник парижской газеты «Последние новости» И. Демидов находит, что в моей статье об эмиграции я «трижды солгал».

Первую – в порядке обвинения – ложь Демидов усматривает в том, что я не признаю в эмиграции «ни разногласий, ни борьбы». Это не совсем верно: я знаю, что между «Последними новостями», «Рулём» и «Возрождением» существуют разногласия по вопросу о наилучшей системе управления волею народа, знаю, что между эмигрантами возможны даже случаи физической борьбы: кажется, года два назад в «Последних новостях» было рассказано, что на почве «разногласий» религиозного характера отхлестали какую-то женщину по щекам. Готов верить, что факты такого сорта нередки среди эмигрантов, но так как «самокритика» в их среде не очень развита, то о междоусобных драках эмигрантская пресса молчит.

Однако эти «разногласия» и такую «борьбу» я не могу считать существенными. По

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
существованию, все эмигранты одинаково крепко стоят на том, что частная собственность, капиталистический строй – единственная и непоколебимая основа государства. Это – почти религиозное убеждение эмигрантов, и я не имею оснований сомневаться в их искренности. По вере своей они – «идеалисты», индивидуалисты. Идеализм не мешает им верить, что индивидуальность – «гармоническая личность» и так далее – может расти и развиваться только на «материалистической базе» – на собственной земле, в собственном домике, – только в тесном окружении собственности. Они, конечно, не согласятся с тем фактом, что на почве погони за собственностью развиваются такие чувства, как жадность, зависть, ненависть, что именно собственность является источником преступлений, что обилие нотариусов и судей в современном государстве – верный признак обилия в нём грабителей и воров. Они просто скажут: «Это – наивность полуграмотных людей, «насвистанных» большевиками».

Их веру в спасительность собственности нимало не поколебал тот факт, что не так давно собственники в их стремлении ограбить друг друга истребили, изувечили десятка три миллионов наиболее здоровых людей Европы, разрушили, уничтожили огромное количество культурных ценностей. Возмущение, которое испытывали «гуманисты», «защитники культуры», когда разрушались Лувен, Реймский собор, города Северной Франции, Восточной Пруссии, Галиции, – это возмущение исчезло бесследно, нимало не изменив психологию тысяч Демидовых. В 1914–16 годах они кричали о зверствах немцев, но в 1917–21 годах это «гуманитарное» негодование не мешало им принимать более или менее активное участие в зверстве белых генералов по отношению к рабочим и крестьянам России, о любви к народу которой они так много всегда говорили и теперь всё ещё продолжают говорить. Странная «любовь», она не мешает большинству эмигрантов мечтать об «интервенции», то есть о нашествии иностранцев, то есть снова о массовом убийстве людей «любимой родины», о разорении и разрушении хозяйства возрождающейся страны. Совершенно изумительна бесстыдная и циническая радость этих людей, – радость, с которой они, питаясь «самокритикой» Союза Советов, отмечают в поучение миру даже такие ужаснейшие факты, как, например, перепечатанный в номере 2806 «Последних новостей» из московской газеты «Труд»:

«ГВОЗДИ В ХЛЕБЕ

Рабочий Дрюнин обнаружил в хлебе, купленном им в замоскворецком кооперативе, кусок железа и обойный гвоздь.»

Вторая моя «ложь» такова: я сказал, что «в России начато «необходимейшее дело нашего века», совершается попытка перенести жизнь с трёх китов – глупости, зависти, жадности – на основы разума, справедливости, красоты, и это – заслуга Ленина, человека, имя которого навсегда останется гордостью России, человека, о котором величайший идеалист наших дней, прекрасная душа – Ромэн Роллан сказал: «Ленин – самый великий человек нашего века и самый бескорыстный».

Само собою разумеется, что по этому поводу с Демидовыми бесполезно говорить, они слишком низки для того, чтобы понять значение В.И.Ленина. Они, конечно, не согласны с оценкой Р.Роллана и с тем, что в Союзе Советов начато «необходимейшее дело нашего века». К тому же этот Демидов, Игорь, сын Платона, родился человеком бездарным и, очевидно, пребудет таковым до конца дней его. Я помню его лопухим парнишкой с неровными зубами. Борне Бер, талантливый поэт, переводчик Мистралья, именовал Демидова Игошей, – был в Нижнем блажененький Игоша. Смерть в Кармане. Затем я видел Игоря Демидова в 1916 году в Петербурге, кажется, на Шпалерной, в квартире каких-то коллекционеров фарфора и фаянса. Одетый «земгусаром», он читал доклад о продовольственном положении в армии. В то время почти все люди его типа рассказывали трагические вещи оптимистическим тоном. Картины голода солдат, развала армии, бездарности командования – всё это возбуждало у гуманистов сладкую надежду: скоро – конец, Романовы уступят, у нас будет настоящая конституция, мы будем губернаторами. Разумеется, вождение власти прикрывалось «гражданской скорбью», словами о любви к России, к народу. Мне кажется, что у большинства людей любовь – это и есть садическое стремление к власти. Не стану отрицать, что у многих «гуманистов» 1916–17 годов гуманизм вызывался их страхом пред будущим, пред революцией.

Демидов продолжает:

«Сказавши ложь о русской эмиграции и о «необходимейшем деле нашего века» в России, Горький к ним добавляет и ложь об остальном мире – «о всей земле»:

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
«Жизнь становится всё более отвратительной обнажённым цинизмом своим. Человеку нечем дышать в атмосфере ненависти, злобы, мести. Атмосфера, всё сгущаясь, грозит разразиться последней бурей, которая разрушит и сметёт все культурные достижения человечества, против этой возможности работает только Союз Социалистических Советов, культурно и идеологически организуя трудящихся всей земли. Выпутаться из цепкой паутины уродливых взаимоотношений классов, партий, групп нельзя иначе, как разорвав всю паутину сразу».

Так, по мнению Горького, дело обстоит на «всей земле», и спасение в одном – «разорвать всю паутину сразу».

Эта ложь о нависшей катастрофе уже, конечно, для внутреннего употребления.»

Почему же только «для внутреннего употребления»? Ведь вот Демидов – внешний человек, а прочитал же мою статью. Он не верит мне, не согласен, что «жизнь становится всё более отвратительной обнажённым цинизмом своим». Странно. Беру газету «Последние новости». Демидов сотрудничает в ней и даже иногда редактирует её. Что говорит газета о современной культурной жизни Европы и С.Ш. Америки? А вот:

«Любители сильных ощущений

Нью-Йорк, 30 октября.

Полиция в Атланте арестовала двух студентов, совершивших преступление исключительно из любви к сильным ощущениям. Восемнадцатилетний Херч и его товарищ Джемс Келогли ворвались среди бела дня в магазин на главной улице города, с револьвером в руках. Находившиеся в магазине подняли руки вверх. Несмотря на это, молодые бандиты открыли стрельбу, убили одного, смертельно ранили другого.

На вопрос следователя, почему они стреляли в безоружных людей, преступники хладнокровно ответили:

– Мы хотели знать, что испытывают бандиты, когда они пристреливают свои жертвы.»

К этому нужно прибавить преступление двух студентов Гарвардского университета, детей миллионеров, они убили своего товарища тоже «из любопытства».

«Чикаго, 1 ноября.

Несмотря на принятые полицией чрезвычайные меры охраны, бандиты продолжают терроризовать город. Вчера с неслыханной смелостью четыре «джентльмена» похитили трёх молодых женщин и отпустили их за выкуп в 350 000 франков.

Похищение было произведено среди бела дня на Хэмилтон-авеню. Бандиты увезли женщин за город, отобрали у них все ценные вещи, заперли в пустом доме, получили от мужей жертв выкуп и исчезли, сообщив мужьям адрес пустого дома, где сидели пленницы. Полиция немедленно произвела облаву в предместьях и в городе, но след преступников исчез.»

«Нет свободных мест в тюрьмах

Нью-Йорк, 2 ноября.

В американских тюрьмах нет свободных камер. У тюремного начальства масса преступников, а сажать их некуда.

В Вашингтоне тюрьмы переполнены главным образом нарушителями «сухого закона».

Из Нью-Йорка был запрошен целый ряд городов, но отовсюду получался один и тот же ответ: свободных мест нет.

Последняя попытка была сделана по адресу исправительного дома в Филадельфии. Ответ получился следующий: «Располагаем помещением на 800 человек, а размещено 1 700 человек».

«Чикаго, 12 ноября. Чикагские бандиты изменили своим прежним методам: место

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma автоматических ружей, пулемётов и бесшумных револьверов теперь заняли яд и верёвка. Жертвами бандитов являются не столько мирные жители города, сколько сами же преступники, потому что, как известно, в течение нескольких лет две могущественные шайки ожесточённо борются за первенство в снабжении города контрабандными напитками.

Вчера полицией найдено мёртвое тело с запиской на груди: «Приговорён к повешению». Негр, занимавшийся тайной торговлей пива, найден отравленным, и судебно-медицинская экспертиза установила, что в молоко, которое он пил, был подмешан цианистый калий. Второй негр явился в полицию и, показав ужасные раны на теле, сообщил, что его похитили из дома, отвезли за город и пытали, стараясь выведать у него, где спрятались два человека, которых разыскивала шайка, чтобы свести с ними счёты; негру ножом вырезали полосы на коже, прижигали ноздри концом папиросы, прокалывали мягкие части тела раскалёнными иглами... Из полиции негр вернулся домой и на следующее утро был найден повешенным у себя на чердаке, к его правой ноге была приколотая записка: «Не болтай».

«Ежегодно в Нью-Йорке на каждые 100 тысяч человек приходится 50 убитых вследствие несчастных случаев на улицах. За последние шесть месяцев было зарегистрировано 1 852 уличных несчастных случая, во время которых пострадало 1 575 человек.

46 процентов убитых на улицах – дети школьного возраста.»

«Лондон, 31 октября.

Из Дублина сообщают: в городской библиотеке в Голлвей уничтожены по распоряжению епископа все произведения Л.Н. Толстого, Виктора Гюго, Бернарда Шоу и Арнольда Беннета.»

«Новый полицейский скандал в Лондоне

Лондон, 2 ноября.

Раскрыта тайная организация, систематически осведомлявшаяся полицейскими о всех предстоящих обысках в ночных клубах. Организация, в свою очередь, заблаговременно предупреждала угрожаемый клуб или притон. Говорят, что в дело замешаны полицейские, занимающие высокое положение. Ожидаются сенсационные аресты.»

«Лондон, 12 ноября.

Газеты полны отчётов об участившихся в последнее время кровавых преступлениях. Жертвами преступлений становятся главным образом женщины. Уже поползли слухи, будто вновь появился в Лондоне Джек Потрошитель. Несколько дней назад в своей квартире найдена была задушенной вдова Эллис Фонтень; её дочь Агнесса, 19 лет, выбежала на улицу с перерезанным горлом и скончалась прежде, чем её успели допросить. По подозрению в убийстве на следующий день был арестован молодой клерк Реджинальд Кеннеди. Но в тот же день вечером у себя на дому старуха Гертруда Ничем была найдена с перерезанным горлом, а сын её задушенным; внешние признаки преступления те же, что и в доме Фонтень.

В Тингуоль-парке найден труп неизвестной женщины. Из Темзы, близ Серрея, извлечено полураздетое тело другой женщины. Личность их пока не установлена. У обоих трупов перерезано горло.»

«Лондон, 24 ноября.

Труппа «Вье Коломбье» во главе с Копо должна в скором времени дать в Англии несколько мольеровских спектаклей. К общему изумлению, цензура Оксфордского университета потребовала от труппы представить ей пьесы Мольера на предварительный просмотр. Копо отказался. Гастроли в Оксфорде не состоятся.»

«Лондон, 3 декабря.

Арестована миссис Мерик, известная под именем «Королевы ночных притонов». Только десять дней назад она была выпущена из тюрьмы. За это время она успела возобновить свои связи с преступным миром. Обе дочери миссис Мерик приняты в

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ru
высшем лондонском свете. Старшая замужем за графом Киннуль, младшая – жена лорда Клиффорда.»

«Осквернение кладбища

Берлин, 24 ноября.

Неизвестные осквернили еврейское кладбище в Кепенике, предместье Берлина.»

«11 самоубийств в один день

Берлин, 26 ноября.

В минувшее воскресенье в Берлине отмечено 11 самоубийств.»

«Париж, 2 ноября.

Наследство «марсельского Ландрю», Пьера Рея, убившего трёх невест и присвоившего их имущество, исчисляется в 140 тысяч франков.

Несмотря на тёмное и почти несомненно преступное происхождение этих денег, они переходят теперь в законное владение прямых наследников убийцы. Объясняется это тем, что Пьер Рей умер обвиняемым, но не осуждённым; преступления его, как бы ни были несомненны собранные следствием улики, остались формально не доказанными и уж не могут быть доказаны, так как, по закону, со смертью обвиняемого формально прекращается возбуждённое против него преследование.

Добыча «марсельского Ландрю» перейдёт законным путём к его детям. Однако наследники жертв Пьера Рея не согласны мириться с таким решением вопроса и намерены предъявить к имуществу убийцы иск на суммы, которые были похищены убийцей у своих жертв.»

«Варшава, 3 декабря.

В костёле на Шелобовке разыгралась драма, взволновавшая весь город. Молодая девушка, принадлежащая к лучшему варшавскому обществу, явилась вместе с матерью в церковь в модном коротком платье. Костюм девушки вызвал такое возмущение присутствовавших в церкви, что после богослужения толпа женщин и мужчин набросилась на девушку, когда она выходила из церкви. Окровавленной девушке удалось вырваться и бежать в церковь. Священник укрыл её в ризнице. Толпа ворвалась в костёл и стала требовать выдачи девушки. Ксёндз в полном облачении и с крестом в руках вышел к толпе и обратился к ней с увещанием. Но из толпы раздавались разъярённые крики. Отдельные лица начали уже ломиться в дверь ризницы.

Тем временем церковный служка дал знать о происходящем по телефону в полицию. Полицейский отряд окружил церковь, и главные зачинщики буйства были арестованы. Девушка в очень тяжёлом положении была перевезена в госпиталь.»

«Балаган на месте церкви

Варшава, 3 декабря.

На месте уничтоженной несколько лет назад православной церкви лейб-гвардии Литовского полка сооружены балаганы «Луна-парка». Не лишнее отметить, что церковь в своё время была разрушена по «эстетическим соображениям».

«Милан, 21 ноября.

Привлечённые криками, нёсшимися из одного крестьянского двора в Тренте, проходившие жандармы открыли, что в глубине двора находится большая железная клетка, в которой была заперта измождённая, почти нагая женщина. Несчастная сообщила, что сестра с мужем заперли её в клетку ещё в начале июля. Через решётку ей подавали пищу и больше о ней не заботились.

Сестра с мужем на допросе заявили, что женщина начала обнаруживать признаки помешательства и что родственники, не желая платить за неё в лечебницу, посадили её в клетку.»

Сколь прелестную жизнь в столицах «культурных» государств изображает газета И. Демидова и П.Н. Милюкова! И как прекрасно изображает сам И.Демидов парижских интеллигентов, «возродившихся» ко Христу и к церкви его. Цитирую статью И. Демидова «Ревность по доме твоём», напечатанную в «Последних новостях», номер 2818 от 9 декабря.

«Пасхальная ночь. Кончилась заутреня. Из церкви выходит народ. На паперти, на дворе встречаются знакомые, поздравляют друг друга с праздником, христосуются.

– Христос воскресе, – говорит один из прихожан, встречая другого.

– Бей жидов, – отвечает встреченный и, улыбаясь, протягивает обе руки.

А затем трижды крепко целуются.

Поистине воскресие, возродившиеся сердца, – «ревность по доме твоём сдает меня».

А вот другая картинка.

Приходит в церковь иностранец. От непривычки к долгому стоянию устал и садится на стул отдохнуть. По незнанию сел в то время, когда сидеть не полагается. «Возродившийся» тут как тут:

– Потрудитесь встать, – непременно по-русски и непременно грубо, повелительно требует он от «согрешившего».

Иностранец не понимает и вопросительно смотрит на «охранителя».

– Вам говорят, что сидеть нельзя, – опять-таки по-русски и ещё грубее повторяет «охранитель» и уже злобно смотрит на сидящего.

Рядом стоящая дама застывает:

– Скажите по-французски, вы видите, он не понимает.

– В русской церкви все должны понимать по-русски, сударыня, – слышится презрительный ответ.

Начинается довольно громкая перебранка. «Без вины виноватый» иностранный гость, слыша, какой шум поднялся из-за него, встает со стула и, медленно пробираясь через толпу молящихся, покидает церковь.

«Возродившийся» победитель возвращается гордо на своё место и истово крестится: «Ревность по доме твоём сдает меня».

Первому случаю удивляться не приходится: ведь он касается «жидов». По этому поводу даже и в ночь воскресения Христова у определённых людей кроме изуверства ничего не находится. Второй случай сложнее. По нему можно судить, как религиозное «возрождение» проникло более глубоко и требует нелепых выходов для защиты церкви по отношению вообще ко всякому иностранцу и иноверцу, – пусть чувствуют, как горят ревностью возродившиеся сердца.

Но вот недавно произошёл случай, который говорит о том, что возродившиеся охранители добираются и до православных.

Из Лондона в Берлин приехала одна русская и в первое же воскресенье решила пойти в только что освящённую русскую церковь. Приходит, хочет войти. Не тут-то было. У входа её встречает некто, очевидно, специально приставленный на сей предмет страж.

– Позвольте узнать, – строго спрашивает он, – вы – антониевка или евлогианка?

– Я – православная, – ответила пришедшая.

«Охранитель» даже растерялся. И на Антония и на Евлогия ответ у него был готов: на первого – «приидите, поклонимся», на второго – «изыдите, оглашенные». А как

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiy.ma
быть с православной?»

Чувствуется, что И. Демидов скорбит, описывая интеллигентов, впавших в изуверство, но это явление не кажется ему отвратительным. Очевидно, «притерпелся».

Я взял несколько разрозненных номеров «Последних новостей» и не особенно старался «подбирать факты». Если б взять все номера газеты за месяц, фактов было бы в два, а может, и в три раза больше. «Последние новости» издаются по типу парижских бульварных газет и так же щедро угощают читателей «сенсациями». Заголовки заметок напоминают «Петербургский листок», любимейший орган дворников царского времени. Например:

«СВОЕОБРАЗНАЯ ЗАБАСТОВКА, номер 2802 от 6 февраля

Лондон, 22 ноября.

В течение 5 дней 4 000 крестьян лежат, растянувшись на земле, перед дворцом магараджи Мираджджи (Индия) в знак протеста против увеличения земельных налогов. Этим своеобразных «забастовщиков» кормят родные и друзья, приносящие им пищу дважды в день. До сих пор ни разу не был нарушен порядок среди манифестантов, хотя их негодование растёт с каждым часом, так как магараджа остаётся глух к их мольбам и протестам.

Магараджа дважды приказывал манифестантам очистить дворцовую площадь, но 4 000 «забастовщиков» заявили, что будут лежать плашмя на земле перед дворцом до тех пор, пока не умрут или пока магараджа не смягчит налогов.»

Напечатав такую заметку, старая либеральная газета, к примеру, «Речь» П. Милюкова, вероятно, напомнила бы читателям, что такого рода «лежачий бунт» описан В.Г. Короленко в книге «Голодный год», что место бунта – Лукояновский уезд Нижегородской губернии и что там бунтовщиков солдаты били прикладами, как советовал магараджа города Лукоянова.

К фактам, взятым мною из «Последних новостей» и достаточно ярко рисующим культурную жизнь Америки, Европы, можно прибавить ещё десятка два, или четыре, или четыреста различных характерных для современности мелочей. Например:

«Вена, 29 ноября.

Как сообщают из Будапешта, социал-демократический депутат парламента Дьерки внёс запрос правительству по поводу запрещения ввоза в Венгрию произведений иностранной печати, в частности заграничных социал-демократических органов, газеты «Фоссише Цейтунг» (буржуазная германская газета) и т. д.

Дьерки указал, что полиция недавно запретила песню Шумана-Гейне «Два гренадёра» под тем предлогом, что заключительные аккорды песни заканчиваются «Марсельезой».

В библиотеках профсоюзов конфискованы сочинения Льва Толстого, книги Макдональда и т. д.

Бельгийская цензура запретила распространение произведений Виктора Маргерита.

Мэр Чикаго сжёг книги английских классиков, подаренные городу королевой Викторией в 71 году после пожара чикагской библиотеки.»

Кстати, о пожарах:

«На недавнем пожаре театра в Мадриде мужчины уничтожали женщин и детей точно так же, как на знаменитом пожаре благотворительной лотереи в Париже в восьмидесятых годах.»

В Париже новое крупное мошенничество «Газеты Франка», в мошенничестве принимали участие «высокопоставленные лица».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Можно бы напомнить Демидовым об убийстве Сакко и Ванцетти и о безнаказанности их убийцы Фуллера, но, разумеется, этим «христиан» Демидовых не тронешь. Не трогает их «религиозное чувство» и тот факт, что американцы переделали «Аллилуйя» в фокстрот, вот если б этакую штуку в Союзе Советов устроили, ну, тогда, разумеется, и атеисты из эмигрантов закричали бы на весь мир.

В конце концов мне кажется, что я прав: «Последние новости» рисуют культурную жизнь Европы и С.Ш. Америки отвратительной и циничной, а Демидов, Игорь, не читает свою газету.

Посмотрим «Руль». В номере 2433 некто Страховский корреспондирует:

«Сейчас всё общественное мнение Америки занято двумя предстоящими процессами. В одном двое молодых студентов одного из лучших университетов Соединенных Штатов и сами сыновья весьма богатых и весьма почтенных родителей обвиняются в совершении нескольких дерзких ограблений, сопровождавшихся убийством аптекаря. Что же толкнуло этих баловней судьбы, обладавших значительными карманными деньгами, располагавших каждый прекрасным автомобилем, на преступления? Свои проступки они совершили из любопытства и для забавы, желая испытать острые ощущения, связанные с вооружённым ограблением. На предварительном следствии оба студента держатся чрезвычайно спокойно, подробно объясняя мотивы преступления и в деталях рассказывая, какое незабываемое впечатление на них произвело появление аптекаря во время совершаемого ограбления его кассы, «которого нам, конечно, пришлось убить», – спокойно и цинично добавляет один из них. Обоим этим молодым преступникам «из любопытства» грозит смертная казнь за убийство.

Но другой случай ещё циничнее и невероятнее. Молодой служащий в одной из нью-йоркских контор, семнадцати лет, убил, задушив, девочку пятнадцати лет, которая его родителями и матерью девочки считалась его невестой. На предварительном следствии юноша с улыбкой рассказывал подробности, как его невеста убеждала его «быть мужчиной», увлекая его при этом в спальню, как она начала целовать его (а он, по его словам, был «невинен, как агнец»), как, обозлённый, он ударил её кулаком в висок. После падения её на пол он взял кусок проволоки и закрутил её вокруг шеи девочки, разбросал вещи по комнате, симулируя нападение, и спокойно ушёл к себе, где на вопрос родителей, где он был, ответил, что гулял в парке. Этот молодой изверг симулирует ненормальность, но, что важнее всего, вскрытие тела убитой установило, что девочка перед смертью была изнасилована.

Эти два случая особенно характерны, но подобные этим случаются здесь очень часто.»

И на том спасибо «Рулю». Это – газетка самая злая в эмигрантской прессе, до смешного злая и очень осторожная в деле критики культурных нравов Европы. Злоба её направлена исключительно на Союз Советов. Лжёт она совершенно без оглядки, с полной уверенностью в безнаказанности. Уличат её во лжи, как это сделала газета Милюкова и Демидова по поводу писем красного командира, – помолчит «Руль» и снова лжёт, вполне сознательно и в целях, очевидно, воспитания. Вот, например, в номере от 8 декабря по поводу немецкого издания «Лицо городов» «Руль» пишет:

«Но если такие автобусы и имеются, то их 1–2 и обчёлся, а вообще это – всё старьё.»

Не очень грамотно сказано и, разумеется, это – мелочь, но, как привычная для «Руля» и сознательная ложь, очень характерная мелочь. «Руль», конечно, знает, что движение в Москве и вокруг Москвы по радиусу вёрст в сорок обслуживается автобусами, что их очень много, количество их растёт, они вводятся и в провинции, а так как введены они недавно, то и не могут быть «старьём». Но это враньё, конечно, не важно, нас интересует вопрос: что говорит «Руль» о культурной жизни Германии? Вот вырезка из «Хроники» «Руля», к сожалению, не могу указать дату:

«Суды завалены процессами об истязании детей.»

Далее – передовая статья:

«...ОТРОЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
Берлин, 24 октября.

Вся Германия следит сейчас за судебными отчётами о происходящем в Эссене процессе, в котором окончивший гимназию юноша обвиняется в убийстве своего товарища, причем убийство сопровождалось сексуальным осквернением тела. Улики против обвиняемого выставлены только косвенные, и, судя по всему, судебное следствие непрерывно расшатывает построение обвинительного акта. Но и оправдание обвиняемого не уничтожает факта убийства юноши на сексуальной почве. Такие явления могут случиться всегда; но за последнее время целая серия процессов, гимназических убийств и самоубийств невольно обращает на себя сугубое внимание.»

Вопросам о жизни юношества «Руль» посвящает немало места, и нужно сказать, что его внимание к этим вопросам не только «сугубо», но и тревожно. Это, разумеется, искренняя и законнейшая тревога. Европейская молодёжь плохо живёт. Об этом громко кричит не только уголовная хроника, но и художественная литература и публицистика. Об этом говорит только что вышедшая книга Петера Лампеля «Jungen in Not», книга о беспризорных в Германии. Об этом же пессимистически говорит Бердяев в статье «Обскурантизм», – цитирую статью по изложению «Руля»:

«Обскурантизм есть знамение нашей эпохи, из России изгоняются почти все философы». В Италии фашистские молодые люди совершают погром библиотеки Бенедетто Кроче, крупнейшего итальянского философа. Самые невежественные обскуранты занимаются в эмиграции розыском ересей... В русской эмиграции разыгрывается «Горе от ума» и торжествует фамусов, повсюду разыскивающий «фармазонов». Обскурантизм нельзя отождествлять с невежеством. Если обскурантская масса всегда невежественна и темна, то обскурантские идеологи могут быть умными, учёными и просвещёнными людьми. Обскурантизм хочет держать массу во тьме во имя её спасения, для предотвращения гибели. В основе психологии обскурантизма всегда лежит чувство панического страха, ужаса, боязни, подозрительности и гибели. Русская контрреволюционная молодёжь, выросшая на гражданской войне, не получившая нормальной умственной и образовательной подготовки, воображает, что ужасы революции порождены свободной мыслью, свободным знанием, «ересями» ума.

Контрреволюционная молодёжь не способна к познанию причин и смысла революции, она относится к ней исключительно эмоционально. Дореволюционный строй жизни представляется ей потерянным раем, в то время как зло и неправда этого строя и породили революцию.

В статье Н.А.Бердяева много горькой правды. Все, кому приходилось общаться с широкими кругами русской эмигрантской среды, думаю, засвидетельствуют, что многие замечания автора метки и попадают в цель. Нетерпимость к чужому мнению, подозрительность и крайняя упрощённость суждений – увы! – очень распространены в нашей среде. Всё это так!»

– соглашается «Руль» и вносит свои поправки к пессимизму Бердяева:

«Но всё-таки мы позволим себе упрекнуть почтенного автора в чрезмерной схематичности и крайней огульности его характеристик. Нам представляется, что и адресат его изобличений – русская эмигрантская молодёжь – только отчасти повинна во вменяемых ей грехах. Разве даже такие движения, как во многих отношениях уродливое евразийство, не свидетельствуют о брожении мысли, о попытках переоценки старых догм и о внимательном всматривании в процессы, происходящие в России? Неисправимый догматизм обнаруживают скорее представители старшего поколения русской эмиграции, поскольку они не могут отойти от прежних схем и доктрин, левых и правых. Именно здесь, в этом омертвлении и «мумификации», в этом идеологическом артериосклерозе видим мы самую опасную духовную болезнь эмиграции.

Тем, кто за эти 8 лет изо дня в день наблюдал русскую молодёжь, думается, не придёт в голову упрекнуть её в мертвенной застойности. Нет, жизнь в новых условиях, знакомство с европейским укладом жизни, новые профессии, трудовой режим – всё это не прошло даром. Неисправимый обскурантизм есть удел наименее одарённой и наиболее усталой части молодёжи, явление неизбежное всегда и всюду. И он – увы! – поддерживается и питается, главным образом, представителями старшего поколения, теми из них, которые ничего не забыли и ничему не научились.»

Но оптимистические поправки «Руля» не гармонируют с мрачными размышлениями

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
передовицы 24 ноября, – передовица вполне резонно скорбит:

«Нынешние германские процессы подчёркивают в ней одну особенно тревожную черту. Не так давно закончившийся берлинский процесс обнаружил семейную среду – убийство юношей возлюбленного своей молоденькой сестры, – среду невнимательную, распущенную, предоставившую подростков их воле и их участи. Можно было приписать последствия отсутствию семейного авторитета, отсутствию благодетельного семейного тепла и заботливости. Но настоящий эссенский процесс, наоборот, показывает две семьи – школьных преподавателей – в которых, как нарочно, семейный авторитет, воспитательная дисциплина, строгость нравов стояли чрезвычайно высоко.

Может быть, здесь губительной оказалась именно семейная опека? Но опять-таки – эти две семьи представляют явную противоположность: в одной господствуют дисциплина, строгость, суровые требования воздержания; в другой – материнская ласка, любовная помощь юноше в его собственных стремлениях к самообузданию. Жестокая трагедия не пощадила обеих семей. Что же это: авторитет и отсутствие авторитета, опека и беспризорность, суровость и ласка, – ни одна из этих противоположностей не отвела рока от юных жизней.»

Но «Руль» – всё-таки «Руль», и, сокрушаясь о германской молодёжи, он продолжает направлять свою злость и внимание читателей своих на молодёжь Союза Советов, на комсомол. В передовой статье 23 ноября, озаглавленной «Контрреволюционные ценки», он говорит:

«В то время, как в эмиграции поклонники «пассивного эволюционизма» изо всех сил приспособляются к сочинённому ими мирному вращению населения в советский строй, – в России нарастает весьма активный революционизм. Активность деревни, стихийная, хаотическая и беспощадная, даёт один его элемент; другой создаётся нарастанием заговорщических настроений среди учащейся молодёжи, даже комсомольской; названия носят совсем «эмигрантский» характер, например, «Союз национального возрождения России», хотя имеют чисто «внутреннее» происхождение. «Террористическое ядро», наверное, будет проклято вождём беженского пассивного эволюционизма как расстраивающее все его чертежи.»

Как видите, «Руль» ничего не имел бы и против террора, – очевидно, так надо понимать его иронию по адресу сторонников «беженского пассивного эволюционизма». Иосиф Гессен, Юлий Айхенвальд, Изгоев и прочие – эта «компания» совершенно одичала от злости, от обиды. В передовой от 23 ноября они пишут:

«Мы знаем, конечно, о множестве семейных трагедий, происходящих по всей России, где дети отрекаются от отцов или просто отпадают от них. Но, вместе с тем, кому из нас не приходилось при встречах со старыми знакомыми оттуда и при расспросах об их молодёжи слушать ответ: «Мои-то дети, слава богу, не заражены, их удалось охранить». И идёт эта незаметная работа охраны молодого поколения и передачи ему духовного наследия отцов по всей России.»

Не станем возражать по поводу «передачи духовного наследия отцов» детям «по всей России». Предоставим слово Е.Д. Кусковой, она недавно поместила в «Последних новостях» статью «Об идейных финтифлюшках» и вот что говорит в этой статье:

«Одно из самых тяжёлых обстоятельств нашей и без того тяжкой жизни – это состояние духа интеллигенции и здешней, зарубежной, и внутривосточной. Как определить это состояние? Корреспондент «Социалистического вестника» (ном.20) из Москвы поставил диагноз весьма радикальный: нет никакого «состояния духа», – просто померла... «Интеллигенция, – пишет он, – как группа прекратила своё существование. Сохранились ещё отдельные экземпляры, но подавляющая масса превратилась в чиновников, трепещущих перед начальством, не смеющих своё суждение иметь». И так, «как группа» – померла... Ну, а мы тут существуем как группа или нет? Или также превратились в отдельные экземпляры? Каждый – сам по себе, лейбнишевская монада. Каждый экземпляр развивает свою собственную философию, и никто ни с кем и ни с чем не согласен. Корреспондент «Социалистического вестника» не указывает, по каким признакам он диагностировал смерть интеллигенции как группы там, внутри России. Здесь, за рубежом, приходится слышать иногда мнение другое: интеллигенция как группа ещё не умерла. И это, дескать, очень мешает жить другим, к этой группе не принадлежащим.

Недавно такое мнение мне пришлось слышать от писателя из так называемых

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma «молодых». Сидим и беседуем довольно мирно. По здешнему обыкновению, спрашивает: какие новости?

– Новости все печальные. Вы знаете, вчера умер такой-то.

Называю имя крупного в недавнем прошлом общественного деятеля.

– Что? Умер? Так ведь это же счастье!

– Для него, вы хотите сказать?

– Нет, нет! Для нас, конечно, для нас, молодых. Пока старики из этой так называемой «старой интеллигенции» не вымрут дочиста и здесь и там, – ничего не будет! – отчеканил он, зло блестя глазами.

Я даже отодвинулась...»

Движение – вполне естественное. Собеседник Е.Д. Кусковой утверждает, что советская молодёжь тоже заражена ненавистью к своим вождям, и Е.Д. верит ему. Напрасно. Разумеется, «в семье – не без уроков», особенно в том случае, когда семья насчитывает 150 миллионов человек и когда измотанные каторжным трудом, пережившие бесчисленное количество кровавых драм «отцы» деревни полагают, что «пора отдохнуть» с тем и на том, что уже приобретено. Разумеется, есть и дети, – как в деревне, так и в городе, – которые тоже не прочь отдохнуть. Ведь слухи о том, что деревня всё беднеет, – это не правда, а эмигрантская «политика». Правда же в том, что огромное большинство молодёжи хорошо понимает: отдыхать – рано. Для отдыха необходим целый ряд культурных условий: тысячи тракторов, силовые станции, орошение засушливых областей, дорожное строительство и т. д. Понимается молодёжью и то, что индустриализация страны – необходимейшее условие её дальнейшего культурного роста. Если интеллигенты-эмигранты думают, что сотни тысяч популярно-научных брошюр, «Беднота», «Крестьянская газета» и вообще вся масса литературы для деревни не имеет никакого влияния на крестьян, – плохо эмигранты оценивают роль интеллектуальной энергии. А затем эмигранты упускают из «поля своего зрения» некий новый фактор, имеющий колоссальное культурное значение: массовый человек – рабочий и крестьянин – постепенно начинает чувствовать себя хозяином своей страны, начинает гордиться своими успехами в деле строительства нового быта, нового хозяйства, а самое главное – он уже почти понял всепобеждающую силу труда и ему уже не чужд трудовой пафос.

Я понимаю, что эмигранты этому не поверят, – «невыгодно» верить. Но я должен ещё напомнить, что у советской молодёжи есть свои органы печати: кроме «Комсомольской правды», в каждом провинциальном городе издаются комсомольские «Смены», «Резервы» и т. д., есть свой журнал «На литературном посту», и не один этот, что расходятся в сотнях тысяч экземпляров, журналы рабселькоров, военкоров, журналы для женщин, для пионеров, и почти на каждой фабрике, на каждом заводе есть своя маленькая газета. Все эти издания весьма убедительно говорят о том, что большевистская гвардия очень хорошо воспитывает смену себе. В Союзе Советов есть радость жизни и «радость о жизни». А что может вынести эмигрантская молодёжь из газет своих отцов, из газет, начинённых явной ложью, явной клеветой и злостью, из газет, насыщенных пессимизмом, мелкой и злой междоусобной полемикой, – что дают ей эти «выхолощенные» газеты?

Естественно, что дети, которым нужны не только бульварные романы и описания сенсационных преступлений, а кое-какая «радость о жизни» и даже, может быть, нужна правда, – естественно, что дети кричат в лицо своим отцам и матерям:

– Умирайте, умирайте скорей!

Комментарии

О цинизме

Впервые напечатано в сборнике «Литературный распад», издание «Зерно», Петербург, 1908, со следующим примечанием редакции: «В последний момент, уже во время набора книги, мы получили для сборника статью М. Горького, написанную им для французского журнала «Documents du progres», но ещё нигде не появлявшуюся в печати».

Сборник «Литературный распад» вышел в свет в январе 1908 года. В журнале «Documents du progres» статья «О цинизме» появилась в мартовской книжке.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

М. Горький начал писать статью для этого журнала в ноябре 1907 года (письма к Е.П. Пешковой. Архив А.М. Горького) и послал её К.П. Пятницкому в первых числах января 1908 года.

В статье «О цинизме» содержатся отдельные неверные положения «богостроительского» характера (см. примечания к повести «Исповедь» в томе 8 настоящего издания).

С цензорскими исключениями статья вошла в сборник М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.», издание первое, без цензорских искажений напечатана во втором издании этого сборника. Печатается по второму изданию сборника М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.».

Письмо А.Галлену

Впервые напечатано в журнале «Новый мир», 1928, номер 4, апрель, по фотоснимку, сделанному в 1907 году или в самом начале 1908 года финляндским жандармским управлением. В донесении управления сообщалось, что «подлинное письмо удалось купить агентурным путём на самый короткий срок для снятия с него фотографического снимка имеющимся в управлении аппаратом». Письмо написано рукою М.Ф. Андреевой и подписано М. Горьким.

«Письмо А. Галлену» было написано вскоре после отправки статьи «О Финляндии» И.П. Ладыжникову, то есть в первых числах декабря 1907 года.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по фотокопии «Центральный исторический архив».

Галлен-Каллела Аксель (1865–1931) – финский художник. М. Горький познакомился с ним в 1905 году, во время пребывания в Финляндии.

Прилагаю статью мою.. – в первых числах декабря 1907 года к М. Горькому обратились представители финляндской общественности с просьбой выступить в печати в защиту финского народа от усилившихся притеснений и гнёта со стороны царского правительства. Тогда предполагалось, что вместо финляндского генерал-губернатора Герарда, сменившего убитого в 1904 году Н.Н. Бобрикова, будет назначен А.В. Каульбарс, прославившийся в 1905–1906 гг. кровавой расправой над революционным населением г. Одессы.

В ответ на просьбу М. Горький написал статью «О Финляндии» и отправил её И.П. Ладыжникову для опубликования в европейской прессе (письмо И.П. Ладыжникову от 6(19) декабря 1907 года. Архив А.М. Горького). 14(27) декабря статья была опубликована в берлинских газетах. Отрывки из статьи позднее появились в газете «Речь» (1907, номер 305, 28 декабря). Об этой статье М. Горький и говорит в приписке к письму А.Галлену.

В этой статье М. Горький писал:

«Чёрные вести идут из России, подлые вести о том, что духовно мёртвое «опившееся кровью, пьяное от сладострастия, жестокости, обезумевшее от преступлений» русское правительство снова начинает варварский поход против маленькой Финляндии.

...Русское правительство, преследуя всегда одну цель – во что бы то ни стало укрепить свою власть над народностями, входящими в состав России, – ныне собирается погасить яркий огонь духовной жизни финнов.

Они кажутся царю врагами, потому что пользуются конституцией, которой присягали все его предки и он сам, они неприятны, видимо, и потому, что отказываются пить водку, они враждебны русской полиции и шпионам потому, что не позволяют в своей стране произвола и насилия, не допускают арестов русских беглецов, наконец, они культурны, а потому враждебны правительству полуграмотных чиновников и безграмотных генералов, – правительству, составленному из очень жестоких людей и не совсем ловких воров.

Готовится новое преступление, скоро польют новые ручьи крови – драгоценной

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiy.ma
человеческой крови.

Люди, увлечённые процессом строительства социального, охваченные жаждой культуры, так удивительно способные к ней, принуждены будут взять в руки ружья и драться за свободу своей бедной земли с полуголодными, раздражёнными солдатами русского правительства.

Духовное развитие человека остановится: из глубин инстинкта встанет укрощённый зверь и, почувствовав свою свободу, проявит её в жестокости и насилиях. Этого зверя разбудит русское правительство, мудрое правительство России, которое постепенно развращает не только тех, кто имеет несчастье быть его подданными, но и правительства соседних стран.

Я полагаю, что за всю историю человечества не было столь кровавых, позорных страниц, как страницы из истории борьбы русского правительства за свою власть против своего народа.

...А ведь Европа – в лице своих лучших людей – должна бы протестовать против всякого насилия и разврата, если эти культурные люди искренно любят свободу, искренно считают её необходимой для жизни, как необходимо солнце».

Письмо в редакцию

Впервые напечатано в журнале «Весна», 1908, номер 4, апрель.

Весной 1908 года В.И. Ленин в письме к М.Ф. Андреевой просил М. Горького «написать легальное открытое письмо в русские газеты с просьбой помочь библиотеке Куклина в Женеве присылкой газет эпохи революции и материалов к её истории. Письмо коротенькое, разъясняющее широкой публике, почему важно помочь этой библиотеке для работ и самого Горького и многих других, ему известных, литераторов» (Сб. «Письма Ленина Горькому», Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр.34).

Исполняя просьбу В.И. Ленина, М. Горький написал это письмо.

Библиотека социал-демократа Г.А. Куклина в 1907 году поступила в распоряжение большевиков.

В авторизованные сборники письмо не включалось. Печатается по тексту журнала «Весна», сверенному с авторизованной копией письма (Архив А.М. Горького).

[«Придите на помощь Италии!»]

Впервые напечатано в журнале «Труженик», 1908, номер 22–24, 31 декабря, под заголовком «Письмо Горького».

Написано в связи с землетрясением в Сицилии 15(28) декабря 1908 года.

В газете «Обозрение театров», 1908, номер 612, 20 декабря, помещён другой текст воззвания Горького:

«Ужасное несчастье постигло страну культурного мира. Посильной помощью в день горя проявите благодарность за великие уроки, данные этой страной народам и всему миру.

Прошу все газеты – провинциальные и столичные – перепечатать. Письма и деньги можно адресовать: Италия, Капри, Горькому».

В авторизованные сборники не включалось. Печатается по тексту журнала «Труженик».

Разрушение личности

Впервые напечатано в книге «Очерки философии коллективизма», сб. I, издание товарищества «Знание», СПб. 1909.

Название статьи менялось в процессе её переработок: «Разрушение личности» было заменено заглавием: «От Прометея до хулигана», затем автор снова вернулся к прежнему названию; в письмах М. Горького встречается также название: «Личность и творчество».

В сохранившейся машинописи (озаглавленной «Разрушение личности» с подзаголовком
Страница 244

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта («Очерки современной жизни и литературы»), содержащей краткий вариант, по-видимому, первого раздела статьи, М. Горький указывает: «В этих очерках я хотел бы посылить ответить на те вопросы, которые ставились предо мною рабочими, членами Лондонского съезда» (Архив А.М. Горького). Имеется в виду V съезд РСДРП (состоялся в Лондоне с 30 апреля по 19 мая ст. ст. 1907 года), делегатом которого был М. Горький.

Первоначальный вариант статьи написан, очевидно, в самом начале 1908 года. В феврале этого года М. Горький писал И.П.Ладыжникову, что заметки о современной литературе – «Разрушение личности» – будут печататься в «Пролетарии». Сообщая И.П.Ладыжникову о посылке ему в ближайшее время этой статьи, М. Горький высказывал пожелание, чтобы она была помещена в партийных немецких изданиях (Архив А.М. Горького).

Нелегальная газета «Пролетарий», орган Петербургского и Московского комитетов РСДРП, фактически – Центральный Орган большевиков, выходила с 1906 по 1909 год под редакцией В.И.Ленина. Издание газеты, в связи с начавшимися арестами, было в январе 1908 года перенесено из России в Женеву.

В письме от 2 февраля 1908 года В.И.Ленин сообщал М. Горькому о включении его в число сотрудников «Пролетария», а в письме от 13 февраля того же года писал: «Ваш план писать маленькие вещи для «Пролетария» (анонс Вам послан) меня очень и очень радует» (В.И.Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т.34, стр.335).

В письме от 25 февраля 1908 года В.И.Ленин пишет М. Горькому о его статье, полученной для публикации в «Пролетарии». Указанное выше письмо М. Горького И.П. Ладыжникову, а также характер философских ошибок, допущенных в статье «Разрушение личности», позволяют предполагать, что в письме В.И.Ленина М. Горькому речь идёт именно об этой статье.

В письме М. Горькому В.И.Ленин писал, что в «Пролетарии» статью помещать в таком виде не следует, и указывал: «...Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для «Пролетария» (В.И.Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т.13, стр.415). Говоря об «одном течении», В.И. Ленин имел в виду идеалистические философские взгляды А. Богданова, А. Луначарского и других «эмпириокритиков», выступивших против теоретических основ марксизма. Письмо заканчивается предложением М. Горькому переделать статью: «...всё, хоть косвенно связанное с богдановской философией, перенести в другое место. Вам, слава богу, есть где писать помимо «Пролетария». Всё, несвязанное с философией Богданова, – а у Вас большая часть статьи с ней не связана – изложить в ряде статей для «Пролетария» (там же, стр.417).

В середине марта 1908 года М. Горький просил И.П. Ладыжникова не печатать «Разрушение личности», так как он намерен расширить статью и поместить её в одном из сборников, издание которых намечено им совместно с А.В. Луначарским (Архив А.М. Горького). Новый вариант был завершён не позже октября 1908 года, когда М. Горький сообщил издательству «Знание» об окончании работы над статьёй «От [Прометей] до хулигана». Он указывал, что статья будет передана издательству и должна быть срочно опубликована в сборнике, куда войдут также статьи А.В. Луначарского, А.А. Богданова, В. Базарова (Архив А.М. Горького). По-видимому, в том же месяце М. Горький писал Е.П. Пешковой об окончании статьи «От Прометей до хулигана»; он возмущался тем, что русскую литературу грязнят хулиганы (Архив А.М. Горького).

Статья была отослана в издательство «Знание» в начале ноября 1908 года, очевидно, для публикации в сборнике, и в начале 1909 года – И.П. Ладыжникову, с просьбой опубликовать её первую часть за границей.

Работа над статьёй продолжалась и после её отсылки в печать. В марте 1909 года М. Горький писал И.П. Ладыжникову: «Статью мою печатать подождите [13], я послал её Вам раньше, чем она выдержала коллективную редакцию Базарова, Богданова, Луначарского. Печатать её нужно по корректуре, которую вам пришлют из Питера...» [14] (Архив А.М. Горького).

М. Горький указывал при этом, что он устранил из статьи ту часть, которую подверг справедливой критике И.П. Ладыжников – о международной политике.

Несмотря на неоднократную переработку, статья «Разрушение личности» содержит

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
ошибки, вызванные влиянием на М. Горького идеалистических взглядов группы
Богданова – Луначарского (см. об ошибках М. Горького в этот период в примечаниях
к повести «Исповедь», том 8 настоящего издания).

Сборник «Очерки философии коллективизма», в котором впервые была опубликована
статья «Разрушение личности», вышел из печати в апреле – начале мая 1909 года.

В том же году статья под названием «От Прометея до хулигана» была опубликована в
переводе на болгарский язык в Болгарии в журнале «Современник» (редактор Г.
Бакалов).

Статья включалась М. Горьким в оба издания сборника «Статьи 1905–1916 гг.»;
автор редактировал текст для обоих изданий этого сборника. Царская военная
цензура сделала в первом издании ряд изъятий в данной и других статьях сборника,
заменив опущенные места точками. Во втором издании сборника (1918 года)
заменённый точками текст был восстановлен.

В 1923 году М. Горький редактировал свои публицистические статьи, в том числе и
«Разрушение личности», для неосуществившегося издания статей в составе собрания
сочинений. Исправления вносились автором в печатный текст первого издания
сборника «Статьи 1905–1916 гг.». В тексте статьи «Разрушение личности» было
сделано два небольших изменения. К предисловию правленного экземпляра сборника
М. Горький сделал следующее дополнение:

«В издании 917 года многие статьи этой книги были искажены цензурой. Подлинников
у меня нет, я не могу восстановить по памяти куски статей, уничтоженные
цензором, и оставляю зияния как поучительную память о издевательствах над
свободой слова. Фрейбург 923 г.» (Архив А.М. Горького).

Сопоставление текста статьи в первом издании сборника «Статьи 1905–1916 гг.» с
текстом первой публикации и с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)
обнаружило пять различий, являющихся, по-видимому, следствием либо
непосредственного вмешательства военной цензуры, либо редактирования текста
издательством во избежание цензурных осложнений. Эти искажения устранены в
настоящем издании.

Сохранилась запись М. Горького, воспроизводящая высказывание одного из
буржуазных критиков по поводу статьи «Разрушение личности».

«Если Фидий высекает из глыбы мрамора Зевса, то по Горькому, он только
шлифовщик, а творец тот «народ», те рабочие, которые выломали эту глыбу мрамора
из горы».

Это высказывание вызвало следующее замечание М. Горького, записанное тут же:
«Творец – тот народ, который создал образ Зевса, – дубина!» (Архив А.М.
Горького).

Во время последней переработки статьи автором с участием А.А. Богданова из
машинописной копии, послужившей в дальнейшем оригиналом набора первой
публикации, было изъято несколько страниц (отдельные абзацы исключённого текста
затем были вписаны в машинопись и вошли, таким образом, в статью).

Приводим два отрывка из текста исключённых страниц:

«Пролетариат, наша великая надежда и любовь, политически юн, численно слаб, и на
нём лежит гигантская задача – организация сознания крестьянской массы, он
является единственно честным и бескорыстным вождём её, ибо только он несёт в
себе идею, приветно улыбающуюся всему миру».

«(Не следует забывать, что с того момента, когда мещанство ощутило необходимость
философского оправдания своего бытия, его внимание приковал к себе социализм, но
раньше мещанин высмеивал и искажал социализм лишь на бумаге, а ныне вползает в
партии, стараясь отравить рабочих продуктами разложения своего и втаскивая за
собой реформизм, христианство.

Мы видим также, что в иных государствах оно) уже отдаёт дело охраны своей в руки
авантюристов, покупая их в среде голодной и жадной демократической
интеллигенции. И мы видим, как слабо сопротивляется оно, когда новый кондотьер,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта охраняя анархический строй, начинает стеснять свободу действий самих анархистов–мещан.

Сказанное выше было бы голословно, если бы вся литература XIX века не стояла перед нами как яркая и детальная картина процесса разрушения личности. Возьмём ряд великих имён – Гёте, Байрона, Шиллера, Шелли, и мы ещё раз изумимся ёмкости их душ, поражающему обилию интересов, знаний, идей. Эти люди помнили живые слова Вольтера: они «питали пламя духа своего всем, что нашли драгоценного в жизни, вводили в бытие своё все вообразимые интересы, раскрывали души свои всяким познаниям и чувствам». Обратите внимание на количество мысли в книгах Гейне, Пушкина, Мицкевича, Достоевского – разве не поразительно духовное богатство этих людей? Но чем ближе к нам, тем более заметно печальное сужение мысли, темы, бедность чувства и образа. Гениального Бальзака сменяет высокоталантливый флорбер, трудолюбивый и умный Золя, холодный и безжизненный красавец Франс. На родине Шелли – Теннисон, Суинберн, на месте Диккенса – Гемфри Уорд и Джером; «Базар житейской суеты» сменён остроумием Бернарда Шоу, писателя, которому не веришь. Раздаются злые, но бессильные проклятия Бодлера, молодой Метерлинк слагает гимны смерти – это после Леопарди так же скучно, как Луиза Аккерман после (Байрона), Ленау, и обидно, как Ростан после Гюго. Душа поэта перестаёт быть золотой арфой, отражающей все звуки жизни – весь смех, все слёзы и голоса её. Человек становится всё менее чуток к впечатлениям бытия, и в смехе его, слышном всё реже, звучат ноты болезненной усталости, он тускнеет, и его – когда-то святая – дерзость принимает характер отчаянного озорства, как у Оскара Уайльда.

Эдгар По чувствовал ужас, Амброз Бирс выдумывает его, многие пробовали писать, как Гофман, но никто не мог сравниться с ним. Заметно совпадение настроений начала прошлого века с текущими днями, но – какая резкая разница талантов, какое падение сил!..

(..Писатель – это уже не зеркало мира, а маленький осколок; социальная амальгама стёрта с него, и, валяясь в уличной пыли городов, он не в силах отразить своими изломами великую жизнь мира и отражает обрывки уличной жизни, маленькие обломки разбитых душ, как, например, Питер Альтенберг.

Иногда он озорниково берёт прекрасные образы, созданные мастерами прошлого, разбивает их, складывает куски снова и делает для нас маленьких дон Жуанов, крошечных Гамлетов (и Ролла). Затем являются критики и по поводу мелких литературных краж (премудро) говорят читателю о великих литературных событиях)»

(Архив А.М. Горького).

В настоящем издании статья «Разрушение личности» печатается по тексту второго издания сборника М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.», сверенному с авторизованной машинописью – оригиналом набора первой публикации, – и текстом, правленным автором в 1923 году (Архив А.М. Горького).

Бестужев-Рюмин приводит следующее свидетельство Ибн-Фоцлана... – М. Горький цитирует (с небольшими отклонениями) сохранившуюся в его библиотеке книгу К.Бестужева-Рюмина «Русская история», т. I, изд. Д.Е. Кожанчикова, СПб. 1872, стр.76. Цитируемое место отчёркнуто М. Горьким в книге красным карандашом

...испанцы пели в своих песнях «жизнь – есть сон» раньше Кальдерона... – «Жизнь есть сон» – название пьесы испанского драматурга Кальдерона.

Ротюра – от французского слова «roture» – простонародье, разночинство. В XVIII веке ротюру, как третье сословие, противопоставляли феодалам.

Ты воздвигнешь такое сооружение... – М. Горький цитирует с небольшими отклонениями книгу Ф. Монье «Опыт литературной истории Италии XV века. Кваттроченто», издание Л.Ф. Пантелеева, СПб. 1904, стр.5, 426, 561.

Было создано множество Манфредов... – Манфред – герой одноимённой философской драмы английского поэта Д.Байрона.

Домби – герой романа английского писателя Ч.Диккенса «Домби и сын».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта Гранде – герой романа французского писателя О.Бальзака «Евгения Гранде».

Саккар – герой ряда романов французского писателя Э.Золя из серии «Ругон-Маккары» («Карьера Ругонов», «Деньги», «Добыча» и др.)

...герой пьесы Мирбо «Les affaires sont les affaires». – Исидор Леша, герой пьесы французского писателя О.Мирбо, вышедшей в русском переводе под названием «Рабы наживы», СПб. 1905; под названием «Нажива» – изд-во «Искусство», М.-Л. 1941

...в лице героя «Le Rouge et le Noir»... – Жюльен Сорель, герой романа французского писателя Стендаля «Красное и чёрное»

...Растиньяк Бальзака... – герой романов О.Бальзака «Отец Горио», «Утраченные иллюзии» и др.

Люсьен ещё менее устойчив... – Люсьен Шардон, герой романа О.Бальзака «Утраченные иллюзии»

...Люсьена сменяет... – Жорж Дюруа, герой романа французского писателя Г.Мопассана «Милый друг»

...зачеркнув кровавой, жадной лапой девяносто третий, хотел восстановить восемьдесят девятый, но против воли, своей вызвал к жизни сорок восьмой. – Имеются в виду исторические события во Франции: 1793 год – период диктатуры революционной демократии во время французской буржуазной революции; 1789 год – начало французской буржуазной революции, отмена феодальных привилегий; 1848 год – революция во Франции, в ходе которой произошло восстание парижского пролетариата

...Фойгт определяет как «вялое умственное равнодушие». – М. Горький цитирует книгу Г.Фойгта «Возрождение классической древности или первый век гуманизма», т. I, издание К.Т.Солдатенкова, М. 1884

...Шахов, может быть, несколько упрощённо говорит... – М. Горький, по-видимому, излагает мысль историка западноевропейских литератур А.Шахова, высказанную в его книге «Очерки литературного движения в первую половину XIX века», СПб. 1907.

Ролла Мюссе – герой одноимённой поэмы (1833) французского писателя и поэта А. Мюссе

...«сын века» – имеется в виду Октав, герой романа А.Мюссе «Исповедь сына века» (1836).

Рене Шатобриана – герой одноимённой повести (1802) французского реакционного писателя и политического деятеля Ф. Шатобриана.

Грелу Бурже – герой романа французского реакционного писателя П.Бурже «Ученик» (1889).

Человек «без догмата» у Сенкевича... – имеется в виду Леон Плошовский, герой романа польского писателя Г.Сенкевича «Без догмата» (1891).

Фальк Пшибышевского – герой романа реакционного польского писателя, декадента и мистика С.Пшибышевского «Ното sapiens» (1898).

Санин Арцыбашева – герой одноимённого бульварного романа (1907) реакционного писателя М.П. Арцыбашева.

Мармеладов – персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

...«сеять разумное, доброе, вечное». – Изменённая строка стихотворения Н.А.Некрасова «Сеятелям». У Некрасова:

Сейте разумное, доброе, вечное

...ветлужского мужика Тюлина. – Имеется в виду герой рассказа В.Г. Короленко «Река играет».

Платон Каратаев – персонаж романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua

Аким – действующее лицо пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы».

Гамлеты на грош пара – рассказ писателя-народника Я. Абрамова «Гамлеты – пара на грош (Из записок лежебока)»; напечатан в либерально-народническом журнале «Устой», СПб. 1882, номер 12, декабрь.

Новодворский метко назвал интеллигента тех дней «ни павой, ни вороной». – Имеется в виду произведение писателя-народника Осиповича (псевдоним А.О. Новодворского) «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны»

...рассказ «Поумнел»... – напечатан в журнале «Русская мысль», 1890, номера 10–12, октябрь–декабрь

...рассказ «Поправел»... – напечатан в «Вестнике Европы», 1907, номер 8, август

...заставляют вспомнить «эволюцию» Льва Тихомирова... – Тихомиров – член Исполнительного комитета партии «Народная воля», участник покушений на Александра II, стал ренегатом и заслужил прощение царского правительства.

«Неделя» Меньшикова... – еженедельная газета народнического направления, выходившая с перерывами в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы с самодержавием, проповедовала «культуричество», так называемую «теорию малых дел».

«Борская колония»... – описана в одноимённом рассказе писателя-народника С.Каронина (псевдоним Н.Е. Петропавловского).

Рахметов – герой романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»

Рябинин – герой рассказа В.М. Гаршина «Художники».

Стожаров – герой романа Д.Л. Мордовцева «Знамена времени».

Светлов – герой романа Омулевского (псевдоним И.В. Федорова) «Шаг за шагом (Светлов, его взгляды, характер, деятельность)».

«Тьма», «Рассказ о семи повешенных» – реакционные рассказы Л.Н. Андреева.

«Миллионы», «Ужас», «Человеческая волна» – произведения М.П. Арцыбашева.

Эсдечка Алкина Сологуба... – персонаж романа реакционного писателя-декадента Ф. Сологуба «Творимая легенда».

И даже Куприн... – имеется в виду рассказ А.И. Куприна «Морская болезнь»

...господа Смертяшкины... – кличка, данная М. Горьким русским пессимистам-декадентам. М. Горький использовал её позднее в третьей сказке серии «Русские сказки», героем которой является поэт Евстигней Закивакин, избравший себе псевдоним «Смертяшкин» (см. примечание к «Русским сказкам» в томе 10 настоящего издания)

...«зубная боль в сердце»... – выражение принадлежит Г. Гейне (см. его книгу «Идеи. Книга Le Grand»).

«Долго ли муки сея...» – М. Горький цитирует в отрывках разговор протопоба Аввакума со своей женой по книге «Житие протопоба Аввакума, написанное им самим», изд. II, СПб. 1904, стр.12–72

...вчерашних блондинов... – см. цитату из статьи Н.К. Михайловского в настоящей статье

...чеховской новеллы «На даче»... – по-видимому, М. Горький имеет в виду рассказ А.П.Чехова «Новая дача»

...об этом свидетельствует господин Муйжель в одноимённом рассказе... – вероятно, М. Горький имеет в виду рассказ В.В. Муйжеля «Дача»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma...«венского периода русской литературы»... – В годы реакции местом частых встреч обывательски настроенных литераторов был ресторан «Вена»; отсюда ироническое выражение «венский период».

Статья печатается по авторизованной машинописной копии (Архив А.М. Горького).

[А.С. Пушкин]

Публикуемый текст представляет собой часть чернового конспекта одной из лекций, прочитанных М. Горьким группе русских рабочих в 1909 году на о. Капри (см. примечание к воспоминаниям о М. Вилонове в томе 17 настоящего издания). Выдержки из конспектов, содержащие высказывания М. Горького о Пушкине, в несколько ином составе впервые напечатаны после смерти автора в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1936, номер 223 от 24 сентября. Черновые конспекты лекций в том объёме, в каком они сохранились в Архиве А.М. Горького, опубликованы впервые в книге «Архив А.М. Горького, т.1, История русской литературы», ГИХЛ, М. 1939. Название «История русской литературы» дано редакцией тома Архива и неточно отражает замысел автора: «...наша тема, – писал М. Горький в одном из конспектов, – русская литература и русская интеллигенция в их отношениях к народу» («Архив А.М. Горького, т.1, История русской литературы», стр.231).

В настоящее издание из рукописей конспектов включён раздел об А.С. Пушкине (две выдержки), как наиболее законченный.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького). М. Горький в большинстве случаев не воспроизводит в конспектах цитируемые им тексты произведений Пушкина, ограничиваясь условными обозначениями изданий, которыми он пользовался, с указанием страниц. При публикации конспектов редакция включила в текст цитаты на основании авторских ссылок. Цитаты, включённые редакцией, взяты в квадратные скобки.

Ссылки в рукописи указывают на следующие издания, которыми М. Горький пользовался при составлении конспектов:

«Сочинения и письма А.С.Пушкина» под ред. П.О. Морозова, изд. «Просвещение», СПб. 1903–1906, тт. I, II, III, VIII.

«Стихотворения А.С.Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Дополнение к 6 томам петербургского издания». Изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861.

Указанные издания использованы для воспроизведения цитат в настоящей публикации.

Условные обозначения изданий, заменяющие в рукописи цитаты, опущены, названия цитируемых произведений включены в текст. Недописанные М. Горьким в рукописи слова печатаются полностью без особых обозначений.

...нужно было выдвинуть против понятия «народность» иное понятие... – М. Горький имеет в виду реакционное толкование понятия «народность», разъяснённое им в предшествующих лекциях («Архив А.М. Горького», т.1, стр.51).

[«У нас писатели взяты из высшего класса общества...»] – М. Горький цитирует письмо А.С. Пушкина А.А. Бестужеву от 1825 года из села Михайловского.

[«Ты сделался аристократом...»] – М. Горький цитирует письмо К.Ф. Рылеева А.С. Пушкину от 1825 года.

«Мне досадно...» – М. Горький цитирует черновик письма А.С. Пушкина К.Ф. Рылееву из села Михайловского от 1825 года.

[«Нашед в истории...»] – из набросков предисловия А.С. Пушкина к «Борису Годунову».

[«Опять под час в прихожей...»] – М. Горький цитирует стихотворение К.Ф. Рылеева по книге Н. Котляревского «Рылеев», СПб. 1908, стр. 32–33.

Николай Полевой: отношение знати к литератору. – На указанной М. Горьким 448 странице тома II сочинений А.С. Пушкина (СПб. 1903) текста Н. Полевого нет. На

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyта
странице 488 указанного тома напечатан отрывок из сцены Н. Полевого «Утро в
кабинете знатного барина», который, возможно, и имел в виду М. Горький.

В 1819 году, дружа с декабристами, Пушкин пишет... – Стихотворение «Сказки «Noë]»
было написано А.С. Пушкиным в 1818 году

...революционер Ривго Нуньес... – точнее, Риго и Нуньес Рафаэль, вождь испанской
революции 1820–1823 годов

...показывал в театре портрет Лувеля... – Лувель Луи Пьер, французский ремесленник,
приверженец Наполеона I, убил в 1820 году племянника Людовика XVIII, за что был
казнён.

«Умей презреть...» – из стихотворения Г.Р. Державина «Капнисту».

«Умолкни, чернь непросвещенна...» – из стихотворения Г.Р. Державина «Бессмертие
души».

«Прочь, буйна чернь непросвещенна...» – из стихотворения Г.Р. Державина «Об
удовольствии».

«Будь равнодушен к осуждёнью...» – изменённая строка стихотворения И.И. Дмитриева
из цикла «Подражания Горацию». У Дмитриева:

И равнодушие к суждёнью...

...для его знаменитого сборника... – имеются в виду «Песни, собранные П.В.
Киреевским». Сборник издавался отдельными выпусками, начиная с 1860 года

...цикл песен о Стеньке Разине, которого называл «единственным поэтическим лицом в
России»... – в письме к брату Л.С. Пушкину из села Михайловского от 1824 года А.С.
Пушкин писал: «...вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине,
единственном поэтическом лице русской истории»

...в своих путевых тетрадях... – На указанных М. Горьким страницах 208–209
названного сборника издания 1861 года (воспроизводящего тексты произведений А.С.
Пушкина, исключённые цензурой) напечатаны два отрывка из незаконченной и
неозаглавленной статьи А.С.Пушкина [«Мысли в дороге»] (в новых изданиях статья
имеет название «Путешествие из Москвы в Петербург»). Приводим эти отрывки в
более полном виде. Включённый дополнительно редакцией настоящего издания текст
взят в прямые скобки. В кавычки заключён отрывок, выписанный А.С.Пушкиным из
книги «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

[«Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья, или не
желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрёл небольшую деревню,
например, во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии.
Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом
всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные
к обработыванию земли.]

Способом к сему надёжнейшим почёл он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли,
ни побуждений не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении
нынешнего века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бой грудю, а в
единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели он отнял у них
малый удел пашни и сенных покосов, которые им, на необходимое пропитание, дают
обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от
крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто – всех крестьян, жён их и детей
заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то
выдавал он им определённое количество хлеба, под именем месячины известное. Те,
которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян
пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед
пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные разговенья бывали
разве на святой неделе. Таковым урядникам производилась также приличная и
соразмерная одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, делали они сами; онучи получали
от господина своего, а летом ходили босы. Следственно, у такихозников не было
ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин не
отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот
держал несколько птиц, которых господин иногда бирал к себе, платя за них цену

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma по своей воле...>

[Помещик, описанный Радищевым, привёл мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целью, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого он не думал и скрывать.] Сделавшись помещиком 2000 душ, он нашёл своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привёл крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности: он пахал барскою сохою, запряжённой барской клячею; скот его был весь продан; он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавались ему от господина, – словом [статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика]

...ругает своё воспитание «поганым и проклятым». – В письме Л.С.Пушкину от 1824 года А.С.Пушкин отмечал «недостатки проклятого своего воспитания».

«Объят тоской за чашей ликования...» – перифраз двух строк стихотворения А.С.Пушкина:

Так, иногда, за чашей ликования
Найдёшь меня, объятого тоской...

«Достойны равного презренья...» – из стихотворения «Когда твои молодые лета...»

«Расти на воле без уроков...» – из монолога Алеко, не вошедшего в окончательный текст поэмы «Цыганы».

«Какой это ужас...» – Письмо к Н.Н. Пушкиной от 18 мая 1836 года из Москвы А.С. Пушкин заканчивал словами: «...чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать...» Осуждая самодержавно-крепостнический строй царской России, А.С. Пушкин в то же время с горячей любовью говорил о своей родине, о своём народе. В том же году (в письме от 19 октября 1836 года) он писал П.Я. Чаадаеву: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество...»

О писателях-самоучках

Впервые напечатано в журнале «Современный мир», 1911, номер 2, февраль. В 1914 году, с незначительными цензурными изъятиями, выпущено отдельной книгой издательством «Жизнь и знание».

Статья написана не ранее осени 1910 года: в письме от 25 августа 1910 года к одному из начинающих писателей М. Горький сообщал о своём намерении написать статью о писателях-самоучках (Архив А.М. Горького).

Статья «О писателях-самоучках» была высоко оценена выдающимся деятелем большевистской партии С. Шаумяном. В марте 1911 года он писал:

«Тысячи нитей протягивались из сердца пробуждающихся к сознательной жизни, интересующихся литературой «людей из народа» к их славному собрату – писателю-самоучке Максиму Горькому. Кто чувствовал потребность излить свои чувства и думы перед близким человеком, в ком зарождалось желание написать что-нибудь, попытать счастье в литературе, посылал ему свои рукописи, письма, стихи. Среди корреспондентов Горького вы встретите рабочих, крестьян, сапожников, дворников, извозчиков, кухарок, горничных, проституток, торговку яблоками, прачку, кладбищенского сторожа, солдата, ссыльных, каторжан и пр. и пр. И все их писания, как видно из статьи, тщательно и с поразительной любовью и вниманием прочитываются и изучаются Горьким. Он переписывается со многими из них, даёт им советы, когда его просят, указывает им, какие книги кому читать, как писать, что делать. Сквозь каждую строчку статьи проглядывает замечательно чуткая, благородная душа автора, отмеченная глубокой любовью к «людям страшной жизни», как он выражается о них. В русской литературе, по крайней мере современной, мы не знаем другого писателя, до такой степени морально чуткого и чистого, как Горький»

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma (С.Шаумян, Литературно-критические статьи, Гослитиздат, М. 1952, стр.40).

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Современный мир».

«Надо остановить внимание...» – по-видимому, имеется в виду следующее место из письма А.И. Эртеля к М.Н. Чистякову от 10 августа 1881 года: «...меня гораздо более интересует участь интеллигенции и трагический характер её отношения к народу, чем самый народ...» (см. сборник «Письма А.И. Эртеля», М. 1909).

«Сейчас народился новый читатель...» – цитата взята из письма редактора симбирской газеты «Жизнь» Н.Н.Ильина М. Горькому (1911) (Архив А.М. Горького).

«Русская интеллигенция и русская буржуазия не одно и то же...» – Высказывания на эту тему встречаются в ряде статей Н.К. Михайловского (см. «Записки современника», 1881–1882, разделы VII, VIII, IX).

«Честь тому, кто за сохой...» – из стихотворения немецкого поэта Ф. Фрейлиграта «Памяти труженика». Цитируемый М. Горьким перевод напечатан в сборнике «Песни труда», издание Н. Пармонова, Ростов-на-Дону, 1905

...переведено Михайловским. – Имеется в виду переводчик Д. Михаловский.

«Жизнь Человека», «Царь Голод» – произведения Л.Н. Андреева.

Вот лирическое сочинение рабочего Малышева... – Малышев С.В. (ум. 1938) – профессиональный революционер, старый большевик, рабочий по происхождению; автор воспоминаний «Встречи с Лениным», «На пролетарских ступенях» и др., а также ряда повестей и рассказов.

«Жизнь есть борьба...» – из стихотворения М.К. Савина «Борьба».

«Только трудом...» – из стихотворения Ф.С. Шулева «Гимн труду».

«Я не хочу земли обетованной...» – из стихотворения Н. Боровского «Не увлекай меня красивыми мечтами...»

«Хочу я быть певцом отчизны...» – из стихотворения Я.И. Морозова-Щаперовского «Моя мечта».

«Я не могу склониться...» – из стихотворения Е.Е. Нечаева «Язычница»

...ряд других сборников «писателей из народа...» – М. Горький, по-видимому, имеет в виду сборники: «Родные звуки, сборник стихотворений писателей-самоучек», вып.1, М. 1889; вып.2, М. 1891, «К заветной цели! Литературный сборник», издание «Кружка писателей из народа», 1904, и другие.

Приведу одну из таких биографий... – речь идёт о биографии и творчестве сибирского писателя И.И. Тачалова.

«Принциписты-самоубийцы» – точное название произведения А.А. Шкляревского – «Самоубийцы-принциписты».

«Что такое талантливый человек?» – В очерке «Лев Толстой» М. Горький приводит высказывание Л.Н. Толстого в следующей редакции: «Талант – это любовь. Кто любит, тот и талантлив. Смотрите на влюблённых, – все талантливы!» (см. том 14 настоящего издания)

...перевоспитать только приёмами доктора Моро. – Имеется в виду герой научно-фантастического романа английского писателя Г. Уэллса «Остров доктора Моро»

...шесть изданий книги... – речь идёт о книге черносотенца И.А. Родионова «Наше преступление (не бред, а быль). Из современной народной жизни». Первое издание её вышло в 1909 году. По поводу этой книги в одном из своих писем М. Горький говорил, что автор её рекомендует «водворить мир посредством виселиц» (см. журнал «Современник», 1911, номер 2, февраль, стр.300)

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

...мне не надо упоминать об успехе народного университета Шанявского... – Имеется в виду «Народный университет», организованный в Москве в 1905–1908 гг. А.Л. Шанявским

...«мудрецы и поэты, хранители тайны и веры»... – из стихотворения В.Брюсова «Грядущие гунны». Текст находится в «Народной библиотеке М. Горького».

[О Бальзаке]

Впервые напечатано (в переводе на французский язык) в журнале «La Revue», Париж, 1911, номер 14 от 15 июля; на русском языке – в журнале «Молодая гвардия», 1927, номер 1, январь. В 1938 году И.А. Груздев опубликовал статью по рукописи в своей книге «Горький и его время».

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту публикации 1938 года, сверенному с текстом журнала «Молодая гвардия» и публикацией на французском языке

...лет тринадцать... – в указанной французской публикации: «пятнадцать лет»

...о чём мне однажды пришлось говорить... – М. Горький имеет в виду памфлет «Прекрасная Франция» (см. том 7 настоящего издания).

«В ширь пошло...»

Впервые напечатано в периодическом издании «Будущее» («L'Avenir»), Париж, 1911, номер 1 от 22 октября. Перепечатано в сборнике «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1, издание Академии наук СССР, М.–Л. 1934.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту сборника «М. Горький. Материалы и исследования»

...о политике Кассо... – Кассо – царский министр народного просвещения в 1910–1914 гг. Реакционные мероприятия Кассо в области высшего образования (изгнание из университета прогрессивных профессоров) вызвали многочисленные студенческие забастовки, закончившиеся массовым исключением студентов из высших учебных заведений

...отрывок из письма одного из крупных русских литераторов... – М. Горький приводит отрывок из письма к нему Л.Н. Андреева от 12 августа 1911 года (см. «М. Горький. Материалы и исследования», т.1, М.–Л. 1934, стр.143–144)

...хотя А.И. Герценом давно доказано... – М. Горький, по-видимому, имеет в виду книги Герцена «Письма из Франции и Италии» и «С того берега».

О «карамазовщине»

Впервые напечатано в газете «Русское слово», 1913, номер 219, 22 сентября, с подзаголовком «Письмо в редакцию» и примечанием редакции: «В письме, сопровождающем настоящее письмо в редакцию, сам автор так определяет свою задачу: «Я глубоко убеждён, что проповедь со сцены болезненных идей Достоевского способна только ещё более расстроить и без того уже нездоровые нервы общества».

Статья написана М. Горьким по поводу готовившейся тогда Московским Художественным театром инсценировки романа Ф.М. Достоевского «Бесы» под названием «Николай Ставрогин». Из писем М. Горького к Вл. И. Немировичу-Данченко видно, что в августе месяце М. Горький оценил инсценировку романа Ф.М. Достоевского как начинание социально вредное; в последних числах августа он написал статью «О «карамазовщине», дополнив её 1–2 сентября несколькими строками об инсценировке романа Ф.М. Достоевского «Идиот», объявленной в конце августа театром Незлобина. 3 сентября (16-го по новому стилю) М. Горький отправил статью редактору «Русского слова».

В буржуазной прессе, положительно оценившей первую инсценировку романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», которую поставил Художественный театр в октябре 1910 года, и сочувственно отзывавшейся на извещение театра об инсценировке романа «Бесы», с 23 сентября изо дня в день публиковались статьи под заголовками: «Горький против Достоевского», «Скандал вокруг «Бесов»,

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua
«Горький обвиняет Достоевского» и пр.

Большевистская печать оценила статью М. Горького как выступление большой политической значимости. Газета «За правду» (одно из названий газеты «Правда» 4 октября 1913 года в статье М.С. Ольминского «Поход против М. Горького» так определила сущность полемики: «...на вопросе о Достоевском столкнулись два мира. Пролетарский мир, в лице М. Горького, выступил против соглашения с реакцией, против антисемитизма, против неблагородства человеческой души. И против него – другой мир, готовый обниматься и с реакцией и с антисемитизмом, готовый продать своё «благородство души» первому, кто пожелает выступить покупателем.

На этом примере рабочие должны учиться понимать те далеко не благородные вождения, которые обычно кроются под пышными фразами о святости искусства и о чистом искусстве» (М. Ольминский. По литературным вопросам, М.–Л. 1932, стр. 25–26).

Статья «О «карамазовщине»» включалась в первое и второе издания сборника М. Горького.

Печатается по тексту второго издания указанного сборника.

«Жестокий талант» – название статьи Н.К. Михайловского о Ф.М. Достоевском. «Человек из подполья»,

Фома Опискин, Петр Верховенский, Свидригайлов – персонажи произведений Ф.М. Достоевского: «Записки из подполья», «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Преступление и наказание».

Ещё о «карамазовщине»

Впервые напечатано в газете «Русское слово», 1913, номер 248 от 27 октября, с подзаголовком «Открытое письмо».

Статья М. Горького «Ещё о «карамазовщине», по выражению В.И. Ленина, – «ответ на «вой» за Достоевского» (В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.35, стр.89). Статьи и письма литераторов, выступавших в защиту инсценировок произведений Ф.Достоевского, были опубликованы в продажной буржуазной газете «Биржевые ведомости» (1913, номера 13792 и 13793 от 8 и 9 октября, вечерний выпуск).

Ответ М. Горького в том виде, в каком он был напечатан в «Русском слове», завершился абзацем, содержащим ошибочные положения «богостроительского» характера. Суждения М. Горького о богоискательстве и богостроительстве и некоторые другие положения его статьи вызвали отрицательную оценку В.И.Ленина (см. примечания к повести «Исповедь» в томе 8 настоящего издания). В 1917 году, перепечатывая статью «Ещё о «карамазовщине»» в книге «Статьи 1905–1916 гг.», М. Горький исключил отмеченный выше абзац.

Статья «Ещё о «карамазовщине»» включалась в первое и второе издания сборника М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника.

мальчик Красавин... – имеется в виду Коля Красоткин, один из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

...анкету «Вестника воспитания»... – имеется в виду статья «О школьной молодёжи (по данным одной анкеты)», помещённая в журнале «Вестник воспитания», 1913, номера 5 и 6, август–сентябрь.

Несвоевременное

Впервые напечатано в журнале «Красный архив», 1931, том 2, по тексту гранок, сохранившихся в делах Петроградского комитета во делах печати. Статья написана в 1914 году и должна была появиться в газете «День», 1914, номер 331 от 5 декабря, но была запрещена цензурой.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Красный архив», сверенному с указанными гранками статьи.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ta

Предисловие [к книге Ивана Морозова «Разрыв–трава»]
Впервые напечатано в книге И. Морозова «Разрыв–трава», [1914].

В заключение предисловия М. Горький приводит строфы из стихотворения И. Морозова, помещённого в книге на стр.72.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанной книги И. Морозова, сверенному с авторизованной машинописной копией (Архив А.М. Горького).

Предисловие [к «Сборнику пролетарских писателей»]
Впервые напечатано в первом «Сборнике пролетарских писателей», издательство «Прибой», Петербург, 1914.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанного сборника.

Государства западной Европы перед войной (типовая программа)
Впервые напечатано после смерти автора в журнале «Октябрь», 1941, номер 6, июнь.

Написано, по-видимому, в 1915 году.

Данный набросок является типовым планом брошюр, которые, по замыслу М. Горького, должны были выйти в издательстве «Парус» в годы империалистической войны.

Печатается по тексту машинописи (Архив А.М. Горького).

Предисловие [к книге «Интересные незнакомцы»]
Впервые напечатано в книге «Интересные незнакомцы (Дети и война)», Гослитиздат, М. 1919.

Предисловие написано в ноябре 1915 года и предназначалось для книги, которую предполагало выпустить издательство «Парус»; это издание не состоялось.

Из сохранившейся переписки между составителем книги С.А. Левитиным и М. Горьким, относящейся к февралю 1916 года, выясняется, что издание книги было приостановлено М. Горьким вследствие принципиальных разногласий с её составителем.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту книги «Интересные незнакомцы», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Привет крестьянству
Впервые напечатано в газете «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов», 1917, номер 1 от 9 мая.

В данном приветствии, как и в статье [«О русском искусстве»], М. Горьким допущены ошибки в оценке февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Критику ошибочного взгляда М. Горького см.: В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.23, стр.324–325; см. также статью «В.И. Ленин» в т. 17 настоящего издания.

В авторизованные сборники приветствие не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия».

[О русском искусстве]
Впервые напечатано в журнале «Путь освобождения», 1917, номер 1 от 15 июля.

Статья написана 26 июня 1917 года, о чём свидетельствует авторская пометка под статьёй.

В настоящей статье, как и в статьях «Обращение к народу и трудовой

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma интеллигенции», «Н.С. Лесков», содержатся ошибочные суждения о русском народе и его историческом прошлом. Эти суждения, противоречащие собственным высказываниям М. Горького на эту тему и духу всего его художественного творчества, явились отголоском неправильной политической позиции, занятой писателем в 1917 году (см. В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 23, стр. 324–325; И.В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 383–386). В 1931 году в статье «Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов», осуждая ложные оценки русского народа, М. Горький подверг критике и свои ошибочные суждения по этому вопросу: «Автор вот этих строк, возмущённый терпением крестьянства и его забитостью, временами теряя понимание смысла истории, тоже думал о своём народе не очень ласково».

Но «ударил час», история скомандовала «вперёд», и люди, возмущавшие своим позорно пассивным отношением к жизни, превратились в самую активную силу мира трудящихся» (см. том 26 настоящего издания).

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Путь освобождения».

[Обращение к народу и трудовой интеллигенции]

Впервые напечатано в газетах «Петроградская правда», 1918, номер 262 от 30 ноября, и «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», 1918, номер 263 от 1 декабря.

Обращение было зачитано М. Горьким 29 ноября 1918 года на митинге, состоявшемся под его председательством в Петрограде. Митинг был посвящён теме «Англия и Россия».

В авторизованные сборники обращение не включалось.

Печатается по тексту газеты «Петроградская правда»

...недавний оппонент правительства... – М. Горький имеет в виду свою ошибочную позицию в отношении Октябрьской революции, которую он занимал в 1917 – начале 1918 года (см. примечание к статье «О русском искусстве», а также очерк «В.И. Ленин» в томе 17 настоящего издания).

[Докладная записка об издании русской художественной литературы]

Впервые напечатано в журнале «Красный архив», 1936, том 5.

Записка написана 19 декабря 1918 года, о чём свидетельствует авторская пометка в рукописи.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту журнала «Красный архив», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Советская Россия и народы мира

Впервые напечатано в журнале «Коммунистический Интернационал», 1919, номер 1 от 1 мая, со следующим предисловием от редакции: «Под таким заглавием издательство Петроградского Совета выпускает брошюру о международном митинге, состоявшемся 19 декабря 1918 года в Петрограде. Митинг этот был одним из звеньев в создании новой «международности». Вместо отчёта о митинге, первый номер «Коммунистического Интернационала» приводит целиком предисловие к брошюре, написанное председателем митинга Максимом Горьким».

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Коммунистический Интернационал».

Предисловие [к книге А. Барбюса «В огне»]

Впервые под заглавием «Замечательная книга («В огне» Анри Барбюса)» напечатано в журнале «Коммунистический Интернационал», 1919, номер 3 от 1 июля. Этот же текст печатался как предисловие к книге А. Барбюса в издании Петроградского Совета, 1919, и в других изданиях этой книги, а также как предисловие к первому тому собрания сочинений А. Барбюса, Госиздат, М.–Л. 1929. В исправленном и дополненном виде (11 сентября 1935 года М. Горький написал новый, заключительный

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький (gorkiyma раздел предисловия) напечатано в книге А. Барбюса «В огне», издание «Academia», М. 1935.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанной книги А. Барбюса, М. 1935, сверенному с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького).

За работу!

Впервые напечатано в газете «Петроградская правда», 1920, номер 31 от 11 февраля.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Петроградская правда».

[О в.и. Ленине]

Впервые напечатано в сборнике «50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина», М. 1920.

Речь была произнесена М. Горьким 23 апреля 1920 года на собрании в Московском Комитете РКП(б) по поводу 50-летия со дня рождения В.И.Ленина.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту сборника «50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

Борьба с неграмотностью

Речь, произнесённая на заседании Петроградского Совета 30 апреля 1920 года.

Впервые полностью напечатано отдельной брошюрой под названием «Борьба с неграмотностью», ГИЗ, Петроград, 1920.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту брошюры.

Путь к счастью

Впервые напечатано в газете «Правда», 1920, номер 93 от 1 мая, и в журнале «Коммунистический Интернационал», 1920, номер 10 от 11 мая.

Статья написана в связи с решением IX съезда РКП(б) о проведении 1 мая 1920 года Всероссийского субботника.

В авторизованные сборники статья не включалась. Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с текстом журнала «Коммунистический Интернационал».

[Речь на митинге мобилизованных на польский фронт]

Впервые напечатано в газете «Петроградская правда», 1920, номер 96 от 5 мая.

Речь была произнесена М. Горьким 3 мая 1920 года в Петрограде.

В тот же день М. Горький послал мобилизованным на Польский фронт следующее приветствие:

«Весь мир видит и знает, что не мы затеяли эту войну. Я горячий противник войны, этого отвратительнейшего явления в мире, но если меня хватают за горло, я буду защищаться до последней капли крови.

Удар за ударом сыплются на ваши головы за то, что вы пытаетесь построить новую жизнь.

Вас ненавидят не за ошибки и не за жестокости, а за то, что вы разрушили ржавые цепи государственности. В то время когда трудящиеся Советской России только что хотели взяться за мирный труд, – новый враг оказался перед ними и стремится наносить удар за ударом.

Но это не должно устрашать нас.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua

В день пролетарского праздника 1 Мая вы показали, к чему приводит дружный товарищеский труд, и этот пример говорит лучше всяких слов о том, что общими усилиями враг будет побеждён.

Ведь, может, этот удар со стороны Польши есть последнее препятствие на пути к свободному устройению жизни на новых коммунистических началах, – жизни, которой все позавидуют и постараются подражать. В это я верю. Привет вам, товарищи!»

(«Красная газета», 1920, номер 96 от 5 мая).

В авторизованные сборники речь не включалась.

Печатается по тексту газеты «Петроградская правда».

Первое мая

Впервые напечатано в газете «Петроградская правда», 1920, номер 96 от 5 мая.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Петроградская правда».

И, если наши новые враги... – речь идёт о начавшемся в апреле 1920 года наступлении войск панской Польши на молодую Советскую республику.

О Василии Слепцове

Впервые напечатано без заглавия в виде предисловия к книге В. Слепцова «Трудное время», издание 3. Гржебина, 1922. В этом издании статья была напечатана с большими искажениями. На некоторые из них указал сам М. Горький в письме в редакцию сборников «Литературное наследство» от 30 марта 1932 года: «После первого абзаца, – сообщал М. Горький, – были приведены образцы приёмов Слепцова, которыми он пользовался для изображения пейзажа и жанра. Для пейзажа было взято несколько строк начала повести «Трудное время», а для жанра – сцена съезда мировых посредников из той же повести». Далее М. Горький указывает, что неизвестный редактор из издательства 3. Гржебина исказил своей «правкой» смысл четвёртого абзаца («После, – в 80-х, в 1905–6 гг...» и т. д.). «Речь шла не только о наших днях, а главным образом об «эпохе великих реформ», – указывал М. Горький. Редактор вычеркнул цитату из «Губернских очерков», выдержку из «Нравов Растеряевой улицы» и ссылку на провинциальные корреспонденции «Искры» Курочкиных, извратив мысли М. Горького. Вычеркнутым оказалось и то место, где М. Горький сравнивал Слепцова, как наблюдателя, с известным собирателем фольклорных материалов Якушкиным.

Указывая, что Якушкин брал материал фольклора не «от помещичьих хором» (материал, цензурованный помещиком, искажённый), М. Горький писал: «Якушкин «черпал» его непосредственно «из уст народа», на сельских ярмарках, на базарах. Н.Е. Каронин-Петропавловский говорил Короленко и мне, что у Слепцова были «толстые тетради» записей его бесед с сектантами, анекдотов, песен, рассказов о полах» (сб. «Литературное наследство», М. 1932, номер 3, стр.147).

В 1932 году М. Горький внёс в статью некоторые поправки, но не смог восстановить её полностью, так как не имел под руками рукописи, которая пропала. В том же году статья с небольшими поправками под заглавием «О Василии Слепцове» была напечатана в сборнике «Литературное наследство», 1932, номер 3, в виде вступительной статьи к «Сценам в полиции».

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту сборника «Литературное наследство».

В это время Слепцов заговорил... – имеется в виду книга «Письма об Осташкове»

...Левитовым и Вороновым в их славной книжке «Жизнь московских закоулков»... – имеется в виду книга «Московские норы и труппы. Собрали М.А. Воронов и А.И. Левитов», тт. I и II, издание Н.Г. Овсянникова, СПб. 1866

...кроме рассказа о нём Панаевой-Головачевой... – Имеются в виду «Воспоминания» Авдотьи Панаевой-Головачевой, впервые напечатанные в январе–ноябре 1889 года в

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiұta журнале «Исторический вестник» и затем выходившие несколько раз отдельными изданиями.

[Предисловие к книге Фенимора Купера «Следопыт»]

Впервые напечатано в книге Фенимора Купера «Следопыт», издание 3. Гржебина, 1923.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту названной выше книги, сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Н.С. Лесков

Впервые напечатано в виде вступительной статьи к изданию «Н.С. Лесков. Избранные сочинения в трёх томах», т. I, издание 3. Гржебина, 1923.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается с небольшим сокращением по тексту первого тома названного издания

...Писарев спрашивал в своей статье... – в статье «Прогулка по садам российской словесности»

...«без страха и сомненья на подвиг доблестный»... – из стихотворения А.Н. Плещеева «Вперёд! без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!».

Семён Подъячев

Впервые напечатано (в другом варианте) в виде редакционного предисловия в книге С. Подъячева «Жизнь мужицкая», издание 3. Гржебина, 1923.

Статья неоднократно перерабатывалась автором. В Архиве А.М. Горького хранится вариант статьи, по-видимому, наиболее ранний. Рукопись предположительно может быть датирована 1922 годом. Текст первой публикации отличается от рукописного варианта, помимо многочисленных небольших изменений, тем, что в него включена полностью и почти без изменений статья М. Горького «Две культуры», напечатанная в журнале «Коммунистический Интернационал», 1919, номер 2 от 1 июня (статья не обнаружена – Ред.).

В дальнейшем предисловие подвергалось новой переработке, причём текст статьи «Две культуры» был исключён, кроме двух абзацев, сохранившихся в новом тексте. Эта редакция была опубликована за авторской подписью в виде предисловия к первому тому полного собрания сочинений С.Подъячева, изд.5-е, «Зиф», М.-Л. 1927. Под статьёй пометка М. Горького: «Неаполь (Италия)».

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту предисловия к пятому изданию собрания сочинений С. Подъячева

...очерки «Мытарства (в работном доме)» – имеются в виду «Мытарства (Очерки Московского работного дома)», напечатанные в номерах 8 и 9 журнала «Русское богатство» за 1902 год

...«Нравы московских закоулков» Воронова и Левитова... – см. примечание к статье «О Василии Слепцове» в настоящем томе.

Предисловие [к книге Л.-П. Локнера «Генри Форд и его «Корабль мира»]

Впервые (в переводе на немецкий язык) напечатано в книге Л.-П. Локнера «Die staatsmannischen Experimente des Autokenigs Henri Ford»; Мюнхен, 1923; на русском языке – в той же книге, вышедшей под названием «Генри Форд и его «Корабль мира», издательство «Время», Л. 1925.

Судя по письмам Л.-П. Локнера, предисловие написано М. Горьким не позднее 1922 года (Архив А.М. Горького).

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по русскому тексту книги Л.-П. Локнера.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

«Корабль мира» – в начале империалистической войны 1914–1918 годов американский автомобильный «король» Генри Форд отправился на специальном корабле из Америки в Европу якобы для того, чтобы «помирить» воюющие страны. Выяснив положение в Европе, Форд сбросил с себя маску миротворца и, вернувшись в США, расширил производство средств уничтожения людей.

Об Анатоле Франсе

Напечатано в журнале «Красная новь», 1927, номер 5, май.

Статья написана в связи со смертью А.Франса. На русском языке отрывок из неё впервые был опубликован в «Красной газете», 1925, номер 98 от 26 апреля (вечерний выпуск).

Выдающийся прогрессивный писатель Франции Анатоль Франс (1844–1924) привлекал к себе внимание М. Горького на протяжении многих лет. В 1906 году М. Горький послал ему письмо-обращение (см. том 23 настоящего издания).

Имя Анатоля Франса часто встречается в статьях и письмах М. Горького, главным образом двадцатых–тридцатых годов. М. Горький говорит об остром уме А.Франса, об изумительной тонкости его пера; он высоко ценит критику капиталистической Франции, развёрнутую в произведениях Франса, называет его «Современную историю» самой сильной и безжалостной книгой XX века (Архив А.М. Горького). В статье 1929 года «Молодая литература и её задачи» М. Горький писал: «Анатоль Франс не оставил ни одной из основных идей буржуазного государства, не показав, как противоречив, лицемерен и бесчеловечен их смысл...» (см. том 25 настоящего издания). В статье «Цели нашего журнала» (1930) М. Горький включил Франса – наряду со Свифтом, Рабле, Вольтером, Байроном, Теккереем, Гейне, Верхарном – в группу западных писателей, которые были «безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса» (см. том 25 настоящего издания).

Наряду с этим М. Горький отмечает и отрицательные черты в творчестве А.Франса. Наиболее суровая оценка дана в черновом варианте статьи «Разрушение личности» (1908), где М. Горький назвал Франса «холодным и безжизненным красавцем» (см. примечание к статье в настоящем томе). М. Горький критиковал «элегантный» скептицизм и эпикурейство Франса (Архив А.М. Горького).

Отношение М. Горького к Франсу изменялось на протяжении десятилетий в сторону всё более высокой оценки его творчества.

В авторизованные сборники статья «Об Анатоле Франсе» не включалась.

Печатается по тексту журнала «Красная новь», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

«Мыслью, значит – существую» – положение французского философа Р.Декарта.

Рабле, устами «оракула бутылки», дал людям совет... – имеется в виду эпизод из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя эпохи Возрождения Ф. Рабле

...о «закате Европы»... – подразумевается книга немецкого реакционного философа-публициста О. Шпенглера «Закат Европы».

Его отношение к печальному «делу Дрейфуса»... – см. примечание к статье «Поль Верлен и декаденты» в томе 23 настоящего издания

...Поля Маргерита... – надо: Виктора Маргерита.

В маленькой заметке «О скептицизме»... – см. А.Франс «Книги и люди», М.-П. 1923.

В рецензии на книгу Гюи де-Мопассана... – имеется в виду статья А. Франса «Гюи де-Мопассан», см. в упомянутом выше сборнике «Книги и люди».

В рецензии на книгу господина Бурдо... – имеется в виду статья А.Франса «Les torts de l'histoire» о книге L.Bourdeau «L'histoire et les historiens», Paris, 1888. Статья Франса была опубликована в газете «Temps», 1888, 13 мая. В переводе на русский язык опубликована под заглавием «Грехи истории» в сборнике статей

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
А.Франса «Книги и люди», М.–П. 1923

...о чём рассуждал аббат Куаньяр, о чём говорили у «Королевы Педок»... – имеются в виду произведения А.Франса: «Харчевня королевы Педок» (более поздние переводы заглавия: «Харчевня королевы Гусиные Лапки» или «Харчевня королевы Гуселапы») и «Суждения господина Жерома Куаньяра».

[Предисловие к изданию сочинений А.С. Пушкина на английском языке]
Впервые напечатано (не полностью), после смерти автора, в газете «Правда», 1938, номер 165 от 17 июня, под заглавием «Горький о Пушкине», с подзаголовком «Неопубликованная статья А.М. Горького» и с примечанием: «Печатаемая ниже статья о Пушкине написана А.М. Горьким в 1925 году в Сорренто (Италия) для американского издательства и предназначалась им как предисловие к однотомнику прозы Пушкина в переводе на английский язык. Рукопись статьи о Пушкине находится в Архиве А.М. Горького».

Статья, по-видимому, не была закончена автором. После публикуемого текста в рукописи (с новой страницы) другими чернилами написано:

«Жизнь Пушкина почти так же сказочно разнообразна, как его творчество.

Он потомок африканца Ганнибала, одного из близких людей царя Петра Великого...»

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

Уточнены названия некоторых произведений.

«Страдания Вертера» – роман немецкого писателя В. Гёте «Страдания молодого Вертера».

«История Манон Леско» – роман французского писателя А. Прево «История кавалера де-Грие и Манон Леско».

«Кларисса Гарлоу» – роман английского писателя С.Ричардсона «Кларисса или история юной леди».

О Ромэне Роллане

Впервые напечатано (в переводе на французский язык) в журнале «Еигоре», Париж, 1926, номер 38 от 15 февраля; на русском языке – в журнале «Красная новь», 1927, номер 6, июнь.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «Красная новь», сверенному с машинописью ранней редакции и секретарской копией окончательной редакции, на которой имеется пометка: «Оригинал у Kopiger» (Архив А.М. Горького).

Рабкорам «Правды»

Впервые напечатано в ряде центральных и республиканских газет и перепечатано в книге М. Горького «Рабселькорам (Письма)», издание газеты «Правда», М. 1928.

Датируется на основании авторской пометки под письмом: «17.VI-26 г.».

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту сборника «Рабселькорам (Письма)».

О М.М. Пришвине

Впервые напечатано в журнале «Красная новь», 1926, номер 12, декабрь; с небольшими изменениями помещено в виде предисловия к первому тому собрания сочинений М. Пришвина, Гиз. М.–Л. 1927.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту предисловия к собранию сочинений М. Пришвина, сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

Маркони – итальянский инженер; воспользовавшись сообщениями об изобретении А.С. Поповым радио, приписал приоритет этого открытия себе и на некоторое время ввёл в заблуждение общественное мнение.

Заметки читателя

Впервые напечатано в альманахе «Круг», 1927, книга 6.

В рукописи статья имела название «О человеке и литературе», а затем – «О человеке».

М. Горький писал А.Н. Тихонову 10 марта 1927 года, что подобные «Заметки» могли бы подготавливаться им четыре или шесть раз в год.

Статья включалась в собрания сочинений М. Горького, в издании «Книга» (1923–1927), Государственного издательства (1924–1929) и другие.

Печатается по тексту книги М. Горького «Воспоминания. Рассказы. Заметки», издание «Книга», 1927, сверенному с рукописями (Архив А.М. Горького)

...двух женщин-астрономов, Богуславскую и Ушакову... – см. «Русский астрономический календарь», издание Нижегородского кружка любителей физики и астрономии, год издания тридцатый, Н. Новгород, 1927, стр.117.

«Книга мудрости» оказалась сборником грузинских сказок...» – «Книга мудрости и лжи» (грузинские басни и сказки XVII–XVIII стол.) Саввы-Сулхана Орбелиани, СПб. 1878. Последнее советское издание – под заглавием «О мудрости вымысла», Гослитиздат, М. 1951.

Десять лет

Первая часть статьи (до слов: «Они поймут, что надобно им делать») впервые, под заглавием «Десять лет», была напечатана в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1927, номер 244 от 23 октября, а также (в переводе) в английской газете «Манчестер Гардиан». Вторая часть, под заглавием «Мой привет», в газете «Правда», 1927, номер 255 от 6–7 ноября. Обе части были объединены в одну статью и напечатаны под заглавием «Десять лет» в сборнике М. Горького «Публицистические статьи», издания первое и второе.

Статья «Десять лет» открывает первое издание этого сборника. Книге предпослано следующее предисловие автора: «В этой книге собрана часть статей, написанных мною за три года. Если меня упрекнут в том, что в статьях часто повторяются одни и те же мысли – это будет справедливый упрек. Но если автор предвидел, что упрек возможен и справедлив, – почему же автор не переделал статей, не устранил из них повторов? Я не делал этого потому, что мне хочется, чтоб товарищи читатели видели, как –сообразно повышению их настроения – повышалось и настроение писателя, как одни и те же мысли принимали всё более определённую форму. Мне думается, что это поучительно не только для читателей, но и для некоторых молодых литераторов». Предисловие датировано автором: «15-IV-31 г.».

Статья «Десять лет» печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания книги «Публицистические статьи», сверенному с рукописями и машинописями (Архив А.М. Горького).

«Чем ночь темней – тем звёзды ярче...» – изменённая строка из цикла стихотворений А.Н. Майкова «Из Аполлодора Гностика» (см. Полное собрание сочинений А.Н. Майкова, т. I, СПб. 1893, стр. 584).

О новом и старом

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1927, номер 250 от 30 октября.

Датируется на основании авторской пометки под статьёй: «18 октября 1927 года».

Статья включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги, сверенному с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiuata Горького).

[Письмо рабкору Сапелову]

Впервые напечатано в «Рабочей газете», 1927, номер 283 от 11 декабря, и в «Красной газете», 1927, номер 333 от 11 декабря (вечерний выпуск). Перепечатано в книге М. Горького «Рабселькорам (Письма)», издание газеты «Правда», М. 1928.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту «Рабочей газеты».

Анонимам и псевдонимам

Впервые напечатано в «Красной газете», 1927, номер 346 от 24 декабря (вечерний выпуск), и в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1927, номер 296 от 25 декабря.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги, сверенному с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького).

[Рабселькорам]

Впервые напечатано в «Рабочей газете», 1928, номер 7 от 8 января. Перепечатано в книге М. Горького «Рабселькорам (Письма)», издание газеты «Правда», М. 1928.

Датируется на основании авторской пометки под письмом: «Сорренто, 30 декабря 1927 г.».

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту «Рабочей газеты», сверенному с машинописью (Архив А.М. Горького).

[Протест против суда над И. Бехером]

Впервые под заглавием «Максим Горький в защиту Бехера» напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 17 от 20 января.

Под статьёй имеется авторская пометка: «Сорренто. 1 января».

Поводом для написания статьи послужило предъявление немецкому революционному писателю И. Бехеру обвинения в государственной измене в связи с выходом его книги «Люизит» (точное название: «(СНС]–СН)3 As» – химическая формула люизита) – о будущей газовой войне. Действительной причиной обвинений Бехера были его симпатии к Советскому Союзу.

Протест М. Горького был направлен в Лейпцигский имперский суд, где должно было разбираться дело Бехера (см. «Вестник иностранной литературы», 1928, номер 5). В январе 1928 года обращение М. Горького было прочитано в Берлине на собрании немецких писателей левого направления, посвящённом защите Бехера.

Суд над Бехером не состоялся, дело его было прекращено.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту газеты «Известия».

Рецензия

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 23 от 27 января, и в журнале «Сибирские огни», 1928, номер 1, январь–февраль.

Под статьёй имеется авторская пометка: «Италия. Sorrento. 10.1.28».

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту газеты «Известия».

[Ещё рабселькорам]

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua
Напечатано в «Рабочей газете» 15 марта 1928 года, а также в ряде центральных и
областных газет. Перепечатано в книге М. Горького «Рабселькорам (письма)»,
издание газеты «Правда», М. 1923.

Под письмом имеется авторская пометка: «8 марта 1928 года».

В авторизованные сборники письмо не включалось.

Печатается по тексту «Рабочей газеты».

О пользе грамотности

Впервые напечатано в газете «Читатель и писатель», 1928, номер 11 от 17 марта,
позднее – в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 92 от 20 апреля. Вошло в
книгу М. Горького «Статьи о литературе и литературной технике», Л.–М. 1931.

Статья включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания сборника «О литературе», сверенному с
авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького) и печатными текстами.

«Кипит, цветёт отчизна...» – из стихотворения И. Уткина «Слово Есенину»,
посвящённого памяти Сергея Есенина.

Редактор... учит писателя, воспитывает его... – М. Горький имеет в виду деятельность
М.Е. Салтыкова-Щедрина в качестве редактора «Отечественных записок» и В.Г.
Короленко как редактора беллетристического отдела журнала «Русское богатство».
То же относится к деятельности В. Острогорского – редактора журнала «Детское
чтение», А.Богдановича – одного из редакторов журнала «Мир божий» и В.
Миролюбова – издателя «Журнала для всех».

[Тульским рабселькорам]

Впервые напечатано в тульской газете «Коммунар», 1928, номер 75 от 28 марта.
Перепечатано в газете «Беднота», 1928, номер 2975 от 30 марта. Подпись: А.
Пешков (Максим Горький).

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Беднота».

Ещё о грамотности

Впервые под названием «О грамотности» напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и
ВЦИК», 1928, номер 93 от 21 апреля, и одновременно в газете «Читатель и
писатель», 1928, номер 16 от 21 апреля. Вошло в книгу М. Горького «Статьи о
литературе и литературной технике», Л.–М. 1931.

Статья окончена М. Горьким 29 марта 1928 года в Сорренто, о чём свидетельствует
авторская пометка под статьёй.

Статья включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания сборника «О литературе», сверенному с
рукописью, авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького) и печатными
текстами.

О пролетарском писателе

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»,
1928, номер 93 от 21 апреля.

В Архиве А.М. Горького имеется рукопись и машинопись, с правкой автора,
датированная им: «30.III.28». В печатных публикациях статья, по-видимому,
ошибочно датирована 20 марта 1928 года.

Статья является ответом на письмо литкружковцев покровской профтехнической школы
от 13 марта 1928 года. В своём письме литкружковцы писали, что творчество М.
Горького «есть творчество пролетарской идеологии», что он является «настоящим
революционером», и у них вызывает недоумение попытка некоторых критиков оценить
М. Горького как «попутчика пролетарской литературы».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma
М. Горький подчеркнул красным карандашом следующие слова в письме: «...по каким именно признакам нужно определять действительного пролетписателя». Письмо М. Горького, его слова о «совести и хитрости» вызвали вопросы у литкружковцев, и они снова обратились к нему с просьбой разъяснить им, что он понимает под «совестью». Ответ М. Горького от 20 ноября 1928 года опубликован в газете «Поволжская правда», 1928, 8 февраля, под заглавием «Что такое совесть?» В ответе говорится:

«Отвечаю на ваше письмо; раньше ответить не мог.

На мой взгляд, в слове «совесть» весть – производное от старославянского глагола «ведать», знать. Понятие со-весть образовалось, наверное, по тому же закону, который действовал при образовании понятия со-житие, со-единение, со-гласие. Таким образом, первоначально понятие совесть обозначалось совместно всем родом выработанное, принятое и утверждённое как правда знание – ведение о чём-либо социально полезном, что скрепляло взаимоотношения рода. Отсюда, мне кажется, совершенно ясно значение совести как правила поведения, установленного согласно и совместно коллективом, всеми членами рода для каждого из них. Род, наслаиваясь на род, образовал более широкий коллектив – народ, а, вместе с этим, понятие «совесть» расширилось, углубилось до понятия «народной совести». Но, как вы знаете, народ не есть нечто целостное, равноправное, он ещё в глубокой древности разъединился на жрецов, воинов, торговцев, рабов, и у каждого из этих экономически разобщённых коллективов должна была выработаться своя совесть, цель которой ясна: укрепление и защита прав каждого из коллективов.

В законодательстве салических франков и в «Русской правде» наказания за убийство человека различны, глядя по тому, кто убит: свободорождённый или раб. Разумеется, за убийство раба наказывали гораздо легче, за убийство свободорождённого – суровее. И чем более широко развивалось классовое общество, основанное на частной собственности и борьбе за власть, тем более мелко дробилась «народная совесть», тем больше являлось различных групповых правд, «моральных традиций». Над всеми разнообразными групповых совестей возвышался бог в лице его представителей на земле – жрецов, пап, епископов. Они не только не протестовали против власти меньшинства над большинством, но сами лично были рабовладельцами. Автор «Катехизиса», митрополит Филарет, защищал крепостное право. В творениях церковников и философов-идеалистов вы найдёте неисчерпаемое количество примеров именно хитрости, с которой люди эти оправдывают угнетение человека человеком, войны и всяческую мерзость современной вам жизни, которая ведёт людей к вырождению, культуру – к гибели.

Ваш пример Бориса Годунова, так же как пример леди Макбет, Раскольникова и многие другие, – всё это – превосходно, с точки зрения искусства, художественной правды и необходимости напомнить человеку, что он – не зверь, он не должен убивать ради укрепления своей власти, ради удовлетворения зоологического эгоизма. Шекспир жил в эпоху церковной инквизиции и ужасающих религиозных войн, при Шекспире герцог Альба сжёг на кострах свыше 30 тысяч фламандцев. Пушкин жил в годы покорения Кавказа, Достоевский не поднимал голоса против русско-турецкой войны. Мы только что пережили четыре года самой отвратительной и преступной бойни, и, кажется, мы накануне другой, ещё более гнусной, разорительной и кровавой, которую затевает группа международных хищников ради укрепления своей власти...»

В авторизованные сборники статья «О пролетарском писателе» не включалась.

Печатается по тексту «Правды», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...проект всеобщего разоружения, предложенный Союзом Советов, отвергнут... – в 1927 году на подготовительной комиссии к конференции по разоружению в Женеве Советским правительством был предложен проект всеобщего, полного и немедленного разоружения. Правительства Европы отклонили предложение СССР; последующее предложение Советского правительства – принять решение о частичном (до 50%) всеобщем разоружении – было также отвергнуто.

О белоэмигрантской литературе
Впервые напечатано в газете «Правда», 1928, номер 108 от 11 мая.

Статья датирована автором: «5.IV.28».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ta

Включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

В настоящей статье содержится неверная характеристика русского крестьянства, исправленная М. Горьким позднее в целом ряде произведений (см. «Письмо селькору-колхознику», «Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов», «История деревни»; см. также в томе 17 настоящего издания «Рассказы о героях»).

«Осваг» – «Осведомительное агентство» – контрреволюционная белогвардейская разведка.

Никодим – в евангелии – тайный ученик Христа

...рыцарь из Ламанча – Дон-Кихот

..Ромэн Роллан сказал.. – в статье «Великий кормчий» (1924); см. журнал «Интернациональная литература», 1939, номер 1, январь, стр. 15.- 347.

О музыке толстых

Впервые напечатано в газете «Правда», 1928, номер 90 от 18 апреля.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

..сказал Шиллер – в стихотворении «Мировая мудрость» (Ф.Шиллер, Собрание сочинений в 8 томах, М.-Л. 1937, т.1, стр.126–128).

[Письмо курским красноармейцам]

Напечатано в газете «Вечерняя Москва», 1928, номер 124 от 30 мая.

Написано 20 апреля 1928 года в Сорренто, о чём свидетельствует авторская пометка на письме.

В авторизованные сборники письмо не включалось.

Печатается по тексту газеты «Вечерняя Москва», сверенному с авторизованной машинописью письма (Архив А.М. Горького).

О возвеличенных и «начинающих»

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 101 от 1 мая.

С исправлениями автора вошло в книгу М. Горького «Статьи о литературе и литературной технике», Л.-М. 1931.

Статья включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника.

Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня... – 28 марта 1928 года М. Горькому исполнилось 60 лет

..о чём – в скором времени – и расскажу молодёжи. – М. Горький имеет в виду свою статью «О том, как я учился писать» в настоящем томе.

«Мы не отрицаем наследства...» – имеется в виду взгляд В.И. Ленина на культурное наследство, высказанный им в статье «От какого наследства мы отказываемся?» (см. В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.2, стр.459–501), а также в ряде статей, речей и бесед – после Великой Октябрьской социалистической революции.

«И когда мне говорят...» – из стихотворения В. Маяковского «Тёплое слово кое-каким порокам (почти гимн)». Стихотворение было написано в 1915 году и представляло

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiuta
собой сатирическое разоблачение лицемерных буржуазных проповедей о необходимости трудиться.

[Обращение к немецким писателям]

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 129 от 6 июня, под заглавием «Обращение М. Горького к немецким писателям», с примечанием редакции: «В «Берлинер Тагеблатт» от 25 мая напечатано следующее обращение Алексея Максимовича Горького к немецким писателям во время его проезда через Германию в СССР». М. Горький приехал из Италии в СССР 28 мая 1928 года.

В авторизованные сборники обращение не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

[Речь на заседании пленума Московского Совета]

Впервые напечатана в газете «Правда», 1928, номер 126 от 1 июня.

Речь была произнесена М. Горьким 31 мая 1928 года на заседании в Большом театре, открывшемся докладом А.В. Луначарского.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту правленной автором стенограммы (Архив А.М. Горького). В ломаные скобки заключены слова, зачёркнутые в стенограмме М. Горьким и ничем не заменённые; в прямые скобки заключены слова, введённые в текст редакцией

...показывает на товарища Рыбакову... – см. примечание к циклу «По Союзу Советов» в томе 17 настоящего издания

...я сегодня был в гостях у Владимира Ильича Ленина... – Утром 31 мая 1928 года М. Горький с сыном посетил мавзолей В.И. Ленина. Писатель пробыл в мавзолее около получаса.

я там жил... – В 1921 году по настоянию В.И. Ленина М. Горький выехал для лечения (туберкулёз лёгких) за границу. 28 мая 1928 года он впервые прибыл в СССР.

Письмо в редакцию газеты «Рабочая Москва»

Впервые напечатано в газете «Рабочая Москва», 1928, номер 136 от 14 июня.

Датировано автором: «10.VI.28».

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

Ответное слово [на торжественном заседании ЦБК]

Впервые напечатано в книге «Заседание Центрального бюро краеведения с участием М. Горького», издание ЦБК, М. 1928.

Произнесено 12 июня 1928 года.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанной книги, сверенному с гранками статьи, правленными автором (Архив А.М. Горького)

...таким Диогеном... – Диоген – греческий философ (ок. 404–323 до н. э.); здесь в смысле: искатель истины, правды.

О займе индустриализации

Первая часть статьи (кончая словами: ...«воля и труд – всё перетрут») впервые напечатана одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 139 от 17 июня. Вторая часть статьи напечатана под заглавием «Каждый час, каждый день труда – наш выигрыш в борьбе против старого мира» в газете «Правда», 1929, номер 178 от 6 августа. Обе части были объединены в одну статью и

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma напечатаны под заглавием «О займе индустриализации» в первом и втором изданиях книги М. Горького «Публицистические статьи».

В 1929 году на запрос одной из ленинградских газет об отношении М. Горького к займам индустриализации писатель ответил: «Когда рабочий подписывается на заём индустриализации – он даёт деньги на укрепление и развитие своего хозяйства, – вот что надо понять ему» (газета «Ленинградская правда», 1928, номер 203 от 1 сентября).

Статья «О займе индустриализации» печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги, сверенному с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького).

На социалистическое соревнование, введённое нами в работу... – М. Горький имеет в виду обращение XVI партконференции (апрель 1929) ко всем трудящимся СССР о развёртывании социалистического соревнования (см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 283–284)

...враги ответили нам разбойничьим налётом на Дальнем Востоке. – Имеется в виду спровоцированный империалистами летом 1929 года вооружённый конфликт Китая с СССР, во время которого войска китайских милитаристов захватили принадлежавшую СССР Китайско-восточную железную дорогу (КВЖД) и напали на советские границы. Перешедшие в наступление части Советских Вооружённых сил успешно отбили нападение и восстановили нормальное положение.

О Елене Новиковой
Впервые напечатано в газете «Вечерняя Москва», 1928, номер 162 от 14 июля.

Написано не позже июня 1928 года: в письме от 26 июня 1928 года М. Горький писал Е.М. Новиковой-Вашенцевой: «Книжки Ваши я прочитал и написал про Вас маленькую статейку...» (см. в статье Е.М. Новиковой-Вашенцевой «Родной и близкий (О М. Горьком)» – «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1938, номер 73 от 28 марта).

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту газеты «Вечерняя Москва», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького). Новикова-Вашенцева

Елена Михайловна – автор ряда рассказов и автобиографической повести «Маринкина жизнь», «Зиф», 1930. М. Горький оказывал поддержку Е.М. Новиковой-Вашенцевой в её творческой работе: исправлял её рукописи, давал ей указания, написал предисловие к её повести «Маринкина жизнь», в которой видел человеческий документ большой важности.

О наших достижениях
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 151 от 1 июля.

В статье «О наших достижениях», как и в некоторых других речах и статьях настоящего тома («[Речь на заседании пленума Московского Совета]», «Рабкорам депо имени Ильича» и др.), М. Горький не совсем правильно оценивает значение самокритики в развитии социалистического общества. 17 января 1930 года И.В. Сталин, отвечая на вопросы М. Горького, писал ему: «1) Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без неё неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса. Конечно, самокритика даёт материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же даёт материал (и толчок) для нашего продвижения вперёд, для развязывания строительной энергии трудящихся, для развития соревнования, для ударных бригад и т. п. Отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной».

Возможно, что наша печать слишком выпячивает наши недостатки, а иногда даже (невольнo) афиширует их. Это возможно и даже вероятно. И это, конечно, плохо. Вы требуете, поэтому, уравновесить (я бы сказал – перекрыть) наши недостатки нашими достижениями. И в этом Вы, конечно, правы. Мы этот пробел заполним обязательно и безотлагательно. Можете в этом не сомневаться» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 173–174). В авторизованные сборники статья не включалась. Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ta

«Наши достижения» – журнал, издававшийся под редакцией М. Горького с января 1929 по 1936 год. С 1930 года выходил ежемесячно.

[Рабочим Баку]

Впервые напечатано в газете «Бакинский рабочий», 1928, номер 181 от 22 июля.

Датируется на основании авторской пометки в рукописи: «21.VII.28. Баку».

В авторизованные сборники приветствие не включалось. Печатается по тексту газеты «Бакинский рабочий», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

[Речь на торжественном заседании пленума Бакинского Совета]

Впервые напечатана в газете «Бакинский рабочий», 1928, номер 182 от 23 июля, и в ряде республиканских, областных и местных газет.

Произнесена 21 июля 1928 года.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту газеты «Бакинский рабочий».

[Речь на торжественном заседании пленума Тбилисского Совета]

Впервые с сокращениями напечатана в газете «Заря Востока», 1928, номер 174 от 29 июля, полностью по стенограмме – в газете «Заря Востока», 1937, номер 99 от 30 апреля–1 мая.

Произнесена 27 июля 1928 года.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту стенограммы (Архив А.М. Горького).

В отступление от текста стенограммы, редакция дала вторую часть второго абзаца по тексту печатной публикации.

[Речь на митинге у сормовичей]

Впервые напечатана в газете «Красный сормович», 1928, номер 17 от 12 августа, и в газете «Нижегородская коммуна», 1928, номер 189 от 16 августа.

Произнесена на летучем митинге рабочих завода «Красное Сормово» 8 августа 1928 года.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту газеты «Красный сормович», сверенному со стенограммой, правленной автором (Архив А.М. Горького).

[Ответное слово на митинге у сормовичей]

Впервые напечатано в газете «Красный сормович», 1928, номер 17 от 12 августа, и в газете «Нижегородская коммуна», 1928, номер 189 от 16 августа.

Произнесено на летучем митинге рабочих завода «Красное Сормово» 8 августа 1928 года.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Красный сормович», сверенному со стенограммой, правленной автором (Архив А.М. Горького).

[Ответ редактору французского журнала «Европа»]

Впервые напечатано (в переводе на французский язык) в журнале «Еurore», Париж, 1928, номер 68 от 15 августа; на русском языке – в «Красной газете», 1928, номер 245 от 5 сентября (вечерний выпуск).

Статья является ответом М. Горького на запрос редактора прогрессивного французского журнала «Еurore» в связи с опубликованной в одной из реакционных французских газет статьёй белоэмигранта А.Я. Левинсона.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyua

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту «Красной газеты».

О культуре

Впервые напечатано в газете «Культурный поход» (однодневная газета ЦК ВЛКСМ, Главполитпросвета, общества «Долой неграмотность». М. 1928, сентябрь–октябрь). В примечании от редакции сообщалось: «Статья тов. А.М. Горького написана специально для газеты «Культурный поход».

Статья датирована автором: «10 сентября 1928».

Включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи»; для второго издания книги текст статьи был переработан автором.

Печатается по тексту, подготовленному М. Горьким для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

О журнале «Наши достижения»

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 216 от 16 сентября. В том же году статья в переработанном виде вошла в книгу: «Наши достижения». Проспект, Государственное издательство, 1928.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту названного выше проспекта, сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

О начинающих писателях

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 216 от 16 сентября.

Статья включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по авторизованному тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописями (Архив А.М. Горького), с учётом поправки, сделанной автором в «Известиях», 1928, номер 218 от 19 сентября.

В одной статье я спросил... – имеется в виду статья М. Горького «Письма друзьям», напечатанная в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 152 от 3 июля.

Литературное творчество народов СССР

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 218 от 19 сентября.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописями и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького).

Рабкорам депо имени Ильича

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 224 от 26 сентября.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия»

...«дело освобождения рабочих – есть дело самих рабочих» – изменённая цитата из написанного К. Марксом «Общего устава международного товарищества рабочих». У Маркса: «...освобождение рабочего класса должно быть завоёвано самим рабочим классом...» (см. К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, 1940, стр.684).

«Механическим гражданам» СССР

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 234 от 7 октября.

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiu.ru
Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги, сверенному с рукописями (Архив А.М. Горького).

За четыре месяца, прожитых мною в Союзе Советов... – М. Горький приехал в СССР 28 мая 1928 года, уехал 10 октября 1928 года

...заявление старика «нечаевца»... – Речь идёт о «нечаевце» А.И. Орлове, с которым М. Горький встретился в апреле 1889 года. См. очерк «Время Короленко» в томе 15 настоящего издания

...в 97 году, в Метехском замке... – В мае 1898 года М. Горький был арестован за связь в 1891–1892 гг. с членами социал-демократического кружка Тифлиса и заключён в Метехский замок в Тифлисе. «За недостаточностью улик» 28 мая того же года он был освобождён из тюрьмы и отдан под особый надзор полиции по месту жительства

...в сборнике «Вехи»... – «Вехи» – кадетский сборник статей о русской интеллигенции, вышел в Москве весной 1909 года. Сборник состоял из статей Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, М. Гершензона и других представителей контрреволюционной либеральной буржуазии. В.И. Ленин разоблачил этот сборник в статье «О «Вехах», назвав его «энциклопедией либерального ренегатства» (В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 16, стр. 107).

О Красной Армии

Впервые напечатано под заглавием «Об армии, рождённой Октябрем» в газете «Правда», 1928, номер 260 от 7 ноября.

Статья написана М. Горьким 23 октября 1928 года, о чём свидетельствует авторская пометка под статьёй.

Включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького)

...Советская власть предложила два плана... – см. примечание к статье «О пролетарском писателе» в настоящем томе.

Ещё о механических гражданах

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 275 от 27 ноября.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги, сверенному с рукописями (Архив А.М. Горького).

Письмо селькорам

Впервые напечатано отдельной брошюрой, Государственное издательство, М.-Л. 1928.

Статья является ответом М. Горького на письма, полученные редакцией «Крестьянской газеты» в связи с приездом писателя в СССР.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту названной выше брошюры.

О том, как я учился писать

Впервые напечатано отдельной брошюрой под названием «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать», Государственное издательство, М. 1928. Отрывок из статьи опубликован 30 сентября 1928 года в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiyma

К работе над статьёй М. Горький приступил, по-видимому, весной 1928 года. 18 апреля 1928 года он писал ученикам школы г. Месягутово (Башкирская АССР), что к нему почти ежедневно обращаются с вопросом о том, как он учился писать, и что, не имея возможности ответить каждому корреспонденту, он решил написать об этом книжку (Архив А.М. Горького). Отрывки из статьи М. Горький читал в Москве летом 1928 года писателям. О своей работе над статьёй он упоминает неоднократно в письмах от августа–сентября 1928 года.

Осенью того же года М. Горький сообщил ряду своих корреспондентов о скором выходе этой книги из печати.

В сентябре 1928 года он писал рабкорам–корейцам: «Статья, интересующая вас, исправляется мною и скоро будет издана отдельной брошюрой. Я её пришлю вам» (газета «Красное знамя», Владивосток, 1928, номер 226 от 28 сентября).

В первом отдельном издании статья «О том, как я учился писать» заканчивалась обращением к читателям: «В этой книжке, наверное, есть немало спорного и много недоговорённого, но на неё надобно смотреть не как на «поучение», а как на рассказ.

Будет хорошо, если молодые читатели напишут мне о том, что для них не ясно, и о том, что находят они неправильным. Отвечать на каждое письмо я не имею времени, но отвечу статьёй. Так организуется между нами правильная переписка.

Очень советовал бы товарищам читать Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» и Плеханова «Очерки монистического мирозерцания...» (М. Горький имеет в виду книгу Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»).

Статья включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе» под заглавием «О том, как я учился писать».

Печатается по тексту второго издания сборника «О литературе», сверенному с авторской рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького)

...Стриндберг... в своём романе «Капитан Коль»... – имеется в виду новелла шведского писателя А. Стриндберга «Угрызения совести» (см. А. Стриндберг, Полное собрание сочинений, т. VI, М. 1910).

«Легенда о горящем сердце» – имеется в виду легенда о Данко в рассказе «Старуха Изергиль».

Разуваев и Колупаев – персонажи произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо», «За рубежом», «Письма к тётеньке» и др

...чужеземец–болгарин... – имеется в виду Инсаров, герой романа И.С. Тургенева «Накануне»

...по поводу статьи «Круговорот жизни»... – речь идёт о статье А.Блументаля «Исторический круговорот», напечатанной в журнале «Слово», 1881, номер 1, январь

...«чтобы словам было тесно, мыслям – просторно»... – из стихотворения Н.А. Некрасова «Форма».

«Нет на свете мук сильнее муки слова...» – из стихотворения С.Я. Надсона «Милый друг, я знаю, – я глубоко знаю...».

«Холоден и жалок нищий наш язык...» – из того же стихотворения С.Я. Надсона.

О разных разностях
Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, номер 301 от 29 декабря.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия», сверенному с рукописями (Архив А.М. Горького)

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiuta

...в моей статье об эмиграции... – имеется в виду статья «О белоэмигрантской литературе»

...Ромэн Роллан сказал... – см. примечание к статье «О белоэмигрантской литературе» в настоящем томе

...вы – антониевка или евлогианка? – имеются в виду сторонники митрополита Антония Волынского и епископа Евлогия – монархистов, черносотенцев, бежавших за границу.

Примечания

1

Эпиграмма А.С. Пушкину не принадлежит. Ранее приписывалась А.С. Пушкину, была включена в сборник, изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861, по которому цитировал М. Горький – прим. ред.

2

Принадлежность эпиграммы А.С. Пушкину не доказана. – ред.

3

Эпиграмма А.С. Пушкину не принадлежит. Ранее приписывалась А.С. Пушкину, была включена в сборник, изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861, по которому цитировал М. Горький – прим. ред.

4

Hamlet. – прим. А.С. Пушкина

5

из статьи С. Левитина «Дети и война», журнал «Русская школа», 1915, стр.90 – Прим. ред.

6

это делегатки, работающие в делегатских собраниях – прим. М.Г.

7

Хотя это звучит как покаяние, но в этой форме автор, должно быть, выражает гордость своей независимостью – прим. М.Г.

8

Луначарскому – прим. ред

9

кстати: прошу работников почтамта принять искреннюю мою благодарность за их крайне внимательное отношение к моей обильной корреспонденции – прим. М.Г.

10

недавно кто-то подсчитал, что на убийство каждого солдата империалистическая война тратила до пяти тонн металла! Вдумайтесь в этот факт, он отлично рисует «мудрость» капиталистического хозяйствования – прим. М.Г.

11

Мы имеем право назвать это творчество «народным», потому что оно возникало, наверное, в цехах ремесленников для представления на сцене во дни цеховых праздников. (Прим. автора.)

12

Очень хорошо сделанный Слепцовым в повести «Трудное время» тип

ие сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. Максим Горький gorkiuta
интеллекта-разночинца. (Прим. автора.)

13

подчёркнуто М. Горьким. – Ред.

14 то есть из издательства «Знание». – Ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiuta.m.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!